Ковалевский,
Очерки по истор.
политич. учрежд.
России.

Максимъ Ковалевскій.

Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи.

Переводъ, съ разрѣшенія автора, **А. Баумштейна**,
подъ редакціей **Е. Смирнова.**

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-Петербургъ.

Максимъ Ковалевскій.

Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи.

Переводъ съ разрѣшенія автора, **А. Бауштейна,**
подъ редакціей **Е. Смирнова.**

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-Петербургъ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій пр. 126 (уг. Суворовскаго пр.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько времени тому назадъ, случайно со мною встрѣтившись, профессоръ Брайсъ, авторъ „Американской демократіи“, выразилъ свое удивленіе по поводу отсутствія книгъ по исторіи о современномъ положеніи русскихъ политическихъ учрежденій. Правда, у англичанъ имѣется превосходный трудъ Меккензи Уоллеса, богатый свѣдѣніями, лично собранными авторомъ во время долгаго пребыванія въ Россіи, а у французовъ—глубоко и хорошо написанное произведеніе А. Леруа-Болье—„Имперія царей“ («L'empire des Czars»). Но ни одинъ изъ этихъ авторовъ не счелъ нужнымъ спеціально остановиться на вопросѣ эволюціи политическаго режима въ Россіи. И я вынужденъ былъ присоединиться къ удивленію профессора Брайса и даже принять его замѣчаніе, какъ косвенное приглашеніе заполнить этотъ пробѣлъ въ источникахъ, для ознакомленія европейцевъ съ даннымъ вопросомъ, составленіемъ краткаго очерка развитія русскихъ учрежденій.

На русскомъ языкѣ есть нѣсколько прекрасныхъ сочиненій по этому предмету; но даже лучшія изъ нихъ — профессоровъ Градовскаго и Коркунова—слишкомъ объемисты для перевода на иностранные языки и, если-бы они даже были переведены, слишкомъ спеціальны, чтобы быть понятными неподготовленнымъ читателямъ. Помимо того, эти работы не захватываютъ всего поля изслѣдованія въ области происхожденія русскихъ учрежденій. И хотя авторы трудовъ по исторіи русскаго права и излагали послѣдній вопросъ во многихъ глубокихъ и ученыхъ монографіяхъ, но они слишкомъ спеціально трактовали его, чтобы ихъ труды могли быть доступными иностранному читателю. Предшествуемые авто-

рами по общей исторіи, трактовавшими прошлое Россіи, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Иловайскій, Ключевскій, Милюковъ, русскіе юристы, занявшіеся изученіемъ нашего правового развитія, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря работамъ такихъ лицъ, какъ профессоръ Сергѣевичъ, Владимирскій-Будаковъ и Дитятинъ—не говоря о болѣе старыхъ писателяхъ, какъ Бѣляевъ, Чичеринъ и Дмитріевъ—создали литературу, могущую выдержать сравненіе съ французской или англійской, въ которыхъ изслѣдованія этого рода велись особенно энергично въ теченіе послѣдней четверти XIX вѣка. Такимъ образомъ, читатель можетъ видѣть, что препятствіемъ къ написанію книги для общаго ознакомленія иностранцевъ является отнюдь не отсутствіе матеріаловъ о политическомъ строѣ Россіи въ прошломъ и настоящемъ, а скорѣе трудность резюмировать огромнѣйшую массу фактовъ такъ, чтобы дать общую картину внутренняго развитія Россіи, начавшагося тысячу лѣтъ назадъ и лишь въ наши дни достигшаго поворотнаго пункта. Моя цѣль состоитъ, слѣдовательно, не столько въ томъ, чтобы представить читателю техническія подробности, сколько въ томъ, чтобы дать ему возможность прійти къ опредѣленному заключенію о развитіи нашихъ политическихъ учрежденій.

Тѣмъ, кто прочтетъ предлагаемую книгу, надѣюсь, не трудно будетъ замѣтить слѣдующій фактъ: изъ восточной деспотіи Россія, благодаря реформамъ Петра Великаго, Екатерины и двухъ первыхъ Александровъ, становится все болѣе и болѣе европейскимъ государствомъ. И на пути къ этому она сперва перенимаетъ учрежденія Швеціи, Германіи, Франціи и Англіи. Но эта перестройка русскаго политическаго строя по иностраннымъ образцамъ нисколько не помѣшала сохраненію самобытныхъ русскихъ обычаевъ и институтовъ; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западѣ и привитые къ русскому стволу, подверглись сильному воздѣйствію природы послѣдняго. Неудивительно, поэтому, если Россія усваивала одну лишь форму, а не духъ тѣхъ учрежденій, которыя она копировала. Не этимъ ли подражаніемъ одной лишь формѣ нужно объяснить тотъ фактъ, что примѣненіе европейскихъ учрежденій не привело въ Россіи къ уничтоженію остатковъ неограниченной, деспотической власти, общей всѣмъ восточнымъ монархіямъ? Ибо власть эта въ Россіи измѣнила лишь свою внѣшность.

Къ единой головѣ монарха прибавилось сто рукъ бюрократіи, власть которой централизована въ единой главѣ,— бюрократіи, подобной той, которая была язвой европейскаго континента въ XVII и XVIII вѣкахъ, — такова современная форма русскаго правительства. Вотъ почему я и полагаю, что поворотнымъ пунктомъ во внутреннемъ развитіи Россіи являются тѣ ограниченія, которымъ бюрократія вынуждена была подчиниться, когда Александръ II создалъ наше мѣстное самоуправленіе. Естественно послѣдовавшая затѣмъ реакція имѣла, разумѣется, одну цѣль: сохранить господство бюрократіи и предохранить Россію отъ новаго преобразованія, на этотъ разъ уже центральныхъ учрежденій, на той же основѣ самоуправленія. И я не сомнѣваюсь, что трудности, которыя предстоитъ Россіи преодолѣть и которыя проистекаютъ изъ ея внутренняго состоянія въ настоящее время, имѣютъ своей единственной причиной перерывъ въ уже начатой эволюціи по пути къ конституціонной монархіи. Потеряетъ отъ этого, разумѣется, одна лишь бюрократія. Этимъ и объясняется ея враждебное отношеніе къ такъ называемымъ „европейскимъ идеямъ" и ея тенденція къ сохраненію старыхъ русскихъ началъ, являющихся, однако, какъ читатель сможетъ въ томъ изъ дальнѣйшаго изложенія убѣдиться, не столько русскими, сколько византійскими, старо-французскими и старо-шведскими.

ГЛАВА I.

Какъ Россія сложилась.

Въ учебникахъ по исторіи среднихъ вѣковъ, излагающихъ въ нѣсколькихъ словахъ трудныя проблемы происхожденія русскаго народа и государства, мы находимъ обыкновенно слѣдующій разсказъ:

„Во времена Геродота Россію населяли скиѳы и сарматы; отъ первыхъ произошли русскіе, а отъ вторыхъ—поляки“.

Подобное утвержденіе очень смѣло и находится въ полномъ противорѣчіи съ новѣйшими археологическими изысканіями. Спросимъ же себя, каковы главные источники, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія о народѣ, нѣкогда населявшемъ Россію.

Путешественнику, ѣдущему съ западнаго побережья Каспійскаго моря и пересѣкающему сѣверную часть Кавказа и южно-русскія степи, непремѣнно бросится въ глаза огромное количество земляныхъ насыпей, извѣстныхъ подъ именемъ кургановъ. Они составляютъ наиболѣе драгоцѣнное сокровище русской археологіи, и, по всей вѣроятности, въ близкомъ будущемъ, именно здѣсь будетъ найденъ ключъ къ разрѣшенію многихъ загадокъ въ чрезвычайно сложномъ вопросѣ о томъ, какими путями арійскіе и не-арійскіе народы проникли въ Западную Европу. Эти курганы содержатъ вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленные слѣды похоронныхъ обрядовъ, принимавшихъ форму либо сожженія, либо погребенія, а также старинное оружіе изъ камня или иногда изъ желѣза, домашнюю утварь для ежедневнаго употребленія, украшенія и монеты. Эти послѣдніе предметы позволяютъ уже съ нѣкоторой достовѣрностью опредѣлить если не національность тѣхъ, кто воздвигъ курганы, то, по крайней мѣрѣ, эпоху, когда они были воздвигнуты. И по этимъ курганамъ, покрывающимъ поверхность Россіи отъ морей Каспійскаго и Чернаго до Москвы и Смоленска, изслѣдователи

заключаютъ о быломъ пребываніи различныхъ племенъ, нѣкогда населявшихъ нашу страну. Но хотя эти археологическія изысканія и велись за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ съ большой энергіей и были изданы такія сочиненія, какъ сочиненіе графа Уварова, о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, и профессора Богданова о строеніи черепа первыхъ жителей московскаго округа, тѣмъ не менѣе трудъ, необходимый для точнаго установленія расовой принадлежности населенія Россіи въ отдаленные вѣка, не выполненъ даже на половину.

Свѣдѣнія, получаемыя путемъ археологическихъ изысканій, восходятъ къ той эпохѣ, когда мамонтъ жилъ въ малороссійскихъ степяхъ. Многочисленные остатки, въ родѣ полпыхъ костяковъ или частей скелета, носящихъ въ глазахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей безспорные слѣды первобытнаго человѣческаго искусства, были недавно открыты подъ одной изъ кіевскихъ улицъ.

Кромѣ кургановъ, этихъ варварскихъ могилъ, Россія обладаетъ еще однимъ источникомъ для изслѣдованія культуры населявшихъ ее первобытныхъ племенъ, источникомъ, на который, сколько намъ извѣстно, впервые указалъ профессоръ Московскаго университета Миллеръ. Это—отдѣльныя слова и цѣлыя фразы, чрезвычайно похожія на тѣ, которыя еще и въ наше время употребляются у осетинъ, народа арійскаго происхожденія, живущаго въ сѣверной части Кавказа,—слова и фразы, найденныя на греческихъ надписяхъ, оставшихся отъ многочисленныхъ колоній, которыя, какъ, напримѣръ, Ольвія, были основаны на берегахъ Чернаго или Азовскаго морей за много вѣковъ до Рождества Христова. Непонятныя для тѣхъ, кто впервые ихъ обнародовалъ, они получили живой смыслъ съ того дня, какъ Миллеръ попытался объяснить ихъ путемъ сличенія со словами осетинскаго языка. Тотъ же языкъ далъ ему ключъ къ толкованію многихъ топографическихъ именъ, какъ, напримѣръ, названія рѣки Дона, Танаиса древнихъ: Донъ на новоосетинскомъ языкѣ означаетъ воду. Если, вооружившись археологическими открытіями и изученіемъ греческихъ надписей и топографическихъ названій, мы провѣримъ болѣе или менѣе легендарныя и скудныя этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ и позднѣйшими лѣтописцами, какъ греческими и римскими, такъ и арабскими, византійскими и германскими, то мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ:

За много вѣковъ до образованія въ 862 году русскихъ княжествъ огромная и почти безпрерывно отъ Уральскаго

хребта до Карпатскихъ горъ простирающаяся равнина была населена кочевыми племенами. Часть изъ нихъ, какъ мадьяры и авары, слѣды которыхъ еще и въ настоящее время находятъ на сѣверѣ и востокѣ Кавказа, пришли изъ Азіи и окончательно основались на среднемъ теченіи Дуная и на Балканскомъ полуостровѣ. Другіе, какъ болгары, послѣ долгаго пребыванія на берегахъ Волги, вынуждены были, подъ напоромъ новыхъ завоевателей, хазаръ, переселиться на мѣста, занимаемыя ими нынѣ, у береговъ Чернаго моря, оставивъ на западномъ Кавказѣ вѣтвь, еще извѣстную подъ именемъ балхари. Изъ племенъ, пришедшихъ изъ Азіи, осетины—арійской культуры,—что доказывается ихъ языкомъ и грамматикой,—основались къ югу отъ Дона на обширной территоріи, которая въ позднѣйшую эпоху была отчасти занята новыми завоевателями—татарами и кабардинцами. Осетины создали соціально-правовую организацію—подробно нами описанную [1]), которая признается изучающими исторію древней Греціи за лучшій образецъ жизни во времена Гомера и первыхъ дорійскихъ завоевателей Пелопонеза. Весьма вѣроятно, что осетины не были единственнымъ народомъ арійскаго происхожденія, поселившимся на югѣ Россіи. Тотъ фактъ, что греческія надписи содержатъ слова одного корня съ осетинскими, но въ настоящее время сильно отъ нихъ отличающіяся, заставляетъ насъ думать, что сарматы, упоминаемые Геродотомъ, который отмѣтилъ ихъ отличіе отъ болѣе дикихъ скиѳовъ, именно и были этимъ ядромъ осѣдлыхъ арійскихъ племени. Если гипотеза долгаго пребыванія арійцевъ въ южной Россіи послѣ ихъ переселенія изъ Азіи удержитъ свою позицію среди соперничающихъ съ нею гипотезъ, то описанные намъ осетинскіе обычаи пріобрѣтутъ для изучающихъ древнюю арійскую исторію значеніе единственнаго пережитка быта, чрезвычайно похожаго на тотъ, описаніе котораго находятъ въ старыхъ индусскихъ сводахъ, въ Иліадѣ и Одиссеѣ, въ легендахъ кельтовъ и въ законахъ брегоновъ древней Ирландіи.

Переселеніе въ Россію арійскихъ и не-арійскихъ народовъ заставило финскія племена, нѣкогда ее населявшія, отодвинуться далѣе на сѣверъ. Уже въ тѣ времена, когда впервые было составлено или заимствовано—вѣроятно, изъ византійскаго источника—введеніе къ русскимъ лѣтописямъ, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, финскія

---

[1]) М. Ковалевскій. Осетинское обычное право въ сравнительно-историческомъ освѣщеніи.

племена, отмѣченныя готскимъ историкомъ Іорнандомъ, какъ подвластныя Германрику и его товарищамъ по оружію, жили на берегахъ Оки и ея притоковъ и по сѣверному теченію Волги. Сказанія корельцевъ, собраніе которыхъ образовало своего рода эпическую поэму—Калевала, содержатъ не мало указаній на пребываніе сложившихъ ихъ племенъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ южнѣе ихъ теперешняго мѣста поселенія. Финскія племена, въ свою очередь, оттѣснили на крайній сѣверъ лопарей и самоѣдовъ, которыхъ многіе этнографы считаютъ почти единственными въ настоящее время потомками древнѣйшихъ обитателей сѣверной Россіи и которые хранятъ еще воспоминанія о былой жизни въ болѣе умѣренномъ климатѣ.

Что касается до славянъ, составляющихъ ядро народонаселенія Россіи, то они были уже извѣстны Іорнанду подъ именемъ антовъ и венедовъ. Въ настоящее время обыкновенно признаютъ, что они переселились въ Россію съ Карпатскихъ горъ. Византійскіе лѣтописцы VI и начала VII в.в., говоря о славянахъ, которыхъ они называли склабои— названіе, появляющееся съ конца V столѣтія, — различаютъ среди нихъ двѣ вѣтви: антовъ, жившихъ отъ Дуная до устьевъ Днѣпра, и собственно славянъ, жившихъ на сѣверо-востокъ отъ Дуная вплоть до верховьевъ Вислы и праваго берега Днѣстра. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство византійскихъ лѣтописей совпадаетъ съ указаніями готскаго историка, Іорнанда. Нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ, между прочимъ и профессоръ Ключевскій, предполагаютъ, что, до поселенія своего на Дунаѣ, славяне жили вблизи Карпатъ, откуда,, пытаясь переправиться черезъ Дунай, они вторглись въ предѣлы византійской имперіи. Начавшись въ III вѣкѣ, эти захваты закончились тѣмъ, что славяне проникли въ южную Австрію и на Балканскій полуостровъ. Однако, по свидѣтельству нашихъ древнѣйшихъ лѣтописей, нѣкоторыя изъ племенъ, населяющихъ въ настоящее время Кроацію, даже въ X вѣкѣ находились еще на склонахъ Карпатъ. Арабская лѣтопись первой половины IX столѣтія, а именно, лѣтопись Масуди, говоря о восточныхъ славянахъ, называетъ ихъ Valinana — терминъ, тожественный съ русскимъ словомъ волыняне, то есть жители Волыни, мѣстности, расположенной на южномъ склонѣ Карпатъ. По свидѣтельству Масуди, эти волыняне главенствовали надъ всѣми другими славянскими племенами; но возникшіе между ними споры нарушили ихъ единство и раскололи ихъ на отдѣльныя племена—каждое съ собственнымъ начальникомъ во главѣ. Неудивительно, поэтому, что при такихъ условіяхъ они стали

вскорѣ добычею аваровъ. Въ старѣйшей русской лѣтописи, сообщающей дальнѣйшія подробности объ обращеніи побѣдителей съ покоренными славянами (авары извѣстны автору подъ именемъ обры) отмѣченъ тотъ же самый фактъ. Вмѣсто быковъ, обры запрягали въ телѣги славянскихъ женщинъ. Сообщая про это, лѣтописецъ говоритъ о дулѣбахъ, какъ о народѣ угнетенномъ, и, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ заключенію, что уже въ VI вѣкѣ, когда произошло это нашествіе аваровъ, славяне, жившіе въ Волыни, вблизи Карпатъ, были извѣстны подъ именемъ дулѣбовъ. И именно изъ этой мѣстности они переселились на востокъ, въ Польшу и Россію [1]. Византійскіе лѣтописцы VI и VII вв., Прокофій и императоръ Маврикій, которому лично пришлось сражаться со славянами, говорятъ о нихъ, какъ о постоянно кочующемъ народѣ: „Они живутъ въ лѣсахъ и по берегамъ рѣкъ небольшими селеніями; они всегда готовы перемѣнить мѣсто жительства". Въ то же время эти лѣтописцы упоминаютъ о нихъ, какъ о народѣ, питающемъ чрезвычайную любовь къ свободѣ.

„Съ древнѣйшихъ временъ", — говоритъ Прокофій, — „славяне всегда жили демократическими обществами: свои нужды они обсуждали на народныхъ собраніяхъ" (глава XIV, Gothica). „Славяне любятъ свободу",—пишетъ императоръ Маврикій,—„они не выносятъ надъ собою неограниченной власти, и подчинить ихъ не легко" (Strategicum, глава XI). Такъ же отзывается о нихъ и императоръ Левъ. „Славяне,—говоритъ онъ,—народъ свободный и чрезвычайно враждебный всякому подчиненію" (Tactica sen de re militari, глава XVIII). Если византійскіе историки не говорятъ больше о вторженіи славянъ въ предѣлы имперіи во второй половинѣ VII столѣтія, то объясняется это тѣмъ, что эмиграція ихъ получила тогда другое направленіе: отъ Карпатъ она потянулись къ Вислѣ и Днѣпру. Такимъ-то образомъ въ Мекленбургѣ, Люнебургѣ и Гольштейнѣ, между Лабой и Одеромъ и Одеромъ и Вислой поселились славянскія племена оботритовъ, венедовъ или лютичей и поморянъ. Они быстро, въ теченіе XIII и XIV вв., онѣмечились и почти окончательно исчезли въ XV вѣкѣ, оставивъ по себѣ кое-какіе слѣды въ Люнебургѣ и Помераніи, гдѣ ихъ еще отличаютъ подъ именемъ вендовъ или гловинцевъ.

Польскіе и русскіе славяне были извѣстны подъ разнообразными прозвищами, какъ это явствуетъ изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Но прежде, чѣмъ сослаться на ея сви-

---

[1]) Ср. Ключевскій. Лекціи по русской исторіи

дѣтельство, полезно будетъ обратить вниманіе на то, что иныя изъ именъ, употребляемыхъ нами для обозначенія различныхъ вѣтвей одного того же славянскаго народа, имѣютъ происхожденіе родовое; таковы оканчивающіяся на *ичъ*, суффиксъ, употребляемый и теперь для обозначенія прямого нисходящаго родства въ первой степени. Но большая часть именъ, даваемыхъ лѣтописью, опредѣляютъ лишь характеръ мѣстности, занятой даннымъ народомъ,—поле ли это или лѣсъ, географическое положеніе — напримѣръ, сѣверъ (сѣверяне). Отсюда и трудность опредѣлить, въ какой мѣрѣ то или иное племя можетъ считаться родоначальникомъ нынѣшняго славянскаго народа. Напримѣръ, мы еще не въ состояніи сказать, происходятъ ли поляки отъ полянъ—отъ слова *поле*, — какъ полагаютъ нѣкоторые славянскіе писатели (между прочимъ, Первольфъ), или же отъ леховъ — имя, встрѣчающееся у начальнаго лѣтописца, когда онъ говоритъ объ одномъ изъ послѣднихъ переселеніи восточныхъ славянъ, переселеній двухъ племенъ — радимичей и вятичей. По преданію, сообщаемому лѣтописцемъ, они являются потомками двухъ братьевъ, жившихъ среди леховъ. Не найдя свободной земли на западномъ берегу Днѣпра, эти племена вынуждены были перейти рѣку и поселиться,—радимичи—на берегахъ одного изъ восточныхъ притоковъ Днѣпра, рѣки Сожи, а вятичи—къ востоку отъ радимичей у верховьевъ рѣки Оки. То обстоятельство, что эти племена, явившіяся, такъ сказать, послѣдними славянскими эмигрантами, пришли изъ страны леховъ, кажется профессору Ключевскому подтвержденіемъ теоріи, по которой славяне переселились въ Россію съ подножья Карпатъ. Страна, лежавшая у подошвы этихъ горъ, какъ мы видѣли—древнее мѣстожительство кроатовъ, считалась, слѣдовательно, въ IX вѣкѣ, въ эпоху, къ которой относиться приводимая лѣтопись, страною леховъ или поляковъ. Кромѣ этихъ позднѣйшихъ эмигрантовъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ указываетъ намъ по другую сторону Днѣпра на полянъ и сѣверянъ, то-есть на жителей полей и жителей сѣвера. Страна первыхъ можетъ быть отожествлена съ Кіевской, а вторыхъ — съ Черниговской губерніей. Еще сѣвернѣе—у источниковъ Днѣпра, Западной Двины и Волги—мы находимъ въ это время кривичей, одна вѣтвь которыхъ—полочане—поселилась на берегахъ Двины. Ближе къ западу, между рѣками Двиною и Припетью, жили племена, извѣстныя подъ именемъ дреговичей. По южнымъ притокамъ той же Припети, въ обширныхъ лѣсахъ разсѣяны были древляне. Еще далѣе на западъ, по берегамъ Западнаго Буга,

обитали волосняне и дулѣбы, а самая сѣверная вѣтвь славянъ занимала берега озера Ильменя и впадающей въ него рѣки Волхова. Лѣтописецъ называетъ ее новгородскими славянами.

Этотъ бѣглый обзоръ славянъ, населявшихъ Россію въ IX вѣкѣ, въ эпоху основанія первыхъ княжествъ, интересенъ для насъ постольку, поскольку показываетъ, что Днѣпръ, со всѣми его многочисленными притоками справа и слѣва, составлялъ на огромномъ протяженіи восточную границу славянскихъ поселеній.

Предѣлъ этотъ былъ нарушенъ лишь вятичами, которые раскинулись на сѣверо-востокъ до верховьевъ Оки. На сѣверѣ славяне достигали обширной Валдайской возвышенности, откуда берутъ начало величайшія русскія рѣки, и южной части Великой Озерной Области, а именно озера Ильменя. Остальная часть обширной территоріи, простирающейся отъ Днѣпра до Волги, была занята на сѣверѣ полуосѣдлыми финскими племенами, изъ коихъ нѣкоторые уже исчезли: весь — на Бѣломъ Озерѣ, меря—въ области, занятой въ настоящее время Московской, и, отчасти Ярославской губерніями, мещеряки—въ нынѣшней Рязанской губерніи и мордва—племя, занимавшее пространство на востокъ отъ послѣднихъ до Нижняго Новгорода, а въ настоящее время населяющее, кромѣ обоихъ береговъ Волги, часть береговъ Яика. Дальше на востокъ жили народы финскаго племени—черемисы, вотяки и пермяки: первые—между Волгой и Вяткой, остальныя два—по Камѣ. На сѣверѣ, въ губерніи Вологодской и, особенно, въ Мезенскомъ уѣздѣ и губерніи Архангельской, жили зыряне [1]).

Къ востоку отъ названныхъ племенъ жило нѣкогда племя, называвшееся угры; въ настоящее время оно исчезло изъ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ ему не разъ приходилось сталкиваться съ новгородскими славянами, колонизовавшими страну. Часть этого племени переселилась на Уралъ и, по словамъ профессора Анучина, извѣстна теперь подъ именемъ вогуловъ и остяковъ, занимающихъ пространство—по крайней мѣрѣ, послѣдніе—вплоть до Тобольской губерніи и даже до западной части Томской. Рядомъ съ этимъ важно отмѣтить, что многіе финскіе народцы, особенно черемисы и мордва, жили къ западу отъ Волги. Черемисы во внутреннемъ бассейнѣ рѣки Оки, а мордва –въ непосредственномъ сосѣдствѣ со славянами — фактъ, отмѣченный Константи-

[1]) Часть этого племени смѣшалась съ народами туранской расы и извѣстна въ наше время подъ именемъ чувашей.

номъ Багрянороднымъ въ его сочиненіи „Объ управленіи имперіей“; Багрянородный называетъ ихъ Мордія (Mordia), тогда какъ Іорнандъ отмѣчаетъ ихъ въ качествѣ народа, покореннаго готскимъ королемъ Германрикомъ, и называетъ Морданъ (Mordans).

Въ то время, какъ сѣверная часть территоріи, расположенной къ востоку отъ Днѣпра, была занята перечисленными финскими племенами, ея южная часть сдѣлалась добычей завоевателей-кочевниковъ неизвѣстнаго происхожденія. Это были, между прочимъ, печенѣги и половцы; русскимъ княжествамъ приходилось бороться съ ними въ теченіе XI и XII вв., пока на смѣну имъ изъ имперіи Чингисхана не пришли татары. Въ первый разъ татары вторглись въ Россію въ 1224—26 гг.: семнадцать лѣтъ спустя они, подъ предводительствомъ внука Чингисхана, Батыя, завладѣли половецкими и славянскими землями, опустошили Валахію и въ битвѣ подъ Лигницемъ обратили въ бѣгство монарховъ Польши и Германіи. Въ концѣ концовъ, татары осѣлись и подѣлились на орды. Главная изъ нихъ расположилась вдоль одного изъ рукавовъ, образуемыхъ Волгой при впаденіи ея въ Каспійское море. Это военное поселеніе, находившееся недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Царевъ, называлось Сарай.

Мы ушли, говоря о татарахъ, далеко за предѣлы періода первыхъ славянскихъ поселеній въ Россіи; намъ приходится поэтому вернуться назадъ и бѣгло познакомиться съ другими факторами, участвовавшими въ созданіи Россіи.

Чтобы познакомить васъ въ общихъ чертахъ съ происхожденіемъ первыхъ русскихъ княжествъ, достаточно будетъ привести свидѣтельство начальнаго лѣтописца: новгородскіе славяне вмѣстѣ съ кривичами и жившими вблизи озеръ финскими племенами обратились къ нѣкоторымъ иностраннымъ князьямъ съ просьбой притти „володѣть и княжить“ надъ ними. Ближайшей причиной этого акта была невозможность оградить себя отъ набѣговъ и поборовъ различныхъ полукочевыхъ племенъ, одно время сохранявшихъ спокойствіе подъ владычествомъ хазаръ, государство которыхъ, основанное въ VIII вѣкѣ, лежало на берегахъ Волги и Дона. Народъ этотъ, туранскаго происхожденія, сдѣлался къ этому времени осѣдлымъ и торговымъ. Подчинивъ себѣ волжскихъ болгаръ и позволивъ арабскимъ и еврейскимъ купцамъ селиться среди нихъ, хозары основали на нижнемъ теченіи Волги могущественное государство со столицей Итиль. Вскорѣ, подъ вліяніемъ жившихъ среди нихъ евреевъ, они обратились въ іудейство. Когда, въ IX

вѣкѣ, могущество ихъ начало падать, купцы, сплавлявшіе товары по теченіямъ рѣкъ, лишились защиты отъ набѣговъ и грабежей дикихъ племенъ, въ родѣ печенѣговъ [1]). Славянамъ чрезвычайно было трудно отражать набѣги такихъ воинственныхъ кочевниковъ такъ какъ въ это время наши предки жили отдѣльными племенами, не признавая надъ собой другой власти, кромѣ старѣйшинъ. Касаясь ихъ быта, лѣтописецъ говоритъ: „Каждый человѣкъ жилъ со своими родственниками, и эти группы сородичей составляли отдѣльныя поселенія“. Для обозначенія этихъ группъ лѣтописецъ употребляетъ слово *Родъ*. Въ мирное время роды эти обыкновенно собирались для обсужденія общихъ дѣлъ. Говоря о рѣшеніяхъ, принимавшихся сообща, лѣтописецъ употребляетъ выраженіе: „снидошася вкупѣ“. Повидимому, этотъ обычай былъ общъ всѣмъ славянскимъ народамъ, начиная съ балтійскихъ и кончая чехами и поляками. Гельмгольдъ и Дитмаръ говорятъ объ общихъ собраніяхъ всѣхъ славянъ балтійскаго побережья и объ ихъ единогласныхъ рѣшеніяхъ; а латинскіе лѣтописцы употребляютъ выраженія conventus generale, colloquium или generalis curia, опредѣляя, такимъ образомъ, составъ народныхъ собраній въ Богеміи и Польшѣ. У русскихъ славянъ эти народныя собранія были извѣстны подъ именемъ *вѣча*. Вѣча были, какъ это точно установилъ профессоръ Сергѣевичъ, существенной частью политическихъ учрежденій не только въ нашихъ сѣверныхъ народоправствахъ, Новгородѣ и Псковѣ, до самаго конца ихъ существованія, но также во всѣхъ русскихъ княжествахъ, за исключеніемъ одного изъ послѣднихъ по времени основанія—Московскаго.

Къ числу наиболѣе старинныхъ правъ народнаго собранія принадлежало и право выбора главы государства. По свидѣтельству лѣтописца, именно этимъ правомъ воспользовались славяне, отправивъ пословъ къ варягамъ и призвавъ къ себѣ на княженіе Рюрика изъ племени Русь. Лѣтописецъ говоритъ, что къ этому ихъ принудили внутреннія междуусобицы—„возсталъ родъ на родъ“. Изъ какого именно племени пригласили, какъ говоритъ лѣтописецъ, новгородскіе славяне и жившіе по сосѣдству съ ними финны князя для правленія и суда надъ ними?—Вопросъ этотъ, повидимому, разрѣшенъ изысканіями датскаго историка Томсена. Онъ показалъ, что слово *варягъ* есть славяно-русская форма скан-

---

[1]) Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ мы находимъ на этотъ счетъ коекакія свѣдѣнія. Онѣ сообщаютъ, какъ въ 867 г. два военачальника, Аскольдъ и Диръ, дали печенѣгамъ сраженіе вблизи Кіева.

динавскаго слова *Wering* или *Warang*. Разбирая имена первыхъ русскихъ князей варяжскаго происхожденія, мы находимъ, что это имена скандинавскія; такъ Рюрикъ въ скандинавскихъ сагахъ извѣстенъ подъ именемъ Hrôrrek; его братъ Труворъ подъ именемъ Thorvardr; ближайшій родственникъ его, Олегъ. подъ именемъ Helge съ придыханіемъ на первомъ слогѣ; слѣдующій за нимъ русскій князь Игорь называется въ сагахъ Ingvar, а жена его Ольга — Helga варяжскій завоеватель Кіева Аскольдъ слыветъ за Hoskulde; Причина, благодаря которой славяне и финны обратились къ скандинавскимъ князьямъ, а не къ какимъ нибудь другимъ, или вѣрнѣе, по которой они вынуждены были имъ покориться, заключается въ томъ, что еще задолго до того варяги, какъ указываютъ византійскіе и арабскіе лѣтописцы, спускались внизъ по теченію Днѣпра и Волги, желая достичь либо береговъ Чернаго моря и, оттуда, Константинополя, либо Каспійскаго и столицы Хазаръ.

Арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ встрѣтилъ на берегахъ Волги членовъ племени, называвшагося русью, и о людяхъ изъ этого племени онъ отзывается, какъ о полу-купцахъ, полу-воителяхъ. Онъ даетъ намъ чрезвычайно живое описаніе ихъ обычая сжигать мертвецовъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, женами и слугами,—родъ погребенія, чрезвычайно похожій на практиковавшійся у скандинавскихъ народовъ. Ибнъ Фоцланъ встрѣтилъ членовъ племени русь, какъ я сказалъ, на Волгѣ; но древнѣйшія изъ русскихъ лѣтописей и нѣкоторыя западныя говорятъ о военныхъ отрядахъ, которые, находясь на службѣ у такихъ начальниковъ, какъ Аскольдъ, шли за добычей въ Константинополь, и объ одномъ посольствѣ этого племени, прибывшемъ въ Византію и отправленномъ оттуда къ внуку Карла Великаго, Людовику Кроткому. Послѣдній случай относится къ 839 году. Латинскій историкъ прибавляетъ что въ тѣхъ, кто составлялъ посольство, узнали шведовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если книги, основывавшіе въ тѣ времена новыя государства въ Исландіи, Нормандіи и Сициліи, стали также хорошо извѣстны и въ Восточной Европѣ своими экспедиціями полувоеннаго, полу-торговаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ поселились со своими дружинами въ Новгородѣ, тогда какъ другіе основались на Бѣломъ Озерѣ и въ Изборскѣ [1]), а третьи именно, Аскольдъ и Диръ—на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ.

---

[1]) Въ этомъ кроется смыслъ легенды о трехъ братьяхъ: Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, поселившихся со своими дружинами въ указанныхъ выше мѣстахъ.

Послѣдніе вскорѣ были покорены однимъ изъ членовъ Рюрикова рода, Олегомъ, объединившимъ, такимъ образомъ, оба княжества—сѣверное и южное.

Изъ Кіева потомки Рюрика продолжали свои набѣги на Константинополь, которые иногда заканчивались заключеніемъ торговаго договора, вродѣ договоровъ Олега и Игоря. Оба эти договора дошли до насъ въ томъ видѣ, какъ ихъ передаетъ, такъ называемая, лѣтопись Нестора.

Въ наши задачи не входитъ дать хотя бы и краткое описаніе того, какимъ путемъ варяжскія княжества Россіи на время объединились подъ управленіемъ единаго главы, а затѣмъ снова разъединились послѣ смерти Ярослава, сына Владиміра Святого, названнаго такъ за введеніе въ Россіи православія. Достаточно будетъ указать, что, начиная съ XI вѣка, Россія раздѣлилась на множество высшихъ и низшихъ княжествъ, управлявшихся членами одной и той же династіи Рюрика и подчиненныхъ болѣе или менѣе номинально великому князю Кіевскому. Русская удѣльная система приближалась, такимъ образомъ, къ феодальнымъ монархіямъ Западной Европы того же періода. Само собою разумѣется, что подобная система ослабляла силу сопротивленія Россіи чужеземнымъ завоевателемъ и, въ то же время, вела къ непрерывнымъ войнамъ среди мелкихъ князей.

Образъ правленія, установившійся въ этихъ княжествахъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, далеко не былъ самодержавнымъ. Народъ сохранялъ свое старинное право обсуждать на народныхъ собраніяхъ текущія государственныя дѣла. Народныя собранія извѣстны были въ древней Россіи подъ именемъ *вѣча*. Говоря о людяхъ, созывавшихся на эти собранія, лѣтописи коротко отмѣчаютъ присутствіе всѣхъ гражданъ опредѣленнаго городского округа. Неоднократно также встрѣчаются въ разсказѣ выраженія вродѣ слѣдующихъ: „люди нашей земли", „вся земля галичская" и т. п. Отсюда явствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ собраніемъ совершенно демократическимъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что на собранія созывались всѣ жители города. Вѣче было собраніемъ не столько всего народа, сколько главъ семействъ или дворовъ, обозначаемыхъ въ первомъ русскомъ судебникѣ—*Русской Правдѣ* Ярослава—именемъ *верви*.

Довольно часто неизвѣстные авторы русскихъ лѣтописей намекаютъ, повидимому, на то, что участники народнаго собранія принимали извѣстныя обязательства не только на себя, но и за своихъ дѣтей. Напримѣръ, кіевляне, собранные на вѣче, заявляютъ въ 1147 году, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени своихъ дѣтей, что они будутъ

бороться противъ Олегова дома, одной изъ вѣтвей династіи Рюрика. Это заявленіе ясно показываетъ, что дѣти не участвовали въ народномъ собраніи; причиной этого могла быть ихъ личная зависимость отъ главъ нераздѣльныхъ семей. Всѣ тѣ, кто не могъ свободно располагать собой, были исключены изъ вѣча; таково, именно, было положеніе членовъ нераздѣлившихся семей, а также лицъ, потерявшихъ свободу на войнѣ или попавшихъ въ кабалу за долги. Въ обществѣ, построенномъ, подобно древне-русскому, на принципѣ кровнаго родства, нераздѣлившіяся семьи были несомнѣнно многочисленны; то обстоятельство, что одни лишь главы этихъ семей созывались на народное собраніе, естественно ограничивало число его участниковъ. Поэтому легко понять, что одной большой площади, въ родѣ кіевской или новгородской, на которой стояли княжескіе дворцы, вполнѣ хватало для народнаго собранія, хотя бы и при полномъ его составѣ, несмотря на то, что на вѣче допускались не одни лишь горожане, но и жители предмѣстій и даже лица, случайно попавшія на него изъ городовъ. Лѣтописи весьма часто отмѣчаютъ присутствіе на вѣчѣ людей „черныхъ сотенъ“, „смердовъ и *подлыхъ крестьянъ* (терминъ, означавшій земледѣльческое населеніе страны).

Русское вѣче допускало лишь *единогласное* рѣшеніе общественныхъ дѣлъ. Каждый разъ, когда лѣтописцу приходится говорить о его постановленіяхъ, онъ употребляетъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „Всѣми старшими и младшими на вѣчѣ было рѣшено“ и т. д.; „всѣ были единодушны въ своемъ желаніи“; „всѣ думали и говорили, какъ одинъ человѣкъ“ и т. д. Когда добиться единодушія не удавалось, то меньшинство, если только оно не успѣвало переубѣдить членовъ большинства, бывало вынуждено присоединиться къ его рѣшенію. Въ обоихъ случаяхъ вѣча проводили цѣлые дни въ обсужденіи однихъ и тѣхъ же вопросовъ, прерывая занятія лишь для уличныхъ боевъ. Въ Новгородѣ эти бои происходили на мосту, проложенномъ черезъ Волховъ, и сильнѣйшая партія иногда сбрасывала своихъ противниковъ въ рѣку. Значительному меньшинству весьма часто удавалось пріостановить исполненіе мѣропріятій, уже принятыхъ вѣчемъ, но когда оно бывало слабымъ, воля его быстро сламывалась грубымъ актомъ насилія.

Компетенція русскихъ вѣчъ была столь же обширна, какъ и подобныхъ же политическихъ собраній у славянъ западныхъ и южныхъ. Неоднократно вѣче избирало главу государства, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что выборъ не долженъ былъ выходить изъ границъ Рюрикова дома,

такъ какъ русскіе полагали, что, кромѣ этой династіи, никто не имѣетъ права осуществлять верховную власть. Народное собраніе могло, однако, отдавать свое предпочтеніе той или другой вѣтви Рюриковичей; напримѣръ, той, которая шла по прямой линіи отъ Владимира Мономаха,— изъ нея Кіевское вѣче и выбирало своихъ государей. Оно было также свободно высказаться въ пользу младшаго члена Рюрикова дома, несмотря на кандидатуру болѣе старшаго. Часто сдѣланный выборъ находился въ рѣзкомъ противорѣчіи съ законнымъ порядкомъ наслѣдованія, соблюдавшимся династіей Рюрика. Этотъ порядокъ сильно походилъ на ирландскую *tanistry*, въ силу которой главой государства считался старшій представитель правящаго рода. На дѣлѣ порядокъ этотъ требовалъ обыкновенно перехода наслѣдства къ оставшемуся въ живыхъ брату умершаго, а не къ его старшему сыну. Нерѣдко также насиліе рѣшало вопросъ, какая система — свободнаго ли выбора или законнаго наслѣдованія—должна взять верхъ. Это такъ называемое „добываніе стола“.

Каковъ бы ни былъ исходъ подобной борьбы, новый государь допускался къ осуществленію верховной власти лишь послѣ подписанія своего рода договора или „ряда“; имъ онъ обязывался сохранить права тѣхъ, кѣмъ призванъ былъ княжить Эти чрезвычайно любопытные документы, извѣстные *ряды*, сохранились, къ сожалѣнію, лишь въ одномъ Новгородскомъ княжествѣ, что и заставило многихъ ученыхъ думать, будто право заключенія договоровъ съ княземъ было ограничено однимъ этимъ сѣвернымъ княжествомъ. Профессоръ Сергѣевичъ первый доказалъ при помощи многочисленныхъ выдержекъ изъ русскихъ лѣтописей, что договоры, подобные новгородскимъ, были извѣстны всей Россіи. Неоднократно упоминается въ нихъ о князѣ, который взошелъ на престолъ благодаря соглашенію съ кіевлянами (*съ людьми Кіева утвердися*). Эти договоры между княземъ и народомъ—поскольку мы можемъ познакомиться съ ними по нѣсколькимъ образцамъ, сохранившимся въ новгородскихъ лѣтописяхъ — представляли собою родъ конституціонной хартіи, обезпечивавшей народу свободное пользованіе его политическими правами, каковы — право народнаго собранія обсуждать общественныя дѣла и выбирать главу государства. Послѣднее право уже было гарантировано Новгороду общимъ съѣздомъ русскихъ князей, состоявшимся въ 1196 году. Въ текстѣ постановленій этого княжескаго съѣзда мы читаемъ, что *всѣ князья признаютъ свободу, которою пользуется Новгородъ*,

свободу выбирать себѣ князя отовсюду, откуда бы онъ ни пожелалъ.

Укажу и на другія ограниченія княжеской власти: война не можетъ быть объявлена *безъ вѣдома Новгорода*; ни одинъ иностранецъ не можетъ быть назначенъ *волостелемъ*; ни одно общественное должностное лицо смѣщено безъ законнаго основанія, признаннаго таковымъ судебнымъ установленіемъ.

Анализъ договора, подписывавшагося княземъ при вступленіи его на престолъ, уже выяснилъ для насъ нѣкоторыя функціи вѣча. Вопросы войны и мира обыкновенно рѣшались имъ. Никакая война не могла быть предпринята безъ народнаго согласія, такъ какъ при отсутствіи постоянной арміи князь не могъ собрать другого войска, кромѣ милиціи. Мирные и союзные договоры также подписывались именемъ князя и народа, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ договора Игоря съ Византійской имперіей въ 945 году: „Этотъ договоръ заключенъ великимъ княземъ русскимъ, всѣми другими князьями и всѣмъ народомъ земли русской". Правда, иногда князь объявлялъ войну противъ своего народа, но тогда онъ долженъ былъ разсчитывать исключительно на своихъ собственныхъ воиновъ, на свою *дружину*, институтъ, весьма сходный съ древне-германскимъ *comitatus* (geleit). Пока система раздачи земель за службу оставалась неизвѣстной, и князь могъ награждать своихъ воиновъ лишь тѣмъ, что онъ бралъ на войнѣ, дружина его была далеко не многочисленной. Это и вынуждало князя обращаться за содѣйствіемъ къ вѣчу всякій разъ, когда онъ считалъ необходимымъ начать войну. Вѣче либо соглашалось на его требованіе и приказывало набирать войска, либо же совершенно отказывало ему въ помощи: въ послѣднемъ случаѣ князю не оставалось ничего другого, какъ отказаться отъ своего намѣренія или же отречься отъ престола.

Изъ этого очень краткаго и неполнаго очерка древнерусскихъ народныхъ собраній можно видѣть, что средневѣковая Россія представляла собою федерацію княжествъ, почти не связанныхъ другъ съ другомъ, въ которыхъ народу въ большей или меньшей степени принадлежали обыкновенно различныя суверенныя права. И это отсутствіе прочной связи, разумѣется, ослабляло силу сопротивленія Россіи чужеземнымъ завоевателямъ, поддерживало мелкія княжества въ состояніи постоянной войны другъ съ другомъ и дѣлало ихъ легкой добычей для восточныхъ кочевниковъ, начиная съ половцевъ и кончая татарами.

Выше мы показали, что славяне не были первыми насельниками Россія, что, по крайней мѣрѣ, на югѣ, въ ту отда-

ленную эпоху, когда на Черноморскомъ и Азовскомъ побережьѣ основывались греческія колоніи, жили народы арійскаго происхожденія, и что рядомъ съ этими народами въ южныхъ же областяхъ оставили слѣды своего пребыванія, въ періодъ ихъ переселенія изъ Азіи въ Европу, многія туранскія племена, начиная съ венгровъ (угры или обры русскихъ лѣтописцевъ) и кончая болгарами, которые владѣли нѣкогда могущественной имперіей и подчинили себѣ различныя финскія племена, но были уничтожены и, отчасти, замѣщены другимъ туранскимъ племенемъ—хазарами. Послѣднимъ славяне, переселеніе которыхъ изъ предѣловъ Карпатскихъ горъ началось во второй половинѣ VII столѣтія, иногда должны были платить дань. Когда могущество хазаръ ослабѣло, находившіяся подъ ихъ владычествомъ племена, какъ печенѣги и, позже, половцы, стали обычными врагами славянъ и мѣшали ихъ разселенію за восточной границей Днѣпра и его притоковъ. Болѣе мирныя отношенія между славянами и финскими племенами, населявшими область большихъ озеръ и растянувшимися къ югу до береговъ Оки и ея притоковъ, въ томъ числѣ и рѣки Москвы, привели къ образованію смѣшанныхъ княжествъ подъ управленіемъ иностранныхъ государей скандинавскаго происхожденія. Другія вторженія—всегда съ восточной стороны,—завершившіяся въ XIII вѣкѣ занятіемъ татарами всего юга и юговостока Россіи, не только положили конецъ существованію самостоятельныхъ славянскихъ государствъ въ южной Россіи, но также сдѣлали ея западную часть легкой добычей для литовскихъ завоевателей изъ дома Гедемина. Это новое покореніе подготовлено было тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное число жителей стали убѣгать передъ татарскими опустошеніями и скрывались въ лѣсахъ и болотахъ. Княжества, расположенныя на верхнемъ теченіи Волги, равно какъ свободныя республики новгородская и псковская, продолжали одни покрывать славянскими колоніями сѣверъ и востокъ Россіи. Эта колонизація приняла простую форму: она состояла въ учрежденіи факторій и постройкѣ укрѣпленій по теченіямъ большихъ рѣкъ, какъ Волга и Кама, Уралъ и Яикъ, Двина и Печора.

Въ центральной области современной Россіи, которую сперва населяли финны, позднѣйшая славянская колонизація привела къ образованію великорусскаго племени смѣшанной крови, какъ это уже видѣлъ читатель. Этотъ то народъ и объединили подъ своимъ господствомъ московскіе князья и, впослѣдствіи, цари, въ то время какъ болѣе южныя и болѣе западныя вѣтви славянъ составили подъ

властью сначала литовскихъ, а затѣмъ польскихъ князей племена малорусское и бѣлорусское Каждое изъ нихъ говоритъ на особомъ нарѣчіи еще и теперь, по крайней мѣрѣ, въ деревняхъ.

Значеніе московской державы и установившихъ ее великороссовъ сильно выросло съ уничтоженіемъ татарскаго могущества и послѣдовательнымъ присоединеніемъ различныхъ ханствъ, на которыя распалась Великая Орда, лежавшая у устьевъ Волги. Эта политика, начатая при Иванѣ IV завоеваніемъ ханствъ Казанскаго и Астраханскаго, счастливо завершилась при Екатеринѣ II присоединеніемъ крымскихъ татаръ. Можно было бы даже сказать, что распространеніе русскаго могущества на государства, нѣкогда находившіяся подъ монгольскимъ игомъ, продолжалось почти до нашихъ дней. Многія части Закавказья, ставшія русскими лишь въ послѣднемъ столѣтіи, заселены татарами; а Туркестанъ, равно какъ и Закаспійская область, пріобрѣтенные Россіей при Александрѣ II, заняты тюркскими племенами. Такимъ образомъ, число національностей, находящихся подъ русскимъ господствомъ, увеличилось и татарами, каковы казанскіе астраханскіе, крымскіе, и народами самаго разнообразнаго происхожденія, нѣкогда подвластными татарамъ. Изъ числа послѣднихъ достаточно отмѣтить киргизовъ и башкировъ. Но, помимо этихъ присоединеній и задолго до покоренія татаръ Россіей, уральскій или яицкій казакъ Ермакъ началъ при Иванѣ IV присоединеніе сибирскихъ народовъ, часть которыхъ находилась подъ властью нѣкоего Кучума. Это расширеніе русскаго господства на сѣверо-востокъ продолжалось непрерывно вплоть до царствованія Николая I, когда оно достигло береговъ Амура. Чукчи и камчадалы у Берингова пролива, гиляки на Амурѣ и сахалинскіе айны поглощаются Россіей безъ большого сопротивленія; иначе обстоитъ дѣло съ тунгусами и остяками; эти народы быстро вымираютъ. Съ другой стороны, якуты призваны, повидимому, къ болѣе долгому существованію, что въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть сказано относительно большей части племенъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, покоренныхъ Россіей либо перешедшихъ добровольно въ русское подданство. Мы не будемъ пытаться перечислить здѣсь хотя бы приблизительно всѣ эти народы. Назовемъ, однако, наиболѣе замѣчательные изъ нихъ—грузинъ и армянъ, составлявшихъ ранѣе одно королевство—Грузію и добровольно отдавшихся подъ власть Россіи. Покореніе горцевъ Кавказа было задачей болѣе трудной. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, жители Абхазіи, предпочли или точнѣе были вынуждены выселиться изъ

Россіи. Случилось это въ серединѣ XIX столѣтія, но десятками лѣтъ ранѣе часть крымскихъ татаръ также покинула Крымъ. Но большинство туземнаго населенія нашихъ южныхъ окраинъ, начиная съ кабардинцевъ на Западномъ Кавказѣ и кончая черкесами, чеченцами, кумыками, лезгинами и еще пятьюдесятью или шестьюдесятью мелкими дагестанскими племенами, предпочло остаться подъ русской державой. Со времени сдачи Шамиля, Восточный Кавказъ такъ спокоенъ, что мнѣ легко было проѣхать его изъ конца въ конецъ безъ всякаго конвоя. Трижды мнѣ приходилось также проводить недѣли и мѣсяцы въ высокихъ долинахъ Грузіи и Мингреліи, не имѣя при себѣ другого оружія, кромѣ перочиннаго ножика. Всѣ туземныя племена замѣчательно добродушны и гостепріимны. Несомнѣнно, однако, что большею нравственностью отличаются тѣ изъ нихъ, которыя приняли магометанство, нежели оставшіяся христіанами, какъ грузинскіе горцы, такъ какъ послѣдніе исповѣдуютъ христіанство чисто внѣшнимъ образомъ, такъ что съ христовымъ ученіемъ уживаются у нихъ языческіе предразсудки и слѣды до-христіанской нравственности.

Задача опредѣлить происхожденіе и природу языковъ, на которыхъ говорятъ всѣ эти народы Кавказа и Сибири, далеко еще не можетъ считаться выполненной. Нѣкоторыя дагестанскія нарѣчія были изслѣдованы барономъ Усларомъ (Ouslar). Единственная народность, грамматика которой была научно разработана настоящимъ языковѣдомъ, профессоромъ санскрита, Всеволодомъ Миллеромъ,—это осетины. Относительно сибирскихъ племенъ мы можемъ ждать серьезныхъ изслѣдованій лишь въ будущемъ. Опредѣлить происхожденіе всѣхъ этихъ народовъ чрезвычайно трудно; примѣромъ этой трудности могутъ служить, напримѣръ, башкиры и калмыки. Первые—смѣшанное племя, финскотуранскаго происхожденія; они извѣстны были еще арабскимъ писателямъ X столѣтія и, позже, итальянскимъ путешественникамъ XIII и XIV вв., главнымъ образомъ Плано Карпини. Калмыки пришли изъ Китая. Во времена Алексѣя Михайловича, т. е. въ XVII в., число ихъ было достаточно велико, чтобы угрожать русскому господству въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Начиная съ этой эпохи большинство калмыковъ обратно перешло границу и вернулось на мѣсто своего прежняго пребыванія, тогда какъ меньшинству открыта доселѣ возможность вести свои кочевья въ степяхъ астраханской и, отчасти, Ставропольской губерній. Калмыки имѣютъ свою особую организацію и буддійское духо-

венство--черта, общая имъ съ другимъ народомъ неизвѣстнаго происхожденія, съ сибирскими бурятами, имѣющими независимое церковное устройство.

Я готовъ настаивать на необходимости возможно скораго изученія языковъ этихъ полу-варварскихъ народностей, такъ какъ большинство ихъ находится на пути къ полному исчезновенію. Остяки и тунгузы, напримѣръ, вымираютъ; причиной этого являются, повидимому, эпидемическія болѣзни, неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ и, до извѣстной степени, то обстоятельство, что переселенцы, приходящіе изъ Европейской Россіи, завладѣваютъ лучшими землями. Лѣса порѣдѣли или совершенно уничтожены. Охотничьи и пастушескія племена Сибири неспособны приноровиться къ новымъ условіямъ существованія, и часть ихъ гибнетъ съ голоду. Нѣмецкій писатель, профессоръ Брюкнеръ, хорошо знакомый со всѣмъ сказаннымъ, считаетъ, тѣмъ не менѣе, за благо для цивилизаціи распространеніе русскаго господства въ Азіи. Я, разумѣется, не стану спорить съ нимъ, но долженъ замѣтить, что распространеніе русскаго господства влечетъ за собой необходимо исчезновеніе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ туземныхъ племенъ. Въ этомъ отношеніи русскіе находятся въ тѣхъ же условіяхъ, что и англичане или американцы, колонизирующіе индѣйскія земли. Можно, однако, сказать, что разница между русскимъ крестьяниномъ переселенцемъ и туземцемъ Сибири въ отношеніи къ его культурѣ менѣе значительна, чѣмъ англичанина или янки и краснокожаго. Русскимъ колонистамъ и племенамъ Сибири легче жить поэтому бокъ о бокъ въ полномъ согласіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя русскія деревни переняли одежду, нравы и обычаи мѣстнаго населенія. Такъ, на Кавказѣ казаки, на которыхъ возложена была обязанность наблюдать за черкесами, стали чрезвычайно походить на нихъ своимъ видомъ. Равнымъ образомъ въ Сибири встрѣчаются русскіе переселенцы, успѣвшіе „объякутиться".

Въ то время какъ на востокѣ расширеніе Россіи не встрѣчало никакого серьезнаго препятствія,—по крайней мѣрѣ, съ момента паденія татарскаго могущества—на западѣ дѣло обстояло далеко не такъ. Объединившись въ концѣ XIV столѣтія, Литва и Польша образовали большое и могущественное государство, которое долгое время мѣшало русскимъ объединить подъ своимъ господствомъ всѣ вѣтви восточныхъ славянъ. Начиная съ Ивана Грознаго, русскіе цари вели съ поляками безпрерывныя войны изъ за расширенія своей западной границы. Смоленское княжество весьма ча-

сто переходило изъ рукъ русскихъ государей въ руки польскихъ и наоборотъ. Въ 1611—1612 г.г. былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, не должна ли сама Москва получить польскаго короля. Вопросъ этотъ былъ, въ концѣ-концовъ, рѣшенъ въ пользу русской самобытности, но Смоленскъ вскорѣ снова перешелъ въ руки поляковъ. И лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича, второго царя изъ дома Романовыхъ, Польша должна была уступить Россіи не только это долго оспаривавшееся владѣніе, но даже всю южную часть своей собственной территоріи. Населенная казаками, она возстала изъ за притѣсненій, чинившихся православной церкви, изъ-за попытки, оказавшейся, въ концѣ-концовъ, безплодной, если не обратить народъ въ католицизмъ, то, по крайней мѣрѣ, привести его къ внѣшнему подчиненію папѣ—попытки извѣстной подъ названіемъ „уніи" и декретированной, если не установленной, на Флорентинскомъ Соборѣ (въ XV вѣкѣ).

1648 годъ, видѣвшій конецъ господства Польши надъ Малороссіей, былъ также началомъ расчлененія этой великой и рыцарственной монархіи. Это расчлененіе сильно подвинулось впередъ при Петрѣ Великомъ, когда къ Россіи была присоединена часть балтійскихъ провинцій,—яблоко раздора между поляками и шведами. Три послѣдовательныхъ раздѣла Польши въ царствованіе Екатерины II не прекратили разумѣется, страданій этого доблестнаго народа, плохо управлявшагося эгоистической аристократіей. Покоривъ поляковъ, за исключеніемъ галиційскихъ и познанскихъ, Россія присоединила къ себѣ еще ранѣе балтійскія провинціи съ ихъ смѣшаннымъ населеніемъ, изъ нѣмецкихъ дворянъ, прямыхъ потомковъ рыцарей, меченосцевъ, и покоренныхъ ими въ XIV столѣтіи язычниковъ туземцевъ—ливовъ и эстовъ. Послѣдніе извѣстны были еще начальному лѣтописцу подъ именемъ чудь. Эсты, финскаго происхожденія, живутъ по всей Эстоніи; ливы—той же семьи—дали свое имя Ливонскому краю (или Лифляндской губерніи). Съ тѣхъ поръ они почти совершенно исчезли на занятой ими прежде территоріи, но еще представлены въ Курляндіи. Массу населенія прибалтійскихъ губерній составляютъ теперь латыши, народъ литовской семьи и, слѣдовательно, арійскаго происхожденія. Куры, давшіе свое имя Курляндіи, являются вѣтвью той же семьи. Населеніе западныхъ губерній Россіи состоитъ главнымъ образомъ: 1) изъ поляковъ, которыхъ считаютъ потомками древняго племени лехъ или ляховъ, упоминаемаго лѣтописью Нестора; 2) изъ литовцевъ, жившихъ на Вислѣ и Нѣманѣ; 3) изъ другой вѣтви литовскаго народа жмуди,

живущей въ западной части Ковенской губерній, и изъ 4) бѣлороссовъ въ губерніяхъ Могилевской и Минской, и отчасти, также въ Гродненской и Виленской.

Но Польша не была единственной страной, которой приходилось терпѣть отъ захватовъ разрастающейся Россіи. Той же участи подверглась и Швеція. Подъ предлогомъ, что многія финскія провинціи входили въ составъ территоріи знаменитаго сѣвернаго города—республики, Новгорода, Петръ Великій потребовалъ и отобралъ у шведовъ берега Невы, гдѣ и построилъ новую столицу, Петербургъ. Затѣмъ для обезпеченія мирнаго существованія русской державы на Финляндскомъ заливѣ, онъ и его преемники присоединили сначала южныя губерніи Финляндіи, а затѣмъ, въ царствованіе Александра I, и остальную часть ея. Но въ то же время они даровали этой странѣ свободное народное представительство и признали всѣ ея старинныя права и преимущества [1]).

Съ присоединіемъ Польши и Финляндіи, Россія стала не только морской державой, владѣющей всѣми восточными побережьями Балтійскаго моря, но и второй по размѣрамъ своей территоріи и по числу своихъ жителей имперіей въ мірѣ (первое мѣсто принадлежитъ Великобританіи).

Шестая часть суши находится въ настоящее время во владѣніи Россіи, насчитывающей по послѣдней переписи сто тридцать милліоновъ жителей (точнѣе 129000000). Ея колоніи—Сибирь, Туркестанъ, Закаспійская область и Закавказье—образуютъ одно цѣлое съ метрополіей. Это представляетъ не только важныя стратегическія удобства, но и преимущества легкаго передвиженія для переселенцевъ, которымъ на протяженіи пути не приходится выходить изъ

---

[1]) Населеніе Финляндіи, за исключеніемъ небольшого числа шведовъ, составляющихъ высшій слой, и немногихъ русскихъ, состоитъ почти исключительно изъ финовъ, дѣлящихся на двѣ вѣтви тавастовъ и кореловъ. Линія, проведенная отъ Выборга къ сѣверо-западу отъ Ботническаго залива, составитъ границу между этими двумя народами. Тавасты ближе къ морю, корелы же живутъ къ востоку отъ вышеуказанной границы и образуютъ большинство внутренняго населенія страны. Сѣверъ ея занятъ лопарями, которыхъ считаютъ первобытнымъ населеніемъ Финляндіи. Сначала они жили, повидимому, значительно южнѣе, на берегахъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго. Они называютъ себя или саме, или самеедна, и дали Финляндіи ея первое прозвище Суоми, подъ которымъ она была извѣстна и древнѣйшимъ русскимъ славянамъ, назвавшимъ ее Суомъ. Финны живутъ также и въ Петербургской губерніи, гдѣ они носятъ различныя обозначенія. Наиболѣе распространенныя тжоры — тингри и чухна. Это послѣднее названіе весьма часто употребляется жителями столицы въ оскорбительномъ смыслѣ по отношенію къ прислугѣ и къ простолюдинамъ.

предѣловъ отечества. Россійская Имперія обладаетъ разнообразными климатическими условіями, начиная съ тропическаго климата и кончая полярнымъ. Въ извѣстныхъ частяхъ страны растутъ виноградъ, апельсины, маслины, рисъ и хлопокъ, тогда какъ черноземъ значительнаго числа южныхъ губерній удивительно благопріятенъ для культуры пшеницы, а смѣсь глины съ пескомъ, общая всей территоріи, простирающейся дальше на сѣверъ, годится для культуры ржи и овса. Прибавьте къ этому естественныя богатству Россіи въ строевомъ лѣсѣ, желѣзѣ, углѣ и въ минеральныхъ маслахъ, легкость сообщенія по судоходнымъ рѣкамъ, ее орошающимъ какъ съ сѣвера на югъ, такъ и въ противоположномъ направленіи, и вы согласитесь, что, за исключеніемъ, быть можетъ, Соединенныхъ Штатовъ, рѣдкая страна обладаетъ болѣе благопріятными физическими условіями для развитія какъ земледѣлія, такъ и промышленности. Славяне, составляющіе большую часть ея населенія, одного происхожденія съ англичанами, французами и нѣмцами, не говоря о древнихъ римлянахъ и грекахъ. А смѣшеніе славянъ съ французами и татарами могло только сохранить — и дѣйствительно сохранило — здоровую, стойкую и мужественную расу, какъ это всегда бывало и бываетъ при свободномъ скрещиваніи племенъ съ помощью незапрещаемыхъ законодательствомъ смѣшанныхъ браковъ.

* * *

Слѣдующія главы этой книги будутъ посвящены выясненію того, въ какой мѣрѣ политическія учрежденія Россіи благопріятствовали или, наоборотъ, мѣшали развитію какъ народа, такъ и страны. Другими словами, онѣ явятся отвѣтомъ на вопросъ:

Каково въ дѣйствительности было Московское государство въ тотъ моментъ, когда оно впервые стало играть роль въ исторіи Западной Европы; въ какой мѣрѣ его духъ и учрежденія измѣнились подъ вліяніемъ болѣе передовыхъ народовъ; въ какой степени это приспособленіе удалось и что еще остается сдѣлать, чтобы Россія могла пріобрѣсти то матеріальное и духовное благосостояніе, которое правительство въ силахъ если не создать, то, по крайней мѣрѣ, увеличить и развить.

ГЛАВА II.

Государственныя учрежденія Московской Руси при первой династіи.

Въ 1553 году Ченслоръ въ поискахъ новаго пути въ Индію черезъ Полярное море, высадился въ Холмогорской бухтѣ и открылъ, по крайней мѣрѣ для своихъ соотечественниковъ, сказочную имперію московскихъ царей. Въ теченіе слѣдующихъ поколѣній англійскіе купцы, составлявшіе знаменитую компанію, учредили крупныя факторіи въ Вологдѣ и Архангельскѣ, стали въ огромныхъ количествахъ вывозить корабельный лѣсъ, ленъ и коноплю, дѣлали все возможное, чтобы, устранивъ голландцевъ и испанцевъ, сосредоточить эту отрасль торговли въ своихъ рукахъ и пытались даже, съ разрѣшенія царя Михаила Феодоровича, найти новый путь въ Персію по Волгѣ и Каспійскому морю. Потерпѣвъ въ этой попыткѣ полную неудачу, купцы продолжали извлекать крупныя выгоды изъ своихъ мирныхъ сношеній съ Россіей и изъ той вліятельной роли, которую игралъ одинъ изъ нихъ, Джонъ Меррикъ, въ дѣлѣ заключенія договора между царемъ Михаиломъ и Густавомъ Адольфомъ. Михаилъ Феодоровичъ разрѣшилъ англійскимъ торговцамъ, какъ и другимъ иностранцамъ, поселиться, если не въ самой Москвѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ ея предмѣстій, извѣстномъ позже подъ именемъ „Нѣмецкой Слободы". Количество англійскихъ товаровъ, ввозившихся около середины XVII столѣтія, возрасло до такой степени, что русскіе купцы нѣсколько разъ обращались къ царю Алексѣю съ челобитными, прося защитить ихъ отъ иностранной конкурренціи съ помощью средства, до сихъ поръ еще примѣняемаго въ Америкѣ, какъ и въ Россіи—почти запретительныхъ пошлинъ. Эта торговая политика восторжествовала на нѣкоторое время, воздвигнувъ преграду дальнѣйшему ввозу англійскихъ товаровъ. Но въ послѣдующіе трид-

пать лѣтъ, въ теченіе которыхъ, въ царствованіе Петра Великаго, Россія должна была вести борьбу съ европейскими странами на обширномъ полѣ матеріальнаго прогресса, снова пришлось прибѣгнуть къ развитой англійской промышленности, которая съ тѣхъ поръ уже не переставала играть выдающуюся роль въ техническомъ развитіи страны.

Теперь, когда мы знаемъ, какимъ образомъ Англія и Европа вошли въ соприкосновеніе съ Россіей, зададимъ себѣ вопросъ, что же представляла собою эта Московская имперія, столь своевременно открытая торговой конкурренціи англійскихъ капиталистовъ и купцовъ.

Ченслоръ засталъ Россію подъ управленіемъ одного изъ самыхъ выдающихся людей, которые когда либо руководили ея судьбами: мы говоримъ объ Иванѣ IV, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Ивана Грознаго. Первое, что узнали о немъ государственные люди Англіи, были его воинственныя наклонности. Онъ намѣревался покорить поляковъ, шведовъ и татаръ чтобы, какъ онъ говорилъ, увеличить „свое наслѣдіе". Татарамъ ему удалось нанести смертельный ударъ уничтоженіемъ Казанскаго и Астраханскаго ханствъ. Онъ также присоединилъ русскія удѣльныя княжества, которыя все еще сохраняли нѣкоторое подобіе независимости, либо же вошли въ составъ сосѣдняго государства—Литвы.

Во всемъ этомъ Иванъ Грозный выказалъ себя настоящимъ продолжателемъ политики первыхъ московскихъ князей. Начиная съ Ивана Калиты, эти ловкіе князья пользуются географическимъ положеніемъ своего маленькаго княжества, окруженнаго лѣсами и болотами и, потому, почти недоступнаго татарамъ. Хотя и считаясь формально подвластными, они оставались, однако, почти независимыми отъ Великой или Золотой Орды, утвердившейся на берегахъ Каспійскаго моря. Болѣе сдержанные, чѣмъ южныя вѣтви династіи Рюрика, потомки Калиты, вмѣсто того, чтобы бороться съ ханами, подкупали ихъ великолѣпными подарками и, такимъ образомъ, добились передачи имъ на откупъ татарской дани, которую уплачивало населеніе различныхъ русскихъ княжествъ. Очень рѣдко посѣщаемое дикими ордами монгольскихъ завоевателей, московское государство вскорѣ стало убѣжищемъ для всѣхъ бѣглецовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто спѣшилъ укрыться при приближеніи татаръ.

Разбогатѣвъ благодаря откупу татарской дани и быстрому увеличенію числа своихъ подданныхъ и плательщиковъ податей, московскіе князья вскорѣ нашли могущественнаго союзника въ основателѣ великой Троицко-Сергіевской лавры, расположенной близь Москвы. Ея первый настоятель, Сергій,

совѣтникъ Дмитрія Донского, этого народнаго героя перваго побѣдоноснаго сраженія русскихъ войскъ съ магометанскими завоевателями, вскорѣ прослылъ святымъ, и толпы народа стали ежегодно стекаться къ его гробницѣ въ кафедральномъ соборѣ Троицка. Такъ какъ Кіевъ, первая столица русскаго митрополита, непрерывно подвергался татарскимъ набѣгамъ, то находившаяся подлѣ него Печерская лавра начала терять свое прежнее значеніе въ пользу Троицкой, основанной святымъ Сергіемъ. Нѣсколько позже эта лавра пріобрѣла то же значеніе, какое до реформы имѣло для англичанъ Кентерберійское аббатство. Кромѣ окружавшаго лавру высокаго почитанія, увеличенію популярности московскихъ правителей способствовалъ еще одинъ факторъ: Москва стала постоянной резиденціей главнаго представителя православной русской церкви. Кіевъ не былъ для послѣдняго достаточно безопасенъ и, послѣ короткаго пребыванія во Владимірѣ, онъ поселился въ Москвѣ въ качествѣ могущественнаго союзника правившей тамъ династіи.

Вскорѣ митрополитъ сталъ законной опорой московскихъ князей въ ихъ трудной задачѣ объединія Великороссіи и поглощенія какъ автономныхъ городовъ-республикъ, Новгорода и Пскова, такъ и независимыхъ княжествъ—Тверского, Ростовскаго, Владимірскаго, Смоленскаго и т. д.

Внутренняя организація московскаго княжества, а впослѣдствіи Московскаго царства, была удивительно приспособлена къ безпредѣльному расширенію—такъ далеко, какъ была распространена русская рѣчь и православная русская вѣра. Историки говорятъ о ней, то какъ о системѣ помѣстья въ увеличенныхъ размѣрахъ, то какъ о своего рода обширномъ военномъ лагерѣ. И она, дѣйствительно, имѣла много общаго съ тѣмъ и другимъ, съ тою лишь особенностью, что и помѣстье, и военный лагерь были открыты для всякаго пришельца. Будь то авантюристъ царской крови, русскій, литовецъ или даже татаринъ, ищущій службы и земли, или свободный крестьянинъ, тоже желающій пріобрѣсти землю въ потомственную аренду, съ условіемъ, чтобы извѣстная часть необходимаго для эксплуатаціи капитала была выдана ему собственникомъ, — обѣ эти категоріи людей охотно принимались великимъ княземъ или землевладѣльческой аристократіей. Ибо нарождающееся государство, болѣе богатое землею, чѣмъ жителями, готово было обезпечить всякому пришельцу возможность полученія ежегоднаго дохода путемъ обработки дѣвственныхъ полей и никѣмъ не занятыхъ земель.

Военнослужащіе, такъ называемые *служилые люди*, зачислялись въ княжеское войско и ихъ услуги оплачивались въ формѣ военныхъ бенефицій или пожалованія земель, которыя, не становясь собственностью военнослужащаго, находились въ его владѣніи въ теченіе его дѣйствительной службы.

Свободные земледѣльцы, извѣстные подъ именемъ *серебрениковъ*—указаніе на деньги (*серебро*), ссуженныя имъ землевладѣльцемъ,—селились на необработанныхъ поляхъ, принадлежавшихъ либо князю, либо какому-нибудь другому земельному собственнику. Они получали отъ землевладѣльца необходимое количество сѣмянъ, скота и лѣсу, а иногда и денегъ, чтобы имѣть возможность покрыть первыя издержки по своему устройству на дѣвственной почвѣ. На такихъ условіяхъ они соглашались служить въ качествѣ солдатъ подъ начальствомъ князя или кого либо изъ его подчиненныхъ и платить государственные налоги. Сверхъ того, съ нихъ взималась арендная плата натурой или деньгами, а во время жатвы они должны были безплатно помогать холопамъ, жившимъ на усадебной землѣ и исполнявшимъ ихъ обычныя обязанности.

Кто знакомъ съ экономической жизнью средневѣковыхъ замковъ Англіи, Франціи или Германіи, тотъ легко замѣтитъ сходство между этой помощью, оказывавшейся въ извѣстные дни въ году свободными московскими арендаторами, и *love boons* англо-саксонской эпохи, извѣстнымъ также на всемъ континентѣ Европы подъ латинскимъ названіемъ *precariae autumnae*. До такой степени вѣрно, что юридическіе институты создаются не столько индивидуальнымъ геніемъ той или иной націи или расы, сколько потребностями самой жизни, что одни и тѣ же институты могутъ встрѣчаться у самыхъ различныхъ народовъ въ различные вѣка. Неудивительно, поэтому, что въ юридическомъ положеніи свободныхъ арендаторовъ Московскаго государства, какъ и московскихъ сельскихъ рабовъ, встрѣчаются, хотя здѣсь и рѣчи не можетъ быть о какомъ-либо прямомъ подражаніи,—много чертъ общихъ съ *coloni* и *glebae adscripti* императорскаго Рима и съ *socmen* и мужиками средневѣковой Англіи временъ Плантагенетовъ.

Тутъ же параллель можно было бы установить между земельными угодіями, которыя жаловались московскимъ князьямъ за военную службу и тѣми угодіями, весь доходъ съ которыхъ принадлежалъ англо-саксонскимъ *thanes* и позже рыцарямъ феодальной Англіи. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что во времена Веды вся обработанная земля на-

столько безспорно считалась естественнымъ достояніемъ военныхъ людей, что англо-саксонскіе короли вызывали упреки въ нелѣпой щедрости за уступку монастырямъ земель, которыя де нужно было сохранить исключительно для вознагражденія за военную службу. Тотъ же взглядъ неоднократно проявляется и въ исторіи европейскаго континента —напримѣръ, когда самъ Карлъ Мартель по тѣмъ же соображеніямъ раздавалъ своимъ товарищамъ по оружію земли, уже находившіяся во владѣніи церкви, или когда уже въ XVI вѣкѣ, въ Москвѣ, былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли конфисковать монастырскія владѣнія, „дабы земля изъ службы не выходила“. Хотя московскія военныя бенефиціи и отвѣчали потребности—оплачивать услуги, оказанныя государству, раздачей земель—потребности, общей всѣмъ феодальнымъ монархіямъ среднихъ вѣковъ,—тѣмъ не менѣе, русскіе историки неосновательно заявляютъ, что военныя бенефиціи Московской Руси являются учрежденіемъ исключительно мѣстнымъ. Фактъ тотъ, что до XV столѣтія нѣтъ и рѣчи о русскихъ князьяхъ, оплачивающихъ военную службу иначе, чѣмъ раздачей денегъ или вещей, взятыхъ въ качествѣ добычи на войнѣ, между тѣмъ какъ распредѣленіе военныхъ помѣстій подъ названіемъ *iktaa* было хорошо извѣстно во всемъ магометанскомъ мірѣ, и, особенно, у татаръ, за цѣлые вѣка до появленія подобной практики въ Москвѣ. Эти соображенія приводятъ къ выводу, что такого рода практика установилась въ Москвѣ и другихъ русскихъ княжествахъ въ подражаніе татарскимъ ханствамъ.

Широкое примѣненіе этой системы—раздачи служилымъ людямъ земельныхъ бенефицій—естественно привлекало въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи и изъ сосѣднихъ странъ, граничившихъ съ нею на западѣ и на востокѣ, много военныхъ авантюристовъ. Этимъ путемъ и вошли въ составъ русской земельной аристократіи литовскіе князья изъ нѣкогда царствовавшей династіи Гедемина—какъ напримѣръ Трубецкіе и Голицыны. На ряду съ ними главное ядро русскаго титулованнаго дворянства составили нѣмецкіе изгнанники—Толстые и Щербатовы, русскіе князья изъ присоединенныхъ княжествъ, члены правителей династіи Рюрика—Курбскіе, Лобановы-Ростовскіе, Крапоткины и Горчаковы; финскіе и татарскіе начальники—Мещерскіе, Мордвиновы и Урусовы, не говоря уже о князьяхъ Черкасскихъ, кавказскаго происхожденія. Всѣ эти фамиліи поселились въ XV и XVI вѣкахъ на территоріи быстро разроставшагося княжества, рядомъ съ потомками подвластныхъ

московскимъ князьямъ феодаловъ: среди послѣднихъ мы находимъ и родъ Романовыхъ, къ которому, какъ извѣстно, принадлежитъ нынѣ царствующая династія. Такимъ образомъ, русская аристократія съ самаго начала составляла смѣсь элементовъ чрезвычайно разнородныхъ, мѣстныхъ и пришлыхъ, среди которыхъ княжескія семьи вовсе не были болѣе аристократическаго происхожденія, чѣмъ нетитулированные дворяне, какъ напримѣръ, Романовы или Шереметьевы. То обстоятельство, что Россія никогда не знала права первородства (майоратное право), за исключеніемъ періода съ 1721 года до восшествія на престолъ Анны Іоанновны въ 1730 году и, что, слѣдовательно, земельная собственность и титулъ передавались по наслѣдству всѣмъ потомкамъ дворянской семьи, должно быть разсматриваемо, какъ главная причина того, почему русская аристократія не только не расширяла своего вліянія и богатства, но непрестанно теряла и то, и другое. И это вѣрно по отношенію къ ней почти съ самаго начала поселенія иностранныхъ княжескихъ семей на территоріи московскаго княжества или, точнѣе, съ того момента, какъ это поселеніе изъ временнаго стало постояннымъ. Ибо не нужно забывать, что солдаты, искавшіе службы и вознагражденія за нее землею, имѣли обыкновеніе мѣнять своихъ нанимателей; они покидали князей, одного за другимъ, сообразно со своими выгодами и личными вкусами. Эта свобода перехода изъ одного подданства въ другое была формально признана союзными договорами, время отъ времени заключавшимися между русскими князьями. „А вольнымъ слугамъ межъ насъ вольнымъ воля“ — такова неизмѣнная формула, подтверждающая въ документахъ этого рода право переселенія изъ одного княжества въ другое.

До территоріальнаго расширенія московскаго княжества его правители были лично заинтересованы въ поддержаніи такихъ обычаевъ. Необычайная щедрость, съ какою богатые и воинственные потомки Ивана Калиты раздавали служилымъ людямъ землю и военную добычу, должна была сильно увеличить число ихъ воиновъ въ ущербъ сосѣднимъ князьямъ. Но позже, когда маленькое московское государство превратилось въ самое большое княжество въ Россіи, его великіе князья и цари сочли болѣе выгоднымъ считать бунтовщиками всѣхъ тѣхъ, кто, однажды вступивъ въ ихъ армію, пытался потомъ ее оставить, съ цѣлью получить землю и службу у какого-нибудь другого властелина. Въ интересной перепискѣ Ивана Грознаго съ однимъ изъ такихъ бунтовщиковъ и эмигрантовъ, извѣстнымъ княземъ Курбскимъ, мы на-

ходимъ слѣды этого конфликта между старой теоріей свободной военной службы и новой практикой конфискаціи не только военныхъ бенефицій, но даже наслѣдственнаго имущества тѣхъ, кто уходилъ въ подданство къ какому нибудь новому государю. Курбскій настаиваетъ на несправедливости подобнаго образа дѣйствій, тогда какъ въ глазахъ царя лишь смертная казнь виновнаго и истребленіе всего его рода являются достаточнымъ возмездіемъ за такое, по его мнѣнію, безчестное и измѣнническое поведеніе.

Чтобы удержать солдатъ на своей службѣ, московскій царь принялъ въ то же время рядъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію доходовъ съ пожалованныхъ въ качествѣ бенефицій земель. Наиболѣе дѣйствительныя и выдающіяся изъ этихъ мѣръ заключались въ ограниченіи права свободныхъ арендаторовъ переходить на жительство съ занятой ими земли на какую нибудь чужую землю. Это еще не было тѣмъ, что мы называемъ крѣпостнымъ правомъ, которое было введено лишь въ періодъ болѣе поздній—въ царствованіе первыхъ трехъ монарховъ изъ нынѣ правящей династіи. Это было нѣчто въ родѣ того прикрѣпленія къ землѣ, которое въ императорскомъ Римѣ превращало свободнаго, но задолжавшагося фермера въ колона, то есть человѣка свободнаго, но не имѣвшаго права мѣнять мѣсто жительства.

Рѣшительнымъ факторомъ этой эволюціи и здѣсь, какъ за много вѣковъ до того въ Римѣ, явились экономическія затрудненія. Правительство пользовалось задолженностью фермера, чтобы помѣшать ему оставить землю, если только не находился какой либо помѣщикъ, который соглашался уплатить его долги, съ тѣмъ, чтобы должникъ съ этого момента переходилъ на его службу въ качествѣ арендатора или раба. Болѣе богатымъ дворянамъ это давало возможность сосредоточить на своихъ земляхъ наибольшее число дѣйствительныхъ земледѣльцевъ, и мелкіе землевладѣльцы неоднократно жаловались на вредъ, причиняемый имъ подобнымъ положеніемъ вещей. Представители военной аристократіи находили у московскихъ князей и царей не только рѣшительную поддержку, когда дѣло шло объ обезпеченіи себя дешевымъ трудомъ, но даже склонность порабощать людей, дѣйствительно занимавшихся земледѣліемъ.

Они были также допущены московскими государями дѣлить съ ними честь и трудъ направленія внѣшней и внутренней политики государства. Не всѣ дворяне могли засѣдать въ частномъ совѣтѣ царя или *Думѣ*. Эта привилегія давалась лишь извѣстнымъ фамиліямъ, принадлежавшимъ либо къ высшему слою московскаго боярства, либо же къ нѣкогда

правившимъ династіемъ изъ присоединенныхъ княжествъ, независимо отъ того, были-ли онѣ по происхожденію русскими, литовскими, татарскими или кавказскими. Члены помѣстнаго дворянства даже вынуждены были отказаться въ пользу иностранныхъ князей отъ того положенія, которое они занимали ранѣе въ общественной іерархіи. Такъ, и Романовы, и Шереметьевы должны были уступить первенство Голицынымъ и Трубецкимъ, Шуйскимъ и Милославскимъ, изъ которыхъ два первыхъ рода были Гедеминовичи, литовскаго происхожденія, а два послѣднихъ — Рюриковичи, потомки основателя русскаго государства.

Только въ рядахъ высшей аристократіи выбирали московскіе государи своихъ посланниковъ и начальниковъ военной и гражданской администраціи—отъ предсѣдателей высшихъ исполнительныхъ и судебныхъ установленій, называвшихся *приказами*, до окружныхъ и городскихъ воеводъ. Эти воеводы одновременно являлись и откупщиками всѣхъ доходовъ, которые получались отъ косвенныхъ налоговъ и, отчасти, отъ судебныхъ штрафовъ. Этимъ объясняется, почему они смотрѣли на свою должность, какъ на своего рода правильную ренту, и добивались ея у царя, какъ бенефиціи (*кормленіе*). Отвѣтственные передъ короной за сборъ лишь заранѣе опредѣленной суммы, воеводы имѣли право весь излишекъ обращать въ свою пользу. Народъ горько жаловался на ихъ злоупотребленія своей почти неограниченной властью и на недостатокъ справедливости и милосердія по отношенію къ тѣмъ, кого они судили или кѣмъ управляли.

Во главѣ войска мы находимъ также однихъ лишь представителей высшаго слоя дворянства, извѣстныхъ подъ именемъ бояръ. Это, однако, не мѣшало существованію въ ихъ рядахъ іерархическихъ отличій. Высшія мѣста были заняты думными боярами, слѣдующія—окольничими, то есть тѣми, кто долженъ былъ находиться при особѣ великаго князя, а позже—царя, послѣднія—обыкновенными дворянами, имѣвшими право засѣдать въ Думѣ—думными дворянами.

Эти отличія строго соблюдались не только при замѣщеніи военныхъ или гражданскихъ должностей, но даже при распредѣленіи мѣстъ за велико-княжескимъ столомъ на придворныхъ пирахъ. Сынъ какого-нибудь боярина ни за что не соглашался служить подъ начальствомъ прямого потомка окольничаго, ни сидѣть за столомъ ниже его. Чтобы принудить непокорнаго, князь бывалъ вынужденъ прибѣгнуть къ своей власти или, по крайней мѣрѣ, обѣщать, что этотъ случай на будущее время не сможетъ служить прецедентомъ. Таковъ былъ реальный характеръ этого

пресловутаго права сохранять изъ поколѣнія въ поколѣніе то положеніе, которое было однажды пріобрѣтено занятіемъ опредѣленнаго поста. Оно было извѣстно въ XVI и XVII вѣкахъ подъ названіемъ *мѣстничества*.

Мы не будемъ останавливаться на томъ громадномъ вредѣ, который проистекалъ изъ такого рода обычая. Неоднократно мѣстничество являлось истиннымъ препятствіемъ къ хорошему управленію, лишая великаго князя возможности призвать на службу тѣхъ, кого онъ считалъ наиболѣе способными. И лишь въ концѣ XVII вѣка царь Феодоръ, сынъ Алексѣя, третій царь изъ дома Романовыхъ, положилъ конецъ этимъ смѣшнымъ претензіямъ, приказавъ всѣ относившіеся къ этого рода спорамъ документы сжечь, а генеалогію аристократическихъ фамилій вести впредь на геральдическихъ бумагахъ.

Мелкое дворянство состояло отчасти изъ бывшихъ боярскихъ семей, быстро пришедшихъ въ упадокъ и сведенныхъ на низшее положеніе, благодаря тому, что ихъ прямые предки не занимали высшей должности ни въ войскѣ, ни на гражданской службѣ, отчасти же изъ обыкновенныхъ военнослужащихъ; послѣдніе были извѣстны подъ именемъ *дворянъ*, тогда какъ первые продолжали именоваться *дѣтьми боярскими*. Тѣ и другіе несли службу въ рядахъ войска и получали въ видѣ вознагражденія большее или меньшее количество земли въ зависимости отъ того, сколько людей обѣщали они вооружить и выставить на полѣ битвы.

Еще ниже двухъ этихъ сословій были писцы или *дьяки*, которые въ сущности и управляли всей административной машиной подъ начальствомъ бояръ, поставленныхъ во главѣ приказовъ и воеводствъ. Значительное число этихъ дьяковъ возведено было великими князьями и царями въ дворянское достоинство; немногіе изъ нихъ проникали въ низшіе ряды боярства.

Изъ этого бѣглаго обзора внутренняго устройства московскаго государства можно видѣть, что всѣ преимущества власти и богатства были предоставлены одной только военной аристократіи.

Что касается третьяго сословія, состоявшаго изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, то оно пользовалось единственной привиллегіей—платить налоги, отъ которыхъ высшіе классы были освобождены. Такимъ образомъ, можно сказать, что все населеніе великаго княжества дѣлилось на два обширныхъ слоя—высшій и низшій: первый, обязанный государству военной службой, а второй—податями. Между ними мы находимъ духовенство, очень многочисленное,

очень богатое землями и свободное (по крайней мѣрѣ, члены самого духовенства, если не населеніе ихъ земель) отъ платежа налоговъ—прямыхъ и косвенныхъ.

О богатствахъ, которыми владѣло послѣднее сословіе, можно судить на основаніи хотя бы слѣдующихъ фактовъ: на территоріи одного только Московскаго округа земли духовенства составляли около трети всей годной къ обработкѣ поверхности, а въ первой половинѣ XVII столѣтія такіе монастыри, какъ Соловецкій или Кириллово-Бѣлозерскій, принадлежали къ числу крупнѣйшихъ земельныхъ собственниковъ, которыхъ когда либо видѣлъ свѣтъ. Не одно лишь благочестіе заставляло нашихъ предковъ проявлять такую щедрость по отношенію къ духовенству; къ этому ихъ побуждало еще и желаніе обезпечить хотя бы часть своего имущества отъ конфискаціи и освободить его отъ податей и налоговъ, а также и отъ лихоимства гражданскихъ властей. При такомъ мстительномъ государѣ, какъ Иванъ Грозный, и при гражданской администраціи того времени, отличительныя свойства которой не составляли ни честность, ни чувство отвѣтственности, для землевладѣльца самымъ надежнымъ средствомъ было заложить свою землю въ какомъ нибудь монастырѣ и, тѣмъ самымъ, передать ее въ завѣдываніе послѣдняго; ибо въ ту эпоху ипотека предоставляла право пользованія, чего больше нѣтъ въ наши дни. Отсутствіе денегъ было второю причиною, заставлявшей земельныхъ собственниковъ продавать или. по крайней мѣрѣ, закладывать ихъ имѣнія такимъ значительнымъ владѣльцамъ движимости, какими были русскіе монастыри XVI и XVII столѣтій. Заложенныя имѣнія нерѣдко переходили въ собственность заимодавца, ибо должникъ не всегда имѣлъ возможность выкупить его обратно, благодаря чрезвычайно высокому ссудному проценту.

Въ силу этихъ причинъ, церковная земельная собственность увеличивалась въ быстрой прогрессіи, угрожая интересамъ короны и служилыхъ людей, существованіе которыхъ обезпечивалось раздачей имъ земель. Поэтому не удивительно, что царь Иванъ Грозный останавливался въ теченіе нѣкотораго времени на мысли о необходимости полной секуляризаціи церковнаго имущества—въ родѣ той, которая была произведена въ Англіи при Генрихѣ VIII и во Франціи во время великой революціи. Проектъ казался тѣмъ болѣе осуществимымъ, что среди самаго чернаго духовенства находился многочисленный классъ людей, возстававшихъ противъ всякаго скопленія богатствъ въ рукахъ тѣхъ, чей долгъ искать спасенія въ молитвѣ и воздержаніи.

Увѣрившись, такимъ образомъ, что его планы встрѣтятъ поддержку, Иванъ Грозный созвалъ общее собраніе духовенства, извѣстное въ Россіи подъ именемъ *Священнаго Собора*. Онъ состоялся приблизительно въ то же время, когда завязались первыя сношенія между Москвой и Англіей.

Несмотря на энергичныя обличенія Ниломъ Сорскимъ земельныхъ стяжателей, большинство собравшихся подъ предсѣдательствомъ Іосифа Волоколамскаго отвергло идею экспропріаціи, и русское духовенство сохранило свое право поземельной собственности вплоть до царствованія Екатерины II, когда секуляризація церковнаго имущества стала совершившимся фактомъ.

Не успѣвъ въ своей основной попыткѣ отобрать у церкви ея имущество, Иванъ Грозный принялъ рядъ мѣръ для воспрепятствованія росту ея имѣній и доходовъ. Эти мѣры оказывали свое дѣйствіе, пока живъ былъ Иванъ. Но въ такъ называемое *смутное время*, наступившее съ концомъ первой династіи, положеніе дѣлъ снова стало благопріятствовать увеличенію числа церковныхъ вкладовъ и ипотекъ.

Этимъ объясняется быстрое уменьшеніе количества земель, предназначавшихся въ вознагражденіе за военную службу, что и заставило государство нѣсколько позже распространить обязательность дѣйствительной военной службы даже на тѣхъ, кто владѣлъ и наслѣдственнымъ имѣніемъ, не отягченнымъ ипотеками.

Собственники земель, извѣстныхъ подъ именемъ *отчины* или *дѣдины* (терминъ, знакомый также салическому праву древнихъ франковъ), были обязаны выставлять извѣстное число вооруженныхъ солдатъ въ соотвѣтствіи съ разъ навсегда установленнымъ отношеніемъ къ количеству десятинъ или *четей*, составлявшихъ поверхность земель владѣльца. Когда Петръ Великій предпринялъ реорганизацію общественнаго и политическаго строя Россіи, онъ нашелъ вполнѣ готовый матеріалъ для проведенія основного принципа своей реформы, а именно, чтобы каждый дворянинъ, къ какому бы слою высшаго класса онъ ни принадлежалъ и каковъ бы ни былъ характеръ его владѣнія,—военныя ли бенефиціи или наслѣдственная земля,—оставался на государственной службѣ въ теченіе всей своей жизни, сперва въ рядахъ арміи и вновь созданнаго флота, а затѣмъ, когда старость или плохое состояніе здоровья станутъ препятствіемъ къ отправленію военныхъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ гражданскаго чиновника.

На такихъ условіяхъ русское дворянство, съ этого времени извѣстное подъ польскимъ названіемъ *шляхты*, осво-

бождалось отъ уплаты подушной подати и получало исключительное право владѣнія землями, обрабатывавшимися крѣпостными. Лишь въ концѣ XVIII столѣтія русскіе дворяне были освобождены Петромъ III и Екатериной II отъ обязательной службы и, подъ именемъ *дворянъ*, сохраненнымъ и понынѣ, стали классомъ землевладѣльцевъ, призваннымъ отправлять нѣкоторыя функціи мѣстнаго управленія на территоріи провинціи или округа.

Въ настоящей главѣ мы пытались показать, какая тѣсная связь существуетъ между соціальными порядками современной Россіи и старой московской имперіи. Еще неоднократно представится случай отмѣтить, какъ чуждыя, повидимому, реформы, проведенныя въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ по образцу Швеціи, Германіи, Франціи и Англіи, были въ сущности привиты къ чисто русскимъ учрежденіямъ. Въ результатѣ получалось почти полное измѣненіе характера самой реформы. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается то положеніе, что подраженіе рѣдко принимаетъ форму простого перенесенія чужого учрежденія и скорѣе является приспособленіемъ этого учрежденія къ старымъ условіямъ существованія даннаго народа, созданнымъ всѣмъ его прошлымъ.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ общественнаго и политическаго строя московскаго княжества, спросимъ себя, какіе новые элементы были внесены въ этотъ строй тремя первыми государями, принявшими титулъ царей — Иваномъ III, Василіемъ III и Иваномъ Грознымъ. Первый изъ этихъ трехъ монарховъ былъ истиннымъ основателемъ русскаго самодержавія. Онъ долженъ быть признанъ таковымъ не только потому, что уничтожилъ остатки примитивной демократіи, нѣкогда общей всѣмъ средневѣковымъ русскимъ княжествамъ и еще существовавшей въ Новгородскомъ и Псковскомъ, но также и потому, что, женившись на греческой принцессѣ изъ императорской фамиліи Палеологовъ, онъ первый заявилъ притязаніе на наслѣдованіе византійскимъ императорамъ въ дѣлѣ управленія православнымъ міромъ. Именно съ этого времени Москва начала считаться какъ бы новымъ Константинополемъ, и русскіе митрополиты, нѣкогда греческаго происхожденія и назначавшіеся греками, стали равны, если не выше, митрополитамъ византійскому, іерусалимскому и антіохійскому.

Оба эти событія—паденіе нѣкогда славныхъ республикъ и открытіе доступа въ Россію византійской цивилизаціи и византійскимъ теоріямъ императорскаго самодержавія — имѣютъ значеніе поворотныхъ пунктовъ въ политической

эволюціи Россія. Чтобы изгладить самыя воспоминанія о былой независимости, русскіе цари не только запретили впредь созывать народныя собранія или *вѣча* въ Новгородѣ и впослѣдствіи въ Псковѣ, но заставили даже наиболѣе видныя семьи этихъ областей избрать своимъ постояннымъ жительствомъ территорію московскаго округа, а присоединенныя реепублики заселили московскими выходцами. Прямое вліяніе второй крупной перемѣны, имѣвшей мѣсто въ царствованіе Ивана III,—проникновенія византійскихъ идей вслѣдствіе брака съ византійской принцессой—вскорѣ сказалось въ царствованіе его непосредственныхъ преемниковъ. Писатели того времени свидѣтельствуютъ, что, вопреки обычаямъ прошлаго, царь дѣлалъ все самолично, не спрашивая мнѣнія бояръ и совѣтуясь лишь съ однимъ или двумя приближенными незнатнаго рода, либо съ греческими и рускими монахами, людьми эгоистическими, заботившимися лишь объ увеличеніи собственныхъ богатствъ и на этомъ условіи готовыми всей душею примкмнуть ко всякому злоупотребленію властью, совершенному царемъ въ свою пользу.

Когда Иванъ Грозный принялъ правленіе въ свои руки, онъ имѣлъ передъ глазами примѣръ двухъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ; кромѣ того, онъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того огромнаго зла, которое за время его дѣтства было причинено государству правленіемъ думскихъ бояръ. И у него явилось стремленіе сокрушить эту силу и спрашивать совѣтовъ у представителей, если не всего народа, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые болѣе или менѣе справедливо могли считаться въ Москвѣ представителями различныхъ сословій, призванными помогать царю въ военномъ и гражданскомъ управленіи государствомъ. Таково происхожденіе извѣстныхъ *Земскихъ Соборовъ*, которые неоднократно разсматривались, какъ сколокъ и съ англійскаго парламента, и съ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Въ числѣ первыхъ лицъ, приглашенныхъ къ участію въ этихъ соборахъ, были, кромѣ членовъ Боярской Думы и высшаго духовенства, делегаты класса *служилыхъ людей*, извѣстныхъ подъ именемъ *дѣтей боярскихъ* и *дворянъ*,—названіе, которымъ въ настоящее время обозначается аристократическое происхожденіе. На Соборѣ 1556 года—первомъ, составъ котораго извѣстенъ намъ въ деталяхъ, этотъ классъ насчитывалъ двѣсти пять представителей — болѣе половины всего числа присутствовавшихъ. Почти всѣ они были выбраны изъ той тысячи дворянъ, которые въ 1550 году, по указу царя и членовъ Ближняго

Совѣта, получили въ даръ землю вблизи Москвы, въ районѣ въ семь географическихъ миль. Эти дворяне были старѣйшими въ своемъ разрядѣ по происхожденію и по заслугамъ. Часть изъ нихъ получала въ качествѣ бенефиціи по 300 четей (около 50 десятинъ) каждый и образовала первый разрядъ. Второй разрядъ составился изъ тѣхъ, кому было дано не болѣе 225 четей; третій—получилъ всего 150 четей на душу.

Этотъ даръ составлялъ лишь прибавку къ обширнымъ помѣстьямъ, которыми уже владѣли упомянутые дворяне въ различныхъ частяхъ государства на правахъ собственности или пожизненнаго владѣнія. Каждый изъ этихъ разрядовъ, вмѣстѣ довольно полно представлявшихъ сословіе служилыхъ людей, получилъ приказаніе послать извѣстное число делегатовъ: первый девяносто семь, не считая девяти изъ округовъ Луцкаго и Торопецкаго, которые упоминаются особо.

Остальные сто десять депутатовъ принадлежали ко второму и третьему разрядамъ, и это были члены дворянскихъ родовъ, жившихъ въ тридцати восьми округахъ, половина которыхъ была расположена въ западной части русскаго государства. Предпочтеніе, оказанное этимъ провинціямъ, имѣло слѣдующее основаніе: Собору предстояло рѣшить вопросъ, продолжать ли войну съ Польшей, и, конечно, никто не былъ болѣе заинтересованъ въ разрѣшеніи этого вопроса, чѣмъ служилые люди западныхъ губерній, на долю которыхъ и выпадало веденіе этой войны. Поэтому было естественно спросить ихъ мнѣнія раньше другихъ. Можно прибавить, что это было также вполнѣ практично, ибо ихъ полки, по той же причинѣ, находились либо въ самой Москвѣ, либо вблизи нея.

Третье сословіе насчитывало среди присутствовавшихъ семьдесятъ восемь членовъ. Двѣнадцать изъ нихъ принадлежали къ классу купцовъ, торговавшихъ съ иностранными державами; эти купцы носили особое названіе—„гости". Остальные представляли два различныхъ подраздѣленія московскихъ суконщиковъ: къ одному принадлежали купцы изъ „*Смоленскихъ рядовъ*", сохранившихъ это названіе чуть не до нашихъ дней, а къ другому тѣ, что были извѣстны подъ особымъ именемъ *московскихъ торговыхъ людей*.

Конечно, трудно считать всѣхъ этихъ делегатовъ дѣйствительными представителями третьяго сословія Россіи. Но они не были также представителями одной лишь Москвы, потому что, по общему правилу, въ высшихъ слояхъ торговаго класса правительство выбирало должностныхъ лицъ

для взиманія косвенныхъ налоговъ во всемъ государствѣ. Это были такъ называемые—*вѣрные люди*; съ нихъ бралась присяга, что они вѣрно и честно будутъ исполнять возложенныя на нихъ функціи контроля.

Простой просмотръ списка приглашенныхъ на Соборъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что русское правительство не искало совѣта наиболѣе свѣдущихъ людей въ государствѣ; ему было лишь нужно узнать мнѣнія тѣхъ, кто стоялъ во главѣ солдатъ или плательщиковъ податей; оно желало узнать не столько о нуждахъ населенія различныхъ округовъ, городовъ и посадовъ, сколько о числѣ ратниковъ и о суммѣ денегъ и всякаго добра, которыми оно могло располагать въ случаѣ военныхъ или политическихъ затрудненій.

Тотъ же характеръ проявляется въ составѣ позднѣйшихъ Соборовъ и въ задачахъ, которыя имъ ставились—напримѣръ, въ Соборѣ 1598 года, созванномъ для избранія новаго царя вслѣдствіе прекращенія династіи Рюрика. Какъ и въ 1566 году, члены Боярской Думы и, среди нихъ, думные и приказные дьяки, въ рукахъ которыхъ находилось высшее управленіе государствомъ, были приглашены на Соборъ наравнѣ съ высшими чиновниками личной государевой казны или *двора*; въ 1566 году послѣднихъ не было. Служилые люди составляли на этотъ разъ больше половины всего числа присутствовавшихъ; большинство принадлежало къ разряду московскихъ дворянъ, которые командовали полками или занимали высшія гражданскія должности. Но, кромѣ нихъ, мы встрѣчаемъ на Соборѣ 1598 года выборныхъ, взятыхъ изъ высшаго слоя мѣстнаго дворянства которое, по заслуживающему довѣрія свидѣтельству Margeret, должно было посылать въ Москву отъ каждаго города опредѣленное число своихъ членовъ для безпрерывнаго пребыванія тамъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Ихъ назначеніемъ было, очевидно, помогать центральному правительству въ дѣлахъ, касавшихся провинціальнаго военнаго управленія и распредѣленія земель въ вознагражденіе за военную службу. Постоянно находясь въ Москвѣ, они могли участвовать въ засѣданіяхъ Собора наряду съ нѣкоторыми московскими дворянами, которые не совсѣмъ еще покинули свой родной округъ, хотя и исполняли военныя и гражданскія функціи въ столицѣ. Третье сословіе совершенно такъ же, какъ и тридцать два года назадъ, было представлено на Соборѣ извѣстнымъ числомъ гостей (или московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ иностранными державами — всего двадцать одинъ) и делегатами наиболѣе крупныхъ купцовъ, занимав-

шихся внутреннею торговлею. Среди послѣднихъ суконщики, какъ и въ 1566 году, составляли особый классъ подъ названіемъ *смоленскихъ купцовъ*.

И на этотъ разъ власти, правившія московскимъ государствомъ, хотя и болѣе подраздѣленныя, собрались вмѣстѣ не затѣмъ, чтобы выразить насущныя нужды земельной аристократіи и буржуазіи или сельскихъ общинъ, какъ это было бы на собраніи англійскаго парламента, а чтобы обсудить вопросъ столь значительной общественной важности какъ выборы новой династіи.

Мы не продолжимъ далѣе изученія состава первыхъ Соборовъ. И приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы объяснить, почему представительство правящихъ классовъ московскаго общества было невозможно въ какой либо другой формѣ, кромѣ описанной нами. Кто приметъ во вниманіе чрезвычайную обширность русскаго государства въ то время, когда Соборы впервые появляются въ его исторіи, кто вспомнитъ, что невозможно было достигнуть столицы менѣе, чѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ виду плохого состоянія дорогъ и отдаленности нѣкоторыхъ провинцій, какъ Новгородъ, Псковъ, Архангельскъ, берега Енисея или Урала, Камы или Волги,—тотъ легко пойметъ, что парламентарное представительство не могло принять въ Россіи тотъ общій характеръ, какой оно имѣло въ Англіи. Съ другой стороны, отсутствіе личной свободы, съ каждымъ поколѣніемъ все глубже чувствуемое въ рядахъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ классовъ московскихъ жителей—класса крестьянъ, de facto, если не de jure, уже прикрѣпленныхъ къ землѣ, и класса простолюдиновъ или горожанъ, вынужденныхъ постоянно жить на мѣстѣ своего рожденія, благодаря системѣ круговой отвѣтственности въ уплатѣ налоговъ,—отсутствіе личной свободы, говоримъ мы, было естественнымъ препятствіемъ для болѣе или менѣе реальнаго представительства этихъ двухъ классовъ на Соборахъ. Въ Россіи, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи похожей на Англію и Францію, не было ничего аналогичнаго шведской и, позже, финляндской четвертой палатѣ, состоявшей изъ делегатовъ отъ свободныхъ крестьянъ.

Россія никогда также не знала тѣхъ „добрыхъ и вѣрныхъ людей“ того или иного города или посада, изъ которыхъ состояла часть палаты общинъ, начиная съ того момента, когда Симонъ Монфоръ попросилъ третье сословіе поддержать передъ короной требованія дворянъ и squires—событіе, имѣвшее мѣсто, какъ извѣстно, въ 1265 году. Изъ трехъ „рукъ“ (brachios), изъ которыхъ состояли кортесы

Аррагоніи или Кастиліи, московское государство знало лишь *caballeros* или владѣльцевъ военныхъ помѣстій.

Немногихъ представителей третьяго сословія, которые появляются на Соборахъ, можно, пожалуй, сравнить съ делегатами тѣхъ купеческихъ гильдій, которыя нѣкогда, въ XII и XIII столѣтіяхъ, вмѣстѣ съ откупомъ регулярныхъ доходовъ, поступавшихъ въ казну отъ городовъ и посадовъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ и все внутреннее управленіе послѣдними.

Но даже и въ этомъ отношеніи обширные размѣры московскаго государства создали особую необходимость искать поддержки лишь въ той части торговаго класса, которая постоянно жила въ столицѣ.

Иванъ Грозный произвелъ глубокое измѣненіе въ старой системѣ управленія не только созданіемъ Соборовъ, но также ограниченіемъ политической власти Думы и расширеніемъ ея судебныхъ функцій. Первая цѣль была достигнута, когда, подъ предлогомъ дѣйствительныхъ или предполагавшихся заговоровъ бояръ, царь безъ суда подвергалъ бояръ казнямъ и конфискаціямъ, иногда снисходя къ замѣнѣ земельнаго имущества осужденныхъ, обыкновенно присоединявшагося къ царскимъ владѣніямъ, какими нибудь землями въ отдаленныхъ провинціяхъ. Этимъ путемъ ему удалось лишить старыя, нѣкогда правившія русскими княжествами, семьи той матеріальной поддержки, которую онѣ черпали въ обширныхъ владѣніяхъ на территоріи этихъ княжествъ. Представители многихъ изъ этихъ отдаленныхъ вѣтвей династіи Рюрика, зная участь, ожидавшую ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ, уходили въ добровольное изгнаніе и эмигрировали въ Польшу, предоставляя коронѣ конфисковать ихъ имущество.

Въ результатѣ Дума въ значительной мѣрѣ утратила свой аристократическій характеръ, и въ ряды бояръ вступили новыя фамиліи, обязанныя своимъ высокимъ положеніемъ не столько знатному происхожденію, сколько бракамъ царя или его родственниковъ съ женщинами изъ ихъ рода. Такъ Годуновы и Романовы, по прекращеніи рюриковой династіи засѣдали въ Боярской Думѣ лишь съ двумя или тремя родами болѣе знатными по происхожденію, чѣмъ ихъ; это были Шуйскіе, Милославскіе, Голицыны и Трубецкіе, которые выступали среди прямыхъ или косвенныхъ соискателей русскаго престола въ смутное время, начавшееся съ появленіемъ перваго претендента—Лжедимитрія.

Мы бѣгло обозрѣли главныя черты соціальнаго и политическаго зданія московскаго государства въ вѣкъ, предшество-

вавшій вступленію на престолъ дома Романовыхъ и началу длиннаго, до сихъ поръ еще не закончившагося, періода реформъ. Заканчивая это сжатое изложеніе предмета, который трактовался уже въ самыхъ мелкихъ деталяхъ русскими историками, законовѣдами и экономистами, мы можемъ кратко отмѣтить тотъ фактъ, что административная машина вся цѣликомъ была построена такъ, чтобы ее легко было распространить на вновь пріобрѣтенныя территоріи. Дѣйствительно, какъ только какая нибудь иностранная провинція или независимое государство, какъ напр., Казанское царство и Астраханская орда, покорялись русскимъ оружіемъ, правительство зачисляло его аристократію въ ряды московскихъ служилыхъ людей, давая княжескій титулъ тѣмъ, кто либо и раньше носилъ его въ своемъ государствѣ, либо же былъ извѣстенъ подъ именемъ *мурзы*, очень распространеннымъ въ магометанскомъ мірѣ. Низшіе классы населенія завоеванныхъ провинцій финскаго, татарскаго или славянскаго происхожденія впредь безразлично зачислялись въ податное сословіе въ качествѣ крестьянъ или жителей посадовъ, къ каковому разряду считались принадлежащими даже такіе большіе города, какъ Казань. Въ то же время царь приказывалъ нѣсколькимъ сотнямъ московскихъ служилыхъ людей занять цитадель завоеванныхъ городовъ и отмежевывалъ имъ во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ крупныя помѣстья, большая часть которыхъ до того находилась въ рукахъ мѣстнаго дворянства. Такъ поступилъ Иванъ III по присоединеніи Новгорода и его сынъ Василій—по сдачѣ Пскова.

Такова же была политика Ивана Грознаго по отношенію къ Казани и Астрахани, съ тою лишь разницей, что, встрѣтивъ, по крайней мѣрѣ въ первой изъ этихъ двухъ провинцій, отчаянное сопротивленіе со стороны дворянства, русская армія воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы истребить вождей аристократической оппозиціи. Ихъ имѣнія были конфискованы и переданы московскимъ служилымъ людямъ. Немногія дворянскія фамиліи, избѣжавшія общаго истребленія, получили приказаніе поселиться въ Москвѣ или избрать себѣ на жительство какую нибудь другую провинцію, не принадлежавшую къ завоеванному царству.

Чтобы удержать покоренные народы въ подчиненіи, московское правительство строило новыя крѣпости, какъ Свіяжскъ на среднемъ теченіи Волги, немного позже Мензелинскъ, на небольшомъ разстояніи отъ Камы, и Оренбургъ— въ непосредственной близости съ другой большой рѣкой, впадающей въ Каспійское море, Яиколи или Ураломъ.

Вмѣстѣ съ Астраханью и нѣсколькими укрѣпленными

пунктами меньшей важности, находившимися между устьемъ Волги и Нижнимъ-Новгородомъ, эти крѣпости становились достаточно сильными для поддержанія порядка и мира среди различныхъ финскихъ племенъ, какъ мордва, черемиссы, чуваши и ногаи, жившіе по обоимъ берегамъ огромной рѣки, соединяющей внутреннія провинціи Россіи съ Каспійскимъ моремъ.

Мензелинскъ и Заинскъ играли ту же роль въ поддержаніи русскаго могущества среди финскихъ племенъ, разбросанныхъ по мелкимъ притокамъ Камы, а Астрахань, Оренбургъ и Уральскъ несли одинаковую службу, защищая русскія провинціи отъ вторженія киргизовъ или башкировъ и калмыковъ, народовъ монгольской расы, изъ коихъ послѣдніе незадолго до того поселился въ Россіи, придя изъ столь отдаленныхъ странъ, какъ Китай.

Для удержанія покоренныхъ народовъ въ повиновеніи русское правительство пользовалось также поддержкой со стороны казаковъ, легкой кавалеріи, состоявшей изъ добровольцевъ, которые пожелали поселиться на обширныхъ незанятыхъ пространствахъ земли, расположенныхъ за предѣлами московскаго государства и доступныхъ нападеніямъ татаръ. Казаки заняли эти территоріи многочисленными самоуправлявшимися группами, одинаково легко бравшимися и за ремесло грабителя на большой дорогѣ, и за защиту русскаго могущества и православной церкви.

Нѣсколькимъ полкамъ этихъ добровольцевъ было разрѣшено переселиться съ береговъ Дона, въ старину—Танаиса, на Уралъ и тамъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ башкирами, основать нѣчто въ родѣ полунезависимой военной республики, призванной защищать Россію отъ новаго нашествія монголо финской расы. Одного изъ такихъ казаковъ наняли богатые пермскіе промышленники Строгановы на трудное дѣло очищенія сѣверо-восточной границы отъ періодическихъ набѣговъ варварскихъ или полуварварскихъ народцевъ. Исполняя это порученіе, онъ съ маленькимъ отрядомъ своихъ людей дошелъ до Западной Сибири, гдѣ столѣтіе назадъ на берегахъ Иртыша княжеская фамилія Тайбуговъ основала татарское царство.

Это государство, управлявшееся во время Ивана Грознаго нѣкіимъ Кучумомъ, состояло изъ различныхъ племенъ, какъ остяки и башкиры. Только высшій классъ составляли татары, которые, будучи магометанами, прилагали всѣ усилія, чтобы обратить въ свою вѣру туземныя племена. Послѣднія все же сохраняли свои древніе нравы и обычаи, какъ и нѣкоторый видъ независимости. Они были лишь

обязаны платить новому правительству регулярную подать. Последнее было, кажется, какъ и въ Казани, характера более или менее аристократическаго, и верховная власть принадлежала не только хану, но и некоторому числу второстепенныхъ начальниковъ, известныхъ подъ именемъ *мурзы.* Несогласія между правителями и управляемыми, на которыя въ довольно туманныхъ выраженіяхъ сделанъ намекъ въ посланіи царя Кучума къ Ивану Грозному, ослабляли могущество молодого государства. Этимъ объясняется слабость сопротивленія, оказаннаго казацкому вторженію. Все завоеванія, совершенныя Россіей на юго-востоке и на севере, были выполнены маленькими отрядами солдатъ, которые аттаковывали города, овладевали ихъ деревянными или каменными крепостцами и, не решаясь проникнуть въ дикія места, занятыя туземцами, довольствовались полученіемъ отъ нихъ чисто формальнаго выраженія покорности. Что же касается колонизаціи, то она двигалась впередъ довольно медленно, но непрерывно—следующимъ путемъ: на сліяніи двухъ судоходныхъ рекъ воздвигалась крепость; московскіе служилые люди получали приказаніе въ ней поселиться, и имъ отмежевывались обширные земельные наделы—однимъ непосредственно вблизи крепости, большей же части — на известномъ отъ нея разстояніи. Высшимъ офицерамъ давались отдельныя владенія; простые же солдаты получали землю сообща съ правомъ поделить ее между собой. То же можно сказать и о казакахъ, которые, благодаря обширности отданныхъ въ ихъ распоряженіе земель, предпочитали сохранять ихъ въ общемъ владеніи всего полка и пользовались ими преимущественно какъ пастбищами, а не какъ нивами. Донскіе казаки такъ же, какъ уральскіе и иртышскіе—въ Сибири,—жили больше грабежомъ и охотой, нежели земледеліемъ. Возможность полученія необходимаго для ихъ пропитанія количества хлеба изъ царскихъ щедротъ и была однимъ изъ соображеній, склонившихъ казаковъ къ присяге на подданство московскому правительству. Этимъ объясняется также ихъ обыкновеніе оставаться вблизи крепостей, расположенныхъ на границахъ русской имперіи въ районе обширныхъ незанятыхъ степей, которыя были известны подъ именемъ „государевой пашни". Эта земля безплатно обработывалась низшимъ слоемъ народа, которому было приказано поселиться вблизи крепости, и хлебъ, собиравшійся на этой территоріи, шелъ на пропитаніе не только гарнизона, но и столь отдаленныхъ союзниковъ, какъ казаки. Однако, добываніе этого хлеба стало вскоре тяжелымъ бременемъ для населенія, и этимъ

вполнѣ объясняется, почему въ концѣ XVI столѣтія жители крѣпостныхъ округовъ начали выражать недовольство тѣмъ образомъ жизни, который ихъ заставляли вести, и были готовы поддержать всякаго претендента, обѣщавшаго улучшить ихъ положеніе.

Изъ этого весьма неполнаго описанія внутренней организаціи московскаго государства при первой династіи можно видѣть, что оно уже перестало быть простымъ удѣломъ, какъ во времена первыхъ князей московскихъ, или даже собраніемъ удѣловъ, расположенныхъ по всему теченію рѣки Москвы, какимъ оно было при Иванѣ Калитѣ въ серединѣ XIV столѣтія. Хотя его западная граница и проходила на небольшомъ разстояніи - въ нѣсколько сотъ миль— отъ Москвы, на востокѣ оно раскинулось до Енисея, Урала, Уральскихъ горъ и устьевъ Волги. На сѣверѣ оно достигало области большихъ озеръ и Бѣлаго моря. Наиболѣе неопредѣленной была его южная граница. Цѣпь крѣпостей была воздвигнута для защиты этой плохо обозначенной границы отъ татарскихъ вторженій.

Въ первой половинѣ XVI столѣтія Тула и Тамбовъ являлись наиболѣе важными звеньями въ этой цѣпи: но сто лѣтъ спустя эти крѣпости уже замѣщаются Бѣлгородомъ, Харьковомъ и Воронежемъ.

Тѣмъ не менѣе, московская эмиграція продолжалась и далѣе на югъ, при чемъ эмигрировали преимущественно крестьяне, бѣжавшіе отъ крѣпостной тираніи. Обыкновенно они встрѣчали другихъ эмигрантовъ, направлявшихся изъ Западной Россіи и изъ Литвы, около того времени объединившейся съ Польшей. Послѣднее событіе сильно отразилось на условіяхъ соціальнаго и религіознаго быта простого народа.

Польское дворянство, особенно низшій его слой—*шляхта*, пыталось ввести крѣпостное право во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ, а латинское духовенство употребляло въ то же время всѣ усилія, чтобы вытѣснить греческую религію, замѣнивъ ее католической. Польскіе бѣглецы встрѣчались съ тѣми, кто шелъ изъ предѣловъ московскаго государства. И тѣмъ, и другимъ была обща любовь къ свободѣ и преданность православію. Поэтому они безо всякаго труда объединялись, образуя военные отряды и федераціи. Одна изъ такихъ федерацій основалась на берегахъ Днѣпра и основала свою главную резиденцію на одномъ изъ его островов. Такъ возникла знаменитая *сѣчь* или военное поселеніе казаковъ, жившихъ къ югу отъ пороговъ (*запорожцы*). Эта сѣчь положила начало Малороссіи.

Въ глазахъ иностранцевъ эти грабители были не болѣе, какъ разбойничьимъ станомъ, въ то время какъ само московское государство временъ Ивана Грознаго выставлялось Walter'омъ Raleigh, какъ крайній примѣръ деспотіи или, какъ онъ говорилъ, тираніи. Однако, несмотря на грубость своихъ политическихъ учрежденій, восточная московская монархія и военныя казачьи республики таили въ себѣ зародышъ ихъ будущаго развитія. Изъ ихъ сліянія образовалось современное русское государство, въ которомъ еще существуютъ двѣ противоположныя другъ другу тенденціи, одна—къ порядку, основанному на общественной іерархіи, а другая—къ неограниченной и равной для всѣхъ свободѣ. Но въ концѣ XVI столѣтія природа этихъ двухъ различныхъ соціально-политическихъ организмовъ была слишкомъ несовмѣстима, чтобы между ними возможны были какія нибудь другія отношенія, кромѣ открытой войны. Періодъ междуцарствія, послѣдовавшій за прекращеніемъ старой династіи, послужилъ къ ускоренію конфликта. Въ этомъ и заключается истинное значеніе этой огромной соціально-политической конвульсіи. Московское государство вышло изъ этого періода смуты здравымъ и невредимымъ, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою независимость и, въ значительной мѣрѣ, свои старыя учрежденія; но новые правители имперіи вскорѣ убѣдились, что для обезпеченія ихъ самостоятельности отъ иностранныхъ державъ необходимо перестроить учрежденія страны по новому образцу, и, именно, по образцу европейскаго военнаго абсолютизма. Михаилъ и Алексѣй были предвѣстниками этой новой политики, въ значительно большемъ масштабѣ преслѣдовавшейся Петромъ Великимъ и продолжавшейся до конца царствованія Екатерины или, вѣрнѣе, до восшествія на престолъ Александра I.

ГЛАВА III.

Московскія учрежденія въ царствованіе Романовыхъ.

Царствованіе первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ, хотя и не составляетъ новой эры въ развитіи русскихъ политическихъ учрежденій, тѣмъ не менѣе значительно отличатся отъ правленія монарховъ первой династіи. Большая часть отличительныхъ чертъ, отмѣчающихъ этотъ, какъ можно было бы назвать его, переходный періодъ къ реформамъ Петра Великаго, находитъ свое естественное объясненіе въ опытѣ, пріобрѣтенномъ въ теченіе смутнаго времени, которое длилось отъ конца старой династіи до избранія новой. Мы не думаемъ утверждать что русскіе правители всегда считались съ этимъ опытомъ. Нерѣдко бывало наоборотъ, и неудача нѣкоторыхъ предпріятій Михаила и Алексѣя, какъ и недовольство, созданное ихъ правленіемъ въ низшихъ слояхъ московскаго населенія и въ частности среди крестьянъ, личная свобода которыхъ подвергалась все большимъ ограниченіямъ, не имѣли другихъ причинъ, кромѣ недостатка вниманія къ урокамъ исторіи. Изъ этого видно, насколько важно изученіе эпохи смутнаго времени для пониманія внутренняго состоянія Россіи въ XVII столѣтіи. Неудивительно, что наши историки, начиная съ Карамзина и кончая профессоромъ Платоновымъ и отцомъ Піерлингомъ, всегда придавали громадное значеніе всякимъ новымъ документальнымъ свѣдѣніямъ объ этой соціально-политической конвульсіи старой Россіи. Невозможно дать здѣсь даже бѣглый обзоръ главнѣйшихъ событій этой эпохи. Важно лишь отмѣтить, что новѣйшія изысканія въ архивѣ Ватикана подтвердили, не оставивъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ, что Лжедимитрій, съ помощью поляковъ и при поддержкѣ населенія сдѣлавшійся царемъ, ни въ коемъ случаѣ не былъ сыномъ Ивана Грознаго, счастливо спасшимся изъ рукъ

наемныхъ убійцъ. Это былъ бѣглый чернецъ, нашедшій среди самихъ бояръ полную готовность поддержать его самозванство. Отецъ Піерлингъ, опираясь на новые документы, лишь подтвердилъ старое, поддерживавшееся еще Карамзинымъ, предположеніе, что Лжедимитріемъ былъ нѣкій Гришка Отрепьевъ, бѣжавшій въ Польшу не безъ вѣдома нѣкоторыхъ дворянъ изъ низшаго слоя—между прочимъ, быть можетъ, и монаха Филарета, отца будущаго царя Михаила. Филаретъ былъ въ то время въ плохихъ отношеніяхъ съ Годуновымъ, недавно вступившимъ на русскій престолъ. Подобное предположеніе было высказано Костомаровымъ и повторено въ довольно туманной формѣ профессоромъ Платоновымъ. Не безынтересно сравнить поведеніе Филарета въ этомъ случаѣ съ его отношеніемъ ко второму самозванцу, названному „тушинскимъ воромъ“, въ лагерѣ котораго онъ предпочелъ жить, не желая поддерживать царя-боярина Василія Шуйскаго изъ рода князей Шорія, Рюриковой династіи. При этомъ слѣдуетъ, отмѣтить что нѣсколько мѣсяцевъ спустя, тотъ же Филаретъ подписалъ актъ, по которому польскій королевичъ Владиславъ долженъ былъ стать русскимъ государемъ, не какъ царь-самодержецъ, а съ властью, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ власть Шуйскаго, ограниченной Боярской Думой и Земскимъ Соборомъ. Во всѣхъ интригахъ, завершившихся паденіемъ сперва Годунова, а затѣмъ и Шуйскаго, замѣтно одно и то же стремленіе — устранить послѣднихъ сторонниковъ ненавистнаго режима, связаннаго съ именемъ Ивана Грознаго. Годуновъ былъ однимъ изъ его главныхъ сторонниковъ; его сестра стала женою царя Θеодора Ивановича. Шуйскій же служилъ при тиранѣ и былъ чуть ли не послѣднимъ представителемъ Рюриковой династіи; ибо Милославскій былъ старъ и неспособенъ, а другой претендентъ очень высокаго происхожденія, Голицынъ, принадлежалъ къ роду литовскаго царя Гедемина, а не Рюрика.

Такъ какъ бояре, раздѣлившись на нѣсколько партій, не могли согласиться на комъ-либо изъ своей среды, а члены высшей аристократіи, какъ князь Трубецкой, приняли сторону второго претендента, то рѣшено было избрать новаго царя за границей съ условіемъ, что онъ сохранитъ не только греческую церковь, но и старое право бояръ наравнѣ съ царемъ участвовать въ обсужденіи и разрѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Это право за время царствованія Ивана Грознаго и его ближайшаго предшественника, Василія, почти не соблюдалось. По хорошо извѣстному свидѣтельству одного современника, оба эти царя предпочитали совмѣстному

обсужденію всѣхъ дѣлъ съ членами высшей аристократіи частное совѣщаніе съ однимъ или двумя приближенными людьми низшаго происхожденія, достигшими столь высокаго положенія благодаря совмѣстнымъ трудамъ или по капризу самодержца, либо же съ помощью интригъ какого-нибудь темнаго монаха. Недаромъ среди бояръ была распространена легенда, согласно которой архіепископъ Вассіанъ далъ царю Ивану въ 1553 году слѣдующій совѣтъ: „Если ты желаешь быть самодержцемъ, не совѣтуйся ни съ кѣмъ умнѣе тебя самого. Такимъ образомъ ты окажешься самымъ мудрымъ изъ всѣхъ и будешь вполнѣ спокойно занимать свой тронъ“. Подобный совѣтъ былъ противоположенъ мнѣнію людей, пропитанныхъ идеями болѣе отдаленной эпохи, о преимуществахъ совѣщанія по всѣмъ дѣламъ съ князьями и боярами, а не съ „погребенными мертвецами“, какъ называетъ монаховъ въ родѣ Вассіана одинъ изъ памфлетистовъ того времени [1]). Авторъ одного изъ такихъ политическихъ памфлетовъ говоритъ, что царь во всѣхъ случаяхъ долженъ справляться съ мнѣніемъ думныхъ людей, снова и снова обсуждая вопросъ съ боярами, дабы придти къ наилучшему рѣшенію. Такова старая система, относительно которой гуманистъ Максимъ Грекъ, вынужденный, къ несчастью для него, заняться русскими церковными и политическими дѣлами, велъ бесѣду съ однимъ изъ совѣтниковъ Василія. Царь долженъ былъ уважать людей старыхъ и жаловать ихъ землею. Именно этотъ старый обычай, упраздненный государями XVI столѣтія, хотѣли возстановить бояре, договариваясь съ Владиславомъ.

Но не одна только Боярская Дума фигурируетъ въ документѣ, подлежавшемъ подписи польскаго королевича. Одновременно бояре потребовали и общаго представительства для всей страны — Земскаго Собора. Въ лучшій періодъ своего царствованія, ознаменованный завоеваніемъ Астрахани и Казани и умѣлымъ внутреннимъ управленіемъ, Иванъ Грозный уже созывалъ соборы изъ различныхъ выборныхъ чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежало взиманіе податей, и жившихъ въ Москвѣ служилыхъ людей. Но не такого совѣщанія изъ одныхъ лишь чиновниковъ хотѣлъ Курбскій, знаменитый противникъ Ивана Грознаго; онъ желалъ учрежденія въ Россіи истиннаго представительства, вѣроятно, слѣдуя примѣру польско-литовскаго королевства, гдѣ подобный институтъ мирно функціонировалъ.

[1]) См. переписку между святыми чудотворцами въ *Валаамѣ*,—политическій памфлетъ XVI столѣтія.

Русскому же самодержцу эти ограниченія верховной власти казались не менѣе смѣшными, чѣмъ тѣ, которыми была связана Елизавета Англійская. То, чего желалъ Курбскій, былъ всеобщій народный совѣтъ, созываемый ежегодно и составленный изъ представителей всѣхъ городовъ и округовъ: съ ними царь долженъ былъ обсуждать дѣла, касавшіяся всего народа, въ цѣломъ. Подобное учрежденіе, быть можетъ, ближе знакомое польскому королю, нежели требовавшимъ его боярамъ, и было поставлено въ условіе королевичу Владиславу при его избраніи на русскій престолъ. Такіе люди, какъ Филаретъ Романовъ, отецъ будущаго царя Михаила, были столь же заинтересованы въ принятіи этихъ ограниченій, какъ и недавніе сторонники Шуйскаго, которые и его принудили согласиться на нѣкоторыя аналогичныя условія.

Вѣроятно ли при такихъ условіяхъ, чтобы, выбирая впослѣдствіи царемъ одного изъ Романовыхъ, принадлежавшихъ къ второстепеннымъ боярскимъ родамъ и своимъ возвышеніемъ обязаннымъ браку Ивана Грознаго съ дѣвушкой изъ ихъ семьи,—чтобы участники этихъ выборовъ оставили всякую мысль о конституціонныхъ гарантіяхъ и объ ограниченіи самодержавной власти? Ни въ какомъ случаѣ. И если новѣйшіе русскіе историки высказываютъ предположенія этого рода, ихъ гипотеза находится въ полномъ противорѣчіи со свидѣтельствами того времени, исходящими изъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Обратимся прежде всего къ Котошихину, очень извѣстному эмигранту, жившему въ Швеціи: въ своемъ сочиненіи о состояніи Россіи въ царствованіе Алексѣя, второго царя изъ дома Романовыхъ, онъ ясно говоритъ, что это былъ первый изъ выбранныхъ царей, не давшій никакой ограничительной записи, какъ это дѣлали предыдущіе государи. „Если же отъ Алексѣя„—продолжаетъ тотъ же авторъ—„этой записи не требовали, то лишь потому, что каждый зналъ его тихій нравъ“. Что касается Михаила, Котошихинъ говоритъ: „Хотя онъ и объявлялъ себя самодержцемъ, онъ ничего не могъ предпринять безъ совѣта бояръ“. Говоря о характерѣ этихъ ограниченій, Котошихинъ отмѣчаетъ лишь данное царемъ обѣщаніе не быть ни нетерпѣливымъ, ни жестокимъ, „никого не казнить безъ суда и вины и о всѣхъ дѣлахъ мыслить съ боярами и думными людьми сообща и безъ ихъ вѣдома тайно и явно ничего не дѣлать“. Это свидѣтельство Котошихина не является единственнымъ русскимъ свидѣтельствомъ, которымъ мы располагаемъ по вопросу объ ограниченіяхъ, наложенныхъ на Михаила при его избраніи. Одинъ лѣтопи-

сецъ того времени, родомъ изъ Пскова, съ негодованіемъ разсказываетъ, какъ при Михаилѣ бояре держали страну въ своей власти, не обращая на царя никакого вниманія и не боясь его, ибо они заставили монарха цѣловать крестъ на томъ, что онъ не будетъ приговаривать къ смерти людей высокаго положенія и принадлежащихъ къ боярскому роду и ограничится лишь заточеніемъ ихъ въ тюрьмѣ. Другое сообщеніе, на которое ссылается Татищевъ, русскій историкъ послѣдняго столѣтія, говоритъ, что хотя избраніе новаго царя было всенароднымъ, но на престолъ взошелъ онъ лишь послѣ того, какъ подписалъ хартію въ родѣ выданной Василіемъ Шуйскимъ. До сихъ поръ мы не видѣли никакихъ упоминаній о соборѣ въ обѣщаніяхъ, дававшихся новоизбранными царями; рѣчь шла лишь о Боярской Думѣ. Нѣкоторые иностранцы идутъ въ своихъ утвержденіяхъ нѣсколько дальше. Шведскій писатель Фоккеродтъ говоритъ, что среди обязательствъ, принятыхъ на себя юнымъ царемъ, имѣлось и такое, по которому безъ согласія Собора царь не долженъ былъ вводить новые законы, назначать какіе-либо налоги или затѣвать войну. Почти то же самое повторяетъ и нѣмецкій авторитетъ Штраален бергъ, вполнѣ основательно замѣчая, что идея такихъ ограниченій была заимствована въ Польшѣ, гдѣ уже въ серединѣ XVI столѣтія, при Стефанѣ Баторіи, *сеймъ* и частный совѣтъ пользовались значительной политической властью. Штрааленбергъ опредѣленно утверждаетъ, что до своего коронованія Михаилъ принялъ и подписалъ слѣдующія условія: сохранять и поддерживать религію; забыть всѣ обиды, когда либо причиненныя его отцу; не вводить никакихъ новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ; важныя дѣла рѣшать по закону съ соблюденіемъ юридическихъ требованій, не объявлять войны и не заключать мира своею личной властью; не уступать никакихъ земель членамъ собственной фамиліи и не конфисковать ничьего имущества въ пользу короны.

Этимъ утвержденіямъ тѣмъ легче можно повѣрить, что въ описываемое время рѣшительно некому было защищать права царя. Отецъ Михаила, Филаретъ, находился тогда въ строгомъ плѣну у поляковъ и былъ такъ далекъ отъ мысли о возможности избранія его сына, что въ частномъ письмѣ къ Шереметеву убѣждалъ послѣдняго въ необходимости наложенія нѣкоторыхъ ограниченій на власть новаго государя. Если Шереметевъ и былъ первымъ, предложившимъ избрать Михаила, пятнадцатилѣтняго мальчика, то это случилось потому, что онъ и его приверженцы считали вполнѣ вѣроятнымъ переходъ дѣйствительнаго управленія Россіи въ ихъ руки.

Первые годы царствованія Михаила, до возвращенія изъ плѣна его отца, ознаменовались частымъ созывомъ Соборовъ и постоянными совѣщаніями бояръ о дѣлахъ страны. Это также подтверждаетъ, что нѣкоторыя условія были поставлены боярами царю и имъ были приняты. Въ теченіе первой половины царствованія Михаила Земскими Соборами было обсуждено и рѣшено много важныхъ вопросовъ. Отсутствіе денегъ неоднократно заставляло царя прибѣгать къ помощи займовъ и принудительнымъ безвозвратнымъ сборамъ. Былъ введенъ, между прочимъ, постоянный налогъ на имущество купцовъ и крестьянъ; новыя обложенія и сборъ безвозвратныхъ ссудъ каждый разъ получали утвержденіе Собора. Назначеніе новаго патріарха въ 1619 году было также его дѣломъ. Лѣтописи говорятъ намъ, что бояре, придворные чины и все населеніе московскаго государства обратились къ Михаилу съ просьбой склонить своего отца Филарета къ принятію главенства въ русской церкви. Два года спустя, въ 1621 году, новый Соборъ обсуждалъ вопросъ о томъ, вести ли Россіи войну съ Польшей. Сословія отвѣтили утвердительно, но недостатокъ денегъ и солдатъ заставилъ правительство отсрочить исполненіе этого рѣшенія.

Созывъ Соборовъ прекратился лишь по возвращеніи изъ Польши отца новаго государя и возведеніи его въ достоинство перваго представителя православной церкви. Филарету за время его пребыванія въ Польшѣ, вѣроятно, пришлось видѣть, до какой степени власть короля ограничена тамъ сеймомъ. Чтобы дать возможность сыну избѣжать той же участи, онъ, должно быть, убѣдилъ его положить конецъ регулярному созыву Земскихъ Соборовъ. Вмѣсто одного царя, контролируемаго двумя совѣтами—Боярской Думой и представителями различныхъ сословій—Россія получила двухъ монарховъ. Въ актахъ того времени царь и патріархъ одинаково назывались „Великими Государями". Оба судили всѣ восходящія къ нимъ дѣла и приказывали поступать такъ или иначе согласно съ ихъ обоюднымъ рѣшеніемъ. Хотя профессоръ Сергѣевичъ приписываетъ это совмѣстное правленіе прекраснымъ отношеніямъ, существовавшимъ между отцомъ-патріархомъ и сыномъ-царемъ, но одно это не объясняетъ намъ причинъ, по которымъ первый представитель московскаго православія былъ призванъ играть преимущественную роль въ отправленіяхъ верховной власти даже впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что возстаніе 1612 года, закончившееся отступленіемъ поляковъ изъ Москвы и возведеніемъ на престолъ человѣка истинно-русскаго происхожденія, было совершено столько же для защиты право-

славія, сколько для сохраненія національной независимости. Настойчивыя воззванія патріарха Гермогена изъ Москвы къ причетнику Діонисію и монастырскому эконому Аврааму Палицыну,—оба изъ Троицкой Лавры,—требовавшія объединенія всѣхъ національныхъ силъ для защиты вѣры и отечества, привели къ созданію государства, не менѣе проникнутаго идеей своего провиденціальнаго назначенія—охранять чистые и всеобщіе принципы христіанства отъ искаженія ихъ папскими догматами, нежели идеей имперіи, совершенно свободной отъ какого бы то ни было иностраннаго вмѣшательства. По этой именно причинѣ впослѣдствіи, въ царствованіе Алексѣя, патріархъ Никонъ, вышедшій изъ низшихъ слоевъ народа, былъ поставленъ на одну ногу съ царемъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи внѣшнихъ атрибутовъ верховной власти. Чрезвычайно поучительно съ этой точки зрѣнія, недавно опубликованное и переведенное на русскій языкъ описаніе путешествія въ Россію антіохійскаго патріарха Макарія въ XVI вѣкѣ. Автора нѣсколько разъ приглашали на различныя празднества, присутствуя на которыхъ онъ видѣлъ, какъ царь Алексѣй подносилъ патріарху хлѣбъ-соль и собольи мѣха. „Монархъ казался слугою духовныхъ вельможъ"—говорится въ этомъ описаніи. „Не удивительно ли слышать"—восклицаетъ авторъ—„какъ царь, лично поднося эти подарки, обращается къ нему съ такими словами: „Твой сынъ, царь Алексѣй, кланяется твоему святѣйшеству и подноситъ тебѣ то-то и то то!" Правда, нѣсколько лѣтъ спустя оба верховные владыки начали ссориться. На обратномъ пути потріарха антіохійскаго нагнали царскіе послы и просили его вернуться назадъ какъ можно скорѣе: они объяснили удивленному архипастырю, что царь поссорился съ Никономъ и назвалъ его мужикомъ и незаконнорожденнымъ, на что послѣдній сказалъ: „Почему ты оскорбляешь меня? вѣдь я твой святой отецъ?" Царь отказался признать за Никономъ этотъ титулъ. Русскіе историки разсказываютъ, чѣмъ окончилась эта ссора и какихъ трудовъ стоило царю взять верхъ надъ своимъ упорнымъ и опаснымъ противникомъ. Оба вынуждены были обратиться къ суду восточныхъ патріарховъ, которые окончательно высказались противъ мнимаго бунтовщика, постановивъ, что патріархъ, осмѣлившійся не покориться царю и измѣнить старые церковные статуты, долженъ быть лишенъ сана. И такимъ образомъ человѣкъ, писавшійся во всѣхъ государственныхъ актахъ „Великимъ Государемъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи"—тѣмъ же титуломъ, что и другой Великій Государь — царь, долженъ былъ кон-

чить свои дни въ монастырскомъ уединенiи. Но это еще не было концомъ патрiаршества. Еще въ 1667 году иностранные патрiархи объявили авторитетъ царя болѣе высокимъ въ дѣлахъ политическихъ, а патрiарха—въ церковныхъ. И уже Петръ Великiй, желая сосредоточить въ своихъ рукахъ высшую власть въ государствѣ и въ церкви, отмѣнилъ патрiаршество, учредивъ, вмѣсто него, высшую церковную коллегiю, названную святѣйшимъ синодомъ. Въ настояще время это учрежденiе состоитъ изъ часто смѣняющихся членовъ высшаго провинцiальнаго духовенства со свѣтскимъ прокуроромъ во главѣ; послѣднiй назначается царской властью и пользуется правами министра

Въ то время, какъ власть патрiарха въ свѣтскихъ дѣлахъ должна была уступить мѣсто царской власти, Земскiе Соборы сохранили при Алексѣ то же значенiе, какимъ они пользовались въ первые годы царствованiя его отца. Хотя и не созываемые регулярно, они тѣмъ не менѣе давали правительству указанiя почти по всѣмъ вопросамъ выдающейся важности, каковы война и миръ, увеличенiе налоговъ и присоединенiе новыхъ территорiй.

Въ 1632 г. война съ Польшей потребовала сбора новыхъ налоговъ. По этому поводу былъ созванъ Соборъ, который далъ свое согласiе на обложенiе общимъ налогомъ всѣхъ сословiй въ государствѣ—какъ купцовъ, такъ и служилыхъ людей. Но обязательный размѣръ налога для послѣднихъ установленъ не былъ: каждый вносилъ, сколько хотѣлъ. Собранныя суммы предназначались на жалованiе войску. Въ теченiе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Соборъ даетъ царю указанiя относительно войны и налоговъ и объ отношенiяхъ къ Польшѣ и крымскимъ татарамъ. Царь жаловался на дурной прiемъ, оказанный ханомъ его послу. Высшее духовенство, отвѣтъ котораго только и сохранился, настаивало на необходимости построить укрѣпленiя на южной границѣ московскаго государства—въ украинскихъ городахъ, которые, какъ Бѣлгородъ или Воронежъ, въ теченiе вѣковъ оставались пiонерами христiанства и культуры въ южнорусскихъ степяхъ, перiодически подвергаясь татарскимъ грабежамъ.

Два года спустя, вооруженный захватъ Азова донскими казаками и необходимость войны съ крымскими татарами для удержанiя этого прiобрѣтенiя заставили созвать новый Соборъ. Онъ высказался за войну и приказалъ, поэтому, произвести рекрутскiй наборъ даже въ деревняхъ, расположенныхъ на казенныхъ и на церковныхъ земляхъ.

Въ 1642 году вопросъ объ Азовѣ снова явился не-

посредственной причиной созыва представителей сословій. Такъ какъ турки не желали оставить крѣпость въ рукахъ казаковъ, а казаки не могли удержать ее собственными силами, то передъ правительствомъ сталъ вопросъ о присоединеніи Азова къ русскому государству, хотя такой актъ былъ связанъ съ рискомъ новой и почти неизбѣжной войны. Считая необходимымъ узнать настроеніе народа, царь призвалъ въ Москву сто девяносто пять выбранныхъ сословіями депутатовъ, не считая думы и высшаго духовенства. Почти всѣ классы общества послали своихъ представителей, и каждый классъ подавалъ свое мнѣніе отдѣльно, въ тетрадяхъ, скрѣпленныхъ подписями всѣхъ членовъ даннаго сословія, тогда какъ несогласные съ общимъ рѣшеніемъ посылали свое мнѣніе въ особыхъ тетрадяхъ.

Высшее духовенство, вѣрное своему старому обычаю, говорило царю, что оно совершенно неспособно дать совѣтъ по такому вопросу: у него нѣтъ, утверждало оно, никакихъ знаній въ подобномъ дѣлѣ, составляющемъ занятіе царя и Боярской Думы; его же—духовенства—единственная роль—призывать Божіе благословеніе на царскія предпріятія. Если царь нуждается въ военной помощи, оно -духовенство—готово принести необходимыя и посильныя жертвы, чтобы платить солдатамъ. Большинство московскаго дворянства высказалось за присоединеніе: царю слѣдовало удержать новопріобрѣтенную крѣпость, но онъ долженъ былъ просто приказать казакамъ продолжать ее оборонять; для оказанія же помощи достаточно набрать добровольцевъ. Нѣкоторые совѣтывали отправить въ Азовъ солдатъ не только изъ украинскихъ городовъ, но и изъ Москвы. Съ этой цѣлью слѣдовало набирать всякаго рода людей, кромѣ крѣпостныхъ и тѣхъ, кто потерялъ свободу за неплатежъ долговъ. Въ случаѣ же нужды въ деньгахъ, каждое сословіе должно было назначить двухъ или трехъ лицъ, которыхъ бы царь уполномочилъ собрать дополнительный налогъ со всѣхъ людей и со всякаго имущества, съ приказныхъ и съ царской свиты, со вдовъ и сиротъ, съ гостей и купцовъ и, вообще, со всѣхъ тѣхъ, кто не служилъ въ войскѣ.

Нѣкоторые дворяне, между прочимъ - владимірскіе, просто обѣщали подчиниться царскому приказу, въ то же время отмѣчая бѣдственное состояніе ихъ городовъ и всего ихъ края,—состояніе, хорошо, по ихъ словамъ, извѣстное царю и думнымъ боярамъ. Гораздо болѣе рѣшительно было заявленіе дворянъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ—Суздаля, Юрьева, Новгорода и Ростова. Они были того мнѣнія, что оставленіе Азова вызоветъ небесный гнѣвъ. „Царь“—говорили

они—„не можетъ оставить въ рукахъ невѣрныхъ святыя иконы Іоанна Крестителя и Николая Чудотворца". Если бы у арміи не хватило припасовъ, ихъ можно было бы взять въ амбарахъ, принадлежащихъ украинскимъ городамъ. Изъ Москвы можно было бы посылать подкрѣпленія, а издержки по продовольствію арміи слѣдовало бы возложить на всю страну цѣликомъ, безъ всякихъ изъятій. Жалуясь на то, что боярамъ, подъ видомъ бенефицій, розданы огромныя количества земель, что приказные лихоимствомъ и вымогательствомъ добываютъ громадныя суммы денегъ, которыя затѣмъ употребляютъ на постройку обширныхъ зданій и дворцовъ, посадскіе люди настаивали на необходимости возложить тяжесть будущей войны на плечи именно этого сословія и заставить его вооружить солдатъ; сверхъ того, они требовали обязательнаго обложенія имущества приказныхъ такою же податью, какъ и всѣхъ другихъ классовъ въ государствѣ. Тѣ же мѣры слѣдовало принять и относительно духовенства, обязавъ епископовъ и архимандритовъ выставлять извѣстное число вооруженныхъ ратниковъ въ соотвѣтствіи съ числомъ принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ. Царю слѣдовало издать указъ, опредѣляющій число крѣпостныхъ, которыми могъ владѣть каждый солдатъ или, вѣрнѣе, отношеніе между числомъ принадлежащихъ ему крѣпостныхъ и требуемой отъ него службой. Эту пропорцію должно было строго соблюдать на будущее время, причемъ не имѣвшимъ достаточнаго числа крѣпостныхъ слѣдовало получить ихъ въ даръ отъ правительства. Деньги на военныя нужды, снова настаивали они, могутъ быть взяты изъ патріаршей и монастырской казны.

Члены мелкаго дворянства или, что то же, военные люди городовъ Тулы, Коломны, Серпухова, Рязани, Калуги и др., были еще болѣе опредѣленны въ своихъ требованіяхъ объ установленіи пропорціи между военной службой и числомъ принадлежавшихъ каждому военному крѣпостныхъ. Кто имѣлъ болѣе пятидесяти рабовъ, тотъ былъ обязанъ служить безъ жалованья и участвовать въ военныхъ издержкахъ, доставляя въ армію съѣстные припасы, тогда какъ имѣвшіе не болѣе этого числа освобождались отъ послѣдней повинности.

Если мы обратимъ вниманіе на „записанныя мнѣнія", представленныя членами третьяго сословія, мы увидимъ, что они жалуются на бѣдственное состояніе, въ которое они впали за послѣднее время, отчасти потому, что вся московская торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ, отчасти же благодаря притѣсненіямъ воеводъ, смѣнившихъ

свободно избранныхъ окружныхъ начальниковъ или губныхъ старость XVI столѣтія. Тѣмъ не менѣе делегаты гостей и московскихъ купцовъ настаиваютъ на необходимости удержать Азовъ, въ то же время замѣчая, что они не получаютъ отъ казны земель, что имъ весьма трудно платить налоги и акцизныя пошлины, и, вообще, убѣждая царя въ невозможности для нихъ вынести повышенное обложеніе.

„Памятка" сотниковъ и начальниковъ сотенъ и черныхъ городовъ, — названіе, подъ которымъ слѣдуетъ понимать представителей сельскаго населенія,—содержитъ приблизительно тѣ же жалобы и одинаковыя пожеланія. Народъ истощенъ налогами, барщиной, военнной службой и т. д.; онъ сильно также пострадалъ отъ пожаровъ; воеводы разоряютъ его незаконными поборами; его положеніе до того бѣдственно, что многіе убѣгаютъ, покидая свои дома и землю. Къ сожалѣнію, заключительная часть этого чрезвычайно интереснаго документа до насъ не дошла.

Общее впечатлѣніе, получаемое изъ чтенія записокъ или петицій этого Собора таково: хотя всѣ сословія были единодушны въ своемъ патріотическомъ желаніи удержать новопріобрѣтенную крѣпость, тѣмъ не менѣе они не считали себя въ силахъ вынести расходы на новую войну съ турками. И раздѣляя ихъ опасенія, царь не рѣшился взять на себя отвѣтственность и послалъ казакамъ приказъ уйти изъ крѣпости.

Соборъ 1642 года былъ послѣднимъ въ царствованіе перваго Романова.

Хотя, какъ прямой наслѣдникъ Михаила, Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ безъ всякихъ предварительтельныхъ соглашеній со своимъ народомъ, тѣмъ не менѣе былъ созванъ Соборъ для утвержденія акта его коронованія. Это произошло въ 1645 году. Четыре года спустя, Соборъ созванъ былъ снова для оказанія правительству помощи въ важномъ дѣлѣ составленія свода законовъ. Новѣйшіе изслѣдователи обнаружили тотъ фактъ, что представленныя на этомъ соборѣ петиціи дали не мало важнаго матеріала для преобразованія русскаго законодательства и что ихъ вліяніе можно прослѣдить на всемъ Уложеніи Алексѣя. Въ слѣдующемъ году правительство опять созываетъ Соборъ для обсужденія вопроса о подавленіи мятежей въ различныхъ частяхъ имперіи и, особенно, въ Псковѣ. Собраніе посовѣтывало мягкое отношеніе съ бунтовщиками, и правительство поступило согласно этому указанію.

Въ 1651 и 1653 гг. Соборъ высказался за присоединеніе

Малороссіи. Эта страна освобождена была отъ поляковъ казацкимъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, который немного времени спустя предложилъ ее русскому царю. Можно было опасаться, что принятіе этого предложенія вовлечетъ Россію въ новую войну съ Польшей Поэтому рѣшеніе Собора 1651 года имѣло условный характеръ: если Польша согласится на требованія царя, Россія должна была воздержаться отъ присоединенія; въ противномъ случаѣ слѣдовало, несмотря на рискъ новой войны, взять христіанъ подъ покровительство православнаго царя. Три года спустя, когда польскій король, Янъ Казиміръ, заключилъ формальный союзъ съ исконными врагами Россіи, шведами и крымскими татарами, и когда въ неизбѣжности войны не могло, поэтому, быть никакихъ сомнѣній, Соборъ смѣло предложилъ царю принять гетмана и его казаковъ „подъ свою высокую руку съ ихъ городами и землями для защиты истинной православной церкви". Делегаты говорили, что они готовы воевать съ польскимъ королемъ и положить свою жизнь за царскую честь.

Соборъ 1653 года былъ послѣднимъ общимъ собраніемъ сословныхъ представителей при Алексѣѣ. Слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, царь нѣсколько разъ созывалъ также представителей одного какого-нибудь сословія для обсужденія дѣлъ, непосредственно касавшихся послѣдняго. Подобное совѣщаніе имѣло мѣсто въ Москвѣ въ 1617 году. Состояло оно, главнымъ образомъ, изъ московскихъ купцовъ и было созвано для ознакомленія правительства съ мнѣніемъ русскихъ торговцевъ о томъ, слѣдуетъ ли разрѣшить англійскимъ купцамъ, торговавшимъ въ Москвѣ, и ихъ главному агенту, Джону Меррику, предпринять развѣдки въ цѣляхъ отысканія новаго пути въ Китай и въ Индію „по рѣкѣ Оби". Большинство делегатовъ отнеслось къ проекту враждебно.

То же чувство непріязни къ иностранцамъ проявилось въ 1626 году, когда, въ виду ходатайства нѣкоторыхъ англійскихъ купцовъ о позволеніи имъ вести торговлю съ Персіей, члены корпораціи гостей и московскихъ купцовъ настаивали на необходимости сохраненія за ними исключительнаго права на закупку въ Астрахани персидскихъ товаровъ. Большинство купцовъ объявило себя не въ силахъ выдержать конкурренцію иностранныхъ торговцевъ, и даже меньшинство было того мнѣнія, что если бы занятіе ихъ промысломъ и было разрѣшено англійскимъ купцамъ, взамѣнъ значительныхъ пошлинъ, платимыхъ ими въ казну,— эта свобода не должна была распространяться на торговлю

русскими товарами. Въ 1667 году тѣ же московскіе купцы, спрошенные Алексѣемъ, рѣшительно воспротивились ходатайству армянскихъ купцовъ о разрѣшеніи имъ свободной торговли персидскими товарами и просили правительство не подвергать опасности отечественную торговлю допущеніемъ иностранной конкурренціи. Спустя десять лѣтъ, московскіе купцы были созваны вмѣстѣ съ представителями сотенъ и черныхъ деревень, чтобы высказаться о причинахъ повышенія цѣнъ на хлѣбъ. Они жаловались на существованіе скупщиковъ и требовали воспрещенія этого промысла на будущее время. Они говорили также о громадномъ вредѣ, причиненномъ земледѣлію недавними войнами. Увеличеніе числа винокуренъ также было отмѣчено, какъ одна изъ главныхъ причинъ дороговизны хлѣба.

Въ 1681—82 г.г. были созваны служилые люди вмѣстѣ съ думой для преобразованія военной администраціи. Это и есть тотъ памятный Соборъ, который отмѣнилъ старый обычай раздачи первыхъ мѣстъ въ арміи не по личнымъ заслугамъ, а на основаніи положенія, занимаемаго родомъ, и количества времени, которое послѣдній служилъ государству: этотъ же Соборъ приказалъ сжечь родословныя книги. Послѣдніе случаи созыва русскихъ Соборовъ относятся къ періоду внутреннихъ смутъ, послѣдовавшему за смертью царя Ѳеодора. Соборъ 1682 года, на который были приглашены исключительно жители Москвы, высказался за переходъ вакантнаго трона къ младшему сыну Алексѣя, будущему императору Петру Великому. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, партіей, сочувствовавшей политическимъ планамъ царевны Софьи, сестры Петра Великаго, былъ созванъ новый Соборъ, по своему составу еще менѣе предшествовавшихъ отвѣчавшій идеѣ всеобщаго представительнаго собранія; онъ потребовалъ раздѣленія верховной власти между двумя братьями Ѳеодора — Петромъ и Іоанномъ. Дѣйствительнымъ же правителемъ имперіи стала съ этого времени царевна Софья. И на этотъ разъ также была представлена только Москва, хотя акты и говорятъ о присутствіи делегатовъ отъ всѣхъ провинцій и городовъ имперіи.

Послѣдній Земскій Соборъ относится къ 1698 году. Онъ былъ созванъ для суда надъ царевной Софьей, которая, въ отсутствіе Петра Великаго, находившагося въ западно-европейскихъ странахъ, пыталась съ помощью стрѣльцовъ занять престолъ. Изъ писателей того времени объ этомъ Соборѣ упоминаетъ лишь одинъ нѣмецъ Корбъ, секретарь нѣмецкаго посольства. По его словамъ, молодой государь потребовалъ, чтобы отъ каждаго сословія, начиная съ самыхъ

высшихъ и кончая самыми низшими, присутствовало по два делегата. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣнія о рѣшеніи, принятомъ этимъ якобы общимъ представительнымъ собраніемъ русскаго народа.

Одинъ фактъ особенно заслуживаетъ нашего вниманія: Соборы никогда не были отмѣнены закономъ. Они просто перестали созываться совершенно такъ же, какъ перестали созываться Генеральные Штаты Франціи съ начала XVII вѣка (1613 годъ) до конца XVIII. Слѣдовательно, никакой законодательный актъ не препятствуетъ новому созыву земскихъ представителей. Если бы нынѣшній императоръ ихъ созвалъ, онъ, дѣлая это, находился бы въ полномъ согласіи съ первыми основателями его династіи, а также съ обѣщаніями, заключавшимися въ *Великой Хартіи* перваго Романова.

Мы оставимъ теперь политическую исторію старыхъ русскихъ парламентовъ, чтобы познакомиться съ ихъ внутреннимъ устройствомъ. Какъ мы видѣли, XVII вѣкъ внесъ полное измѣненіе въ ихъ составъ. Въ царствованіе Ивана Грознаго въ Соборахъ представлены были лишь классы административный и военный. Начиная съ періода междуцарствія, Соборы составляются изъ всѣхъ и различныхъ сословій. На нихъ представлены слѣдующіе классы населенія: высшее духовенство, высшее дворянство, низшее духовенство и мелкое дворянство или, что то же, классъ министровъ или рыцарей, какъ тогда говорили, три гильдіи московскихъ торговыхъ людей, посадскіе люди различныхъ городскихъ округовъ и, два раза — въ 1614 и 1682 году, сотни и черныя слободы, что на техническомъ языкѣ того времени означало крестьянъ, поселившихся на государственныхъ земляхъ. Крѣпостные и тѣ, что потеряли личную свободу за долги или по какой-нибудь другой причинѣ, никогда не пользовались правомъ представительства. Армія часто была представлена делегатами регулярныхъ полковъ, какъ стрѣльцы, и нѣкоторыхъ войскъ нерегулярныхъ - напримѣръ, казаковъ. Чрезвычайная обширность русскаго государства и, въ силу этого, отдаленность нѣкоторыхъ городовъ отъ столицы были естественнымъ препятствіемъ для присутствія на соборѣ нѣкоторыхъ делегатовъ. Именно по этой причинѣ сибирскіе города оставались непредставленными. Другіе же города, менѣе отдаленные, были освобождены отъ обязанности выбирать делегатовъ въ виду плохого состоянія дорогъ и трудностей, даже опасностей путешествія. Нѣкоторые считали представительство тяжелымъ бременемъ въ виду расходовъ на проѣздъ и на содержаніе делегатовъ; поэтому

они поступали точно такъ же, какъ средневѣковые англійскіе города и селенія, которые, при Плантагенетахъ, старались всякими средствами избѣжать обязанности посылать своихъ представителей. Число делегатовъ отъ каждаго избирательнаго округа не было точно обозначено. Обыкновенно призывныя грамоты говорятъ о двухъ либо трехъ.

Избирательный округъ состоялъ обыкновенно изъ города и его пригородовъ. Большіе города, какъ Новгородъ, раздѣлялись на нѣсколько округовъ; въ Новгородѣ ихъ было не менѣе пяти. Столица была широко представлена делегатами мелкаго дворянства, трехъ московскихъ купеческихъ гильдій и сотенъ съ черными слободами.

Призывныя грамоты посылались воеводамъ — или губернаторамъ провинцій — и губнымъ старостамъ — выборнымъ начальникамъ округовъ.

Чтобы дать ясное представленіе о способѣ производства выборовъ, приведемъ содержаніе одной изъ такихъ призывныхъ грамотъ, посланной „9-го сентября 1728 года отъ сотворенія міра“ — то есть въ 1619 году: „Именемъ царя Михаила приказывается воеводѣ Устюжны, по имени Бутурлину, избрать отъ духовенства одного или двухъ человѣкъ и отъ дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ и двухъ другихъ отъ посадскихъ людей. Эти люди должны быть состоянія достаточнаго и разумными, способными изложить обиды, притѣсненія и разореніе, имъ причиненныя. Списокъ выбранныхъ долженъ быть отправленъ воеводой въ Москву, съ такимъ разсчетомъ, чтобы прибыть туда не позже Николина дня (св. Николая)“.

Получивъ подобную грамоту, воевода или губной староста немедленно созывали избирателей и приказывали имъ приступить къ выборамъ делегатовъ; производило ихъ каждое сословіе отдѣльно. Въ отвѣтъ на полученную грамоту воевода посылалъ подробный раппортъ объ избирательномъ производствѣ. Нѣсколько такихъ чрезвычайно интересныхъ документовъ были найдены въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ. Профессоръ Латкинъ опубликовалъ значительное ихъ число въ своихъ цѣнныхъ „Матеріалахъ по исторіи соборовъ“, и на основаніи этихъ документовъ можно сдѣлать заключеніе, что выборы обыкновенно производились самими сословіями безъ вмѣшательства воеводъ. „Воронежское дворянство“,—говоритъ воевода этого города, князь Алексѣй Кропоткинъ, въ 1651 году,—„избрало изъ своей среды двухъ человѣкъ—Трофима Михнева и Феодора Филиппова; посадскіе люди только одного—по фамиліи Сахарова; и я, холопъ Вашего Величества, послалъ Вамъ этихъ

трехъ человѣкъ въ Москву". Дѣйствія воеводъ, которые сами назначали депутатовъ, вмѣсто обращенія къ избирателямъ, были нѣсколько разъ признаны неправильными. Таковъ, напримѣръ, случай съ воеводой города Крапивны, нѣкіимъ Астафьевымъ. Въ посланной ему, отъ имени правительства, грамотѣ заключается строгій выговоръ за то, что онъ плохо понялъ данное ему приказаніе: „Дворянство было приглашено избрать изъ своей среды добраго дворянина, и никто не уполномочилъ васъ назначить делегата по собственному усмотрѣнію".

По общему правилу, делегатъ принадлежалъ къ одному сословію съ избирателями; но иногда случалось, что вслѣдствіе малаго числа людей, способныхъ взять на себя бремя представительства, обязанности делегата возлагались на членовъ другого сословія. Губные старосты и воеводы неоднократно отмѣчаютъ факты въ родѣ слѣдующихъ: въ 1651 году звенигородскій староста, Елеазаръ Марковъ, заявляетъ въ письмѣ на имя царя, что избрать делегатовъ отъ посадскихъ людей оказалось невозможнымъ, такъ какъ наиболѣе видные члены этого сословія были заняты каменными работами въ Сторожевомъ монастырѣ, отбывая обязательную государственную оградную повинность; другой староста, Кропивенскій, писалъ около того же времени, что въ его округѣ число посадскихъ людей не превышало трехъ; всѣ они были очень бѣдны и зарабатывали свой хлѣбъ чисткой чужихъ дворовъ. Поэтому для представительства ихъ на Соборѣ онъ счелъ болѣе удобнымъ назначить одного почтеннаго человѣка.

Обыкновенно делегаты получали отъ своихъ избирателей инструкціи, называвшіяся *наказами*, въ которыхъ избиратели излагали свое мнѣніе по главнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію Собора. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ документовъ этого рода не сохранился, и объ ихъ существованіи мы узнаемъ лишь изъ случайныхъ упоминаній въ другихъ современныхъ имъ документахъ. Говоря о делегатахъ, созванныхъ на Соборъ 1613 года, хартіи того времени ясно утверждаютъ, что делегаты привезли съ собою въ Москву полныя инструкціи—*договоры*—касательно избранія царя.

Делегаты получали отъ своихъ избирателей *запасы*, необходимые на все время ихъ пребыванія въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе они очень часто просили у правительства денегъ на покрытіе своихъ расходовъ. Этотъ фактъ неоднократно упоминается въ документахъ того времени.

Призывныя грамоты не содержатъ никакихъ указаній относительно размѣровъ имущества, владѣніе которымъ даетъ

право на избиранiе делегатомъ; онѣ лишь рекомендуютъ избирать „добрыхъ выборныхъ, людей умныхъ и богатыхъ, привычныхъ къ обсужденiю государственныхъ дѣлъ". Этимъ не предполагалось требованiе отъ делегатовъ знанiя правилъ грамматики или умѣнiя правильно подписать свое имя на протоколахъ Собора. Число неграмотныхъ было довольно велико даже до собора 1649 года, и они встрѣчались не только среди мелкаго дворянства и представителей городовъ, но и среди бояръ; но среди высшаго духовенства неграмотныхъ не было.

Обычнымъ мѣстомъ собранiя былъ дворцовый залъ, называвшiйся Грановитой Палатой. Иногда Соборъ засѣдалъ во дворцѣ патрiарха или въ Успенскомъ соборѣ. Сессiя открывалась либо самимъ царемъ, либо, чаще всего, однимъ изъ его секретарей, который письменно или въ рѣчи излагалъ мотивы созыва Собора и вопросы, подлежавшiе его обсужденiю. Чтенiе этого обращенiя происходило въ присутствiи всѣхъ делегатовъ, всѣхъ членовъ Боярской Думы и духовнаго синода. Вслѣдъ затѣмъ происходило раздѣленiе по сословiямъ, каждое изъ которыхъ обсуждало поставленные правительствомъ вопросы отдѣльно. Результаты совѣщанiя представлялись царю въ письменномъ видѣ каждымъ сословiемъ отдѣльно. Эти документы составлялись особыми секретарями, назначенными съ этой цѣлью собранiями различныхъ сословiй. Только въ двухъ случаяхъ—въ 1649 и 1682 гг.—члены Собора засѣдали двумя палатами—верхней и нижней: первую образовали дума и высшее духовенство, вторую—представители низшихъ сословiй. Но обычай, по которому каждое сословiе совѣщалось отдѣльно, проявился даже и въ этихъ двухъ случаяхъ: верхняя и нижняя палата подраздѣлились на столько секцiй, сколько было сословiй.

Отвѣчая на правительственные вопросы, делегаты очень часто высказывали свое собственное отношенiе къ направленiю русской политики. Они горько жаловались на несправедливости, творимыя народу правительственными чиновниками и судьями, указывали на необходимость улучшенiя всей гражданской и военной администрацiи и въ своихъ *челобитныхъ* настаивали на обязательномъ введенiи нѣкоторыхъ улучшенiй въ дѣйствовавшiе законы. Крупная роль, сыгранная этими челобитными въ дѣлѣ кодификацiи русскихъ законовъ, ознаменовавшемъ царствованiе Алексѣя Михайловича, вполнѣ выяснена новѣйшими изслѣдователями—особенно Дитятинымъ, Загоскинымъ и Латкинымъ.

Рѣшенiя, принятыя различными сословiями, соединялись

въ концѣ сессій въ одинъ общій документъ, извѣстный подъ именемъ *Земскаго Приговора.* Нѣсколько документовъ этого рода сохранились до нашихъ дней. Они скрѣплены обыкновенно печатями царя, патріарха и высшихъ сословій. Что же касается сословій низшихъ, то ихъ члены въ знакъ согласія цѣловали крестъ.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ политической исторіей и внутренней организаціей Земскихъ Соборовъ, разсмотримъ тѣ функціи, которыя ими выполнялись. Иностранные дипломатическіе агенты и, между ними, знаменитый Флетчеръ—указали нѣкоторые слабые пункты въ организаціи русскихъ представительныхъ собраній, помѣшавшіе послѣднимъ подняться до уровня англійскихъ парламентовъ. Флетчеръ вполнѣ справедливо отмѣчаетъ, что члены собора не имѣли права инициативы представленія законопроектовъ. Изъ этого не слѣдуетъ, будто инициатива всѣхъ реформъ могла исходить только отъ правительства: неоднократно случалось, что сословія касались въ своихъ жалобахъ такихъ вопросовъ, которые не были упомянуты въ тронной рѣчи, и требовали проведенія такихъ реформъ, которыхъ правительство не имѣло въ виду. Но ихъ право обращенія къ престолу съ петиціями не шло далѣе такого же права французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Какъ и послѣдніе, Соборы не могли сами осуществлять свои рѣшенія—и по той же причинѣ, которая препятствовала Генеральнымъ Штатамъ взять законодательную власть въ свои руки. Право инициативы въ реформахъ, которымъ англійскій парламентъ сталъ пользоваться при короляхъ изъ Ланкастерскаго дома, оставалось совершенно неизвѣстнымъ во Франціи, какъ и въ Россіи. Въ то время какъ англійскій парламентъ замѣнилъ петиціи биллями, французскіе Штаты продолжали представлять свои *cahiers de doléances*, оставляя правительству право совершенно не считаться въ своихъ ордонансахъ съ этими просьбами. То же самое происходило и въ Россіи, гдѣ новые законы вводились непосредственно царемъ и его думой, а *земскій приговоръ* въ теченіе долгихъ лѣтъ оставался безъ всякихъ послѣдствій.

Если въ области законодательства Соборы играли лишь второстепенную роль, то еще менѣе слабое вліяніе оказывали они на государственную машину. Нельзя указать ни одного случая, когда бы царскіе совѣтники были смѣщены или впали въ немилость по желанію Собора. Московское правительство совершенно не было, правда, правительствомъ парламентарнымъ. Изъ этого, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, что земскіе соборы не имѣли ничего общаго съ англійскимъ

парламентомъ или съ французскими Генеральными Штатами. Не нужно забывать, что въ средніе вѣка Европа, вообще, не знала парламентарнаго образа правленія, и такія представительныя собранія, какъ Безумный Парламентъ въ Оксфордѣ или революціонные Генеральные Штаты Франціи 1355 года, пытавшіеся учредить нѣчто въ родѣ кабинета, были лишь исключеніями. Хотя Собору не принадлежало право настаивать на обязательномъ приглашеніи въ царскій Соборъ тѣхъ или иныхъ лицъ, роль его въ общей политикѣ страны была огромна. Мы имѣли уже случай показать, что вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался согласно съ его мнѣніемъ. Оставленіе Азова и присоединеніе Малороссіи также имѣли мѣсто въ полномъ соотвѣтствіи съ его желаніями И хотя Собору было отказано въ правѣ выбора министерства, но онъ пользовался правомъ гораздо болѣе важнымъ—*правомъ избранія царя.* Въ этомъ отношеніи ему не приходилось завидовать ни англійскому парламенту, ни французскимъ Генеральнымъ Штатамъ.

Пока новая династія Романовыхъ оставалась вѣрна обязательствамъ, принятымъ на себя царемъ Михаиломъ, т. е. въ теченіе первой половины XVII вѣка, голосованіе налоговъ было въ такой же мѣрѣ функціей русскаго представительнаго собранія, въ какой оно составляло функцію англійскаго и французскаго, германскаго и испанскаго собраній. Въ теченіе большей части царствованія перваго Романова ни одинъ налогъ, ни одинъ дарственный сборъ не взимался безъ согласія Собора. Такое строгое соблюденіе его правъ въ области финансовъ требовало періодическаго созыва делегатовъ, совершенно такъ же, какъ это стало необходмымъ въ Англіи задолго до введенія трехлѣтнихъ и семилѣтнихъ парламентовъ. За исключеніемъ указаннаго выше періода, Соборы созывались нерегулярно и лишь тогда, когда правительство имѣло въ нихъ нужду. Какъ и другія представительныя собранія, они созывались и распускались государемъ и не имѣли права собираться по собственной инипіативѣ.

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что дали Россіи Земскіе Соборы, мы должны изучить ихъ роль въ устраненіи административныхъ злоупотребленій и преобразованіи суда. Вспомнимъ, какъ часто они возставали противъ олигархическаго правленія бояръ, противъ деспотизма воеводъ, противъ развращенности и лихоимства московскаго чиновничества. Вспомнимъ, сколько разъ они выступали защитниками правосудія и равенства, борясь противъ системы судебной неприкосновенности, противъ ничѣмъ не

оправдываемой раздачи казенныхъ земель и противъ податныхъ изъятій, которыми пользовались дворянство и духовенство. И намъ не трудно будетъ признать, что ихъ вліяніе было дѣйствительно благотворно. Нѣсколько разъ имъ выпадала честь участвовать въ крупныхъ административныхъ и судебныхъ преобразованіяхъ, какъ напр., въ кодификаціи законовъ и отмѣнѣ мѣстничества. Внѣшняя политика также неоднократно обсуждалась соборами—съ пониманіемъ дѣла, со здравымъ практическимъ смысломъ. Ихъ религіозныя и патріотическія чувства не заслоняли передъ ними опасностей новой войны и необходимости оставленія пріобрѣтенія, совершеннаго безъ-всякаго труда. Съ другой стороны, естественное отвращеніе къ новымъ налогамъ не помѣшало имъ протянуть руку помощи братьямъ-православнымъ, когда послѣдніе боролись за свое освобожденіе отъ религіозныхъ преслѣдованій католической Польши. Хотя они и воспротивились возможности присоединить Азовъ, тѣмъ не менѣе въ другомъ случаѣ эти же представители великорусскаго народа открыто выразили свое желаніе объединиться съ Малороссіей, несмотря на рискъ новой войны, неизбѣжно связанной съ увеличеніемъ налоговъ. Въ Смутный Періодъ они явились защитниками національной идеи, сопротивляясь всякой политической комбинаціи, которая могла бы завершиться подчиненіемъ Россіи иностранному государю. Въ злополучные дни, когда столько провинцій было занято польскими солдатами, когда бояре наполовину склонялись въ пользу польскаго королевича Владислава, когда Новгородъ отдѣльно заключилъ миръ со шведами и былъ готовъ признать сомнительныя права шведскаго претендента, политическое единство Россіи нашло себѣ защитниковъ лишь въ рядахъ низшихъ сословій, представленныхъ на Соборѣ.

Исторія былыхъ русскихъ парламентовъ представляетъ, конечно, меньше драматическаго интереса, нежели исторія англійскихъ парламентовъ или французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Очень рѣдко случалось, чтобы между различными сословіями, созванными на національное собраніе, вспыхивали раздоры. Не было на нихъ ни грубыхъ нападокъ, съ какими делегаты дворянства обрушивались на третье сословіе на собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ 1613 года. Не было и союзовъ или соглашеній между сословіями, въ родѣ тѣхъ, которые не разъ давали возможность англійскимъ баронамъ и burgess одерживать надъ королемъ явную побѣду. Языкъ, который употребляли русскіе представители въ обращеніи къ государю, былъ скроменъ и иногда даже съ рабскимъ оттѣнкомъ: они обыкновенно называли себя „холо-

нами Его Величества". Но, дѣлая это, они никогда не забывали своихъ обязательствъ по отношенію къ избирателямъ, обязательствъ, состоявшихъ прежде всего въ томъ, чтобы открывать правительству глаза на „всѣ несправедливости, грабежи и притѣсненія, совершаемые его чиновниками". Это —подданные, сознающіе свой долгъ передъ государемъ и страною, готовые пожертвовать жизнью и имуществомъ на защиту дѣйствительныхъ интересовъ отечества; но это не рабы, боящіеся открыть ротъ или оскорбить слухъ монарха искреннимъ разсказомъ о своихъ обидахъ. Ихъ преданность царю равна ихъ преданности греческой церкви: они православные и потому готовы отдать свою кровь на защиту своей вѣры, наивно воплощаемой, какой это иногда бываетъ, въ изображеніяхъ святыхъ. Но они нисколько не склонны къ клерикализму и не видятъ ничего дурного ни въ обложеніи духовенства налогами, ни даже въ секуляризаціи ихъ имущества въ пользу страны или въ пользу военнаго сословія. Такъ какъ члены Соборовъ и сами были неграмотны, то нисколько не удивительно, что они не принимали никакихъ мѣръ для увеличенія числа школъ и воспитательныхъ заведеній. По всей вѣроятности, это единственныя представительныя собранія, ни разу ни слова не сказавшія о наукѣ и просвѣщеніи. И именно невѣжествомъ членовъ объясняются, главнымъ образомъ, столь мало раціональные взгляды Соборовъ на торговыя сношенія съ иностранными государствами; неудивительно, что вся торговая политика сводилась въ ихъ представленіи къ ограниченію конкурренціи со стороны восточныхъ и западныхъ купцовъ.

Кромѣ Собора, царю въ его правительственной и судебной дѣятельности помогала, въ качествѣ постояннаго совѣщательнаго утвержденія, *Боярская Дума* Русскіе и иностранные современники одинаково свидѣтельствуютъ, что, начиная съ Алексѣя, цари стали рѣже созывать думу, рѣшая время отъ времени весьма важные вопросы единолично или же по совѣту не только членовъ Думы, но и людей, къ этому учрежденію не принадлежавшихъ. Объ этомъ ясно говоритъ англичанинъ Флетчеръ, который является, быть можетъ, лучшимъ знатокомъ Россіи временъ Алексѣя. Его свидѣтельство подтверждается Котошихинымъ, который, въ общемъ, довольно неблагосклоненъ къ людямъ, составлявшимъ Думу. По его словамъ, они засѣдали, свѣсивъ головы и не раскрывая рта. Общая формула принятыхъ царемъ рѣшеній упоминаетъ, либо что бояре присутствовали на дебатахъ, либо же что они отвѣтили на вопросъ, предложенный царемъ. Что касается компетенціи думы, то она сильно мѣня-

лась въ зависимости отъ потребностей момента. Въ правленіе Михаила бояре, засѣдавшіе въ совѣтѣ, призывались обыкновенно къ отправленію обязанностей верховнаго суда. Въ качествѣ судей, они не только имѣли совѣщательный голосъ, но и постановляли рѣшенія въ отсутствіе царя.

Съ другой стороны, въ правленіе Алексѣя, второго царя изъ дома Романовыхъ, получила начало нѣкоторая іерархія между различными высшими правительственными учрежденіями или *приказами*, и одна лишь Дума имѣла право засѣдать безъ царя въ „золотой комнатѣ“ и рѣшать тамъ вопросы внутренняго управленія, которыхъ приказы не смѣли касаться по собственной инщіативѣ. Эти административные вопросы обыкновенно обсуждались не всей Думой, а лишь тѣми изъ ея членовъ, которыхъ царь спеціально назначалъ къ участію въ такихъ совѣщаніяхъ и которые одни только и составляли *расправную палату*. Ихъ вѣдѣнію подлежали дѣла, не предусмотрѣнныя закономъ или же возбуждавшія сомнѣніе въ правильномъ его толкованіи. На разсмотрѣніе этого маленькаго совѣта поступали также всѣ вопросы, по которымъ не могло состояться единогласное рѣшеніе членовъ приказа. Такимъ образомъ, въ Россіи, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, совѣтъ монарха—curia regis —заключалъ въ себѣ зародыши верховнаго суда и высшаго административнаго учрежденія. И то, и другое учрежденіе находились въ рукахъ русскаго дворянства, которое также завѣдывало различными приказами и, такимъ образомъ, направляло и разрѣшало самыя разнообразныя государственныя дѣла. Членамъ того же дворянства царь поручалъ командованіе арміей; послѣдняя была составлена преимущественно по образцу феодальныхъ войскъ, служба которыхъ оплачивалась не столько деньгами, сколько дававшимися въ пожизненное владѣніе землями. Наконецъ, дворянамъ же было поручено и управленіе провинціями. Никто, кромѣ дворянина, не могъ быть воеводой и, въ качествѣ таковаго, добывать средства къ жизни путемъ постояннаго вымогательства различныхъ приношеній. Слово „*кормленіе*“ достаточно краснорѣчиво само по себѣ, и при видѣ воеводы, просящаго у царя *на кормленіе* городъ или провинцію, не остается сомнѣнія, что лихоимство законное предшествовало въ русской исторіи лихоимству незаконному, еще и нынѣ распространенному.

Такъ какъ дворяне, которымъ царь поручалъ завѣдываніе административными и судебными дѣлами своего государства, не отличались ни образованіемъ, ни особеннымъ вниманіемъ къ дѣламъ, то въ помощь имъ назначались нѣ-

сколько главныхъ дьяковъ и болѣе или менѣе значительное число писцовъ. Сверхъ того, множество неоффиціальныхъ писцовъ, неимущихъ грамотѣевъ, добывали себѣ средства къ жизни составленіемъ частныхъ актовъ, въ родѣ прошеній въ судъ отъ истца или возраженій отвѣтчика; ибо, по господствовавшей въ судахъ того времени формалистской системѣ, весь процессъ цѣликомъ производился письменно. Когда царь желалъ назначить кого либо въ ту или иную спеціальную отрасль администраціи или суда, онъ издавалъ *приказъ*, объявлявшій, что такому то лицу предписано впредь заниматься такими то дѣлами. Но такъ какъ для одного человѣка тамъ бывало слишкомъ много дѣла, то въ помощь ему назначались два или три дворянина изъ низшаго слоя, сверхъ одного или нѣсколькихъ дьяковъ, занятыхъ письмоводствомъ. Различныя присутственныя мѣста, созданныя такимъ образомъ и извѣстныя подъ именемъ *приказовъ*, имѣли каждое свой особый бюджетъ. Въ виду этого нѣкоторые налоги или государственныя монополіи передавались исключительно тому или иному приказу.

Въ распредѣленіи государственныхъ дѣлъ между приказами не замѣтно никакой идеи о строгомъ раздѣленіи функцій между чиновниками сообразно съ логическимъ раздѣленіемъ всей сферы внутренняго управленія на разнообразныя и отличныя другъ отъ друга отрасли. Такимъ образомъ, нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга приказовъ занимались финансовыми и военными дѣлами, а новопріобрѣтенныя области, какъ Казань, получали особое управленіе, вмѣсто того, чтобы ихъ дѣла вѣдались вмѣстѣ съ дѣлами остального государства. Чтобы показать на примѣрѣ, какъ были образованы приказы, перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ. Приказъ *Большого Дворца* завѣдывалъ снабженіемъ царскаго двора хлѣбомъ, медомъ, пивомъ и виномъ и управлялъ посадами и деревнями, принадлежавшими казнѣ; такимъ образомъ, онъ исполнялъ и судебныя обязанности, разрѣшая гражданскія тяжбы жителей этихъ посадовъ и деревень, по крайней мѣрѣ—пока для этой цѣли не былъ учрежденъ особый судный приказъ Большого Дворца. Этому приказу принадлежало также право назначенія воеводъ во всѣ зависѣвшіе отъ него города. Особенно странно, что тому же приказу были подвѣдомственны всѣ гражданскіе интересы духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго; подъ послѣдними разумѣлось духовенство монашеское. Всѣ гражданскія тяжбы духовенства разбирались этимъ приказомъ, по крайней мѣрѣ до 1640 года, когда былъ учрежденъ новый приказъ—*Монастырскій*: однако, послѣдній просуществовалъ лишь до

1677 года и былъ снова присоединенъ къ приказу Большого Дворца. Если прибавить, что время отъ времени учреждался спеціальный приказъ для снабженія дворца хлѣбомъ, другой—для наблюденія за производствомъ серебряной и золотой посуды къ царскому столу и церковной утвари, а третій—для своевременнаго служенія панихидъ по покойнымъ царямъ, великимъ князьямъ и членамъ царствовавшихъ домовъ, то ясно станетъ, какая царила путаница въ распредѣленіи функцій между этими учрежденіями.

Намъ незачѣмъ приводить списокъ хотя бы важнѣйшихъ изъ приказовъ. Достаточно будетъ отмѣтить, что особый *Посольскій* приказъ вѣдалъ дѣла по дипломатическимъ сношеніямъ, какъ и съ агенствами другихъ странъ, учрежденными въ Россіи. Возбуждался ли вопросъ о разрѣшеніи иностранцамъ въѣзда въ Россію или о разрѣшеніи русскимъ выѣзда изъ нея,—оно подлежало компетенціи названнаго приказа. Онъ же являлся и чѣмъ то въ родѣ высшаго почтоваго управленія, такъ какъ почта находилась въ рукахъ иностранцевъ и функціонировала лишь по большимъ дорогамъ, ведшимъ за границу. Назначеніе пожизненныхъ бенефицій въ вознагражденіе за военную службу было сосредоточено въ рукахъ другого спеціальнаго приказа — *Помѣстнаго*. Завѣдываніе арміей было раздѣлено между большимъ числомъ учрежденій этого рода: одно вѣдало стрѣльцовъ—постоянное пѣхотное войско, созданное во времена Василія III, другое—недавно—въ царствованіе Алексѣя—образованную кавалерію, еще два другихъ—легкія казачьи войска и иностранные полки, находившіеся на русской службѣ, и т. д. Равнымъ образомъ, и финансовое управленіе находилось въ вѣдѣніи нѣсколькихъ приказовъ и одного спеціальнаго, такъ называемой *Большой Казны*. Кромѣ того, нѣкоторыя отдѣльныя провинціи, какъ Сибирь, Малороссія и прежнее Казанское царство, находились въ завѣдываніи особыхъ приказовъ. Этихъ краткихъ указаній объ организаціи русскихъ приказовъ вполнѣ достаточно, чтобы показать отсутствіе строгаго раздѣленія функцій финансовыхъ, административныхъ и судебныхъ въ теченіе XVII вѣка, хотя нѣкоторые приказы—напримѣръ, такъ называемый *Разбойный*—уже имѣлъ видъ уголовнаго суда для тяжкихъ преступленій.

Обратимся теперь къ низшимъ и подчиненнымъ судамъ. Со временъ Ивана Грознаго уголовныя преступленія разбирались въ первой инстанціи выборными судьями округовъ, называвшимися *старостами*; позже компетенція этихъ судей была распространена—по крайней мѣрѣ въ городахъ—и на гражданскія дѣла. Но выборные судьи жили не жалованьемъ,

а вознагражденіемъ съ тяжущихся, и потому стали вскорѣ столь же вредными и ненавистными, какъ и служившіе по назначенію воеводы. Впрочемъ, система разрѣшенія гражданскихъ споровъ выборными судьями примѣнялась, повидимому, не особенно строго; иначе бы члены собора 1642 года не жаловались на то, что ихъ разоряютъ воеводы, назначенные въ города вопреки существовавшему нѣкогда обычаю посылать ихъ только въ пограничныя крѣпости. И если вспомнить, что уголовное правосудіе, отправлявшееся воеводами и ихъ дьяками, было столь же безчеловѣчно, какъ и во всей остальной Европѣ того времени, то нечего будетъ удивляться безконечнымъ жалобамъ на обращеніе съ виновными и ненависти простого народа къ русскимъ боярамъ, занимавшимъ судебныя должности. Смертная казнь, напримѣръ, назначалась не только за убійство, но и за всякія государственныя и религіозныя преступленія: фальшивомонетчикамъ вливали въ горло расплавленный металлъ; а преступившихъ словомъ противъ особы царя наказывали кнутомъ и отрѣзывали имъ языкъ.

Усиленію ненависти простого народа къ высшимъ классамъ способствовало въ эту эпоху еще и то обстоятельство, что русское дворянство, при прямой поддержкѣ царя, завершило столѣтній процессъ превращенія русскаго крестьянина изъ свободнаго земледѣльца въ раба. Этотъ вопросъ, заслуживающій спеціальнаго изученія, не можетъ быть изложенъ здѣсь съ необходимыми подробностями. Мы ограничимся краткимъ указаніемъ тѣхъ фактовъ, которые вызвали уничтоженіе нѣкогда существовавшаго права сельскихъ арендаторовъ быть выкупленными, въ случаѣ замедленія въ платежѣ арендныхъ денегъ, какимъ-нибудь сосѣднимъ дворяниномъ, переселявшимъ ихъ затѣмъ на свои собственныя земли. Обыкновенно этимъ обычнымъ правомъ пользовались наиболѣе богатые изъ дворянъ. Поэтому неудивительно, что, желая оградить интересы менѣе богатыхъ, правительство ограничило право крестьянъ переходить отъ одного помѣщика къ другому однимъ опредѣленнымъ днемъ по окончаніи жатвы—Юрьевъ день—и разрѣшило помѣщикамъ искать бѣглаго крестьянина въ теченіе пяти лѣтъ со времени его побѣга.

Мѣры этого рода были приняты въ концѣ XVI столѣтія, когда Борисъ Годуновъ, избранный впослѣдствіи на царство, былъ всевластнымъ правителемъ страны при неспособномъ сынѣ и преемникѣ Ивана Грознаго. Поэтому неудивительно, что въ смутное время русскіе крестьяне рѣшили выставить и своего претендента; таковымъ былъ самозванецъ Болотни-

ковъ. Онъ не внушалъ никакого довѣрія ни высшимъ сословіямъ, ни среднимъ, но—по документамъ того времени—за него стояли бѣглые крѣпостные крестьяне и недовольное населеніе пограничныхъ городовъ. Казаки и стрѣльцы также въ числѣ первыхъ оказали ему поддержку. Говоря въ своихъ проповѣдяхъ о разосланныхъ новымъ претендентомъ грамотахъ, патріархъ Гермогенъ сообщаетъ, что въ нихъ заключался приказъ всѣмъ боярскимъ крѣпостнымъ убивать своихъ господъ и истреблять ихъ семьи. Болотниковъ обѣщалъ, что боярскія имѣнія и бенефиціи перейдутъ въ руки простого народа и что крестьяне наравнѣ съ другими получать право быть воеводами и дьяками. По такъ называемымъ Никоновымъ лѣтописямъ, эти обѣщанія легко нашли себѣ вѣру. Жители городовъ захватили бояръ и бросили ихъ въ тюрьму; ихъ дома подверглись разрушенію, ихъ имущество—грабежу, ихъ женщины — насилію. Предводительствуемые Болотниковымъ, который самъ былъ бѣглымъ крѣпостнымъ, отряды бунтовщиковъ подступили къ самой Москвѣ. Другіе отряды составились изъ финскихъ инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мордвы и возставшихъ оттого, что русскіе колонисты и служилые люди завладѣли ихъ лучшими землями; они охотно стали подъ знамя четвертаго претендента, терскаго казака, выдававшаго себя за Петра, сына царя Феодора. Всѣ эти отряды были, разумѣется, въ концѣ концовъ, уничтожены, но самый фактъ возстанія крестьянъ по призыву претендента для протеста противъ общественнаго строя страны внушалъ сомнѣнія насчетъ возможности доведенія до конца закрѣпощенія крестьянъ. Къ несчастью, Романовы не обратили никакого вниманія на это предостереженіе, и царь Алексѣй ввелъ въ Уложеніе главу, по которой запрещалось кому бы то ни было принимать на свои земли бѣглыхъ крестьянъ; предѣльный срокъ, по истеченіи котораго владѣльцы теряли право требовать обратно своего крѣпостного, былъ, такимъ образомъ, отмѣненъ.

До какой степени простой народъ былъ возбужденъ тѣмъ зломъ, которое причинялъ ему соціальный и политическій гнетъ высшаго дворянства, показываетъ необычайная быстрота, съ какою бунтъ донского казака Степана Разина, въ царствованіе Алексѣя, превратился въ массовое возстаніе всѣхъ угнетенныхъ, начиная съ рабовъ и крѣпостныхъ, продолжая приволжскимъ населеніемъ и кончая казаками, составлявшими гарнизонъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ. Глава бунтовщиковъ такъ говорилъ людямъ, которыхъ онъ звалъ въ свое войско: „Я пришелъ бить бояръ да богатыхъ, но я другъ всѣхъ бѣдныхъ и простыхъ“. Этимъ

очень хорошо объясняется общій характеръ возстанія или, вѣрнѣе, ряда возстаній, связанныхъ съ именемъ Разина. Начались они въ 1668 году экспедиціей на стругахъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, откуда атаманъ вернулся, нагруженный добычей, и откуда ему дали вернуться, несмотря на совершенныя имъ и увѣнчавшіяся успѣхомъ нападенія на нѣкоторые стрѣлецкіе полки и царицынскаго воеводу. Хотя и прощенный царемъ, Разинъ, тѣмъ не менѣе, и въ слѣдующіе годы продолжаетъ нарушать народное спокойствіе и подготовляетъ новый набѣгъ, еще болѣе значительный. Тѣмъ, кто раскаивался въ своемъ присоединеніи къ нему въ предыдущій разъ, онъ обыкновенно говорилъ: „Вы сражаетесь за этихъ измѣнниковъ-бояръ, я же съ моими казаками за великаго государя, царя". Во время второго возстанія, исподволь подготовленнаго, Степаномъ были взяты города Царицынъ и Астрахань. Воевода, князь Прозоровскій, и архимандритъ—оба были казнены: ихъ сбросили съ верхушки соборной колокольни.

Оттуда Разинъ направился вверхъ по Волгѣ. Какъ только онъ показался подъ Симбирскомъ, жители открыли городскія ворота; но кремль оборонялся отъ нападавшихъ стрѣльцами и воеводой. Цѣлый мѣсяцъ глава мятежниковъ оставался передъ этой деревянной крѣпостью, не будучи въ состояніи ни взять ее приступомъ, ни сжечь, но все это время его армія увеличивалась толпами рабовъ, крѣпостныхъ и мѣстныхъ инородцевъ — черемисовъ, чувашей и мордвы. Хотя войско, посланное изъ Казани подъ начальствомъ Барятинскаго, и одержало надъ этими толпами рѣшительную побѣду, тѣмъ не менѣе, возстаніе еще не было подавлено. Разосланныя Разинымъ грамоты возымѣли свое дѣйствіе на мѣстное населеніе, какъ и на крѣпостныхъ, приписанныхъ къ монастырямъ и епархіямъ. Вслѣдствіе этого была захвачена и разграблена Макарьевская лавра, куда многіе богачи спрятали свои сокровища. Одновременно въ частныхъ владѣніяхъ князя Одоевскаго, расположенныхъ въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ, возстаніе сдѣлалось всеобщимъ. Очень часто во главѣ взбунтовавшихся крестьянъ становились священники, какъ, напримѣръ, священникъ Савва въ Темниковскомъ уѣздѣ.

Въ концѣ концовъ, воеводы подавили возстаніе страшной рѣзней. Отрѣзавъ бунтовщикамъ руки и ноги, они разослали ихъ объявить и наглядно показать жестокую участь, ожидавшую всѣхъ, кто вздумаетъ присоединиться къ Разину. Послѣдній же снова убѣжалъ на Донъ, но былъ на этотъ разъ выданъ атаманомъ небунтовавшихъ казаковъ. Ужасная участь

ожидала его въ Москвѣ. Послѣ бичеванія и пытки огнемъ его подвергли новому мученію: холодная вода капля за каплей падала на его предварительно обритую голову; лишь спустя нѣсколько дней онъ, еще живой былъ четвертованъ, а внутренности его брошены собакамъ. Несмотря на всѣ эти пытки, бояре не могли вырвать у Степана передъ смертью признанія, куда онъ скрылъ свои сокровища. Мятежникъ умеръ, ни однимъ словомъ не обнаруживъ своего страданія.

Разинъ велъ войну съ боярами. На этихъ же бояръ указывали, какъ на виновниковъ того, что приднѣпровскіе казаки, насильственно отдѣлившіеся отъ Польши и заключившіе съ Россіей договоръ о подданствѣ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, нарушили свою присягу при слѣдующемъ гетманѣ Выговскомъ. Послѣдній утверждалъ, что бояринъ Шереметевъ, присланный въ Малороссію царемъ Алексѣемъ, вымогалъ безчисленныя суммы денегъ и назначалъ въ города воеводъ безъ предварительнаго соглашенія съ гетманомъ.

Но не только въ дѣлахъ гражданской администраціи причиняло существенный вредъ странѣ аристократическое правленіе бояръ и дворянъ. Сохраненіе феодально-аристократической организаціи арміи угрожало въ то же время самой безопасности и независимости русскаго государства.

Въ смутное время въ войнѣ съ Польшей и Швеціей Россія далеко не имѣла успѣха. Тщетно, уступая вліянію своего отца Филарета и вопреки своему собственному желанію, пытался Михаилъ возобновить непріятельскія дѣйствія противъ Польши. Смоленскъ былъ осажденъ арміей Сигизмунда, весь гарнизонъ цѣликомъ долженъ былъ капитулировать, и, по позорному договору, Россія уступила требованіямъ поляковъ и отдала имъ этотъ древній городъ и все Смоленское княжество. Главная причина всѣхъ неудачъ, понесенныхъ Россіей въ первой половинѣ XVII столѣтія, заключается несомнѣнно въ томъ, что тогда какъ Швеція со временъ Густава Адольфа и, въ извѣстной мѣрѣ, Польша обладали постоянными войсками, всегда готовыми выступить въ походъ, главная часть русскихъ силъ состояла изъ феодальныхъ отрядовъ, служившихъ не за опредѣленное жалованье, а за уступленныя имъ во владѣніе земли. Пока свободные русскіе крестьяне продолжали арендовать земли владѣльцевъ, послѣдніе, живя съ арендныхъ денегъ, вносимыхъ этими фермерами, съ меньшимъ трудомъ могли болѣе или менѣе полно отправлять свои военныя обязанности. Они вооружали своихъ людей и приводили ихъ часто издалека по первому призыву царя. Но когда распространилось крѣпостное право, система обработки земли мелкими участками,

проектировавшаяся крестьянами, которые выдѣляли въ пользу землевладѣльца опредѣленную часть годового сбора, была замѣнена системой огромныхъ экономій, эксплуатируемыхъ самимъ собственникомъ, который обработывалъ все имѣніе цѣликомъ съ помощью крѣпостныхъ; послѣдніе удерживали въ общемъ пользованіи нѣкоторую часть помѣстныхъ земель. Слишкомъ занятый повседневнымъ дѣломъ управленія и наблюденія за этими безплатными рабочими, землевладѣлецъ находился въ невозможности подчиниться требованію немедленной явки на службу. Число людей, не исполнявшихъ своихъ обязанностей по защитѣ страны, значительно увеличилось, несмотря на суровыя наказанія, налагавшіяся на уклонявшихся. Они были извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ *нѣтчиковъ*. Съ другой стороны, среди тѣхъ, кто являлся на зовъ, многіе приходили съ отрядами, либо совершенно недостаточно вооруженными, либо же очень плохо обученными; земледѣлецъ не желалъ тратиться на полное вооруженіе, какъ и не хотѣлъ отрывать крестьянъ отъ плуга на продолжительное время, чтобы они могли усвоить необходимую военную подготовку.

Вотъ почему по силѣ сопротивленія чужеземному вторженію Россія отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ. Неудивительно, что съ середины XVI столѣтія цари пытаются, наряду съ феодальнымъ ополченіемъ, ввести постоянное войско, обученное и вооруженное по иностранному образцу, или нанять на свою службу за опредѣленное жалованье иностранныхъ солдатъ и чужеземные отряды. Такъ были образованы пѣхотные и кавалерійскіе полки, отданные подъ начальство иностранныхъ офицеровъ и составленные изъ людей, навербованныхъ по рекрутскому набору, или изъ добровольцевъ. Въ войнѣ съ Польшей въ 1632 году Россія имѣла шесть такихъ государственныхъ полковъ, насчитывавшихъ вмѣстѣ десять тысячъ солдатъ, которые были обучены обращенію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и получали регулярную плату. При Алексѣѣ это число почти учетверилось. Тогда, дѣйствительно, въ мирный періодъ двадцать пѣхотныхъ полковъ, такъ называемые *стрѣльцы*, составляли гарнизонъ Москвы, и такое же число полковъ было распредѣлено по другимъ мѣстамъ. Каждый полкъ насчитывалъ отъ восьмисотъ до тысячи человѣкъ.

Подобное измѣненіе въ воинскомъ режимѣ по необходимости вызвало увеличеніе государственныхъ расходовъ, а вслѣдствіе этого и размѣръ прямыхъ налоговъ. Такимъ образомъ, Россія очутилась въ положеніи Франціи при Карлѣ VII— въ эпоху, когда учрежденіе постоянной арміи извѣстнымъ

ордонансомъ о жандармеріи повлекло за собою введеніе постояннаго налога—*королевскаго сбора* (taille royale). Неудивительно, что въ XVII вѣкѣ такъ называемая *стрѣлецкая подать* стала въ Россіи важнѣйшимъ изъ прямыхъ налоговъ. Въ XVI вѣкѣ она состояла преимущественно изъ небольшихъ платежей натурою—обыкновенно зерномъ. Съ этихъ же поръ она становится налогомъ, выплачиваемымъ деньгами. Чтобы увеличить общій доходъ этого налога, правительство въ 1679 и въ 1781 гг. измѣнило способъ его раскладки, принявъ за единицу обложенія *дворъ* вмѣсто опредѣленной поверхности земли, называвшейся *сохой*.

Но это увеличеніе государственныхъ расходовъ вызвало также повышеніе и косвеннаго обложенія. Таможенныя и акцизныя пошлины поднялись въ 1680 году до сорока пяти процентовъ всего бюджета, въ то время какъ прямые налоги разнаго рода составляли лишь сорокъ три процента. Но принимая во вниманіе, что налоги поступали чрезвычайно медленно и что размѣры недоимокъ часто достигали двухъ третей предполагавшейся къ полученію суммы, нисколько неудивительно, что правительство все чаще бывало вынуждено прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ.

И такимъ образомъ, когда правительство бывало не въ состояніи привести доходы въ равновѣсіе съ расходами, оно отнимало у купцовъ и ремесленниковъ двадцатую и даже десятую часть ихъ доходовъ. Изъ этого легко видѣть, что военныя и финансовыя затрудненія, угрожая безопасности страны, потребовали въ концѣ XVII столѣтія особеннаго вниманія со стороны правительства. Поэтому нѣкоторые новѣйшіе историки, между прочимъ и профессоръ Милюковъ, выдвинули весьма справедливую гипотезу, что петровскія реформы были прежде всего вызваны невозможностью улучшить положеніе Россіи въ ряду иностранныхъ державъ, не перестроивъ ея соціальнаго, военнаго и финансоваго положенія.

Такова въ краткихъ чертахъ картина русскихъ учрежденій въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до крупныхъ измѣненій, введенныхъ Петромъ и Екатериной. Эти реформы, какъ мы далѣе увидимъ, надѣлили Россію военнымъ и гражданскимъ строемъ, весьма похожимъ на военный и гражданскій строй европейскихъ бюрократическихъ монархій XVII вѣка; но реформы эти были безсильны сразу измѣнить духовный складъ народа, который развивался въ значительной степени подъ вліяніемъ восточнаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Любопытно отмѣтить, что европейскіе путешествен-

ники, посѣщавшіе Россію въ XVI и XVII столѣтіяхъ, постоянно разсуждаютъ о томъ вліяніи, какое оказывали на психологію русскаго народа учрежденія страны. „Спрашиваешь себя, — говоритъ Герберштейнъ, — отсутствіе ли просвѣщенія въ народѣ сдѣлало необходимой тираннію правителей, или же эта послѣдняя сдѣлала народъ невѣжественнымъ и жестокимъ". По словамъ того же автора, москвитяне были настолько хитры и плутоваты, что съ тѣхъ поръ, какъ Новгородъ и Псковъ были завоеваны Иваномъ III и Василіемъ, жители этихъ городовъ, войдя въ тѣсныя сношенія съ москвитянами, стали совершенно такъ же нечестны въ дѣлахъ, тогда какъ раньше они пользовались какъ разъ обратной славой. Другая черта характера, отмѣчаемая Герберштейномъ, это—величайшее презрѣніе москвитянъ ко всякаго рода труду. Иначе, конечно, и не могло быть въ странѣ, гдѣ трудъ лежалъ на рабахъ и крѣпостныхъ.

Въ то же время строго соблюдались въ повседневной жизни различія положеній. Такъ, напримѣръ, человѣкъ низкаго происхожденія и небогатый не смѣлъ въѣхать верхомъ на лошади во дворъ человѣка, болѣе высокаго по положенію. Даже мелкіе дворяне не любили показываться въ народѣ изъ опасенія уронить свое достоинство. Они до того боялись смѣшаться съ толпою, что тотъ, кто имѣлъ немного денегъ, не согласился бы совершить пѣшкомъ малѣйшую прогулку, хотя бы черезъ пять домовъ отъ своего, безъ того, чтобы за нимъ не слѣдовала осѣдланная лошадь.

Когда мы сравниваемъ это утвержденіе австрійскаго путешественника съ современными описаніями итальянскихъ, французскихъ, англійскихъ, датскихъ или шведскихъ авторовъ, одинъ фактъ обращаетъ на себя вниманіе, а именно, что всѣ они указываютъ тѣ же черты характера и что всѣ они считаютъ ихъ въ большей или меньшей степени продуктомъ политическаго строя страны или, по крайней мѣрѣ, навѣянными послѣднимъ. Низкое раболѣпство передъ высшими и безграничная надменность по отношенію къ подчиненнымъ царитъ, по этимъ разсказамъ, въ высшихъ слояхъ. Царь безъ всякаго колебанія налагаетъ тѣлесныя наказанія на людей изъ его свиты. Іезуитъ Антоній Поссевинъ, который объѣхалъ Россію во времена Ивана III и небольшое сочиненіе котораго, подъ названіемъ „Московія", появилось почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не считая латинскаго изданія, сообщаетъ, что даже члены наиболѣе знатныхъ фамилій не были обезпечены отъ подобнаго обращенія. Не удивительно, что помѣщики и дворяне поступали такимъ же образомъ со своими подчиненными. Въ многочислен-

ныхъ сочиненіяхъ поучительнаго характера, появившихся на древне-русскомъ языкѣ, чрезвычайно рекомендуется практика наказыванія крѣпостныхъ, дѣтей и слугъ и проповѣдуется теорія спасенія души черезъ страданія тѣла. Нѣкоторые русскіе историки, въ томъ числѣ и Забѣлинъ, утверждають. будто отношенія высшихъ къ низшимъ носили патріархальный характеръ въ теченіе всего періода, предшествовавшаго перестройкѣ Россіи на иностранный ладъ. Отношеніе царя къ боярамъ были, по ихъ словамъ, совершенно того же характера, какъ отношенія главы семьи къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ. Быть можетъ, это и вѣрно, но этого недостаточно, чтобы объяснить, почему русскій бояринъ не считалъ себя обезчещеннымъ такими актами, которые французскому дворянину показались бы тягчайшимъ оскорбленіемъ его чести. И слѣдующее описаніе показываетъ, что время не принесло съ собою никакихъ значительныхъ измѣненій. Въ 1652 году, во время прощанія царя Алексѣя съ войскомъ, отправлявшимся подъ начальствомъ князя Трубецкого на войну противъ поляковъ, бояре и служилые люди отдали царю честь такимъ образомъ: „они цѣловали ему руку послѣ того, какъ отбивали земные поклоны—наиболѣе молодые семь разъ, а главные начальники тридцать разъ“.

Въ частной жизни мы находимъ тѣ же проявленія рабольпства со стороны жены, дѣтей и слугъ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій о способѣ управленія домомъ мы читаемъ, что мужъ и глава семьи долженъ поступать по отношенію къ своей женѣ, дѣтямъ и слугамъ совершенно такъ же, какъ настоятель монастыря, который, не колеблясь, налагаетъ наказанія на тѣхъ, кто уклоняется отъ правильнаго пути. „Если мужъ видитъ,—гласитъ текстъ, ошибочно приписываемый сотруднику Ивана Грознаго, священнику Сильвестру,—что его жена или его слуги не ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, онъ долженъ наказать ихъ умѣренно и наединѣ. Онъ поступаетъ такъ же со своими сыновьями и дочерьми“. Бейте своего сына, когда онъ молодъ, и онъ будетъ заботиться о васъ въ старости. Если вы его любите, увеличьте число ударовъ. Не позволяйте ему дѣлать, что онъ хочетъ, но пересчитайте ему ребра. Ничто съ такимъ искусствомъ, пользой и вѣрностью не внушитъ женѣ страха и повиновенія, какъ хорошая порка, совершенная самимъ мужемъ. Женщина, по чрезвычайно распространенному на Востокѣ убѣжденію, есть въ нѣкоторомъ родѣ существо нечистое. Русскіе церковные писатели среднихъ вѣковъ весьма серьезно обсуждали вопросъ, не становится ли нечистой комната, въ которой замужняя женщина родила

ребенка. Въ теченіе трехъ дней не слѣдовало входить въ эту комнату, послѣ чего нужно было ее вымыть и прочесть въ ней молитву. Тотъ же авторъ задается вопросомъ, что слѣдуетъ дѣлать, если женщина вложитъ свой платокъ въ богатыя церковныя облаченія. Не долженъ ли онъ считаться нечистымъ? Само собою разумѣется, что, подъ вліяніемъ подобнаго суевѣрія, русская женщина считала высшимъ женскимъ идеаломъ уединенную и глухую жизнь монахини. Герберштейнъ говоритъ, что женщина, допускающая, чтобы ее видѣли иностранцы, считается въ Московскомъ государствѣ непристойнаго поведенія. Рѣдко разрѣшается женщинѣ пойти въ церковь и еще рѣже на собранія подругъ. Хозяйка дома не обѣдаетъ съ гостями. Котошихинъ сообщаетъ, что она появлялась лишь на нѣсколько минутъ передъ обѣдомъ, чтобы поздороваться съ приглашенными и принять ихъ привѣтствія.

Отсутствіе политической свободы и соціальнаго равенства было источникомъ и другихъ мало симпатичныхъ чертъ характера россіянъ. Въ своей весьма извѣстной книгѣ о *Русской Республикѣ* Флетчеръ говоритъ, что много выстрадавшій отъ грубости и жестокости высшихъ слоевъ простолюдинъ становится столь же жестокимъ въ отношеніи къ низшимъ. „Этимъ объясняется,“—говоритъ авторъ,—„почему крестьянинъ, который пресмыкается у ногъ дворянина, самъ становится ужаснымъ тираномъ, какъ только сила оказывается на его сторонѣ“. Этимъ соціальнымъ неравенствомъ объясняется также огромное число убійствъ и грабежей, ежегодно совершавшихся въ странѣ. Впрочемъ, Маржере (Margeret) указываетъ другую причину этого явленія: „дворяне не даютъ достаточно пищи своимъ крѣпостнымъ, что заставляетъ ихъ нападать по ночамъ на прохожихъ и отбирать у нихъ ихъ имущество“. Тиранія власть имущихъ также имѣла свое вліяніе. По словамъ англійскаго писателя, Дженкинса, показанія котораго подкрѣплены русскимъ писателемъ, Иваномъ Тимофеевымъ, россіяне „чрезвычайно лживы и весьма лицемѣрны; они очень часто мѣняютъ свои намѣренія, постоянно вертясь, словно жерновъ“.

Почти всѣ иностранные авторы единодушно утверждаютъ, что русскіе были чрезвычайно невѣжественны. Поссевинъ говоритъ: „Чтеніе и письмо—это существенные предметы, которымъ они обучаются въ своихъ школахъ. Кто же пожелалъ бы пріобрѣсти какія-нибудь другія знанія, тотъ навлекаетъ на себя подозрѣнія и подвергается преслѣдованіямъ“. Этотъ авторъ полагаетъ, что московскіе правители намѣренно держатъ своихъ подданныхъ въ грубомъ невѣжествѣ. Съ

этой цѣлью они не разрѣшають имъ ѣздить за границу, вполнѣ основательно думая, что людей болѣе просвѣщенныхъ было бы трудно держать въ полномъ порабощеніи. Маржере заявляетъ, что невѣжество народа составляетъ причину его крайней набожности. Ибо народъ усердно посѣщалъ храмы и по нѣскольку часовъ простаивалъ на церковной службѣ. Антіохійскій епископъ, посѣтившій Россію въ серединѣ XVII вѣка, не могъ выдержать долгихъ часовъ, которые москвитяне проводили на ногахъ въ церквахъ. Поль д'Але (d'Alep), описавшій путешествіе епископа, говоритъ, что въ постъ русскіе простаивали въ церкви отъ девяти до шестнадцати часовъ, часто по ночамъ, и что иногда они казались почти мертвыми отъ усталости, голода и бдѣнія. Эта чрезвычайная набожность укоренилась, главнымъ образомъ, съ того времени, какъ бракъ Ивана III съ послѣдней представительницей дома византійскихъ Палеологовъ, Софьей, внушилъ москвитянамъ убѣжденіе, что ихъ государство должно стать третьимъ Римомъ.—четвертому же никогда не бывать. Народъ привыкъ также сравнивать себя съ новымъ Израилемъ. И на основаніи всего этого онъ вѣрилъ, что его страна должна занять первое мѣсто среди всѣхъ христіанскихъ государствъ.

Невѣжественные, пустые и лѣнивые москвитяне не искали другихъ наслажденій, кромѣ пьянства и грубаго разврата. Народъ, который боялся выражать свои личныя мнѣнія и который запиралъ женщинъ въ своего рода домашней тюрьмѣ, называвшейся *теремомъ*, не могъ, конечно, искать удовольствія въ бесѣдѣ и обществѣ благовоспитанныхъ женщинъ Всѣ иностранцы единодушно утверждаютъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ было весьма распространено въ Московскомъ государствѣ какъ среди мужчинъ, такъ безразлично и среди женщинъ и дѣтей. Маржере отмѣчаетъ этотъ фактъ такъ же, какъ и Даніель Принтцъ, обвиняющій русскихъ также и въ чудовищномъ развратѣ, который весьма часто принималъ совершенно восточную форму.

Хотя мы и готовы допустить, что въ этихъ разсказахъ иностранцевъ много преувеличеній, и утверждать, что они были предубѣждены либо плохо освѣдомлены, тѣмъ не менѣе мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что деспотическое правленіе, послѣдовавшее въ Россіи за періодомъ многочисленныхъ республикъ, изъ которыхъ каждая выбирала себѣ государя изъ дома Рюрика и заключала затѣмъ съ этимъ государемъ договоръ, точно опредѣлявшій права и обязанности обѣихъ сторонъ,—что это деспотическое правленіе оказало на духовный складъ народа далеко не благотворное

вліяніе. И именно отсутствіе просвѣщенія, личной энергіи и вѣры въ себя сдѣлало столь тяжелой задачу преобразованія Россіи по европейскому образцу. И съ этими же недостатками національнаго характера мы встрѣчаемся и нынѣ, когда пытаемся объяснить, почему сильный и способный народъ не обладаетъ политической свободой и самоуправленіемъ, которыя необходимы для полнаго развитія его моральныхъ силъ. Учрежденія исчезаютъ легче, нежели образовавшіяся подъ ихъ вліяніемъ черты характера. И если въ наши дни Россія не имѣетъ больше ни бояръ, ни крѣпостныхъ, она, тѣмъ не менѣе, еще страдаетъ отъ духа соціальной несправедливости и отъ отсутствія гражданской свободы, на которые опирались и восточный деспотизмъ Ивана Грознаго, и псевдо-патріархальная власть Алексѣя.

ГЛАВА IV.

Политическія учрежденія Россіи въ XVIII в.— Реформы Петра Великаго.

Царствованіе Петра Великаго является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Россіи. Если Россія представляетъ собою въ настоящее время европейское государство, то этимъ она обязана Петру, ибо Петръ, найдя Россію восточной державой съ единственной удобной границей—побережьемъ Каспійскаго моря (Архангельскъ, благодаря своему слишкомъ сѣверному положенію, не могъ играть серьезной роли въ европейской торговлѣ), сдѣлалъ изъ нея соперницу Швеціи на Балтійскомъ морѣ и открылъ ей путь къ югу взятіемъ Азова. Чтобы достигнуть этого, онъ преобразовалъ армію, создалъ флотъ и совершенно измѣнилъ финансовый строй и гражданское управленіе своей страны, положивъ конецъ существованію *собора, думы, приказовъ и воеводъ*. На ихъ мѣсто онъ установилъ, какъ мы увидимъ дальше, бюрократическую систему централизованнаго управленія, которая, впрочемъ, въ отношеніи городовъ не исключала вполнѣ мѣстнаго самоуправленія. Во всемъ этомъ Петръ слѣдовалъ только примѣру западныхъ народовъ. И было бы смѣшно порицать его за то, что онъ не сохранилъ или даже не развилъ элементовъ представительнаго правленія, содержавшихся въ тѣхъ блѣдныхъ копіяхъ иностранныхъ сеймовъ и парламентовъ, какими являлись соборы въ XVI и XVII вв. Коренная реформа, которую Петръ хотѣлъ провести въ общественномъ и моральномъ быту націи, не могла быть совершена собраніемъ людей, пропитанныхъ религіозными суевѣріями и классовыми предразсудками, очень часто безграмотныхъ и потому совершенно не заботившихся объ образованіи народа. Русскіе *соборы*, вѣроятно, единственныя представительныя собранія, которыя никогда ни однимъ словомъ не обмолвились о наукѣ и искусствѣ. Они также протестовали противъ свободы, которою пользовались иностран-

ные купцы. Вся ихъ торговая политика сводилась къ уничтоженію конкурренціи.

Было ясно, что съ помощью такого собранія врядъ-ли когда нибудь осуществилась бы общая реформа. И понятны, поэтому, причины, по которымъ Петръ, величайшій изъ русскихъ революціонеровъ, не пытался никогда пріобщить *соборы* къ своему дѣлу. Просвѣщенный деспотизмъ видѣлъ, что въ Россіи было также трудно идти рука объ руку съ представительными собраніями, какъ въ Австріи во времена Іосифа II. А чтобы понять, что помѣшало дальнѣйшему развитію русскихъ національныхъ собраній, нужно вспомнить, что эпоха, въ которую геній Петра связалъ Россію нитями дѣятельныхъ, оживленныхъ сношеній съ европейскими державами, вовсе не была золотымъ вѣкомъ представительнаго образа правленія. Когда *соборы* стали пускать корни въ русскую почву, на всемъ континентѣ начался уже упадокъ совѣщательныхъ собраній. Послѣднее собраніе Генеральныхъ Штатовъ во Франціи имѣло мѣсто въ 1614 г. Послѣ Мюнстерскаго договора нѣмецкій рейхстагъ и собранія земскихъ чиновъ потеряли всякое политическое значеніе. Та-же участь постигла собранія кортессовъ въ Кастиліи и Арагоніи и областные сеймы въ Венгріи и Богеміи. Во всей Европѣ самодержавіе становилось господствующимъ принципомъ историческаго момента. Могъ-ли, при такихъ обстоятельствахъ, Петръ вынести изъ своихъ продолжительныхъ путешествій по Западу особенное уваженіе къ представительнымъ учрежденіямъ?

Наоборотъ, Франція, Германія, Швеція могли его научить, какими способами монархическая власть уничтожала всякія препятствія, которыя ставили ея усиленію дворянство, духовенство и третье сословіе. Лучшими союзниками въ этой долгой борьбѣ были государственные чиновники, люди, подобранные, самостоятельно выдвинувшіеся, люди, ничѣмъ не обязанные происхожденію, всѣмъ обязанные своимъ талантамъ и усердію. Хорошо оплачиваемые монархомъ, они могли добиться такой личной независимости отъ различныхъ сословій и партій, которая дѣлала ихъ единственными толкователями верховной воли, выраженной въ законахъ и указахъ. Объединенные въ большія совѣщательныя учрежденія, чиновники имѣли возможность обсуждать и регулировать текущія государственныя дѣла съ безпартійностью, присущею коллективному рѣшенію, и съ знаніемъ и опытомъ, вынесенными изъ продолжительнаго отправленія общественныхъ функцій. Областное управленіе всецѣло довѣрялось делегатамъ этихъ самыхъ учрежденій, людямъ назначаемымъ и отзываемымъ по волѣ монарха. Такимъ обра-

зомъ, коллегіальныя собранія, поставленныя во главѣ различныхъ вѣдомствъ, могли централизовать въ рукахъ своихъ членовъ завѣдываніе какъ дѣлами общегосударственными, такъ и мѣстными дѣлами. Лучшимъ типомъ такой бюрократической машины была французская администрація при Людовикѣ XIII и кардиналѣ Ришелье. Королевскій совѣтъ съ его все возрастающимъ какъ въ административной, такъ и въ судебной области авторитетомъ, различные высшіе суды, контролировавшіе государственную отчетность, финансы, казначейство, управленіе государственными имуществами, лѣсами, не говоря уже о парламентахъ и объ апелляціонныхъ судахъ,—таковы были коллегіальныя учрежденія, которыя посредствомъ уполномоченныхъ, называвшихся интендантами (это были предшественники теперешнихъ префектовъ, набиравшіеся въ рядахъ низшихъ служащихъ государственнаго совѣта), всецѣло руководили полицейской, судебной, финансовой отраслью управленія провинціи. Франція была, вѣроятно, первой страной, не считая итальянскихъ княжествъ, которая съ успѣхомъ примѣнила у себя систему коллегіальныхъ учрежденій и централизованнаго управленія. Но она была далеко не единственнымъ примѣромъ хорошо построенной бюрократической системы. Когда Петръ началъ свои странствованія по континенту, всѣ расхваливали Швецію за то, что она довела до совершенства эту самую коллегіальную систему въ центральномъ и мѣстномъ управленіи; Петръ самъ видѣлъ, какъ функціонировали эти учрежденія въ балтійскихъ провинціяхъ, составлявшихъ тогда часть Швеціи, или на югѣ Финляндіи, тоже связанной тогда со Шведскимъ государствомъ.

Въ этой главѣ мы хотимъ обратить вниманіе читателя на одну часть многосторонней дѣятельности великаго императора, которому Россія обязана тѣмъ, что стала европейскимъ государствомъ. Это не самая важная часть его дѣятельности, не та, результаты которой могли предстать съ очевидностью передъ послѣдующими поколѣніями. Дѣло идетъ о коренномъ переустройствѣ центральнаго управленія Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что распространеніе знаній, вообще, и особенно техническихъ, открытіе *теремовъ*—части домовъ, обитаемыя женской половиной семей—для свободнаго общенія обитательницъ ихъ съ внѣшнимъ міромъ, уничтоженіе стараго предразсудка, заставлявшаго цѣнить человѣка по его происхожденію, а не по его достоинствамъ, сдѣлали больше для преобразованія русскаго государства, чѣмъ введеніе бюрократическихъ учрежденій, заимствованныхъ за границей. Въ частности, именно послѣднія реформы имѣютъ

въ виду противники величайшаго изъ Романовыхъ, славянофилы, когда объявляютъ Петра злымъ геніемъ, помѣшавшимъ Россіи слѣдовать ея историческимъ судьбамъ.

Славянофилы обвиняютъ Петра Великаго въ томъ, что онъ создалъ въ Россіи бюрократію, построенную по иностранному образцу, что онъ совершенно уничтожилъ народное управленіе какъ центральное, такъ и мѣстное. Ихъ обвиненія основаны на идеализаціи слабыхъ зачатковъ самоуправленія, которымъ пользовалась въ древнемъ русскомъ государствѣ община отчасти въ видѣ выбранныхъ старѣйшинъ (старостъ), называемыхъ честными и вѣрными людьми (цѣловальники, вѣрные люди), отчасти въ видѣ псевдо-парламентовъ (*соборовъ*), которые, какъ мы видѣли, менѣе всего представляли русскій народъ. Но все же нельзя сказать,— и факты подтверждаютъ это,—что эти обвиненія совершенно лишены основанія. Несомнѣнно, великій реформаторъ никогда не думалъ призывать народъ въ сотрудники въ томъ дѣлѣ, которое онъ считалъ дѣломъ возрожденія своей страны, и по вполнѣ понятной, съ его точки зрѣнія, причинѣ,—его подданные были совершенно враждебны его намѣреніямъ. Но каковы-же, спросятъ насъ, были его намѣренія?

Прежде всего онъ имѣлъ въ виду увеличеніе военныхъ силъ, чтобы начать побѣдоносную войну съ шведами, поляками и турками и добиться господства на Балтійскомъ морѣ,— проектъ, который занималъ уже великаго царя XVI в., Ивана Грознаго. Чтобы выполнить этотъ планъ, нужно было реорганизовать всю военную систему; нужно было создать постоянную дисциплинированную армію, хорошо оплачиваемую, не имѣющую ничего общаго съ тѣми случайными сборищами неопытныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, которые были слишкомъ заняты своими частными дѣлами, чтобы служить государству съ усердіемъ и самоотреченіемъ, безусловно необходимыми для настоящаго войска. Но такъ какъ для реорганизаціи арміи и для веденія войны нужны были деньги, то сдѣлался необходимымъ пересмотръ налоговой системы. Существующая система состояла въ прямомъ обложеніи, но крупными недостатками ея было то, что объектами обложенія являлись не отдѣльныя лица, а цѣлыя семьи, живущія подъ одной крышей; благодаря этому большое число плательщиковъ ускользало отъ обложенія: они записывались, какъ одна семья, какъ одинъ домъ. Такимъ образомъ, въ спискахъ фигурировала, съ единственной цѣлью—заплатить казнѣ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, много обширныхъ семей, которыхъ не существовало на самомъ дѣлѣ. При такихъ условіяхъ было вполнѣ естественнымъ ввести въ порядокъ

обложенія реформу, задуманную Петромъ Великимъ. Она состояла въ обложеніи не семьи, не дыма, а въ обложеніи человѣка, души. Такъ какъ эта система была уже испытана въ Швеціи, то Петръ взялъ эту страну за образецъ, когда реформировалъ финансовую систему своей имперіи.

Но когда эти необходимыя военныя и финансовыя реформы были начаты, онѣ повлекли за собой, въ качествѣ естественнаго результата, полную перестройку всей административной машины въ цѣломъ. Чтобы понять необходимость такого послѣдствія, нужно вспомнить то, что было сказано выше по поводу тѣсной зависимости, существовавшей между владѣніемъ землями, съ одной стороны, и военной или гражданской службой—съ другой. Въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в.в. „служилые люди", какъ *thanes* въ англосаксонскій періодъ, находились въ рядахъ Совѣта, во главѣ цѣлыхъ областей или управляли городами и укрѣпленными мѣстечками. Гражданскія должности раздавались, какъ награды, заслуженнымъ офицерамъ, которые часто просто просили царя, чтобы онъ назначилъ ихъ на ту или иную должность, дабы они могли „покормиться". Это слово, какъ мы видѣли, сдѣлалось terminus technicus. Итакъ, предполагалось, что должностныя лица могутъ обращать въ свою пользу все, что они собираютъ сверхъ назначенной для даннаго города или мѣстечка суммы косвеннаго налога. При такихъ условіяхъ глава мѣстной администраціи, понятно, былъ склоненъ увеличивать повинности, падавшія на населеніе. И такъ какъ тогда не былъ проведенъ еще принципъ раздѣленія властей, то воевода совмѣщалъ въ себѣ начальника мѣстныхъ войскъ, начальника полиціи и судью. Само собою разумѣется, что онъ единолично не выполнялъ всѣхъ обязанностей, связанныхъ съ этими должностями, а пользовался помощью платныхъ писцовъ, *дьяковъ*. Удовлетворенный правильнымъ поступленіемъ штрафовъ и другихъ суммъ, оплачивающихъ издержки по судопроизводству, воевода отправленіе правосудія предоставлялъ дьяку, и послѣдній, разумѣется, пользовался своимъ положеніемъ для взиманія взятокъ съ тяжущихся. Петиціи, время отъ времени посылаемыя царю, часто содержали въ себѣ жалобы на эти злоупотребленія. И дѣйствительно, первому изъ Романовыхъ, царю Михаилу, пришлось однажды признать, что воеводы и другіе гражданскіе чиновники, служившіе въ центральныхъ канцеляріяхъ или *приказахъ*, вели дѣла совершенно не такъ, какъ предписывалось изданными указами, и пускали въ ходъ вымогательства, требуя взятокъ въ видѣ подарковъ деньгами или натурой.

Съ того времени, когда по реформѣ Петра военное управленіе и сборъ податей перешли въ руки чиновниковъ, непосредственно назначаемыхъ правительствомъ, воеводы сдѣлались въ большинствѣ случаевъ мѣстными чиновниками въ судѣ или въ полиціи Но, не желая оставить ихъ безъ контроля при отправленіи ими ихъ отвѣтственныхъ функцій, Петръ началъ вводить, по образцу нѣмецкихъ городовъ, напр., Риги и Ревеля, мѣстныя бюро подъ названіемъ ландратовъ и канцеляріи городскихъ головъ или бургмистровъ. Это былъ только первый шагъ; были задуманы уже болѣе важныя реформы, когда военныя приготовленія, въ виду необходимости расширить предѣлы Россіи вплоть до Балтійскаго моря и выдержать для этого долгую войну съ Карломъ XII и его союзниками, днѣпровскими казаками, которые подъ начальствомъ Мазепы бились за свою независимость, помѣшали великому царю отдаться дѣлу осуществленія внутреннихъ реформъ и принудили его отложить надолго тѣ, къ которымъ онъ собирался приступить. Но годы, которые онъ провелъ, разъѣзжая по Европѣ, пополняя свои техническія знанія на набережныхъ Голландіи или сражаясь съ нѣмцами или шведами, не были всецѣло потеряны для задачи будущей реорганизаціи имперіи Въ Парижѣ Петръ, какъ полагаютъ, выразилъ свое крайнее удивленіе предъ главнымъ создателемъ централизаціи управленія во Франціи -- Ришелье, слѣдующей фразой: „если бы мнѣ удалось найти такого министра, я съ удовольствіемъ отказался бы отъ половины своего государства подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ помогъ мнѣ управлять другой". Быть можетъ, эта фраза, передаваемая французскими мемуарами того времени, сомнительной подлинности, но она хорошо выражаетъ то почтительное удивленіе, въ которое приводила новая система неограниченной монархіи и централизаціи, начатая Ришелье и законченная Людовикомъ XIV, государей всего континента вплоть до самой Россіи.

Легко понять, что при такихъ условіяхъ французскія учрежденія сдѣлались образцомъ для разныхъ государствъ Европы. И дѣйствительно, ихъ болѣе или менѣе рабски скопировали властители Швеціи и Даніи тѣмъ болѣе, что они въ концѣ XVII в. начали успѣшную борьбу съ представительными собраніями и попытались, при помощи низшихъ слоевъ народа, положить конецъ покушеніямъ на захватъ политической власти со стороны феодальной аристократіи. Этимъ объясняется какъ полное сходство, которое легко усмотрѣть между провинціальными и центральными учрежденіями Франціи и двухъ названныхъ сѣверныхъ королевствъ.

такъ и тотъ фактъ, что эти послѣднія и сдѣлались образцомъ для Петра Великаго. Говорятъ, что знаменитый нѣмецкій философъ Лейбницъ обратилъ вниманіе великаго царя на преимущества, которыя представляла, по сравненію съ отдѣльными всемогущими министрами, система коллегій, состоявшихъ, какъ въ Швеціи, во главѣ различныхъ отраслей общественнаго управленія.

Петръ обращался съ просьбой къ своимъ русскимъ и иностраннымъ корреспондентамъ выработать планъ коренного преобразованія *приказовъ* по образцу коллегіальныхъ учрежденій Швеціи и Даніи. Но испытующій взглядъ реформатора обращался не исключительно на эти страны; двумъ молодымъ государственнымъ людямъ, посланнымъ имъ въ Голландію и Англію, было поручено сообщать ему обо всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ, которыя проводили обѣ эти страны въ политической, экономической или торговой области. Отъ нихъ требовалось въ то же время, чтобы они указывали, что изъ описываемаго въ ихъ донесеніяхъ могло быть перенесено въ Россію, при единственномъ условіи—не измѣнять самодержавнаго строя правленія ея. Исключительно это условіе объясняетъ, почему англійскому корреспонденту Петра — Салтыкову нечего было сказать въ запискѣ объ англійскомъ парламентѣ и почему онъ представилъ ничтожной власть палаты лордовъ, нелѣпо сравнивъ ее съ обыкновеннымъ государственнымъ совѣтомъ, имѣющимъ только совѣщательный голосъ въ дѣлахъ страны. Необходимость уничтожить въ своихъ писаніяхъ всякіе зачатки представительства, заключавшіеся въ учрежденіяхъ, которыя они видѣли, заставила другихъ корреспондентовъ говорить о первой палатѣ шведской, какъ о частномъ совѣтѣ, не имѣющемъ никакого прямого вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и на созданіе новыхъ законовъ.

Неизбѣжнымъ результатомъ этого было только то, что корреспонденты царя, всячески рекомендуя ему введеніе административныхъ бюро по образцу или коллегіальныхъ бюро Швеціи и Даніи, или многочисленныхъ совѣтовъ, которые регентъ Франціи, Филиппъ Орлеанскій, слѣдуя совѣту знаменитаго аббата Сенъ-Пьера, хотѣлъ создать въ королевствѣ, какъ разъ во время посѣщенія Парижа Петромъ,—не смѣли заикнуться о щекотливомъ вопросѣ реформы центральнаго правительства. Такимъ образомъ, эти новыя учрежденія были непосредственно подчинены только контролю царя. И, понятно, это было не подъ силу отдѣльному человѣку, хотя бы этотъ человѣкъ и обладалъ всей энергіей и всѣмъ громаднымъ умомъ, отличавшими великаго реформатора.

Петръ считалъ, что высшій контроль можетъ принадлежать только ему. Онъ лично наказывалъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, которые не устояли предъ соблазномъ легкой наживы. Но, само собой разумѣется, большинство виновныхъ ускользало отъ наказанія, потому что не было никого, къ кому можно было бы аппелировать по поводу незаконнаго рѣшенія центральныхъ канцелярій, постановленнаго въ административномъ или судебномъ порядкѣ. Въ 1705 г. перестала существовать *дума*, прежній боярскій совѣтъ, и не была замѣщена никакимъ подобнымъ учрежденіемъ, если не считать таковымъ частную царскую канцелярію, носившую названіе *ближней канцеляріи.*

Съ того момента, когда происхожденіе или занятіе предками важныхъ должностей перестали считаться дающими право на мѣсто въ частномъ совѣтѣ, когда люди низкаго происхожденія, благодаря важному мѣсту, занимаемому ими въ іерархической лѣстницѣ или *чину*, были призваны сдѣлаться совѣтниками царя, оказалось необходимымъ созданіе новаго спеціальнаго органа взамѣнъ упраздненной *думы.* Петръ полагалъ, что отвѣтитъ на эту необходимость созданіемъ подъ именемъ сената постояннаго собранія высшихъ сановниковъ государства, къ которымъ должны были быть присоединены также президенты коллегій. Этотъ проектъ въ первый разъ былъ испытанъ во время новаго путешествія царя въ Европу. Составленный указаннымъ уже выше способомъ, Сенатъ былъ призванъ въ отсутствіе монарха къ выполненію высшихъ правительственныхъ функцій. Онъ завѣдывалъ общественными дѣлами, контролировалъ административныя и судебныя учрежденія всей страны, ему же принадлежала въ первой инстанціи юрисдикція по политическимъ преступленіямъ, въ число которыхъ входило всякое нанесеніе ущерба казнѣ, напр. выдѣлка фальшивой монеты. Кромѣ высшихъ чиновниковъ, членовъ сената, мы находимъ еще чиновниковъ во главѣ областей, которые хотя считались скопированными со шведскихъ, соотвѣтствовали какъ по имени, такъ и по значенію французскимъ *губернаторамъ.*

Изъ этого бѣглаго обзора состава и сферы компетенціи сената видно, что высшіе чиновники администраціи, центральной и мѣстной, сами слѣдили за правильностью своихъ дѣйствій. Такъ какъ они и, вообще, составляли большинство въ сенатѣ, то имъ достаточно было только заручиться еще снисходительностью нѣсколькихъ сановниковъ, назначаемыхъ короною, чтобы имѣть возможность всегда ускользнуть отъ отвѣтственности за какое бы то ни было превышеніе власти, за какую угодно несправедливость, совершнную ими. До-

какой степени, при такихъ условіяхъ, страдало общественное дѣло, можно судить по заявленіямъ самаго царя. Въ указѣ 1722 г., согласно которому президенты коллегій, за исключеніемъ двухъ только, перестали призываться засѣдать въ сенатѣ, царь говоритъ: „Какъ могутъ они быть своими собственными судьями?" Авторы мемуаровъ, писанныхъ въ ту эпоху, Берхгольцъ и Пассевичъ, такъ комментируютъ эти слова: „первымъ зломъ было то, что въ коллегіяхъ никто не осмѣливался выступать противъ мнѣнія президента, засѣдающаго въ сенатѣ; вторымъ то, что, благодаря своему присутствію въ сенатѣ, президентъ коллегіи пріобрѣталъ право быть несправедливымъ—*онъ воленъ былъ обманывать юстицію въ своемъ вѣдомствѣ*".

Но эта реформа сената была не единственная мѣрой, при помощи которой Петръ задумалъ ввести законность и справедливость въ своемъ государствѣ. Слѣдуя опять таки примѣру Швеціи, онъ создалъ въ низшихъ бюро и трибуналахъ и въ сенатѣ должность общественныхъ обвинителей, извѣстныхъ подъ именемъ фискаловъ. На обязанности фискаловъ лежало разсмотрѣніе частныхъ жалобъ, поступавшихъ противъ того или иного чиновника или судьи; въ то же время они могли по собственной инниціативѣ начинать слѣдствіе о правильности дѣйствій лицъ, занимавшихъ общественныя должности. Къ несчастью, скоро обнаружилось, что эти государственные контролеры пользовались своей неограниченной властью просто для того, чтобы вымогать у жалобщиковъ возможно больше денегъ. Реформаторъ еще разъ почувствовалъ необходимость контролировать дѣятельность этихъ всемогущихъ правительственныхъ агентовъ. Съ этой цѣлью была создана новая должность, и занимавшій ее высшій чиновникъ былъ призванъ засѣдать въ сенатѣ. Это былъ генеральный прокуроръ, уполномоченный слѣдить за правильностью веденія дѣлъ въ сенатѣ и за поведеніемъ государственныхъ обвинителей. Въ рукахъ сильнаго человѣка, такого, какимъ былъ напр. Ягужинскій, эта должность скоро сдѣлалась первой по важности. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, занимавшій эту должность, былъ призванъ собственно оказывать государству услуги, которыя въ парламентарныхъ странахъ берутъ на себя представительныя учрежденія.

Естественно, что высшая бюрократія, подчинявшаяся такой зависимости при жизни сильнаго, побѣдоноснаго монарха, не была расположена къ такой покорности, когда тронъ оставался вакантнымъ. Такъ, послѣ смерти Петра, не назначившаго никого своимъ наслѣдникомъ, на престолъ была возведена Екатерина I-ая, простая женщина, иностранка

по происхожденію, считавшаяся законной женой покойнаго царя. Это было совершено нѣсколькими придворными. съ фаворитомъ Екатерины княземъ Меньшиковымъ во главѣ, при помощи группы гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ. Немедленно былъ созданъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ тайный высшій совѣтъ, душою котораго былъ Меньшиковъ. Русскіе историки спорили недавно о томъ, являлся-ли этотъ совѣтъ ограниченіемъ царской власти. Нельзя сказать, что этотъ вопросъ вполнѣ разрѣшенъ, но нѣтъ сомнѣнія, что во время недолгаго правленія Екатерины самодержавіе должно было уступить свою власть бюрократической олигархіи, хотя причиной этого была въ сущности полная неспособность новой государыни руководить государственными дѣлами. Въ протоколахъ совѣта только разъ въ сессію упоминается о присутствіи государыни на засѣданіи; она являлась туда въ день открытія сессіи, чтобы пригласить членовъ совѣта къ себѣ на обѣдъ. И въ то время, когда она губила свое здоровье невоздержной жизнью и растрачивала въ празднествахъ деньги, которыя съ такимъ трудомъ собралъ Петръ Великій, высшіе чиновники, объединенные въ тайномъ совѣтѣ, обогащались взапуски другъ передъ другомъ, присваивая себѣ громадные земельные участи, принадлежавшіе казнѣ, вмѣстѣ съ жившими на нихъ крестьянами, которые такимъ образомъ превращались въ рабовъ частныхъ лицъ. Первымъ при дѣлежѣ добычи былъ Меньшиковъ, который составилъ себѣ, такимъ образомъ, владѣніе, превосходившее по величинѣ самые громадные лены Англіи, Франціи Германіи и Испаніи.

Огромное значеніе имѣлъ тайный совѣтъ и во время краткаго царствованія Петра II, сына несчастнаго великаго князя Алексѣя, казненнаго по приказу своего отца, Петра Великаго, за приписывавшійся ему заговоръ и за враждебное отношеніе къ реформамъ. Въ его царствованіе опять-таки мы можемъ говорить не столько о конституціонныхъ ограниченіяхъ верховной власти, сколько о неспособности заниматься государственными дѣлами этого императора-ребенка, предававшагося любовнымъ наслажденіямъ. Голицины и Долгорукіе дѣлали все, чтобы сконцентрировать въ рукахъ членовъ своихъ фамилій всю политическую власть монарха. Немилость, постигшая когда-то всемогущаго Меньшикова, окончившаго дни свои въ мрачной ссылкѣ въ Березовѣ, маленькомъ сибирскомъ городкѣ, Меньшикова, обходившагося, какъ съ равными, съ владѣтельными князьями священной римской имперіи, предоставляла обѣимъ фамиліямъ полную свободу довести до желаннаго конца свои

честолюбивые планы. Онѣ хотѣли не только обогащаться, присваивая себѣ казенныя земли, но и возвести на россійскій престолъ одну изъ своихъ дочерей, красавицу Катерину Долгорукую, которую онѣ прочили въ жены императору.

Легко, поэтому, понять какой ударъ нанесла этимъ не слишкомъ возвышеннымъ интригамъ двухъ вліятельнѣйшихъ семей внезапная смерть Петра II, послѣдовавшая благодаря всевозможнымъ излишествамъ, которымъ онъ предавался. Его смерть была настоящимъ бѣдствіемъ для обѣихъ, тѣмъ болѣе, что попытка Ивана Долгорукаго, отца невѣсты, провозгласить свою дочь императрицей не нашла отклика ни среди высшаго дворянства, ни въ рядахъ офицеровъ гвардіи. Имъ не удалось дать для подписи умирающему царю, котораго тщательно охранялъ нѣмецъ Остерманъ, личный врагъ Долгорукихъ, никакого завѣщанія, которое содержало бы подобное назначеніе Итакъ, русскій тронъ еще разъ оказался вакантнымъ, а законное потомство Петра Великаго прекратилось; правда, оставалась княжна, въ жилахъ которой текла кровь царя, Елисавета, но она была незаконнорожденной, потому что не было никакого документа, доказывавшаго, что былъ заключенъ бракъ между Петромъ Великимъ и Екатериной. То же самое можно сказать и о герцогинѣ Голштинской, другой дочери Петра. Говоря объ этихъ принцессахъ, Дмитрій Голицынъ употреблялъ слово *выблядки*, оскорбительное выраженіе, указывающее на незаконность рожденія. Существовало, положимъ, нѣчто въ родѣ завѣщанія, будто бы писаннаго Екатериной на смертномъ одрѣ, но ни одинъ голосъ не поднялся въ совѣтѣ, чтобы протестовать противъ заявленія одного изъ Долгорукихъ, что особа столь низкаго происхожденія -онъ имѣлъ въ виду покойную императрицу—не имѣетъ никакого права распоряжаться короной Россіи. „Говорятъ, продолжалъ Голицынъ, глядя на Долгорукихъ, что существуетъ другое завѣщаніе, но это могло бы быть только фальшивымъ". Ни одинъ членъ собранія не осмѣлился возразить. При такихъ условіяхъ нужно было выбрать наслѣдника среди оставшихся въ живыхъ членовъ дома Романовыхъ. Оставались двѣ дочери старшаго брата Петра Великаго, Ивана, идіота, мнимо царствовавшаго одно время вмѣстѣ съ будущимъ реформаторомъ подъ опекой ихъ сестры, честолюбивой царевны Софьи. Старшая изъ двухъ была герцогиня Мекленбургская. Ни одинъ изъ членовъ совѣта не принималъ ее во вниманіе, вѣроятно потому, что она была замужемъ за иностраннымъ принцемъ, который еще былъ въ живыхъ. Но не таково было отношеніе къ

Курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ, овдовѣвшей уже. А тотъ фактъ, что Ягужинскій, прежній всемогущій прокуроръ сената, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Митавѣ, управляя княжествомъ именемъ Анны Іоанновны, объясняетъ до извѣстной степени предпочтеніе, оказанное ей членами совѣта. Было вполнѣ естественно ждать со стороны принцессы, которой приходилось уже подчиняться требованіямъ Курляндскаго сейма, признанія нѣкоторыхъ конституціонныхъ ограниченій ея власти. Это предположеніе и примѣръ Швеціи, добившейся отъ Карла XII нѣкоторыхъ мѣръ, обезпечивающихъ народу больше свободы и больше самоуправленія, побудили тайный совѣтъ Россіи составить рядъ условій, которыя должна была подписать новая государыня до вступленія своего на тронъ.

„Мы должны подумать о томъ, какъ облегчить наше положеніе“,—сказалъ Дмитрій Голицынъ.

„Что вы хотите этимъ сказать? -спросилъ его другой членъ совѣта, Головкинъ.

„Я хочу сказать, что намъ нужно обезпечить себѣ больше свободы“,—былъ отвѣтъ.

Условія были написаны и посланы въ Митаву будущей императрицѣ. Слишкомъ обрадованная возможностью вступить на престолъ, она не долго церемонилась и подписала ихъ.

Быть можетъ, интересно знать, откуда явилась идея подобнаго повшества. Два писателя, русскій и шведъ, профессоръ Hierne изъ Упсалы и профессоръ Казанскаго университета Корсаковъ, согласно утверждаютъ, что примѣръ поданъ Швеціей. Первый изъ этихъ авторовъ, спеціально изучивъ „кондиціи“, подписанныя Анной, безъ труда призналъ ихъ полное сходство съ шведскимъ образцомъ. По всѣмъ соображеніямъ, здѣсь имѣлось нѣчто такое, что со временемъ могло сдѣлаться плодотворнымъ зародышемъ конституціоннаго развитія Россіи въ томъ случаѣ, если бы ряды свѣта были пополнены, или, лучше, если бы создана была новая палата подъ палатой высшаго дворянства.

Знаменитыя условія заставляли новую императрицу принять на себя слѣдующія обязательства: она должна была прилагать всѣ усилія къ распространенію православной вѣры; не выходить замужъ; не назначать наслѣдника; сохранить высшій совѣтъ изъ восьми человѣкъ, согласіе кокораго было необходимо для объявленія войны, заключенія мира, установленія новыхъ налоговъ. Императрица приняла обязательство не давать чиновъ въ арміи выше чина полковника своей только властью, не спросивъ мнѣнія совѣта, не приговаривать никого къ смертной казни, лишенію правъ,

конфискаціи имущества безъ согласія совѣта. Также требовалось предварительное рѣшеніе совѣта, чтобы сдѣлать законнымъ всякій даръ кому-нибудь отъ имени императрицы, если дѣло шло о казенныхъ земляхъ, или всякое обращеніе государственныхъ доходовъ на покрытіе личныхъ расходовъ государыни. Ни одинъ русскій, ни одинъ иностранецъ отнынѣ не могъ быть назначенъ на какую-нибудь придворную должность безъ согласія совѣта. Всѣ эти условія должны были выполняться подъ угрозой лишенія престола.

Ясно, что, будучи ограниченъ всего восемью членами, тайный совѣтъ превращался въ правящую олигархію. Поэтому было вполнѣ естественно, что мелкое дворянство создало движеніе съ цѣлью добиться отъ короны нѣкоторыхъ гарантій въ пользу своихъ членовъ. Талантъ и ловкость такихъ людей, какъ Ягужинскій, желавшихъ, чтобы императрица пользовалась неограниченной властью, и состояли въ томъ, что они направили это движеніе противъ претензій тайнаго совѣта въ пользу прежняго самодержавія. Вся комедія эта разыгралась такимъ образомъ: представитель мелкаго дворянства Татищевъ приготовилъ контръ-проектъ, въ которомъ предлагалъ увеличить совѣтъ или создать вмѣсто него собраніе изъ ста членовъ. Эту петицію подписало 249 человѣкъ, главнымъ образомъ гвардейскихъ офицеровъ. Но большинство не было удовлетворено этимъ единственнымъ измѣненіемъ предъявленныхъ требованій. Были пущены въ обращеніе еще двѣ петиціи, собравшія, одна 743 подписи, другая 840. Каждая была прямой попыткой ограничить самодержавіе, но не въ пользу небольшой группы высшихъ чиновниковъ, а въ пользу всего русскаго дворянства. Проектъ, собравшій наибольшее количество сторонниковъ, объявлялъ, что будущая государыня будетъ безконтрольно разрѣшать всѣ вопросы за исключеніемъ тѣхъ, которые касались ея двора, доходы котораго были опредѣлены закономъ. Исполнительная власть должна была быть ввѣрена высшему совѣту, имѣющему право объявлять войну, заключать миръ, командовать арміей, контролировать финансы и назначать на всѣ государственныя должности. Рядомъ съ высшимъ совѣтомъ въ упомянутомъ документѣ были два слѣдующихъ учрежденія: сенатъ изъ 33 членовъ, долженствовавшій разсматривать всѣ дѣла до ихъ обсужденія въ высшемъ совѣтѣ, и двѣ палаты представителей, одна изъ представителей дворянства—200 членовъ, другая изъ представителей сословія, составленная изъ депутатовъ, выбранныхъ городами. Легко видѣть, что требованія мелкаго дворянства нисколько не благопріятствовали возстановленію

самодержавія и что они могутъ быть разсматриваемы, какъ попытка создать представительное правленіе. Они доказывали въ то-же время величайшее отвращеніе, которое мелкое дворянство въ цѣломъ питало къ высшимъ чиновникамъ; эти послѣдніе, злоупотребляя выгодами своего положенія, хотѣли создать въ рядахъ самого дворянства какой-то высшій классъ, похожій на аристократію Западной Европы.

Чтобы понять теперь, почему эти попытки имѣли мало шансовъ на успѣхъ, нужно бросить бѣглый взглядъ на судьбы высшаго русскаго сословія послѣ эпохи Петра Великаго.

Въ предыдущихъ главахъ было показано, что тотъ слой населенія, который теперь называется русскимъ дворянствомъ, составился изъ „служилыхъ людей"—лицъ, которыя подъ условіемъ полученія земель въ видѣ вознагражденія за службу, обязывались по приказу выступать въ походъ съ опредѣленнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, количествомъ хорошо вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ и богатству участка, даннаго имъ во владѣніе на время службы. Побѣжденный Карломъ XII въ Нарвской битвѣ, Петръ приписалъ свою неудачу скверной организаціи своей феодальной арміи, члены которой на самомъ дѣлѣ были слишкомъ заняты заботами о возможно большей доходности своихъ земель, чтобы видѣть въ военной службѣ что-нибудь кромѣ досадной необходимости, отъ которой они всѣми силами старались избавиться. Число неявлявшихся было достаточно велико, чтобы ослабить силу арміи. Тѣ-же, которые являлись, не имѣли понятія о военной дисциплинѣ. Чтобы образовать у себя постоянную армію, подобную шведской, Петръ произвелъ слѣдующія реформы: онъ объявилъ, что земли, отданныя нѣкогда во владѣніе на время службы, превращаются въ наслѣдственную собственность тѣхъ, кто ими пользовался, но что всѣ служилые люди будутъ отнынѣ считаться обязанными военной службой съ момента ихъ совершеннолѣтія, т. е. съ 15 лѣтъ, до самой смерти. Только тѣмъ, которымъ болѣзнь или возрастъ мѣшали быть полезными въ войскѣ, военная служба замѣнялась гражданской. Каждый долженъ былъ начать службу въ арміи съ низшихъ чиновъ и вознаграждался сообразно тому посту, который онъ занималъ. Всѣ тѣ, которые по праву рожденія считались защитниками страны, были объявлены особымъ сословіемъ, по примѣру Польши, названнымъ *шляхтой*. Это слово иностраннаго происхожденія скоро было замѣнено словомъ *дворяне*, употреблявшимся въ Московскомъ царствѣ для обозначенія низшихъ слоевъ московской знати. Вмѣсто того,

чтобы быть кастой, замкнутой для всякаго новаго лица, русская знать превратилась со временъ Петра Великаго въ высшее сословіе, въ ряды котораго могли, благодаря своимъ заслугамъ, вступать люди самаго низкаго происхожденія, между тѣмъ какъ въ старомъ московскомъ государствѣ этотъ высшій слой составляли исключительно члены княжескихъ фамилій да еще тѣхъ, отцы или дѣды которыхъ занимали вліятельное мѣсто въ *думѣ* или совѣтѣ. Со времени Петра Великаго та-же привилегія была дарована заслуженнымъ офицерамъ; они имѣли даже преимущество по сравненію съ князьями и графами — новый почетный титулъ, который, опять-таки со времени великаго реформатора, даровался обычно русскими царями своимъ любимцамъ или людямъ, всѣмъ обязаннымъ своему труду и способностямъ.

Изъ этого видно, что высшее сословіе въ Россіи по своей внутренней организаціи было болѣе демократично, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. Въ противность англійскому обычаю, всѣ члены знатной семьи считались одинаково знатными, всѣ знатныя семьи опять-таки были равными независимо отъ титула, которымъ онѣ владѣли; единственное различіе вносилось сравнительной важностью должностей, занимаемыхъ членами той или иной семьи въ военной или гражданской службѣ. Эта уравнительная тенденція находилась въ явномъ противорѣчіи съ закономъ о маіоратѣ, который создалъ Петръ въ послѣдніе годы своего царствованія, вѣроятно, для того, чтобы обезпечить слою, который онъ призвалъ къ отправленію важныхъ государственныхъ функцій, матеріальный достатокъ, необходимый для успѣшнаго выполненія своихъ обязанностей. Но демократическій характеръ, отличавшій русское дворянство, скоро сдѣлалъ этотъ законъ непримѣнимымъ. Родители дѣлали все возможное, чтобы удержать старый порядокъ раздѣла наслѣдства на равныя доли. Для этого они при жизни продавали часть своихъ имѣній, чтобы оставить младшимъ сыновьямъ капиталъ, равный стоимости земель, наслѣдуемхъ старшимъ сыномъ. Или, строго придерживаясь буквы закона, они оставляли все свое движимое имущество, сельско-хозяйственный инвентарь, скотъ и зерно младшимъ дѣтямъ, предоставляя законному наслѣднику исключительно землю. И въ то время, какъ нѣкоторыя фамиліи, находившіяся въ тѣсномъ общеніи съ дворомъ, были расположены послѣдовать примѣру высшей нѣмецкой аристократіи и не находили ничего неудобнаго въ законѣ о маіоратѣ, большинство настаивало на его отмѣнѣ. Оно ввело это требованіе въ число условій, которыя обязана была принять новая императрица Анна.

Краткій обзоръ, сдѣланный нами, даетъ намъ возможность объяснить происхожденіе группировокъ и разногласій, существовавшихъ въ рядахъ высшаго сословія въ Россіи въ тотъ моментъ, когда впервые ставился вопросъ о конституціонныхъ ограниченіяхъ самодержавія. Нѣкогда могущественныя боярскія тенденціи были воскрешены небольшой группой семей, которыя во время послѣднихъ царствованій стояли во главѣ государственныхъ дѣлъ и были проникнуты политическими идеалами Швеціи. Другіе члены дворянства, особенно служившіе въ гвардіи, считали себя оскорбленными этими претензіями новѣйшей олигархіи и хотѣли расширить базу будущихъ представительныхъ учрежденій. Но ни одна изъ партій не была расположена поддерживать чистый абсолютизмъ. Коварство тѣхъ, которые вмѣстѣ съ императрицей конспирировали въ пользу абсолютизма, и заключалось въ натравливаніи этихъ партій другъ на друга. Мелкому дворянству льстили туманными обѣщаніями о томъ, что позже будутъ произведены реформы, которыхъ оно добивалось, но подъ условіемъ, что теперь оно поддержитъ императрицу въ борьбѣ съ претензіями высшаго дворянства. О глубокихъ корняхъ этой политики можно судить по письмамъ лицъ, которыхъ ихъ служебныя обязанности удерживали вдали отъ Петербурга, но которыя съ крайнимъ интересомъ слѣдили за ходомъ событій, развертывавшихся въ столицѣ. Среди такихъ лицъ мы находимъ Волынскаго, сдѣлавшагося впослѣдствіи главою національной партіи, боровшейся противъ нѣмецкихъ выходцевъ. Будучи тогда въ Казани, онъ въ письмѣ къ Салтыкову выражаетъ взгляды мелкаго дворянства на олигархическія стремленія членовъ тайнаго совѣта слѣдующей фразой: „Сохрани насъ Богъ отъ того, чтобы имѣть вмѣсто одного самодержца десять могущественныхъ фамилій; въ такомъ случаѣ мы, простые дворяне, можемъ быть увѣрены въ своей гибели, ибо намъ придется сгибаться и падать ницъ еще больше, чѣмъ сейчасъ".

Мелкіе дворяне, всѣ того-же мнѣнія, дали себя провести нѣсколькимъ интриганамъ, такимъ, напр., какъ извѣстный поэтъ Кантемиръ или какъ гвардейскій офицеръ Черкасскій, которые заставили ихъ выразить свои чувства по поводу принудительнаго характера кондицій, подписанныхъ императрицей. Когда гвардейскіе офицеры рѣшились представить свой проектъ реформъ и прочесть ихъ въ присутствіи самой императрицы, произошелъ обмѣнъ обвиненій. Членъ тайнаго совѣта Голицынъ спросилъ, отъ кого они получили право вмѣшиваться въ дѣло верховнаго управленія, на что Черкасскій отвѣтилъ: „отъ васъ, отъ васъ, заставившихъ ея вели-

чество говоритъ, что кондиціи, подписанныя ею, являются выраженіемъ нашихъ всеобщихъ желаній". По просьбѣ мекленбургской герцогини, сестры императрицы, учавствовавшей въ заговорѣ, Анна подписала петицію офицеровъ и разрѣшила имъ придти во дворецъ въ тотъ-же день, чтобы сообщить ей результаты дальнѣйшаго обсужденія дѣла. Этотъ планъ позволилъ занять дворецъ толпой солдатъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ, которые стали кричать, что не допустятъ, чтобы бунтовщики руководили ея величествомъ. „Скажите слово, и мы положимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы". Анна приказала имъ слушаться только Салтыкова. высшаго офицера, тоже бывшаго въ заговорѣ. Въ тотъ же день члены тайнаго совѣта были приглашены на обѣдъ къ столу ея величества: изъ столовой они принуждены были слышать шумные голоса дворянъ, обсуждавшихъ требованія, которыя они должны были представить императрицѣ, и выражавшихъ свое расположеніе къ ней предположеніями разорвать въ куски тѣхъ, которые не захотятъ признать ее самодержицей. Предъ лицомъ враждебно настроенной толпы члены совѣта поняли безполезность дальнѣйшаго сопротивленія. „Вы оскорбили меня!" воскликнула императрица, обращаясь къ старшему изъ Голицыныхъ; онъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Анна приказала принести подписанныя уже ею кондиціи и разорвала ихъ. Казнь двухъ членовъ семьи Долгорукихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, изгнаніе остальныхъ и ссылка Голицыныхъ въ ихъ отдаленнѣйшія имѣнья положили конецъ этой преждевременной попыткѣ построить высшую власть въ Россіи на базѣ представительныхъ учрежденій.

Трудно найти въ исторіи XVIII в., можно сказать во всей новой исторіи, эпоху болѣе позорную, болѣе противорѣчащую чувствамъ личнаго и національнаго достоинства, чѣмъ та, которая началась въ Россіи съ того момента, когда императрица Анна разорвала знаменитыя кондиціи, ограничивававшія самодержавную власть, которыя нѣсколько высшихъ чиновниковъ заставили было ее принять. Въ эту эпоху Россія яко-бы управлялась чѣмъ-то въ родѣ тріумвирата, во главѣ котораго стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ Остерманъ. На самомъ-же дѣлѣ вся имперія должна была склониться передъ волей простого авантюриста, иностранца, не знавшаго ни страны, которою ему предстояло управлять, ни языка тѣхъ, которые должны были повиноваться его приказаніямъ. Единственной причиной, доставившей ему столь высокое положеніе, была симпатія, которую онъ внушилъ императицѣ за много лѣтъ до ея восшествія на престолъ, когда, чувствуя нужду въ совѣтахъ и указа-

ніяхъ для управленія Курляндіей, она искала и, какъ ей казалось, нашла все въ лицѣ одного нѣмецкаго юнкера, по имени Биронъ. Онъ получилъ кое-какое образованіе въ Кенигсбергскомъ университетѣ, но не могъ получить никакой ученой степени благодаря своей безнравственности и засвидѣтельствованной склонности къ нарушенію общественной тишины и присвоенію чужой собственности. Нѣтъ нужды упоминать, что фамилія этого авантюриста не имѣетъ ничего общаго съ фамиліей французскихъ Бироновъ (Biron), ибо только благодаря частѣйшей наглости Bühren осмѣлился назваться Biron послѣ того, какъ императрица пожаловала ему орденъ св. Андрея, а Карлъ VI австрійскій, по особой просьбѣ императрицы-же, титулъ свѣтлости. Глава-же герцогской фамиліи Biron во Франціи, вмѣсто того, чтобы протестовать противъ этого, испытывалъ какое то удовольствіе, говоря своимъ окружающимъ, что похититель не могъ найти въ Европѣ лучшаго имени. Такимъ образомъ, этотъ авантюристъ перешелъ въ исторію съ украденнымъ именемъ, и самый позорный періодъ русской исторіи до сихъ поръ обозначается названіемъ Бироновщина. По письму отъ 30 дек. 1738 г., хранящемуся еще въ Дрезденскихъ архивахъ, видно что императрица, страдавшая подагрой и скорбутомъ, все заботилась объ увеселеніяхъ Бирона. Что-же касается управленія, то оно было въ рукахъ фаворита, которому императрица пожаловала титулъ курляндскаго герцога. Биронъ, правда, часто совѣтовался съ Остерманомъ, но, не довѣряя ему, онъ слѣдовалъ его совѣтамъ только тогда, когда они одобрялись нѣкіимъ евреемъ Липманомъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, этого еврея можно было считать инстиннымъ повелителемъ Россіи. Такъ возникъ авторитетъ иностранцевъ въ имперіи и въ то же время было положено основаніе той ненависти къ нѣмцамъ, которая еще жива въ Россіи, но которая представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ расовая ненависть.

Во всякомъ случаѣ Биронъ былъ не послѣднимъ нѣмецкимъ авантюристомъ, на котораго могли жаловаться русскіе и который осмѣливался обращаться къ нимъ на иностранномъ языкѣ со словами: „Эй, вы, русскіе!“ Еще въ болѣе близкую къ намъ эпоху, въ царствованіе идола націоналистовъ, Николая I, не кто иной, какъ кавказскій герой Ермоловъ, на вопросъ императора: „какой награды хочешь ты за свои заслуги?“ отвѣтилъ — „Государь, сдѣлайте меня нѣмцемъ“. Русскіе не могли переносить заносчивости этихъ дворянчиковъ изъ Балтійскихъ провинцій. Эти дворянчики, прямо или косвенно покровитель-

ствуемые нѣмецкими принцессами русскаго двора, захватывали высшія мѣста не только въ арміи и флотѣ, но и въ гражданскомъ управленіи. Они также засѣдали и въ русской Академіи Наукъ, гдѣ почти столько же говорили по-нѣмецки, сколько по-русски. И такое положеніе дѣлъ сохранялось еще почти четверть вѣка тому назадъ.

Однако, недавно историки пытались не столько оправдать Бирона во всѣхъ жестокостяхъ, совершенныхъ во время его правленія, сколько справедливыѣе распредѣлить отвѣтственность за нихъ между нимъ, императрицей Анной и главой русскаго духовенства, знаменитымъ Ѳеоѳаномъ Прокоповичемъ. Этого послѣдняго, со времени царствованій Петра I и Екатерины, держали вдали отъ двора его многочисленные соперники, и теперь онъ мстилъ, преслѣдуя враждебныхъ ему людей. Съ другой стороны, жестокость, проявлявшаяся даже въ любимыхъ удовольствіяхъ государыни, казалось, была господствующей чертой ея характера. Напримѣръ, чтобы отпраздновать свадьбу настоящаго русскаго князя, который осмѣлился перейти въ католицизмъ, съ женщиной-шутомъ, императрица велѣла воздвигнуть дворецъ изъ льда и приказала молодымъ провести брачную ночь на ледяной постели. Несчастная пара едва не умерла отъ холода. Одинъ изъ нашихъ друзей, Якоби, членъ петербургской Академіи Художествъ, написалъ картину, удивительно хорошо передающую сумасбродство и жестокость характера императрицы. Картина называется „Сумасшедшіе“. На ней вы видите представителей русскаго дворянства, соперничающихъ другъ передъ другомъ въ томъ, кому удастся позабавить смѣшнымъ костюмомъ или позой императрицу, а она въ то-же время внимательно выслушиваетъ докладъ въ полголоса начальника тайной полиціи о пыткѣ, которой онъ собирается подвергнуть лицъ, заподозрѣнныхъ въ заговорѣ. Фаворитъ Биронъ заносчиво смотритъ на дѣйствующихъ лицъ этой отвратительной сцены, а вдали печально стоитъ его будущая жертва, Волынскій, истинный русскій патріотъ, видимо стыдясь за своихъ согражданъ.

Чтобы подтвердить это всеобщее осужденіе царствованія Анны—царствованія, которое должно быть по жестокости поставлено рядомъ съ царствованіемъ Іоанна Грознаго - бросимъ бѣглый взглядъ на нѣкоторыя цифры. По словамъ двухъ современниковъ, автора нѣмецкихъ мемуаровъ Мардефельда и французскаго посланника Ла-Шетарди, число лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, простиралось отъ 5 до 7 тысячъ въ теченіе этого всего только 10-лѣтняго періода; число-же лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, доходитъ до 30 тыс.

Болѣе того, въ одинъ только годъ, вѣрнѣе, въ 5 мѣсяцевъ, съ 1 августа 1730 г. до 1 января 1731 г., протоколы *сыскного приказа* зарегистрировали 425 чел., преданныхъ пыткѣ, 11 казненныхъ, 57 сосланныхъ въ Сибирь и 44 сданныхъ въ армію простыми солдатами. При такихъ условіяхъ легко понять, почему Анна на своемъ смертномъ одрѣ думала только о томъ, чтобы ободрить своего трепещущаго фаворита и говорила: „не бойся никого, не бойся“.

Правительство, установившееся въ Россіи послѣ смерти Анны, также имѣло очень мало общаго съ идеей законности Императоромъ былъ объявленъ малолѣтній сынъ Анны Леопольдовны, племянницы императрицы, бывшей замужемъ за нѣмецкимъ принцомъ изъ Брауншвейгскаго дома; но вся власть находилась въ рукахъ регента, всемогущаго Бирона. Этотъ постъ врученъ былъ ему Анной на смертномъ одрѣ. Къ счастью, однако, нѣмецкіе хозяева Россіи не могли сговориться по вопросу о дѣлежѣ добычи. Герцогъ Брауншвейгскій, полагая, что пользуется недостаточнымъ авторитетомъ въ новомъ правительствѣ, скоро нашелъ себѣ союзника въ лицѣ другого нѣмца, фельдмаршала Миниха. Послѣдній съ нѣсколькими солдатами арестовалъ однажды ночью Бирона, который считалъ себя слишкомъ могущественнымъ, чтобы пасть жертвой военнаго заговора. Со всей своей семьей онъ послѣ шестимѣсячнаго заключенія былъ отправленъ въ Сибирь, хотя былъ приговоренъ къ смертной казни, впрочемъ, чисто формально за то, что настаивалъ предъ лицомъ покойный императрицы на своемъ назначеніи на постъ регента. Мѣстомъ ссылки Бирона былъ Пелымъ, находящійся въ 3000 миль отъ Петербурга. Избавившись отъ страха передъ Бирономъ, великая герцогиня Анна, мать императора, занялась прежде всего внимательнымъ подысканіемъ себѣ новаго фаворита. Послѣдній былъ найденъ въ лицѣ посланника саксонскаго короля, графа Лины, фламандца по происхожденію. Новый фаворитъ сейчасъ-же началъ мечтать о положеніи не менѣе высокомъ, чѣмъ то, которое занималъ Биронъ. Только фельдмаршалъ Минихъ стѣснялъ его, и онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы уронить его въ глазахъ своей любовницы. Больше всѣхъ радовался этой новой интригѣ канцлеръ Остерманъ, третій нѣмецъ, который не могъ ужиться въ мирѣ съ фельдмаршаломъ, такъ какъ онъ былъ сторонникомъ союза съ Австріей, тогда какъ Минихъ высказался за союзъ съ Пруссіей. Для начала Минихъ долженъ былъ получить отставку и переселиться на Васильевскій Островъ, т. е. въ отдаленный кварталъ Петербурга. Но и тамъ ему пришлось недолго оставаться.

Новая перемѣна правительства, на этотъ разъ въ пользу незаконной дочери Петра, Елизаветы, снова перемѣшала всѣ карты и измѣнила положенiе главныхъ соискателей власти. Какъ въ худшiя времена римской имперiи, тронъ оказался во власти гвардейскихъ офицеровъ и солдатъ, которые распоряжались имъ при помощи дворцовыхъ революцiй, т. е. при помощи единственнаго способа насильственнаго измѣненiя теченiя политическихъ событiй, который удавался въ Россiи. Но говорить о влiянiи Францiи или Швецiи на тотъ государственный переворотъ, который вынесъ къ власти дочь Петра, значило-бы искажать исторiю. Оба эти правительства всячески благопрiятствовали заговору, задуманному цесаревной, но оба же одинаково старались не быть скомпрометтированными въ случаѣ неуспѣха его. Когда все произошло по ихъ желанiю и какъ только претендентка ночью похитила царя-ребенка и сдѣлала его своимъ плѣнникомъ, французскiй посолъ Ла-Шетарди сумѣлъ воспользоваться измѣненiемъ, происшедшимъ во внутренней политикѣ Россiи. Бѣдный маленькiй императоръ Иванъ Антоновичъ, проведя долгiе годы слѣдующаго царствованiя въ заключенiи и ссылкѣ, былъ убитъ въ годъ, послѣдовавшiй за вступленiемъ на престолъ новой императрицы Екатерины II, когда онъ несомнѣнно уже мечталъ о свободѣ. Быть можетъ, эта жестокость и не была инспирирована лично гуманнымъ другомъ Вольтера и Дидро, но во всякомъ случаѣ человѣкъ, совершившiй это преступленiе въ Шлиссельбургской крѣпости, Федоръ Мировичъ, утверждалъ, что получилъ приказанiе убiйствомъ предупредить всякую попытку освобожденiя царственнаго заключеннаго. Прежде чѣмъ закончить эту печальную исторiю авантюристовъ, интриговавшихъ другъ противъ друга и старавшихся овладѣть трономъ Петра посредствомъ военныхъ и дворцовыхъ заговоровъ, нужно упомянуть еще о военномъ возмущенiи, руководимомъ офицерами того самаго Преображенскаго полка, который уже участвовалъ въ заговорѣ Елизаветы и который въ 1762 г. оказалъ такую-же услугу законной женѣ Петра III. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, Алексѣй Орловъ, который, какъ предполагали, находился въ наилучшихъ отношенiяхъ съ Екатериной II, былъ достаточно дерзокъ для того, чтобы обезпечить ей верховную власть убiйствомъ императора. И позже, когда Павелъ I, несмотря на интриги своей матери, желавшей оставить престолъ своему внуку Александру, вступилъ на тронъ и попытался установить правильное престолонаслѣдiе существующимъ еще и понынѣ закономъ, который исключалъ женщинъ изъ числа

наслѣдниковъ, былъ устроенъ новый дворцовый заговоръ. Объ этомъ заговорѣ, въ которомъ сумасшедшій Павелъ потерялъ власть и жизнь, прекрасно знали оба его старшіе сына.

Въ этихъ событіяхъ заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что народъ или, точнѣе, всѣ классы населенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ придворныхъ и гвардейскихъ офицеровъ, оставались къ нимъ совершенно индиферентными. Часто восхваляли Елизавету — „матушку-царицу", какъ ее называли—за мнимую гуманность, которая проявилась въ рѣшеніи уничтожить смертную казнь; но эта гуманность не мѣшала ей поддерживать и даже развивать систему тайныхъ обвинителей и инквизиціонныхъ процессовъ, допускавшихъ при слѣдствіи пытку. Восхваляли мудрость и добросердечіе Петра III и хотѣли воздвигнуть ему серебряную статую въ память того, что онъ освободилъ дворянъ отъ обязательной и пожизненной военной службы. Не находили достаточно похвалъ, чтобы прославить умѣлое управленіе Екатерины II, которую поэты сравнивали съ величайшими монархами, какихъ только знаетъ исторія. И даже Павла I, по крайней мѣрѣ въ первые годы его царствованія, считали реформаторомъ, желавшимъ положить конецъ злоупотребленіямъ, появившимся въ управленіи на закатѣ царствованія старой императрицы.

Эта индиферентность русскаго народа по отношенію къ дворцовымъ интригамъ, часто кончавшимся насильственной смѣной императора и высшихъ чиновниковъ, кажется почти непонятной, особенно если вспомнить, что и въ предшествовавшія эпохи, и въ послѣдующую онъ былъ далекъ отъ того, чтобы спокойно смотрѣть на зло, причиняемое ему правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскіе часто доказывали, что они не склонны переносить мѣры, прямо оскорбляющія ихъ религіозныя вѣрованія, ихъ личную независимость и чувство справедливости. Ибо въ „смутное время" они, какъ мы видѣли, поднялись на защиту православія и политической независимости, принося въ жертву и жизнь, и имущество, лишь бы спасти себя отъ польскаго короля и католической вѣры. Черезъ нѣсколько лѣтъ казаки истребляли польскихъ помѣщиковъ, евреевъ-арендаторовъ и поповъ католическихъ и уніатовъ единственно для того, чтобы вырвать Малороссію изъ когтей Рима и Варшавы.

Но даже и признавъ верховенство православнаго московскаго царя, малороссы дѣлали все возможное, чтобы сохранить свою автономію и власть ими избранныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Когда царь Алексѣй, не желая оставлять

въ рукахъ казаковъ такія крѣпости, какъ Кіевъ, передалъ и завѣдованіе крѣпостями, и сборъ налога на содержаніе гарнизона назначаемымъ имъ *боярамъ*, днѣпровскіе казаки устами своего выборнаго гетмана Юрія Хмельницкаго объявили ему, что первымъ условіемъ, которое онъ долженъ выполнить, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность, является отозваніе бояръ. И противъ этихъ самыхъ бояръ и того суда, который они чинили, поднялись толпы людей на Дону, на Волгѣ, на Уралѣ, по призыву другого казацкаго вождя, Стеньки Разина. А съ того момента, когда реформа Никона, его рабское подражаніе византійской церкви, раскололи населеніе московскаго царства на двѣ почти равныя части, на никоніанъ и раскольниковъ,—духъ независимости проявился въ той непрекращающейся оппозиціи, которую оказали послѣдніе священникамъ и религіознымъ церемоніямъ, противорѣчащимъ традиціонному обычаю.

Слѣдующихъ фактовъ будетъ достаточно, чтобы дать представленіе о всеобщемъ возмущеніи народа противъ гнета. Изъ 30 или 40 тысячъ человѣкъ, сосланныхъ въ Сибирь въ царствованіе Анны, большинство составляли раскольники. Съ другой стороны, во время царствованія Елизаветы въ отвѣтъ на мѣры, принимаемыя правительствомъ, чтобы обезпечить недавно созданнымъ мануфактурамъ даровой, рабскій трудъ, русскіе крестьяне возставали иногда въ числѣ превосходившемъ 50 тыс., такъ что только военная сила могла принудить ихъ къ повиновенію. Черезъ нѣсколько лѣтъ Екатерина, желая создать твердую базу для мѣстнаго дворянскаго самоуправленія, укрѣпила и распространила на новыя области систему, которая превратила въ рабовъ нѣкогда свободныхъ жителей восточныхъ провинцій, Малороссіи и Новороссіи. Послѣ этого снова поднялись массы людей подъ руководствомъ народнаго вождя, казака Пугачева, и показали свое желаніе сбросить съ себя гнетъ административной машины и возвратить себѣ вмѣстѣ съ личной свободой тѣ земли, которыя съ такой расточительностью были раздарены императрицей и ея непосредственными предшественниками политическимъ авантюристамъ и фаворитамъ.

Но оставивъ въ сторонѣ спорадическія вспышки гнѣва, нужно тѣмъ не менѣе признать, что вообще русскій подданный остается тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, т. е. скорѣе плательщикомъ налоговъ, чѣмъ гражданиномъ. Раздѣленный на двѣ неравныя части, меньшинство—благородныхъ, предназначенныхъ для занятія должностей въ военной и гражданской службѣ и, поэтому, освобожденныхъ отъ

всякихъ другихъ повинностей, и большинство—*подлыхъ людей*, обязанныхъ своими деньгами обезпечивать функціонированіе всей государственной машины, русскій народъ продолжалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживать систему, которая менѣе всего пользы приносила ему. Какъ объяснить столь ненормальное явленіе? Тѣмъ болѣе ненормальное, что въ самихъ учрежденіяхъ нельзя найти ничего подобнаго тѣмъ учрежденіямъ, которыя даже въ эпоху паденія Византіи продолжали удерживать единство римской имперіи. Русскіе историки указываютъ, какъ на главныя характерныя черты русскаго народа, на патріотизмъ и приверженность къ законной власти. Но патріотизмъ, по опредѣленію одного изъ нихъ, Карамзина, это, собственно говоря, любовь къ учрежденіямъ своей страны. Однако, какъ было указано, со времени Петра не было собственно русскихъ учрежденій, ибо тѣ, которыя существовали, были шведскаго, нѣмецкаго или французскаго происхожденія. А если вспомнить, что на русскомъ престолѣ были ребенокъ нѣмецкаго происхожденія, любовница и позже незаконная дочь великаго Петра, то станетъ ясно, что русскіе не въ правѣ утверждать, что приверженность къ законной власти является характерной чертой для ихъ соотечественниковъ. На самомъ же дѣлѣ единство Россіи и внутренній миръ поддерживались, главнымъ образомъ, силою военнаго деспотизма.

Тѣмъ не менѣе никакой военный деспотизмъ не могъ бы быть продолжительнымъ, если бы не находилъ въ одномъ или нѣсколькихъ классахъ населенія заинтересованныхъ союзниковъ. Въ полномъ пониманіи этой истины и заключается разгадка такъ называемаго величія Екатерины II: ей удалось сдѣлать русское дворянство опорой самодержавія. Ея предшественницы, Анна и Елизавета, старались только возстановить учрежденія великаго реформатора. Такъ, Анна уничтожила высшій совѣтъ и говорила о возстановленіи всей прежней власти сената. Конечно, это были только обѣщанія, потому что въ дѣйствительности императрица управляла при помощи своего фаворита и частнаго совѣта, душой котораго былъ хитрый Остерманъ. Елизавета была болѣе расположена къ возстановленію петровскихъ учрежденій. Она предоставила отправленіе высшихъ административныхъ функцій сенату, подчинила ему разныя коллегіи и возстановила важную должность генеральнаго прокурора, настоящаго перваго министра или министра внутреннихъ дѣлъ, называемаго по характерному выраженію Петра, „всевидящее око царево“.

Но эти реформы очень мало способствовали пересажденію

бюрократіи на руссую почву. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. „По личному свидѣтельству Екатерины, она, при восшествіи на престолъ, застала нѣсколько тысячъ дѣлъ, не разсмотрѣнныхъ еще сенатомъ, и въ одномъ только судебномъ вѣдомствѣ 6 тысячъ неразрѣшенныхъ процессовъ, многіе изъ которыхъ были начаты еще въ 1712 г. Опять-таки по сообщенію императрицы, низшіе чиновники обращали такъ мало вниманія на приказанія сената, что эти приказанія приходилось повторять по два или три раза для того, чтобы они были, наконецъ, исполнены. Съ другой стороны, единственнымъ результатомъ введенія системы чиновныхъ шпіоновъ въ видѣ прокуроровъ и фискаловъ было созданіе новыхъ способовъ для преступника ускользнуть отъ преслѣдованія, самому донося на другихъ. Стоитъ упомянуть по этому поводу исторію одного знаменитаго вора. Какъ только онъ увидѣлъ себя въ опасности быть арестованнымъ за свои преступленія, онъ произнесъ магическую формулу: „слово и дѣло", превратившись такимъ образомъ внезапно изъ обвиняемаго въ обвинителя. Много лицъ было на основаніи его обвиненій брошено въ тюрьмы и предано пыткамъ, а самъ онъ ускользнулъ отъ всякаго наказанія. Однако, вновь созданная бюрократія унаслѣдовала отъ стараго московскаго порядка знаменитую идею о томъ, что вымогательства у населенія являются для чиновниковъ естественнымъ способомъ добывать средства существованія. Правда, лица, избиравшія карьеру чиновника, не упоминали уже въ просьбѣ о назначеніи традиціонной формулы: „дайте мнѣ воеводство, дабы я могъ прокормиться", но они принимали взятки отъ жалобщиковъ и вымогали деньги и подарки натурой простымъ обѣщаніемъ немедленно заняться принесенной имъ жалобой. Нужно-ли говорить, что эти обѣщанія обыкновенно не выполнялись и что старый русскій терминъ *волокита* не потерялъ своего смысла при новомъ режимѣ, который, какъ казалось великому реформатору, созданъ имъ по европейскому образцу? Всѣ классы общества сильно страдали отъ плохого управленія, какъ это явствуетъ изъ адресованныхъ Екатеринѣ II депутатами собраній 1767 г. просьбъ реформировать все законодательство Россіи. Нѣкоторые доходили до требованія смертной казни для чиновниковъ, изобличенныхъ во взяточничествѣ.

Всѣ эти факты ясно показываютъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка бюрократія оказалась несостоятельной. Но кѣмъ-же тогда должна была управляться Россія, если не чинами безчисленныхъ высшихъ и низшихъ коллегій, терпѣливо подымающимися отъ чина къ чину сообразно зна-

менитой табели о рангахъ, скопированной Петромъ съ нѣмецкаго образца? Единственный другой классъ людей, которые могли взять на себя тяжелую задачу чинить судъ и обезпечить порядокъ, былъ прикованъ къ пожизненной службѣ въ арміи и флотѣ. Естественно, что первымъ шагомъ къ самоуправленію было освобожденіе этого класса отъ обязательной службы, освобожденіе сперва частичное, затѣмъ полное. Первый шагъ былъ сдѣланъ еще въ царствованіе Анны; съ этого царствованія 25-лѣтняя служба стала разсматриваться, какъ достаточно продолжительная, а семьямъ, въ которыхъ было по нѣсколько сыновей, разрѣшалось оставлять дома, по крайней мѣрѣ, одного, который самъ-бы управлялъ имѣніями. Слѣдующій шагъ сдѣланъ былъ при Петрѣ III, который въ 1762 г. освободилъ дворянъ, вообще, отъ обязательной военной или гражданской службы. Такимъ образомъ, былъ созданъ матеріалъ, при помощи котораго Екатерина II могла построить новое, глубоко аристократическое зданіе мѣстнаго самоуправленія, которое, по крайней мѣрѣ, имѣло то преимущество, что обезпечивало русскому самодержавію поддержку класса, призваннаго раздѣлять съ нимъ и тягость, и выгоды власти. Этотъ фактъ повлекъ за собой цѣлый рядъ послѣдствій. Чтобы отдаться вполнѣ своимъ административнымъ функціямъ, русское дворянство пожелало обезпечить свои экономическіе интересы распространеніемъ системы рабства и созданіемъ для себя монопольнаго права владѣть и пріобрѣтать населенную собственность, т. е. земли, занятыя крестьянами. Но всецѣло принося въ жертву интересы сельскаго населенія интересамъ высшаго сословія, правительство помѣшало дворянамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они были въ другихъ странахъ и особенно въ Англіи, т. е. піонерами движенія за политическое освобожденіе. Въ большой степени обезпечивая свое экономическое богатство во вредъ народу, русское дворянство потеряло возможность быть поддержаннымъ народомъ, когда оно потребовало личной свободы и контроля надъ государственными дѣлами.

ГЛАВА V.

Реформы Екатерины II.

Царствованіе Екатерины II можетъ быть разсматриваемо отчасти, по крайней мѣрѣ, какъ начало новой эры въ развитіи политическихъ учрежденій Россіи. До освобожденія крестьянъ въ царствованіе Александра II, за которымъ вскорѣ послѣдовало введеніе мѣстнаго самоуправленія, призвавшаго всѣ классы общества къ дружной работѣ, Россія жила въ большей или меньшей степени идеалами, намѣченными и отчасти осуществленными Екатериной Великой. Конечно, ея идеалы, какъ и идеалы Петра, были одинаково мало результатомъ самостоятельныхъ изысканій; тѣ и другіе были иностраннаго происхожденія. Но на этотъ разъ источникомъ, изъ котораго Екатерина почерпнула великіе принципы своей реформы, были не столько существовавшія въ Швеціи, Франціи и Германіи учрежденія, сколько политическія теоріи, выработанныя въ Англіи и популяризованныя потомъ французскими писателями, особенно Монтескье. Она открыто признала въ своихъ письмахъ къ Гримму, что она въ большой степени заимствовала изъ „Духа законовъ" главные пункты для Наказа, который она приготовила для представительнаго собранія, призваннаго помочь ей въ коренномъ пересмотрѣ всего законодательства имперіи.

Дѣйствительно, разсматривая различныя главы этого необыкновеннаго произведенія, болѣе похожаго на юридическую энциклопедію, чѣмъ на практическій сводъ законовъ, изумляешься огромному количеству позаимствованій изъ знаменитой книги, судьба которой во всей Европѣ и Америкѣ была такъ своеобразна. Но, конечно, Екатерина обложила данью не одного только Монтескье. Извѣстный итальянецъ Беккарія былъ также, по выраженію самой императрицы, „ограбленъ" ею. Нельзя сказать, впрочемъ, что Екатерина

слѣдовала за своимъ учителемъ Монтескье въ области всѣхъ развиваемыхъ имъ теорій. Ея книгу можно даже разсматривать, какъ шедевръ искусства толковать автора и его убѣжденія въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, въ какомъ онъ ихъ высказывалъ. Хорошо извѣстно, что Монтескье писалъ свою книгу подъ впечатлѣніемъ сознанія большого зла, причиненнаго народамъ недавнимъ усиленіемъ абсолютизма на континентѣ, и что ею онъ пытался помѣшать процессу перехода политическихъ правъ, которыми въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ пользовались различныя сословія во Франціи, въ руки короля и его чиновниковъ. Съ этой цѣлью онъ ставилъ въ примѣръ учрежденія Англіи, единственной страны, гдѣ, благодаря раздѣленію властей, какъ онъ полагалъ, дворянство и народъ сохранили еще нѣкоторое право контроля надъ общественными дѣлами. Понятно, незачѣмъ прибавлять, что Екатерина не имѣла никакого желанія предоставить хоть часть своей царской власти ни цѣлымъ сословіямъ, ни отдѣльнымъ лицамъ. Хотя она очень настаивала на преимуществахъ раздѣленія властей, но понимала это исключительно въ томъ смыслѣ, что судьи не могутъ быть въ то-же самое время законодателями или служить по администраціи. Обо всей теоріи представительнаго режима императрица не обмолвилась ни словомъ. Она вовсе выбрасываетъ этотъ вопросъ, но тутъ-же изъ той-же книги Монтескье она беретъ другой принципъ, другую мысль о томъ, что въ обширномъ государствѣ самодержавіе является естественной формой правленія. Такимъ образомъ, въ ея наказѣ ясна тенденція заимствовать иностранныя идеи и учрежденія лишь постольку, поскольку они не противорѣчатъ существующей формѣ правленія; мы уже встрѣчались съ этой тенденціей въ различныхъ проектахъ реформъ, предлагавшихся Петру и рекомендовавшихъ введеніе того или иного иностраннаго обычая или закона въ томъ только случаѣ, если этимъ не ограничивалось самодержавіе.

Другимъ доказательствомъ большой ловкости императрицы является вполнѣ откровенно выраженное ею желаніе отложить всякую законодательную работу до того момента, когда реальныя нужды народа будутъ ей заявлены отъ его имени депутатами разныхъ классовъ населенія. Позже, бесѣдуя о результатахъ созыва этихъ депутатовъ, императрица обыкновенно говорила, что до этого момента она была въ полномъ невѣдѣніи относительно истиннаго положенія дѣлъ и средствъ для его улучшенія. Неоспоримо, конечно, что свѣдѣнія, полученныя ею такимъ путемъ, могли быть полными только въ томъ случаѣ, если бы она обратилась и къ тѣмъ

классамъ, которые считались уже не свободными. На самомъ-же дѣлѣ, въ юридической комиссіи 1767 г. было очень немного представителей крестьянъ, при томъ исключительно изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ крѣпостное право было почти неизвѣстно.

Другой чертой Екатерины, которую нужно имѣть въ виду, изучая созванное ею собраніе, была религіозная индиферентность, почерпнутая ею изъ произведеній Вольтера. Она проявилась въ открытой войнѣ, объявленной Екатериной претензіямъ духовнаго сословія быть земельнымъ собственникомъ. Она объясняетъ также тотъ фактъ, что въ числѣ созванныхъ депутатовъ былъ только одинъ представитель духовенства въ лицѣ депутата отъ синода. Такимъ образомъ, дворянство и въ меньшей степени купцы и ремесленники пользовались преимущественнымъ вліяніемъ въ этомъ собраніи, которое должно было быть вѣрнымъ представительствомъ всѣхъ сословій имперіи. Большинство въ немъ все-таки принадлежало дворянству, потому что высшія административныя учрежденія, какъ сенатъ, также должны были послать своихъ депутатовъ. Они и посылали своихъ членовъ, бывшихъ, какъ извѣстно, исключительно дворянами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что интересы дворянства въ комиссіи 1767 г. были представлены лучше, чѣмъ интересы всѣхъ другихъ классовъ русскаго общества. И поэтому-же жгучій вопросъ о крѣпостномъ правѣ, разбиравшійся уже въ Экономическомъ обществѣ, основанномъ Екатериною въ Петербургѣ, едва былъ затронутъ депутатами, между тѣмъ какъ новыя права и преимущества для дворянства обсуждались гораздо дольше и въ смыслѣ благопріятномъ для высшаго сословія въ государствѣ. На Екатерину, кажется, произвело большое впечатлѣніе извѣстное положеніе Монтескье: „дворянство—естественная опора монархіи", ибо она особенно настаивала на этомъ пунктѣ въ своихъ частныхъ наставленіяхъ делегатамъ; весьма возможно, что тѣ-же принципы руководили ею и позже, когда въ 1777 и въ 1785 г.г. она положила начало аристократическому самоуправленію губерній и уѣздовъ.

Кромѣ указанныхъ уже основаній, было еще одно, помѣшавшее императрицѣ обратить все вниманіе, какого оно заслуживало, на зло, причиняемое государству крѣпостнымъ правомъ. Мы указывали уже, что въ предшествующія царствованія были очень часты отдѣльные бунты крѣпостныхъ. Было бы, поэтому, неосторожнымъ сдѣлать вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права предметомъ публичнаго обсужденія. Въ своей перепискѣ съ Гриммомъ Екатерина призна-

валась, что она принуждена была выпустить большую часть написанныхъ ею для делегатовъ инструкцій и какъ разъ ту, въ которой разбирался вопросъ объ юридическихъ ограниченіяхъ помѣщичьей власти. И по той-же причинѣ она позже не обратила никакого вниманія на предложеніе освободить крестьянъ, сдѣланное ей Дидро. А въ послѣдній періодъ ея царствованія, ознаменованный пугачевскимъ бунтомъ, она дошла въ своемъ преслѣдованіи всякаго обсужденія этого опаснаго вопроса до того, что приговорила къ смертной казни писателя Радищева за то, что въ своемъ описаніи путешествія изъ Петербурга въ Москву онъ далъ довольно вѣрную картину невыносимыхъ условій существованія крѣпостныхъ. Впрочемъ, приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и, вмѣсто этого, Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда онъ возвратился въ Петербургъ только въ царствованіе Александра I.

Законодательная комиссія, созванная Екатериной, можетъ разсматриваться, какъ отправной пункъ реформы губернскаго управленія Россіи. Благодаря тому, что дворяне имѣли въ ней большинство, они, конечно, воспользовались этимъ, чтобы подробно изложить свои взгляды относительно тѣхъ экономическихъ и политическихъ привиллегій, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдовало даровать дворянству. Взгляды эти далеко не были наивны: они нисколько не являлись предъявленіемъ старыхъ политическихъ претензій *бояръ*, претензій на управленіе страной въ качествѣ членовъ *думы* или царскаго совѣта. Дворяне эпохи Екатерины II не настаивали на томъ, чтобы снова былъ введенъ издавна существовавшій обычай, по которому государственныя дѣла должны были рѣшаться „по приказу царя и по постановленію бояръ". Князь Щербатовъ, главный ораторъ дворянскаго сословія въ комиссіи, добивался не столько власти для дворянства, сколько почестей и охраны его интересовъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ слѣдовалъ только общимъ взглядамъ политическихъ писателей XVII и XVIII в.в. на отношенія, какія должны существовать между трономъ и земельной аристократіей. Но онъ возставалъ противъ низведенія высшаго сословія до роли служилыхъ, по преимуществу, людей, являвшейся со времени Петра характерной для русскаго дворянства. Поэтому Щербатовъ не хотѣлъ допустить, чтобы ряды дворянъ могли пополняться во всякое время представителями другихъ классовъ, достигшими извѣстной ступени въ іерархической лѣстницѣ. Но эти идеи Щербатова совершенно противорѣчили всему прошлому русскаго высшаго сословія, которое, какъ въ московскую эпоху, такъ и въ эпоху реформированной имперіи Петра,

было и оставалось сословіемъ открытымъ для всѣхъ отличившихся на службѣ государству. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что и въ рядахъ своихъ товарищей Щербатовъ встрѣтилъ серьезное критическое отношеніе. Одинъ депутатъ Малороссіи, нѣкто Мотонисъ, противопоставилъ его идеямъ, столь похожимъ на идеи Мирабо-старшаго во Франціи, чисто русскій взглядъ на дворянство, какъ на видъ отличія, даруемаго главнымъ носителемъ политической власти за заслуги государству. И опять-таки въ противоположность Щербатову, желавшему, чтобы дворяне въ Россіи, по крайней мѣрѣ, были прямыми потомками основателей государства и его героевъ,—Мотонисъ утверждалъ, что дворяне по происхожденію были простыми рабочими или ремесленниками и что потому и нынче, такъ же, какъ и вѣка тому назадъ, всѣ граждане могутъ одинаково добиться своей службой права принадлежать къ высшему сословію.

Но дебаты этого собранія имѣли не только чисто теоретическій интересъ, ибо тутъ-то и зародилось различіе между личнымъ дворянствомъ и потомственнымъ, введенное затѣмъ Екатериной въ знаменитую жалованную грамоту 1785 г., урегулировавшую вопросъ о правахъ и обязанностяхъ высшаго сословія въ Россіи. Это различіе существуетъ и понынѣ и поэтому на немъ слѣдуетъ остановиться дольше. По грамотѣ 1785 г., одинъ только фактъ занятія общественной должности, военной или гражданской, выше опредѣленнаго ранга или чина, не давалъ еще права занимавшему ее передать званіе дворянина своимъ потомкамъ. Позже чинъ, который могъ дать право на потомственное дворянство, становился все болѣе и болѣе крупнымъ и теперь право на передачу своимъ потомкамъ дворянскаго званія, пріобрѣтеннаго даннымъ лицомъ, дается только чиномъ генерала на военной службѣ или дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ гражданской. Такія-же преимущества даетъ орденъ св. Владиміра, но въ томъ только случаѣ, если получившій его будетъ записанъ дворянствомъ той или иной губерніи въ дворянскіе списки. Это условіе для пріема вовсе не является теоретическимъ только; со времени распространенія въ Россіи антисемитизма провинціальное дворянство не разъ отказывалось принять въ свою среду лицъ еврейскаго происхожденія и не разъ правительству приходилось вмѣшиваться, чтобы добиться пріема своего кандидата отъ мѣстнаго дворянскаго собранія.

Но вернемся къ трудамъ коммиссіи 1767 г. Члены ея не выразили никакого желанія установить какія-либо различія между самими дворянами, -напримѣръ, между титулован-

ными и нетитулованными. И этотъ принципъ равенства вошелъ также въ дарованную императрицею дворянамъ грамоту, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ лица, принадлежащія къ высшему сословію, пользуются равными правами и безъ всякихъ различій призываются къ занятію должностей на государственной службѣ или на службѣ по мѣстному дворянскому самоуправленію. Мы разсмотримъ теперь тѣ учрежденія, въ которыхъ дворяне занимали первенствующее, а иногда и исключительное положеніе. Одновременно съ созывомъ комиссіи Екатерина создала уѣздныя дворянскія собранія и собранія предводителей дворянства. И тѣ и другія должны были выбрать делегатовъ въ комиссію. Жалованная грамота 1785 г. создала еще губернскія дворянскія собранія и во главѣ ихъ поставила выборнаго чиновника, губернскаго предводителя дворянства. Дѣйствуя такимъ образомъ, Екатерина, конечно, руководилась просьбами, обращенными къ ней депутатами комиссіи 1767 г. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно заявили, что дворяне каждаго уѣзда должны представлять изъ себя организованную группу и должны каждые два года собираться для обсужденія своихъ дѣлъ. Московское дворянство пошло дальше и просило разрѣшенія для дворянъ каждаго уѣзда выбирать своихъ комиссаровъ, которые рѣшали бы всѣ тяжбы, возникающія среди дворянъ. Делегаты нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ настаивали даже на созданіи выборныхъ судовъ, составляемыхъ преимущественно изъ дворянъ, для разбора всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, касающихся не только дворянъ, но и лицъ крестьянскаго сословія. Московскіе, костромскіе и нѣкоторые другіе дворяне просили, чтобы дворянская опека также была поручена выборной коллегіи подъ руководствомъ уѣзднаго предводителя. Делегаты ярославскаго дворянства ходатайствовали о періодическихъ съѣздахъ всѣхъ дворянъ губерніи. Этимъ собраніямъ должно было быть даровано право входить въ сношенія съ сенатомъ черезъ посредство спеціально назначеннаго члена, на обязанности котораго лежало сообщать обо всѣхъ нарушеніяхъ закона, совершенныхъ въ предѣлахъ губерніи. Нѣкоторые делегаты думали даже, что было бы хорошо дать губернскимъ дворянскимъ собраніямъ право выбирать высшаго чиновника губерніи. Нечего говорить, что это послѣднее требованіе не было удовлетворено; императрица предпочла сохранить въ своихъ рукахъ право назначать губернскихъ намѣстниковъ, извѣстныхъ позже подъ именемъ губернаторовъ. Но почти только за этимъ, правда, весьма важнымъ, исключеніемъ, нельзя отыскать

разницы между просьбами дворянъ и ближайшими по времени предписаніями закона, который далъ право уѣзднымъ и губернскимъ дворянскимъ собраніямъ не только назначать своихъ предводителей, но также членовъ мѣстныхъ судовъ и полицейскихъ чиновниковъ.

Не вдаваясь въ детали, можно сказать, что въ наиболѣе характерныхъ чертахъ губернское и уѣздное самоуправленіе времени Екатерины II являлось аристократическимъ, чѣмъ оно и отличается отъ самоуправленія царствованій Александра I и Николая I. Только въ кратковременное правленіе Павла I можно найти попятное движеніе, внушенное боязнью встрѣтить въ лицѣ губернскихъ предводителей и собраній опасную для самодержавія силу. Вслѣдствіе этого законъ 1799 г. запретилъ дворянамъ собираться иначе, какъ по уѣздамъ. Губернскіе предводители должныбыли избираться изъ числа уѣздныхъ. Но какъ только Александъ I вступилъ на престолъ, дворянамъ снова была дарована грамота, явившаяся точнымъ воспроизведеніемъ жалованной грамоты 1785 г. Послѣ этого законодательство, касающееся аристократическаго мѣстнаго самоуправленія, было разработано въ манифестѣ или указѣ Николая I въ 1831 г.

По этому указу, дворянскія собранія должны были состоять только изъ потомственныхъ дворянъ, и только тѣ изъ нихъ имѣли право голоса, которые достигли 21 г. и имѣли, по крайней мѣрѣ, первый чинъ; право же избирать чиновниковъ принадлежало исключительно тѣмъ, которые не только удовлетворяли всѣмъ вышеупомянутымъ условіямъ, но кромѣ того владѣли 100 крѣпостныхъ мужского пола или 3000 десятинъ земли. И только полковники и гражданскіе чиновники съ титуломъ „превосходительства" имѣли право голосовать и принимать участіе въ выборахъ даже въ томъ случаѣ, если они имѣли только 5 крѣпостныхъ мужского пола и 100 десятинъ. Что касается до остальныхъ потомственныхъ дворянъ, которые не имѣли болѣе 5 крѣпостныхъ и 150 десятинъ, то они могли только выбирать делегатовъ, которымъ они поручали голосовать и избирать отъ ихъ имени. Поэтому имъ приходилось соединяться въ довольно значительныя группы, чтобы удовлетворить требованія закона о minimum'ѣ крѣпостныхъ и десятинъ земли, необходимомъ для права пользованія голосомъ во всемъ объемѣ.

Чтобы сохранить контроль надъ дѣйствіями губернскаго аристократическаго самоуправленія, и дворянскія собранія и предводители дворянства должны были находиться подъ наблюденіемъ губернаторовъ. Въ теченіе всего царствованія Николая I дворянскія собранія не могли созываться

безъ разрѣшенія губернатора. Они должны были выполнять всѣ законныя требованія этого послѣдняго и, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, въ любой моментъ могли быть распущены имъ; точно также при закрытіи сессіи уѣзднаго или губернскаго собранія обыкновенно требовался письменный приказъ губернатора. И если хотятъ понять, почему высшіе слои русской аристократіи обычно старались избавиться отъ званія предводителя дворянства, связаннаго съ безчисленнымъ множествомъ всевозможныхъ обязательствъ, нужно имѣть въ виду ту строгую зависимость, въ которой находились дворянскія собранія отъ правительственныхъ чиновниковъ, каковыми являлись губернаторы. Авторъ этого труда достаточно старъ, чтобы помнить, въ какомъ видѣ эти учрежденія вступили въ періодъ, предшествовавшій реформѣ мѣстнаго самоуправленія, введенной Александромъ II. За исключеніемъ двухъ столицъ, въ которыхъ близость двора имѣла притягательную силу, члены княжескихъ фамилій крайне рѣдко соглашались всецѣло отдаться веденію мѣстныхъ дѣлъ. Обычно они охотно предсѣдательствовали въ качествѣ губернскихъ предводителей на собраніяхъ своего сословія каждые три года, но въ промежуткахъ они предоставляли всѣ тягости фактическаго управленія какому-нибудь мелкому дворянину, предводителю уѣзда главнаго губернскаго города. Законъ мирился съ этимъ обычаемъ, и въ результатѣ виднѣйшіе члены аристократическаго общества, которыхъ ихъ состояніе и личныя связи съ правительствомъ ставили выше всякихъ мѣстныхъ интригъ, не имѣли возможности помѣшать имъ. Фактически все рѣшалось даже не уѣздными предводителями дворянства, а ихъ секретарями и, такимъ образомъ, бюрократія возродилась подъ видомъ выборной магистратуры. Полицейскіе чиновники и судьи, выбиравшіеся мѣстными дворянскими собраніями, не получали жалованія, которое могло бы соблазнить знающаго юриста и побудить его взяться за отправленіе той или иной должности. Обычно мелкіе земельные собственники, не имѣющіе необходимой подготовки и немогущіе поэтому получить лучшей должности, ссорились и интриговали за судейскія и полицейскія должности, видя въ нихъ источникъ существованія. Ихъ усилія увѣнчивались успѣхомъ въ томъ только случаѣ, когда они подавали свои голоса за какого-нибудь болѣе богатаго дворянина, мѣтившаго на постъ уѣзднаго предводителя. Такимъ образомъ, создавались группы кліентовъ и патроновъ, и мѣстное самоуправленіе становилось ареной постоянной борьбы не столько между партіями, сколько между кліентами разныхъ фамилій.

Съ другой стороны, всѣ неудобства сосредоточенія власти въ рукахъ одного класса проявлялись ужъ въ одномъ томъ фактѣ, что выборные чиновники, и въ качествѣ таковыхъ зависящіе отъ мѣстныхъ дворянъ должны были по закону регулировать отношенія этихъ дворянъ къ жившимъ на ихъ земляхъ крѣпостнымъ. Благодаря этому самыя вопіющія злоупотребленія помѣщичьею властью оставались безнаказанными и все болѣе многочисленными становились случаи, когда крестьяне, въ конецъ измученные своими господами, прибѣгали къ террору. Хотя Екатерина и выражала мнѣніе, что нѣтъ человѣка счастливѣе русскаго крестьянина, покровительствуемаго хорошимъ помѣщикомъ, лица лучше освѣдомленныя, какъ напримѣръ, Радищевъ, могли разсказывать, не боясь быть опровергнутыми, случаи въ родѣ такого: одинъ субъектъ, весьма низкаго происхожденія, много лѣтъ былъ придворнымъ лакеемъ и, дослужившись до чина коллежскаго асессора, тѣмъ самымъ попалъ въ ряды высшаго сословія; затѣмъ поселился на ранѣе купленномъ участкѣ земли и сталъ обращаться со своими крестьянами, какъ со скотомъ. До сихъ поръ его крестьяне должны были платить обычный оброкъ, теперь они получили приказъ отбывать барщину въ теченіе цѣлой недѣли при плохомъ питаніи и постоянныхъ экзекуціяхъ. Часто голодные крестьяне воровали на большой дорогѣ. Помѣщикъ, зная, что, въ случаѣ осужденія, ему придется потерять даровыхъ работниковъ, пряталъ ихъ, а властямъ сообщалъ, что они сбѣжали. Мало того, не желая для наказанія провинившихся отрывать лишнихъ людей отъ работы, онъ превратилъ въ палачей членовъ своей семьи. Его дочери били и таскали за волосы женщинъ и дѣвушекъ; его сыновья предавались безнаказанно самому гнусному разврату до того, впрочемъ, дня, когда одинъ молодой мужъ, мстя за оскорбленіе, нанесенное его женѣ, поднялъ бунтъ, окончившійся полнымъ истребленіемъ всей благородной семьи. Такіе же случаи происходили въ царствованія Александра I и Николая I, но очень небольшое число изъ совершавшихъ подобныя преступленія подверглись наказанію, постигшему знаменитую Салтычиху, успѣвшую до своего ареста замучить до смерти нѣсколько своихъ крестьянъ, при чемъ виды пытки, примѣненные ею, говорили о несомнѣнной нравственной невмѣняемости ея.

Если прибавить къ этому, что аристократическія учрежденія, на вредныя послѣдствія которыхъ мы только что указали, были введены Екатериной и въ тѣхъ областяхъ, какъ это было въ Малороссіи и Новороссіи, въ которыхъ до того не было ни дворянъ, ни крѣпостныхъ, то легко будетъ понять

причины безпримѣрнаго народнаго возстанія, начавшагося на Яикѣ, на Уралѣ, охватившаго весь юго-востокъ Россіи и угрожавшаго одно время самому существованію имперіи.

Позднѣйшіе историки прекрасно доказали, что уральскіе казаки, первыми приставшіе къ Пугачеву, вовсе не были одурачены тѣмъ, что онъ выдавалъ себя за Петра III, счастливо будто-бы ускользнувшаго отъ рукъ убійцъ и желавшаго отомстить невѣрной женѣ. Возстававшими обыкновенно при одномъ слухѣ о приближеніи Пугачева были въ большинствѣ случаевъ крѣпостные. Многіе изъ нихъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ были свободными людьми, — напримѣръ, племена, обитавшія по обоимъ берегамъ Волги, какъ и казаки превращенныя въ рабовъ всякими придворными интриганами, которыхъ императрица щедро жаловала землями. Возставшіе дѣйствовали почти такъ же, какъ французскіе крестьяне во времена жакеріи и англійскіе—эпохи знаменитаго возстанія Wat Tyler. Они убивали помѣщиковъ дворянъ иногда со всѣми семьями и уничтожали рѣдкіе писанные документы, свидѣтельствовавшіе о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, какіе находили въ мѣстныхъ архивахъ. Съ большимъ трудомъ удалось Екатеринѣ подавить это возстаніе—и то съ помощью призыва на борьбу съ общимъ врагомъ всѣхъ дворянъ возставшихъ областей, изъ которыхъ была составлена какъ бы мѣстная милиція.

Но, потопленное въ морѣ крови, возстаніе Пугачева все-же дало счастливые результаты: оно обратило вниманіе слѣдующихъ государей на необходимость вмѣшательства въ пользу крѣпостныхъ. Несмотря на свое безуміе, Павелъ I первый принялъ мѣры, чтобы ограничить даровой трудъ крѣпостныхъ тремя днями въ недѣлю. Александръ I пошелъ дальше. Въ его царствованіе было уничтожено крѣпостное право въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Крестьяне потеряли участки земли, которыми владѣли раньше, но пріобрѣли снова личную свободу. Результаты этого закона 1819 г. были приблизительно тѣ-же, что и во Франціи, гдѣ въ XIII в. практиковался такъ называемый отказъ отъ земли.—Крѣпостные отказывались дольше владѣть помѣщичьей землею; земля возвращалась помѣщику, а отказавшіеся становились лично свободными; затѣмъ они могли заключить новый контрактъ хотя бы съ прежнимъ господиномъ, но уже какъ свободные фермеры. Но попытки эмансипировать крестьянъ были сдѣланы не только въ прибалтійскихъ провинціяхъ. Александръ I попытался создать и въ чисто русскихъ областяхъ классъ свободныхъ землепашцевъ. Для этого земельнымъ собственникамъ разрѣшено было заключать контракты, состоявшіе

въ томъ, что крестьяне отдавали помѣщикамъ землю и за то получали личную свободу. Но дворянство не слишкомъ торопилось принять это новшество.

Понять причины этого не трудно. Послѣ завоеванія Крыма и областей, составившихъ Новороссію, въ царствованіе Екатерины II, Россія не только обогатилась громадными плодородными землями съ крайне рѣдкимъ населеніемъ, землями, требовавшими быстрой колонизаціи, но получила непосредственный выходъ къ морю и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность вывозить за-границу продукты своего сельскаго хозяйства.

Послѣдній представитель Венеціанской республики въ Петербургѣ, Венье, въ 1795 г. обратилъ вниманіе своего правительства на выгоды отъ коммерческихъ связей со страной столь богатой естественными продуктами, какъ Россія. Въ 1812 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до начала великой борьбы съ французами за политическую независимость, испанскій посолъ, въ одной изъ своихъ депешъ, взвѣшивая шансы обоихъ противниковъ въ будущей войнѣ, подчеркиваетъ тотъ фактъ, что Россія хорошо снабжена съѣстными припасами на многіе годы, и выражаетъ мнѣніе, что ея экономическіе интересы могли бы пострадать только отъ прекращенія ея внѣшней торговли. Всѣ свидѣтельства единогласно признаютъ тотъ фактъ, что уже въ началѣ вѣка площадь обрабатываемой земли была очень велика. Конечно, это не способствовало добровольному отказу со стороны собственниковъ отъ дарового труда, тѣмъ болѣе, что класса свободныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ еще не существовало и крѣпостныхъ некѣмъ было замѣтить.

Нѣтъ, поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что за пятидесятилѣтній съ лишнимъ періодъ, съ 1803 года по 1855 г., получили свободу всего 115.734 крестьянина, принадлежавшихъ только 384 помѣщикамъ. Гуманныя воззрѣнія меньшинства русскихъ дворянъ, находившагося подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ теоріи Роберта Оуена, Рочдельскую колонію котораго Николай посѣтилъ во время своего недолгаго путешествія въ Англію, проявлялись не въ освобожденіи крѣпостныхъ, а въ своеобразной организаціи труда на коммунистическихъ началахъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые дворяне Харьковской губерніи пробовали устроить на своихъ земляхъ нѣчто въ родѣ коммунистической организаціи, которая, впрочемъ, была очень выгодна и для помѣщика. Польское возстаніе 1830 г. обратило вниманіе правительства на необходимость создать себѣ политическихъ сторонниковъ въ лицѣ крестьянъ этихъ присоединенныхъ провинцій посредствомъ улучшенія ихъ соціальнаго положенія; проведенная

для этого реформа не освободила крѣпостныхъ, но установила заработную плату и опредѣленную норму обязательной работы. Но Николай I не осмѣлился бороться съ рабствомъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ; онъ ограничился назначеніемъ комиссіи, которой поручено было изучить способы будущаго освобожденья. Эта комиссія работала очень медленно, а Крымская война, отвлекши вниманіе правительства и потребовавъ напряженія всѣхъ силъ страны, отодвинула реформу, по крайней мѣрѣ, на время. Но ужъ одинъ тотъ фактъ, что могущественная имперія оказалась такой слабой, не сравнительно съ превосходившими силами врагами, а сама по себѣ, благодаря внутренней гнилости своихъ учрежденій, сдѣлался новымъ факторомъ для рѣшенія вопроса объ освобожденіи. Дѣло освобожденія, какъ это будетъ сейчасъ показано, было счастливо совершено въ царствованіе Александра II и сдѣлалось отправнымъ моментомъ общей перестройки соціальнаго, административнаго и юридическаго зданія Россіи.

Мы пытались показать, что царствованіе Екатерины должно разсматриваться, какъ начало новой эры въ жизни русской провинціи. Мы указали на тѣсную связь между управленіемъ уѣзда и губерніи, установленную посредствомъ общихъ собраній дворянъ, предводителей дворянства и остальныхъ выборныхъ мѣстныхъ дворянъ, занимавшихъ административныя и судейскія должности, но мы ничего не сказали еще о реформѣ городского управленія, совершенной Екатериною-же въ 1785 г. Правда, въ этой реформѣ ее опередилъ Петръ, который пробовалъ, хотя и безуспѣшно, ввести въ русскихъ городахъ, по примѣру прибалтійскихъ, выборные совѣты. Эти совѣты, называвшіеся магистратами, получили право заниматься городскими дѣлами. Члены ихъ выбирались не изъ всѣхъ жителей города, но исключительно изъ купцовъ и ремесленниковъ, которые, какъ таковые, были внесены или въ списки купеческихъ гильдій или ремесленныхъ цеховъ. Русскіе писатели, наилучше изучившіе исторію третьяго сословія, и между ними покойный профессоръ Дитятинъ, установили, что не было никакой прямой связи между магистратами, созданными Петромъ, и городскими совѣтами или думами, введенными Екатериной II. Уже въ царствованіе непосредственныхъ преемниковъ великаго реформатора магистраты перестали существовать, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ, въ остальныхъ же они до такой степени были подчинены власти губернатора, что потеряли всякое дѣйствительное значеніе. Изъ одного юридическаго документа того времени видно, что большое количество управителей

признавалось бременемъ для населенія и что наиболѣе удовлетворительнымъ признавалось сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ. Хотя Елизавета пыталась оживить эти городскіе совѣты, но только при Екатеринѣ II совѣты сдѣлались представителями всѣхъ слоевъ населенія, а не только купцовъ и ремесленниковъ.

О первомъ случаѣ выбора городского головы упоминается при созывѣ знаменитой коммиссіи 1767 г. Какъ дворянамъ было предложено выбрать въ каждомъ уѣздѣ предводителя, который предсѣдательствовалъ бы при избраніи делегатовъ въ коммиссію, точно также, и съ тою-же цѣлью, горожанамъ предложили выбрать городскихъ головъ. Въ 1785 г. по грамотѣ, дарованной императрицею, люди всѣхъ слоевъ населенія безъ различія сословій, при единственномъ условіи, чтобы они занимали въ городахъ опредѣленную квартиру или были земельными собственниками, получили право выбирать делегатовъ въ два собранія—думу и шестичленный совѣтъ, родъ исполнительной коммиссіи. Этотъ послѣдній скоро монополизировалъ всю реальную власть и недружелюбно относился къ болѣе многочисленному городскому совѣту или думѣ. То обстоятельство, что всѣ сословія одинаково пользовались правомъ голоса, позволило дворянству укрѣпиться и въ городскомъ самоуправленіи. Хотя подъ конецъ оно отступило предъ необходимостью взять на себя новое бремя, вначалѣ дворянство снизошло до выполненія, по крайней мѣрѣ, въ обѣихъ столицахъ функцій городскихъ головъ и городскихъ выборныхъ. Между выборными Петербурга и Москвы появились такія лица, какъ графъ Алексѣй Орловъ и князь Вяземскій. Шестигласная дума, названная такъ потому, что каждая изъ шести частей города имѣла только одинъ голосъ, продолжала существовать рядомъ съ городскимъ головой до царствованія Александра II. Оба эти учрежденія выполняли исключительно административныя фукціи, такъ какъ судебная власть въ теоріи, заимствованной у Монтескье, считалась совершенно независимой отъ власти исполнительной.

Если мы станемъ искать причинъ, помѣшавшихъ быстрому развитію городского самоуправленія въ Россіи, несмотря на права, предоставленныя ему грамотой Екатерины, то, конечно, мы укажемъ на ту строгую зависимость, въ какой находилось самоуправленіе отъ личной власти губернатора. Когда мы слышимъ о губернаторахъ, которые вмѣшиваются въ дѣла думы, арестовываютъ виднѣйшихъ членовъ избранной городской коллегіи и отправляютъ ихъ въ ссылку безъ всякаго вмѣшательства со стороны судебныхъ учрежденій,—намъ не трудно понять, почему лица, занимавшія извѣстное

соціальное положеніе, не старались быть избранными въ городскія головы. Что-же касается тѣхъ, которые пользовались дѣйствительною властью въ городскомъ управленіи, то они такъ раболѣпствовали предъ губернаторомъ, что, по извѣстному выраженію сенатора Сафонова, забывали, что они не только должны выполнить приказанія губернатора, но и блюсти интересы города, возстановляя нарушенныя права его и обращаясь съ просьбами отъ его имени къ высшей власти. Нѣкоторые губернаторы сами прекрасно видѣли главную причину безжизненности городского самоуправленія и готовы были признать ее результатомъ чрезмѣрной правительственной опеки.

Реформы Александра II должны были вдохнуть новую жизнь въ городское самоуправленіе и уѣздное, расширивъ принципъ представительства на всѣ классы населенія и установивъ вполнѣ опредѣленныя границы, внутри которыхъ мѣстныя коллегіи могли свободно вести дѣла, не боясь вмѣшательства коронныхъ чиновниковъ.

Изъ городовъ, уѣздовъ и деревенскихъ общинъ, составлявшихъ губернію, только послѣднія до реформы 1861 г. не пользовались никакой самостоятельностью и поэтому, естественно, дворянинъ-собственникъ земли и крестьянъ выполнялъ судейскія и полицейскія обязанности въ предѣлахъ своего имѣнья, которые въ то-же время были предѣлами сельской общины. Это не значитъ, конечно, что крестьяне, жившіе въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ имѣніи, не имѣли общихъ интересовъ и не нуждались въ обсужденіи ихъ при помощи общихъ собраній или въ какомъ-нибудь управленіи въ видѣ родового управленія. Для распредѣленія земельныхъ участковъ собирались общія собранія крестьянъ-хозяевъ избъ „міръ". Изъ крѣпостныхъ-же помѣщикъ выбиралъ старосту, называемаго иногда бурмистромъ (отъ нѣмецкаго слова бургомистръ).

На удѣльныхъ земляхъ существовала та-же организація съ тѣмъ только различіемъ, что должностныя лица избирались самимъ міромъ. На этихъ земляхъ, какъ и среди немногочисленныхъ свободныхъ жителей деревни, однодворцевъ, составлявшихъ однако цѣлыя села, особенно на сѣверѣ, мы находимъ кромѣ мірскихъ сходовъ, руководимыхъ старостами, собранія нѣсколькихъ деревень и поселковъ, составляющихъ волости, каждая со своимъ управленіемъ. Изъ этихъ-то зародышей должна была вырости до сихъ поръ существующая система крестьянскаго самоуправленія, и это произошло съ того момента, когда освобожденіе крестьянъ положило конецъ судебной и полицейской власти помѣщиковъ.

Если мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, на который указывалось уже выше, что русское дворянство, всемогущее въ границахъ своихъ имѣній, дѣлившее съ правительственными чиновниками управленіе уѣздомъ, въ то-же время вовсе не было исключено изъ участія въ городскомъ самоуправленіи, то мы сможемъ сказать, что характерной чертой введенныхъ Екатериною II реформъ мѣстнаго управленія было установленіе доминирующаго значенія земельной аристократіи. Мы еще больше утвердимся въ этомъ мнѣніи, если хотя-бы въ общихъ чертахъ разсмотримъ строй губернскаго управленія, какимъ онъ былъ созданъ тою-же императрицею въ 1775 г. Хотя дѣленіе Россіи на губерніи совершено было въ царствованіе Петра Великаго, но его губерніи весьма отличались отъ Екатерининскихъ. Онъ раздѣлилъ всю Россію сперва на восемь, потомъ на одиннадцать частей, причемъ каждая, въ свою очередь, дѣлилась на части, называемыя губерніями. Нѣчто подобное мы находимъ во Франціи въ видѣ такихъ большихъ провинцій какъ Лангедокъ, Бретань, Нормандія, состоящая каждая изъ нѣсколькихъ интендансtвъ. Это раздѣленіе было удержано слѣдующими государями съ незначительными лишь измѣненіями, касающимися числа и границъ областей. Въ царствованіе Екатерины II мы вступаемъ въ новый періодъ исторіи губерніи. Въ 1781 г. число ихъ было сорокъ одна, и съ этого времени оно все увеличивалось, достигнувъ въ наши дни семидесяти семи, не считая восемнадцати большихъ территорій, называемыхъ областями. Само это число показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ подраздѣленіями гораздо болѣе мелкими, чѣмъ какія были въ началѣ XVIII в., и законъ, который ввелъ губернское самоуправленіе, отвѣчалъ желаніямъ, высказаннымъ членами законодательной комиссіи, и соотвѣтствовалъ проекту, выработанному московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Волконскимъ. Стоя на точкѣ зрѣнія комиссіи и проекта, законъ установилъ, что въ каждой губерніи должно быть не болѣе трехсотъ или четырехсотъ тысячъ жителей, и отмѣнилъ всякія дѣленія, кромѣ дѣленія на уѣзды.

Во внутренней организаціи губерніи, какъ она была установлена великой императрицей и какою она, почти безъ измѣненій, осталась до реформъ Александра II, мы должны прежде всего указать наряду съ чиновниками правительственными чиновниковъ полицейскихъ и судейскихъ, выбранныхъ главнымъ образомъ, но не исключительно изъ числа дворянъ; затѣмъ мы укажемъ на нѣкоторое раздѣленіе труда между чисто исполнительной и судебной вла-

стями, выполнявшее по внѣшности столь рекомендуемое Монтескье раздѣленіе властей, если, впрочемъ, не считать низшихъ полицейскихъ чиновниковъ - становыхъ; наконецъ, на существованіе кромѣ обыкновенныхъ судовъ — судовъ совѣсти, которые, къ сожалѣнію, исчезли въ современной судебной организаціи. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи мы должны сказать, что, какъ французскіе интенданты и позже префекты, губернаторъ являлся какимъ-то всевѣдущимъ и вездѣсущимъ лицомъ, не вмѣшивающимся, впрочемъ,—и въ этомъ отличіе Россіи отъ Франціи,—въ судебныя дѣла. Какъ его французскому коллегѣ, ему во всѣхъ его дѣлахъ помогалъ вице-губернаторъ, французскій субделегатъ и позже субпрефектъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими, не меньше двухъ, помощниками. Вмѣстѣ съ спеціальными чиновниками, отчасти назначенными, отчасти выбранными, они составляли нѣчто въ родѣ совѣта префектуры, называвшагося губернскимъ правленіемъ. Какъ и во Франціи, нѣкоторая часть дѣлъ, требующая немедленнаго рѣшенія, должна была выполняться губернаторомъ самостоятельно, безъ помощи совѣта. Всѣ-же остальныя дѣла должны были предварительно обсуждаться въ губернскомъ правленіи; мнѣніе его членовъ принималось во вниманіе, но не было обязательнымъ. Это правленіе—и въ этомъ еще одна черта, сближающая его съ французскимъ образцомъ — являлось для однихъ вопросовъ первой административною инстанціей, для другихъ-же дѣлъ судомъ, если они были въ компетенціи составляющихъ правленіе чиновниковъ.

Кромѣ губернатора, вице-губернатора и губернскаго правленія, мы находимъ въ губерніи еще казначейство, слѣдящее за поступленіями въ данной губерніи государственныхъ доходовъ и затратами мѣстной администраціи; затѣмъ благотворительныя учрежденія, вѣдающія также вопросы общественной гигіены и народнаго воспитанія; два судебныхъ учрежденія, одно для гражданскихъ дѣлъ, другое для уголовныхъ, могущія судить въ апелляціонномъ порядкѣ дѣла на сумму не свыше ста рублей и маловажныя преступленія, разбираемыя въ первой инстанціи уѣзднымъ судомъ. Что касается болѣе важныхъ дѣлъ, гражданскихъ или уголовныхъ, то они рѣшаются вышеназванными судами только если тяжущіеся—дворяне; въ противномъ-же случаѣ спеціальными судами, для горожанъ мировымъ съѣздомъ и для мелкихъ землевладѣльцевъ и государственныхъ крестьянъ высшимъ сельскимъ судомъ.

ГЛАВА VI.

Реформы Александра I.—Центральныя Учрежденія.

Царствованіе Екатерины II отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ отправной моментъ въ исторіи развитія центральныхъ учрежденій. Она удерживаетъ сенатъ, созданный, какъ мы видѣли, Петромъ Великимъ; она возстановляетъ должность генеральнаго прокурора и возвращаетъ ей въ почти полномъ объемѣ значеніе, которое она имѣла при великомъ реформаторѣ; она прилагаетъ всѣ усилія, чтобы искоренить взяточничество и нерадивость, столь обычныя для членовъ высшаго сословія, и примѣняетъ теорію раздѣленія властей, поручая однимъ секціямъ сената отправленіе чисто судебныхъ функцій и дѣлая изъ другихъ контролирующее учрежденіе, предъ которымъ, въ случаѣ дурного управленія, отвѣтственны всѣ чиновники и всѣ административныя коллегіи. Старые французскіе парламенты и другія высшія учрежденія съ ихъ правомъ протестовать противъ мѣръ, противорѣчащихъ существующимъ законамъ, внушили автору „Духа законовъ" извѣстную теорію о томъ, что въ каждомъ государствѣ, заботящемся о справедливости и правѣ, должно существовать учрежденіе, охраняющее существующіе законы отъ всякой попытки—прямой или косвенной, нарушить ихъ, безразлично со стороны-ли чиновниковъ или верховной власти. Это учрежденіе должно было сдѣлаться, по его выраженію, главнымъ хранилищемъ законовъ. И среди другихъ заимствованій Екатерины у Монтескье мы можемъ указать какъ разъ на ея проектъ превращенія русскаго сената въ подобное хранилище законовъ. Она ясно выразила свою мысль по этому поводу въ писанныхъ инструкціяхъ, розданныхъ ею членамъ законодательной комиссіи. Сенату разрѣшалось обнародывать прокламаціи (указы)—въ томъ смыслѣ, какой имѣло это слово въ Англіи во времена Стюартовъ—и въ то же время онъ обя-

занъ былъ согласовывать ихъ съ существущими законами. По одному чиновнику, подчиненному генеральному прокурору, было назначено въ каждомъ департаментѣ сената для выполненія спеціальной функціи — контроля надъ закономѣрностью совершаемыхъ даннымъ учрежденіемъ актовъ. Частные люди также могли жаловаться на нарушенія законовъ, совершенныя провинціальными администраторами, не исключая отсюда и губернаторовъ, и эти жалобы должны были разбираться опредѣленнымъ числомъ департаментовъ сената. Генеральный прокуроръ долженъ былъ присутствовать только на общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сомнѣвался, какое рѣшеніе должно быть принято, чтобы оно отвѣчало требованію закона, онъ могъ снестись непосредственно съ императрицей.

Легко увидѣть, послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, что Екатерина II не внесла никакихъ органическихъ перемѣнъ въ политическую организацію имперіи. Государыня-самодержица, какъ и ея предшественники, она не создала никакого новаго учрежденія, которое помогало-бы ей въ ея осуществленіи неограниченной власти, даже такого учрежденія, какое сохраняли современные ей монархи въ лицѣ Государственнаго Совѣта. Однако принимались серьезныя рѣшенія по совѣту какихъ-нибудь совершенно неотвѣтственныхъ безвѣстныхъ людей, чаще всего по совѣту какого-нибудь любимца, какъ извѣстный Потемкимъ или какъ его счастливый соперникъ, безчестный и деспотическій Зубовъ. Тѣмъ не менѣе именно вышеописанныя монархическія и аристократическія учрежденія имѣли въ виду такіе люди, какъ поэтъ и важный чиновникъ Державинъ или историкъ Карамзинъ, когда въ царствованіе Александра I говорили о необходимости уберечь старыя государственныя учрежденія отъ революціонныхъ попытокъ передѣлать ихъ по образцу учрежденій императорской Франціи.

Всякій, кому дорога историческая истина, признаетъ, что было очень мало древняго и соотвѣтствующаго народному духу въ этихъ полу-шведскихъ, полу-нѣмецкихъ надстройкахъ надъ московскими учрежденіями и обычаями. Характернѣйшей чертой тѣхъ, которые въ эпоху Александра I считали себя консерваторами, являлось и является еще теперь желаніе возстановить не столько русскія, сколько также иностранныя учрежденія, лишь бы только они не соотвѣтствовали новымъ нуждамъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, ни крѣпостное право, ни мѣстное самоуправленіе въ видѣ уѣздныхъ и губернскихъ дворянскихъ собраній не были въ числѣ основъ московскаго государства; полное отсутствіе всякаго центральнаго полити-

ческаго учрежденія, кромѣ сената, собственно административнаго и судебнаго центра, совершенно противорѣчило политической системѣ стараго государства, гдѣ сперва князья, позже великіе князья и цари, обыкновенно рѣшали текущія дѣла, совѣтуясь какъ съ боярской думой, такъ и со всѣмъ народомъ, собиравшимся на общее собраніе, а позже на соборъ, являвшійся видомъ неполнаго народнаго представительнаго собранія. И мы можемъ сказать съ полнымъ правомъ, что нельзя пытаться найти истинныхъ консерваторовъ въ рядахъ бюрократіи, созданной по иностранному образцу, самое существованіе которой является какъ-бы отрицаніемъ старыхъ русскихъ учрежденій. Въ Россіи всегда существовали реакціонныя партіи, не перестававшія стараться возвратить страну ко временамъ Екатерины II или Николая I, т. е. къ эпохѣ расцвѣта самодержавія, допускавшаго мѣстное дворянское управленіе. Но въ Россіи никогда не было настоящихъ консерваторовъ, за исключеніемъ отчасти романтической школы старыхъ славянофиловъ, желавшихъ возстановить какъ политическія учрежденія ушедшихъ вѣковъ, такъ и нравы и обычаи ихъ далекихъ предковъ, нравы, сохранившіеся еще въ крестьянствѣ. Но эта политическая археологія слишкомъ далека отъ быстро-прогрессирующаго общества, чтобы она заслуживала серьезной критики. Мы можемъ поэтому сказать, что конфликтъ, возникшій между тѣми, которые, подъ прямымъ вліяніемъ Александра I, передѣлывали русскій политическій строй, и тѣми, которые всячески этому мѣшали, не имѣетъ ничего общаго съ вѣчной борьбой, ведущейся между сторонниками прогресса и защитниками установленнаго порядка.

Послѣ смерти Екатерины въ Россіи было столь полное отсутствіе центральной политической организаціи, что Павелъ I, который призванъ былъ руководить судьбами Россіи, могъ безъ всякой помѣхи проявлять самый жестокій деспотизмъ, подвергая всякимъ случайностямъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность государства. Высшее сословіе увидѣло, что его вольности, дарованныя Екатериною, находятся въ опасности благодаря недовѣрію государя къ дворянству, которое въ виду этого не могло сохранить своихъ предводителей и свои губернскія собранія. Вмѣсто того, чтобы основать свое самодержавіе на самоуправленіи высшаго сословія, Павелъ I задумалъ завершить бюрократическую организацію; онъ создалъ сперва должности министровъ, затѣмъ секретаріатъ, раздѣленный на столько департаментовъ, сколько было министровъ, т. е. на семь, и общее собраніе начальниковъ департаментовъ и

министровъ, которое было неточно названо Государственнымъ Совѣтомъ. Такъ началась въ его царствованіе реформа высшихъ учрежденій по системѣ, созданной французской революціей и введенной первымъ консуломъ Бонапартомъ. Генеральный прокуроръ сохранилъ свое прежнее вліяніе, являясь теперь въ роли министра юстиціи. Кромѣ того, было создано министерство финансовъ, торговли и удѣловъ. Строго бюрократическая система проведена была и во внутреннемъ устройствѣ министерствъ; главные чиновники были совершенно свободны отъ административнаго или судебнаго контроля и завѣдывали всѣми дѣлами, относящимися къ губерніямъ, вмѣстѣ съ губернаторами, и къ уѣздамъ—вмѣстѣ съ ихъ помощниками.

Административная централизація, подобная французской, была такимъ образомъ уже введена въ Россіи, когда удачный дворцовый заговоръ открылъ Александру I, ученику республиканца Лагарпа, дорогу къ трону и далъ возможность завершить политическое преобразованіе Россіи по образцу учрежденій императорской Франціи.

Чтобы выяснить причины незаконченной политической эволюціи Россіи, мы попытаемся дать общее описаніе политическихъ и соціальныхъ идеаловъ этого монарха. Среди монарховъ первой части XIX в. никто въ большей степени, чѣмъ внукъ Екатерины II, не можетъ считаться ученикомъ французскихъ философовъ и моралистовъ. Его воспитаніе было довѣрено императрицей знаменитому Лагарпу, который самъ былъ проникнутъ теоріями энциклопедистовъ и еще въ большей степени философіей Ж.-Ж. Руссо. Нечего поэтому удивляться, что еще за много лѣтъ до своего восшествія на престолъ, молодой наслѣдникъ выражалъ уже крайне отрицательныя мнѣнія о существовавшихъ въ Россіи учрежденіяхъ. Въ своихъ письмахъ къ Лагарпу, недавно опубликованныхъ авторомъ наиболѣе полной біографіи Александра I, генераломъ Шильдеромъ, онъ ясно говоритъ о своемъ намѣреніи созвать когда-нибудь въ Россіи представительное собраніе. Этому собранію онъ предполагалъ поручить выработку либеральной конституціи для имперіи. Для себя же онъ мечталъ о тихой, спокойной жизни, вдали отъ общественныхъ дѣлъ, о жизни, полной радости при видѣ созданнаго имъ самимъ общаго счастья, такъ какъ имъ была бы Россіи дарована политическая свобода, имъ же она была бы избавлена отъ деспотизма и тираніи.

Эти политическіе воздушные замки („divagations politiques“), какъ называлъ эти мечты Александра I его выдающійся другъ и совѣтникъ, князь Адамъ Чарторыйскій, не покидали императора въ теченіе наилучшей и наиболѣе до-

стойной части его царствованія. Этимъ мечтамъ великое герцогство Варшавское обязано своею свободной конституціей, отмѣненной послѣ перваго польскаго возстанія въ 1830 г. Онѣ же должны разсматриваться, какъ отправная точка ряда политическихъ реформъ, которыя медленно подготовляли полное измѣненіе въ условіяхъ внутренней жизни Россіи и были внезапно и несвоевременно прерваны необходимостью употребить всѣ силы на защиту страны отъ иностраннаго вторженія. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда паденіе Наполеона снова дало Россіи возможность обратиться къ своему внутреннему развитію, новыя препятствія, исходящія изъ-за границы, точнѣе реакціонный духъ, характеризовавшій Священный Союзъ, еще разъ остановили либеральныя стремленія царя и, лишивъ его симпатіи наиболѣе просвѣщенной части русскаго общества, толкнули недавнихъ еще его союзниковъ къ возмущенію и участію въ несчастной революціи 1825 г. Хотя либеральныя мечты молодого Александра были иностраннаго происхожденія, но въ то же время онѣ явились результатомъ отрицательнаго отношенія къ всемогущей бюрократіи, царствовавшей въ Россіи въ теченіе всего XVIII столѣтія, дурныя послѣдствія управленія которой признавались уже Екатериной II.

Мрачныя стороны абсолютизма сдѣлались особенно замѣтны тогда, когда онъ подвергъ опасности свободу и безопасность какъ частныхъ лицъ, такъ и членовъ императорской фамиліи. За нѣсколько дней до убійства Павла I распространился слухъ о томъ, что будутъ арестованы наслѣдникъ и его старшій братъ Константинъ. И однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго царствованія было возвращеніе изъ ссылки цѣлаго полка, сосланнаго въ Сибирь за какое-то ничтожное нарушеніе дисциплины.

Къ счастью, среди своихъ ближайшихъ товарищей молодой императоръ нашелъ трехъ человѣкъ, одинаково честныхъ, хотя и неодинаково талантливыхъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ совершенно неофиціальнаго совѣта, подготовлявшаго различныя административныя реформы, которыя скоро и были введены въ имперіи, не какъ нѣчто законченное, но какъ первый шагъ къ общей перестройкѣ имперіи на либеральныхъ началахъ. Одинъ изъ этихъ трехъ друзей, князь Кочубей, оказалъ государю еще болѣе крупную услугу, порекомендовавъ ему въ качествѣ личнаго секретаря геніальнаго человѣка. Глубокое знакомство этого человѣка съ русскими и иностранными учрежденіями позволило императору придать опредѣленный характеръ его внутреннимъ реформамъ и даровать Россіи нѣкоторыя учрежденія и юридиче-

скія нормы, сохранившіяся и понынѣ, точное выполненіе которыхъ могло бы безспорно положить предѣлъ безграничной власти царскаго произвола или, скорѣе, министерскаго деспотизма. Этотъ человѣкъ, истинно проницательный, былъ Сперанскій, воспитанникъ духовной семинаріи, которая, несмотря на многочисленные недостатки, имѣла, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что давала вмѣстѣ съ знаніемъ латинскаго языка, извѣстную философскую дисциплину ума.

Именно по совѣту такихъ людей, какъ Кочубей, Чарторыйскій и Сперанскій, Александръ приступилъ къ установленію двухъ новыхъ приспособленій въ политической машинѣ имперіи, т. е. къ созданію государственнаго совѣта и совѣта министровъ, главные руководители которыхъ должны были собираться въ общій комитетъ для обсужденія дѣлъ въ присутствіи императора. Воспитатель Александра, иностранецъ Лагарпъ, приглашенъ былъ въ Россію, чтобы высказать свое мнѣніе по поводу переустройства государственнаго режима. Въ протоколахъ засѣданій этого неофиціальнаго совѣта мы находимъ нѣкоторыя указанія, данныя Лагарпомъ молодому императору. Они сводились къ необходимости установленія могущественнаго личнаго правительства, окруженнаго нѣсколькими государственными учрежденіями, какъ напримѣръ, государственный совѣтъ, призванный вырабатывать законы и по характеру совершенно отличный отъ сената. Протестуя противъ назначенія перваго министра или канцлера, Лагарпъ настаивалъ на необходимости ограничить власть министра волей императора.

Здѣсь легко видѣть уже, что республиканскіе взгляды Лагарпа уступили мѣсто новому идеалу могущественнаго единоличнаго правительства, руководимаго идеями справедливости и свободы и управляющаго народомъ сообразно съ интересами его, но безъ его участія. Этотъ идеалъ добраго тирана, возрождающійся со временъ римской имперіи, не разъ очаровывалъ и народныя массы, и политическихъ мыслителей какъ въ эпоху Возрожденія, такъ и во вторую половину XVIII в. Онъ же былъ воспринятъ великимъ наслѣдникомъ революціи, первымъ консуломъ Наполеономъ Бонопартомъ. Наполеонъ внушалъ изумленіе и наставнику Лагарпу, и ученику Александру. Послѣдній въ теченіе цѣлыхъ годовъ считалъ его истиннымъ республиканцемъ, лишеннымъ всякаго личнаго честолюбія и создавшимъ диктатуру исключительно временную для блага самой же республики. Новѣйшій біографъ Александра I. прекрасно подчеркнулъ разочарованіе, испытанное императо-

ромъ при извѣстіи о новомъ государственномъ переворотѣ, при помощи котораго Наполеонъ превратился въ пожизненнаго консула и превратилъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ французскихъ, называвшихся „граждане-министры“, въ „превосходительства“. Слово „тиранъ“ въ примѣненіи къ Наполеону было употреблено Александромъ до начала войны, закончившейся Тильзитскимъ миромъ и личнымъ свиданіемъ обоихъ императоровъ въ 1807 г.

Послѣдующіе годы могутъ быть разсматриваемы, какъ періодъ наибольшаго политическаго и соціальнаго вліянія Франціи на Россію. Это была эпоха перваго франко-русскаго союза, направленнаго главнымъ образомъ противъ Англіи и закончившагося общимъ изгнаніемъ ея товаровъ при помощи континентальной системы. Эти годы были также для Россіи годами новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и окончательнаго занятія Финляндіи, которая перешла подъ владычество русскихъ царей въ качествѣ независимаго княжества, получившаго отъ побѣдителя не только признаніе и даже расширеніе своихъ политическихъ привилегій и свободныхъ учрежденій, но также увеличеніе своей территоріи присоединеніемъ Выборгской губерніи, раньше принадлежавшей Россіи. Періодъ до 1812 г. вообще является наиболѣе обильнымъ какъ новыми учрежденіями, такъ и проектами таковыхъ. Именно въ теченіе его, сообразно съ желаніями царя, Сперанскій составилъ разработанный детально планъ новой организаціи имперіи и радикальной реформы ея центральнаго управленія.

Мы дадимъ краткое изложеніе этого интереснаго документа, опубликованнаго уже по-французски Николаемъ Тургеневымъ въ его извѣстной книгѣ „Россія и русскіе“. Составитель плана стремился найти, по его собственнымъ словамъ, средство сдѣлать основные законы государства ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая и монарха. Согласно взглядамъ Ж.-Ж. Руссо, и Сперанскій полагалъ, что правительство не можетъ быть законнымъ, если оно не основывается на выраженной народомъ волѣ. Это не значитъ, что Сперанскій, вмѣстѣ съ авторомъ „Общественнаго договора“, любилъ одну только демократію. Напротивъ, какъ выдающіеся люди великой революціи, онъ пытался согласовать столь противорѣчивые взгляды, какъ взгляды Руссо и Монтескье. Онъ объявилъ, что право создавать законы должно быть предоставлено народу, но разъ они установлены, блюсти ихъ должна аристократія. „Никакая монархія, говоритъ онъ, слѣдуя за Монтескье, не могла бы существовать безъ дворянства“. Примѣняя эти

общія правила къ Россіи, Сперанскій началъ съ глубокой критики всего существующаго государственнаго строя. „Судя по внѣшности, говоритъ онъ, мы обладаемъ всѣмъ, но въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ничего, даже настоящей монархіи, потому что жизнь, собственность и даже честь дворянина зависятъ не отъ закона, а отъ воли правительства". Населеніе Россіи состоитъ не изъ дворянства, третьяго сословія и низшихъ слоевъ населенія, а только изъ двухъ классовъ — рабовъ земельныхъ собственниковъ и рабовъ самодержавія. Сперанскій хотѣлъ создать въ Россіи новый соціальный и политическій строй. „Для высшаго сословія, писалъ онъ, долженъ быть обязательнымъ законъ о первородствѣ. Это сословіе призвано занимать главныя должности въ государствѣ и поддерживать существующіе законы. Всѣ тѣ, которыхъ монархъ не включилъ въ ряды высшаго сословія, также и тѣ, которые не получили своихъ привилегій по закону первородства, должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащіе къ низшему сословію". Изъ этого видно, что Сперанскому дорогъ былъ англійскій идеалъ въ смыслѣ близости и связи между дворянствомъ и низшимъ сословіемъ. Какъ это практиковалось въ Англіи, онъ хотѣлъ, чтобы царь возвелъ въ дворянское званіе богатыя буржуазныя фамиліи. Дворянство составило-бы отдѣльную палату, какъ англійская палата лордовъ. Главная привиллегія его состояла бы въ исключительномъ правѣ владѣнія крѣпостными. Но не нужно это право считать вѣчнымъ, такъ какъ институтъ рабства слишкомъ противорѣчитъ здравому смыслу. Прежде всего, законъ долженъ былъ установить размѣръ реальныхъ требованій, которыя помѣщикъ имѣетъ право предъявлять своимъ крѣпостнымъ. Затѣмъ крестьяне должны снова получить возможность пользоваться старой привиллегіей перехода отъ одного помѣщика къ другому. Таковы были соціальные взгляды Сперанскаго.

Что же касается политической части его плана, то она основана на знаменитой теоріи раздѣленія властей. Въ его проектѣ основныхъ законовъ 1809 г. мы въ заключеніи читаемъ слѣдующія фразы: „три принципа приводятъ въ движеніе государственную жизнь: принципъ законодательной власти, исполнительной и судебной. Принципъ и источникъ этихъ властей находятся въ народѣ. Совершенно отдѣленныя другъ отъ друга, эти власти безжизненны, онѣ не могутъ дать ни законовъ, ни правъ, ни обязательствъ. Чтобы оживить ихъ, мы должны ихъ объединить и привести въ равновѣсіе. Ихъ комбинированное дѣйствіе является высшею властью. Трудно допустить, что одинъ человѣкъ можетъ

поддержать строгое равновѣсіе между этими тремя властями во всѣхъ различныхъ правительственныхъ выступленіяхъ; необходимо имѣть специальное учрежденіе, въ которомъ вырабатывались-бы правила для комбинированнаго дѣйствія этихъ трехъ властей при всякихъ обстоятельствахъ. Это главный доводъ въ пользу специальнаго учрежденія, Государственнаго Совѣта, въ которомъ вырабатывались бы всѣ мѣропріятія". Легко видѣть, что во всей этой теоріи, доказывающей необходимость специальнаго органа, который согласовывалъ бы административныя правительственныя дѣйствія съ законами, Сперанскій находился подъ прямымъ вліяніемъ французскихъ образцовъ, точнѣе—проекта конституціи, выработаннаго Сіиесомъ, измѣненнаго и примѣненнаго на практикѣ первымъ консуломъ. Эти идеи, которыя принято называть наполеоновскими, послужили основаніемъ для административнаго и политическаго устройства, еще до сихъ поръ существующаго во Франціи, и опредѣлили собой, въ большой степени, политическую философію современной Европы.

Согласно этимъ принципамъ, Сперанскій предложилъ устройство четырехъ различныхъ центральныхъ учрежденій: законодательнаго, извѣстнаго подъ именемъ государственной думы; высшаго судебнаго учрежденія, стараго сената; учрежденія, облеченнаго исполнительной властью въ лицѣ высшихъ чиновниковъ-министровъ, и, наконецъ, государственнаго совѣта, специально предназначеннаго для выработки мѣропріятій, согласныхъ съ существующими законами и приводившихся въ исполненіе въ случаѣ утвержденія ихъ императоромъ. Дума должна была составиться изъ делегатовъ, выбранныхъ губернскими собраніями. Внесеніе вопросовъ на обсужденіе Думы принадлежало правительству за исключеніемъ слѣдующихъ трехъ случаевъ, когда Дума сама могла проявить свою инициативу и высказать свои соображенія: 1, по поводу общегосударственныхъ нуждъ; 2, по поводу отвѣтственности министровъ за неудачныя распоряженія и 3, по поводу дѣйствій, нарушающихъ основные законы. При организаціи министерствъ Сперанскій преслѣдовалъ особенно двѣ цѣли: введеніе единообразія въ способы завѣдыванія каждымъ министерствомъ подвѣдомственныхъ ему дѣлъ и установленіе отвѣтственности министровъ. Первая цѣль достигалась созданіемъ специальнаго учрежденія, комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго долженъ былъ быть императоръ, вторая—подчиненіемъ министровъ въ судебномъ отношеніи представительному собранію. Вопреки общему мнѣнію, Сперанскій считалъ, что сенатъ

нельзя надѣлить правами законодательнаго учрежденія; его функціи должны были ограничиться только судебными функціями и онъ долженъ былъ сдѣлаться одновременно и кассаціоннымъ судомъ, и судьею между частными жалобщиками и государственными чиновниками Государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначенныхъ императоромъ, и дѣлиться на департаменты. Всѣ департаменты должны собираться на общее собраніе, которому предоставлялось право обсуждать текстъ новыхъ законовъ. Большинство, высказавшееся за какое-нибудь мнѣніе, не обязывало императора, который могъ настаивать на необходимости новаго обсужденія предложеній членовъ меньшинства.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ планъ Сперанскаго. Онъ проводилъ въ большой степени тѣ самыя идеи, которыя поддерживались членами неоффиціальнаго совѣта, знаменитымъ тріумвиратомъ, и находился въ полной гармоніи съ желаніями самого Александра I. Тѣмъ не менѣе ему не суждено было осуществиться. Уже въ 1812 г. реакціонная партія была достаточно сильна, чтобы внушить императору подозрѣнія къ могущественному любимцу. На него донесли, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и что главной цѣлью его дѣятельности было созданіе анархіи внутри страны, которая подвергла-бы опасности существованіе имперіи какъ разъ тогда, когда всѣ силы націи должны были быть направлены противъ внѣшняго врага. Но человѣкъ, читающій по прошествіи почти вѣка разные памфлеты, опубликованные или неопубликованные, направленные противъ Сперанскаго, остановится въ изумленіи передъ полнымъ несоотвѣтствіемъ между фактами и направленными противъ Сперанскаго обвиненіями Гдѣ удалось найти въ проектахъ Сперанскаго что-нибудь, позволяющее сказать, что его намѣреніемъ было дезорганизовать имперію и вызвать всеобщее замѣшательство? Однако буквально таковы обвиненія служившаго подъ начальствомъ Сперанскаго, Розенкампфа. Нечего поэтому удивляться, что такія имена, какъ новый Кромвель, измѣнникъ, продавшійся Франціи и Наполеону, часто встрѣчаются въ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ запискахъ, при помощи которыхъ консерваторы и націоналисты боролись съ человѣкомъ безукоризненно чистыхъ намѣреній, съ человѣкомъ безспорной честности, который, наконецъ, вполнѣ согласовалъ свои дѣйствія и проекты съ точно выраженными желаніями царя. Трудно понять, почему даже въ глазахъ людей съ болѣе или менѣе либеральнымъ прошлымъ, какъ напримѣръ знаменитый историкъ Карамзинъ, Сперанскій являлся врагомъ

дворянства, тогда какъ никто больше его не старался способствовать политическому значенію дворянства, давая возможность этому сословію, при помощи закона о первородствѣ, сорганизоваться по образцу англійскаго высшаго дворянства. Не слѣдуетъ забывать, что это обвиненіе первое обратило вниманіе императора Александра на недостатокъ довѣрія къ его главному совѣтнику со стороны правящаго сословія. Знаменитый мемуаръ Карамзина „О старой Россіи" былъ началомъ кампаніи консервативной партіи противъ всесильнаго любимца.

Но удивительнѣе всего та легкость, съ какою государь повѣрилъ всѣмъ этимъ доносамъ, и глубочайшее лицемѣріе его поведенія по отношенію къ человѣку, который былъ только выразителемъ его собственной воли. Нельзя ничѣмъ оправдать двуличность, проявленную Александромъ во время его послѣдняго свиданія со Сперанскимъ. Послѣ того, какъ Александръ только что простился съ человѣкомъ, пользовавшимся полнымъ его довѣріемъ, послѣ того какъ онъ только что проливалъ слезы, обнимая Сперанскаго, Александръ предалъ его немедленно чинамъ государственной полиціи и приказалъ отправить его въ ссылку. Письмо, написанное Сперанскимъ немедленно по прибытіи его въ Нижній Новгородъ и оставшееся безъ отвѣта, заключало въ себѣ лучшій отвѣтъ на направленныя противъ него обвиненія и строгое осужденіе поведенія императора. Сперанскій настаиваетъ въ немъ, что первый набросокъ плана общей организаціи имперіи сдѣланъ былъ имъ подъ покровительствомъ его величества и по формальной его просьбѣ. „Этотъ трудъ, Государь —продолжаетъ обвиняемый,—единственная причина всѣхъ выпавшихъ на мою долю несчастій. Я могу отправиться въ ссылку въ Сибирь, не теряя увѣренности, что рано или поздно Ваше Величество возвратится къ тѣмъ-же основнымъ идеямъ; онѣ проникли въ Ваше сердце; онѣ внушены не мною; онѣ были уже формулированы въ Вашемъ умѣ. Если способъ ихъ примѣненія можетъ и долженъ быть измѣненъ, а осуществленіе ихъ должно быть отложено до болѣе спокойнаго времени,—все-же принципъ, на которомъ онѣ построены, не можетъ оспариваться".

Въ виду такихъ признаній почти нельзя сказать, что немилость, постигшая Сперанскаго, является всецѣло результатомъ болтливой критики, которую позволялъ себѣ когда-то всемогущій министръ по поводу частыхъ перемѣнъ мнѣній и отсутствія послѣдовательности, проявленныхъ Александромъ при выполненіи давно задуманныхъ реформъ. Говорятъ,—чему склоненъ вѣрить и позднѣйшій біографъ этого вели-

каго государственнаго человѣка, —что государь счелъ себя оскорбленнымъ отзывами своего министра, но если это такъ, въ какомъ свѣтѣ явится передъ нами характеръ Александра I, который, мстя за личную обиду исполнителю собственныхъ намѣренiй, притворяется, что вѣритъ обвиненiямъ въ лживости которыхъ на самомъ дѣлѣ не сомнѣвается? Но слова, сказанныя Александромъ на счетъ Сперанскаго одному изъ своихъ довѣренныхъ людей, Новосильцеву, къ сожалѣнiю, не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ узкомъ эгоизмѣ императора, которому онъ пожертвовалъ своимъ министромъ. „Вѣрите ли вы, что онъ измѣнникъ?—спросилъ Новосильцевъ.—Ни въ какомъ случаѣ; на самомъ дѣлѣ онъ провинился только предо мною лично, провинился тѣмъ, что за мое довѣрiе и дружбу онъ заплатилъ мнѣ самой черною, самою отвратительною неблагодарностью".

Императоръ обвиняетъ Сперанскаго за выраженiя, которыя тотъ осмѣлился употребить и которыя, очевидно, касались всякихъ колебанiй внутренней политики Александра. Пожалуй, будетъ полезно взглянуть на эти колебанiя: они намъ объяснятъ до извѣстной степени, почему хорошiя намѣренiя царя остались только намѣренiями и почему требованiя свободы и представительнаго правленiя остались неудовлетворенными,—требованiя, косвенно вызванныя самимъ императоромъ и породившiя впослѣдствiи военное возстанiе, повлекшее массу жертвъ и такъ жестоко подавленное Николаемъ I. Уже въ 1803 г. стало ясно, что Александръ какъ и его предшественники, не имѣетъ никакого желанiя поступиться хотя бы незначительною частью своихъ царскихъ прерогативъ. Вотъ и доказательство этого: наряду съ созданiемъ министерствъ, законъ далъ сенату право, которымъ уже цѣлыя вѣка пользовались высшiя судебныя учрежденiя Францiи,—дѣлать представленiя по поводу законовъ, оказавшихся не въ полномъ соотвѣтствiи со всѣмъ существующимъ законодательствомъ. Случай такого рода представился въ 1803. г. по поводу новаго распоряженiя, согласно которому отъ дворянъ, имѣющихъ чинъ ниже унтеръ-офицера, требовалась двѣнадцатилѣтняя служба. Этотъ законъ противорѣчилъ жалованной дворянству грамотѣ Екатерины II, которою уничтожалась обязательная служба дворянъ. Нечего поэтому удивляться тому, что одинъ изъ сенаторовъ, графъ Потоцкiй, счелъ себя въ правѣ предложить своимъ коллегамъ коллективно протестовать противъ закона, несмотря на непримиримую оппозицiю этому предложенiю со стороны предсѣдателя Державина. Сенатъ былъ холодно принятъ Императоромъ, а законъ, изданный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

пояснилъ прежнее распоряженіе такимъ образомъ: разрѣшается сенату дѣлать представленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда старые законы противорѣчили одинъ другому, но такое право вовсе не распространяется на законы, изданные въ текущее царствованіе. На самомъ же дѣлѣ это означало просто взятіе назадъ только что дарованнаго права, ограничивавшаго отчасти самодержавіе.

Александръ охотнѣе соглашался ограничить свою императорскую власть, когда собирался вступить во владѣніе Польшей. Именно ему принадлежала инпціатива созданія великаго герцогства Варшавскаго и дарованія ему представительныхъ учрежденій. Австрія отнеслась очень враждебно къ этому плану и Меттернихъ такъ возставалъ противъ него на Вѣнскомъ конгрессѣ, что чуть не испортилъ своихъ хорошихъ отношеній съ царемъ. Что-же касается самой Россіи, то Александръ ограничивался только простымъ выраженіемъ своего намѣренія перестроить имперію по образцу европейскихъ конституціонныхъ монархій. Но онъ вовсе не принималъ мѣръ для осуществленія этого своего намѣренія. Священный Союзъ и всякіе конгрессы, созываемые для борьбы съ революціей, приводятся обыкновенно въ качествѣ причинъ, помѣшавшихъ царю исполнить самыя дорогія свои желанія. Въ концѣ концовъ, царствованіе Александра I обогатило Россію только созданіемъ государственнаго совѣта и министерствъ.

Теперь разсмотримъ детальнѣе этотъ новый законодательный и административный механизмъ. Начнемъ съ государственнаго совѣта. Что особенно отличаетъ его отъ подобныхъ же учрежденій Англіи, Франціи или Германіи,—это то, что онъ является не чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ для всѣхъ государственныхъ дѣлъ или, какъ во Франціи, въ тоже время административнымъ судилищемъ, а учрежденіемъ, выполняющимъ самыя разнообразныя функціи законодательныя, финансовыя, административныя, судебныя. Объясняется это отчасти тѣмъ, что выполненіе функцій, предоставленныхъ, по проекту Сперанскаго, Думѣ, перешло къ государственному совѣту, когда идея представительнаго собранія была окончательно оставлена. Не приходится, поэтому, удивляться и тому, что однимъ изъ главныхъ занятій государственнаго совѣта съ 1812 г. и до нашихъ дней является обсужденіе и подготовка законовъ и составленіе государственнаго бюджета,—двѣ функціи, выполненіе которыхъ въ представительныхъ монархіяхъ лежитъ на представителяхъ народа, и послѣдняя изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, выполняется обычно нижней палатой. Для американца, привык-

шаго видѣть въ законѣ выраженіе воли народа, должно казаться страннымъ, что единственное различіе въ Россіи между административнымъ распоряженіемъ и закономъ является то, что послѣдній обсуждается государственнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ, тотъ самый актъ, который во Франціи, напримѣръ, разсматривается, какъ указъ, въ такомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно употреблялось во времена Тюдоровъ и Стюартовъ, въ Россіи имѣетъ значеніе и характеръ закона. Самая форма, въ которой выражается участіе совѣта въ составленіи новаго закона, прямо скопирована съ формъ, которыми пользуется французскій государственный совѣтъ при изданіи новыхъ административныхъ правилъ. Въ ней содержатся извѣстныя слова: „по разсмотрѣніи предположеній государственнаго совѣта",что означаетъ, что государственный совѣтъ сперва высказалъ свое мнѣніе по данному поводу.

Нѣкоторыя лица неправильно толковали смыслъ этихъ словъ, говоря, что рѣшенія совѣта обязательны для государя.

Если противъ Странскаго были вооружены русскіе консерваторы, то отчасти благодаря неправильному предположенію, что главной причиной введенія упомянутыхъ словъ въ текстѣ русскихъ законовъ было стремленіе нѣкоторымъ образомъ ограничить самодержавіе. Карамзинъ былъ въ числѣ умолявшихъ Александра не разрѣшать введенія этой формулы, говоря въ своей запискѣ „о старой и новой Россіи", что императоръ не долженъ слушать совѣтовъ какого-то политическаго учрежденія, а долженъ слѣдовать соображеніямъ, которыя онъ найдетъ въ собственномъ умѣ, въ книгахъ, въ мнѣніяхъ своихъ подданныхъ. Отвѣчая на это обвиненіе, Сперанскій безъ труда доказалъ въ письмѣ изъ Перми, гдѣ онъ находился въ ссылкѣ, въ январѣ 1813 г., что онъ вовсе не намѣревался ограничить верховную власть учрежденіемъ государственнаго совѣта. „Въ чемъ видятъ такое ограниченіе?—писалъ онъ Александру.—Развѣ не отъ императора зависитъ поставить тотъ или иной вопросъ на обсужденіе совѣта. И развѣ рѣшенія этого послѣдняго не становятся окончательными только послѣ утвержденія императора? Несомнѣнно, что такимъ образомъ, еще до изданія, въ 1842 г., новаго закона относительно функцій государственнаго совѣта, въ которомъ была опущена такъ взволновавшая консерваторовъ формула, императоръ имѣлъ одинаково право принимать мнѣніе какъ меньшинства, такъ и большинства совѣта. Такъ дѣла обстоятъ и нынѣ, и единственное основаніе, по которому современные министры предпочитаютъ законамъ, обсуждающимся совѣтомъ, такъ называемыя временныя правила, не-

посредственно представляемыя для подписи императору, заключается въ недостаткѣ довѣрія съ ихъ стороны къ собранію, члены котораго не совсѣмъ забыли либеральныя традиціи Александра II.

Впрочемъ, хотя Россія не знаетъ конституціонныхъ ограниченій, существуетъ со времени учрежденія государственнаго совѣта, точнѣе съ 1810 г., слѣдующее правило: законодательныя мѣры, введенныя въ формѣ законовъ, т. е. мѣры, принятыя голосованіемъ государственнаго совѣта, могутъ быть отмѣнены только закономъ-же. Но это правило показалось стѣснительнымъ теперешнимъ слугамъ самодержавія, и они прибѣгли къ 53 статьѣ основныхъ законовъ, которая признаетъ силу закона за всякимъ царскимъ приказомъ. Они выбрали именно этотъ болѣе скорый, и не могущій встрѣтить оппозиціи способъ изданія такихъ распоряженій, какъ, напримѣръ, отдача студентовъ въ солдаты за участіе въ демонстраціяхъ и коллективныхъ заявленіяхъ. Интересно отмѣтить, что въ послѣдній періодъ существованія стараго режима во Франціи министры проявляли то-же отвращеніе къ обычному способу введенія реформъ посредствомъ законовъ, представляемыхъ верховнымъ судамъ и регистрируемыхъ ими, и предпочитали болѣе удобную форму административныхъ распоряженій. Современники считали эти пріемы нарушеніемъ старой писанной конституціи королевства, проявленіемъ министерскаго деспотизма, который политическіе писатели того времени разсматривали, какъ величайшее зло для страны.

Кажется, то-же самое можетъ быть сказано о современной Россіи, въ которой всемогущая бюрократія предпочитаетъ имѣть дѣло съ добрымъ, но плохо освѣдомленнымъ монархомъ и, дѣйствуя на него убѣжденіемъ или запугиваніемъ, вырываетъ у него подпись, которая освобождаетъ бюрократію отъ всякой отвѣтственности за самыя незаконныя и возмутительныя дѣйствія.

Изъ сказаннаго можно легко понять, почему русскіе законовѣды придаютъ такую важность тщательному соблюденію формъ, съ которымъ должны вырабатываться государственнымъ совѣтомъ новые законы. Хотя его рѣшенія не обязательны для императора, но тотъ фактъ, что министры или, по крайней мѣрѣ, ихъ товарищи должны подвергаться критикѣ со стороны своихъ коллегъ и государственныхъ людей, назначенныхъ царемъ въ государственный совѣтъ, что имъ приходится защищать, статью за статьей, свой проектъ и не одинъ разъ, а дважды—сперва въ комитетѣ совѣта и затѣмъ въ общемъ собраніи его,—этотъ фактъ обусловливаетъ часто серьезное изученіе поставленныхъ вопросовъ. Оба рѣшенія,

большинства и меньшинства, представляются въ писанной формѣ императору, который и выбираетъ между ними, если не предпочтетъ какого-нибудь третьяго мнѣнія, выраженнаго иногда однимъ членомъ совѣта, не присоединившимся ни къ большинству, ни къ меньшинству. Въ послѣднемъ случаѣ государь можетъ потребовать, чтобы члены совѣта детальнѣе разсмотрѣли эту третью точку зрѣнія.

Число членовъ совѣта довольно незначительно. Сперва, т. е. съ момента, когда онъ былъ окончательно конституированъ, число это не превышало тридцати пяти. Теперь-же оно доходитъ едва до семидесяти или восьмидесяти. Бывшіе гражданскіе чиновники обыкновенно составляютъ большинство, главнымъ образомъ по причинѣ присутствія въ совѣтѣ четырнадцати министровъ. Члены царской фамиліи бываютъ членами совѣта не по праву рожденія, а по назначенію. Духовенство совершенно исключено изъ участія въ немъ. Лица, пользующіяся извѣстностью, но не служившія, могутъ сдѣлаться членами совѣта, хотя примѣры этого рода крайне рѣдки. Предсѣдатель избирается каждый годъ императоромъ изъ числа наиболѣе выдающихся государственныхъ людей,— въ теченіе послѣднихъ лѣтъ изъ членовъ царской фамиліи.

Очень часто одно и то же лицо занимаетъ постъ предсѣдателя нѣсколько лѣтъ подрядъ. Канцелярія съ многочисленнымъ персоналомъ подготовляетъ дѣла, переданныя на рѣшеніе совѣта. При каждой секціи совѣта есть одинъ секретарь. Высшій чиновникъ, стоящій во главѣ секретаріата присутствуетъ на общихъ засѣданіяхъ совѣта и называется государственнымъ секретаремъ. Въ собраніяхъ секцій quorum ограниченъ тремя членами. Для общихъ собраній quorum не установленъ.

Такъ какъ государственный совѣтъ прежде всего призванъ вырабатывать законы, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить, какъ эти законы предлагаются и обсуждаются.

Право иниціативы принадлежитъ, главнымъ образомъ, правительству. По тексту закона 1857 г., министры не могутъ представлять совѣту никакихъ предложеній безъ предварительнаго на то разрѣшенія императора. Но нѣкоторые законовѣды полагаютъ, что сенатъ и синодъ имѣютъ право иниціативы: тотъ и другой могутъ въ томъ случаѣ, когда законы противорѣчатъ одинъ другому, обратиться въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ объ изданіи новаго закона. Русскіе подданные не имѣютъ никакого прямого вліянія на измѣненія въ существующемъ законодательствѣ, но одно время для нихъ было возможно хоть косвенное воздѣй-

ствіе: они могли обращаться съ петиціями къ государю. Среди различныхъ ходатайствъ, которыя должны были, по закону 1810 г., разсматриваться комиссіею прошеній при государственномъ совѣтѣ, упоминаются и ходатайства о новыхъ законахъ, проекты ихъ. Тѣ, которые комиссія находила заслуживающими вниманія, отсылались ею въ соотвѣтствующее министерство. Законъ 1835 г., реорганизовавшій комиссію, сохранилъ это положеніе, и только въ 1884 г. въ новомъ законѣ безъ всякихъ основаній было устранено право подачи петицій объ изданіи новыхъ законовъ.

Проектъ закона до установленія его окончательной формы подвергался обсужденію сперва въ одной изъ секцій совѣта, а затѣмъ въ полномъ собраніи совѣта. Проектъ становился закономъ только послѣ санкціи императора, выражающейся обычно въ его подписи, которой предшествуетъ формула „быть по сему". Прежде чѣмъ законъ вступаетъ въ силу, онъ долженъ быть обнародованъ. Русское законодательство отмѣчаетъ эти двѣ стадіи и выражается такъ: его величество мнѣніе государственнаго совѣта утвердилъ и приказалъ исполнить. Кромѣ утвержденія закона и приказанія привести его въ исполненіе, онъ долженъ еще быть опубликованъ установленнымъ порядкомъ: онъ публикуется въ Сборникѣ правительственныхъ узаконеній и распоряженій, издаваемомъ сенатомъ. И со дня этого опубликованія никто не можетъ оправдываться незнаніемъ закона.

Помимо выработки законовъ, государственный совѣтъ въ Россіи выполняетъ еще одну функцію представительнаго собранія: онъ подготовляетъ государственный бюджетъ. Въ отличіе отъ законовъ, бюджетъ долженъ вотироваться безъ обсужденія какъ въ департаментѣ государственной экономіи совѣта, такъ и въ полномъ собраніи его. Въ этомъ случаѣ императору не приходится выбирать между мнѣніями большинства и меньшинства. Единогласіе достигается взаимными уступками, которыя иногда значительно измѣняютъ первоначальный проектъ. Вся подготовительная работа по составленію бюджета производится слѣдующимъ образомъ. Каждое министерство выработываетъ свой проектъ предполагаемыхъ доходовъ и расходовъ на ближайшій годъ. Проекты эти разсматриваются министромъ финансовъ, государственнымъ контролеромъ и государственнымъ совѣтомъ. Одно только министерство Двора избавлено отъ необходимости представлять свой проектъ на предварительное разсмотрѣніе и прямо вноситъ его въ общій бюджетъ. Не позже 1-го ноября министръ финансовъ обязанъ представить общій проектъ бюджета государственному совѣту. Въ

присутствіи министровъ департаментъ государственной экономіи совѣта приступаетъ немедленно къ изученію его и вноситъ поправки. Въ случаѣ, если заинтересованный министръ не соглашается на измѣненія, вопросъ еще разъ разсматривается въ присутствіи министра финансовъ и государственнаго контролера. Когда вопросъ рѣшенъ, секція приступаетъ къ обсужденію проекта съ точки зрѣнія цѣлесообразности и выгодности различныхъ предполагаемыхъ расходовъ и возможности покрыть ихъ предполагающимися доходами. Заключенія секціи передаются затѣмъ общему собранію совѣта и представляются для утвержденія государю не позже 15-го декабря; это, впрочемъ, скорѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Вся работа разсмотрѣнія бюджета производится въ сущности департаментомъ государственной экономіи; обсужденіе его въ полномъ собраніи совѣта является чистой формальностью и не занимаетъ больше одного засѣданія. Опубликованіе бюджета лежитъ на обязанности министра финансовъ, который помѣщаетъ его въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Никакой расходъ, не включенный въ бюджетъ, не можетъ быть сдѣланъ безъ предварительнаго разрѣшенія императора. Просьбы о специальныхъ ассигнованіяхъ въ такихъ случаяхъ направляются министерствомъ финансовъ въ департаментъ государственной экономіи. Оно обсуждается въ присутствіи государственнаго контролера. Эти дополнительныя ассигнованія представляются департаментомъ непосредственно императору, минуя общее собраніе совѣта. Въ случаяхъ, когда специальные кредиты вызваны нуждами текущей политики, войною или расходами Двора, министръ финансовъ освобождается отъ необходимости испрашивать мнѣнія совѣта. Онъ представляетъ проектъ кредитовъ непосредственно на утвержденіе императора.

Мы видѣли, что государственный совѣтъ въ Россіи выполняетъ тѣ функціи, которыя въ представительныхъ монархіяхъ лежатъ на выборныхъ учрежденіяхъ. И благодаря смѣшенію функцій, которыя, по первому проекту Сперанскаго, должны были выполняться думой, съ тѣми, выполненіе которыхъ, вообще, вездѣ лежало на обязанности государственнаго совѣта, этотъ послѣдній, по закону 1810 г., получилъ право высказываться о вопросахъ войны и мира, о внѣшнихъ сношеніяхъ, принимать въ исключительныхъ обстоятельствахъ мѣры, касающіяся внутренней политики, разсматривать отчеты министровъ, а также право толковать законы и обсуждать необходимость отчужденія общественныхъ и частныхъ имуществъ. Законъ 1811 г. опредѣлилъ

болѣе точно предѣлы отвѣтственности министровъ передъ государственнымъ совѣтомъ. Совѣтъ долженъ былъ разсматривать жалобы, приносимыя на министровъ, и рѣшать вопросъ о томъ, подлежать-ли они судебному преслѣдованію. Послѣ того какъ законъ 1842 г. отнялъ у совѣта право разсматривать отчеты министровъ, это учрежденіе потеряло большую часть своего политическаго значенія. Хотя совѣту поручены были новыя функціи, а именно функція контроля надъ созданными Александромъ II земскими учрежденіями и городскими думами; но осуществлять это право совѣтъ могъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе оказывалось, благодаря этимъ учрежденіямъ, слишкомъ обремененнымъ повинностями. Въ такихъ случаяхъ совѣтъ могъ совсѣмъ отмѣнить или измѣнить рѣшенія указанныхъ мѣстныхъ учрежденій.

Конечно, это далеко не полное перечисленіе всѣхъ различныхъ функцій высшаго правящаго учрежденія, но и того немногаго, что было сказано, достаточно, чтобы показать, что оно не можетъ быть сравниваемо ни съ частнымъ совѣтомъ въ Англіи, ни съ государственнымъ совѣтомъ во Франціи. Функціи представительной палаты настолько отодвинули въ русскомъ совѣтѣ на второй планъ функціи учрежденія, обсуждающаго административные вопросы, что явилась необходимость создать специальный, чисто административный органъ. Этому органу присвоено въ Россіи совершенно не соотвѣтствующее ему названіе „комитетъ министровъ". Нѣтъ никакой надобности указывать, что этотъ комитетъ не имѣетъ ничего общаго съ „кабинетомъ", хотя создатели его имѣли въ виду именно систему кабинетовъ. Въ 1802 г., предлагая создать различныя министерства, главные совѣтники Александра, составлявшіе неофиціальный комитетъ, Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій и Строгановъ предлагали, чтобы всѣ, возбуждаемые какимъ-нибудь министерствомъ, вопросы предварительно обсуждались общимъ собраніемъ министровъ, такъ какъ это былъ единственный способъ создать нѣкоторое единство во внѣшней и внутренней политикѣ государства. Законъ 1802 г. принялъ эту точку зрѣнія и предписалъ, чтобы ни одинъ министръ не вносилъ никакого предложенія, если оно предварительно не будетъ одобрено на собраніи всѣхъ его товарищей. Но этотъ проектъ очень скоро наткнулся на оппозицію реакціонной партіи. Послѣдняя усмотрѣла въ немъ нарушеніе стараго русскаго принципа, согласно которому только царская воля можетъ рѣшать всѣ дѣла политическаго, законодательнаго или административнаго харак-

тера. Нечего удивляться поэтому, что не разъ,—напримѣръ, въ 1811 и 1825 г.г.,—поднимался вопросъ о томъ, чтобы совсѣмъ уничтожить этотъ комитетъ. Если, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ и продолжаетъ существовать, то лишь благодаря тому, что и личный составъ, и характеръ этого органа подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Кромѣ министровъ, въ немъ засѣдаютъ предсѣдатели различныхъ департаментовъ государственнаго совѣта. Со времени царствованія Николая I на засѣданіяхъ его присутствуетъ наслѣдникъ престола, а Александръ III ввелъ въ комитетъ, въ качествѣ члена предсѣдателя государственнаго совѣта.

Хотя въ началѣ идея созданія комитета министровъ была внушена необходимостью предварительнаго соглашенія между ними по вопросамъ текущей политики, комитетъ вмѣсто того, чтобы сдѣлаться подобіемъ французскаго кабинета министровъ, узурпировалъ въ свою пользу, главнымъ образомъ, функціи государственнаго совѣта. Такъ, право издавать постановленія или административныя правила перешло, главнымъ образомъ, къ комитету министровъ, а на обязанности государственнаго совѣта осталось обсужденіе законопроектовъ. Сверхъ того, еще нѣкоторыя дѣла были поручены комитету министровъ, напримѣръ, разсмотрѣніе запросовъ министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи тому или иному лицу перейти въ подданство иностраннаго государства. Этому-же комитету предоставлено было высказываться по вопросу о принятіи важныхъ и исключительныхъ мѣръ и поддержанію государственнаго порядка, о мѣрахъ по отношенію къ недозволеннымъ обществамъ, объ изъятіи изъ обращенія произведеній, признаваемыхъ опасными, наконецъ, о мѣрахъ продовольствованія населенія въ случаѣ неурожая. Но мы не думаемъ дать исчерпывающій списокъ всѣхъ предметовъ, которыми занимается комитетъ министровъ. Комитетъ обсуждаетъ всѣ эти вопросы или по предложенію заинтересованнаго министра, или же по приказанію „свыше", т. е. по распоряженію императора.

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что первоначальныя намѣренія Александра I при созданіи этого учрежденія были совершенно забыты, и на дѣлѣ комитетъ министровъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ государственнаго совѣта, а совѣтъ превратился въ совѣщательное законодательное собраніе. Въ царствованіе Александра II этихъ двухъ учрежденій показалось недостаточно для подготовленія административныхъ распоряженій, въ которыхъ были одинаково заинтересованы нѣсколько министерствъ, и въ 1861 г. былъ созданъ новый органъ – совѣтъ министровъ. Хотя всѣ функціи, выполненіе

которыхъ лежало на послѣднемъ, цѣликомъ перечислены въ текстѣ закона, но тотъ фактъ что ни одинъ вопросъ не могъ обсуждаться въ этомъ совѣтѣ безъ высочайшаго повелѣнія, избавляетъ насъ отъ необходимости привести перечень этихъ функцій. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ совѣтъ министровъ вовсе не собирался. Вмѣсто него начинаетъ играть значительную роль въ руководствѣ внутренней политикой совѣщаніе, болѣе или менѣе лишенное формализма, царя съ министрами. Оно происходитъ по поводу такихъ случаевъ, какъ недавно бывшіе студенческіе и рабочіе безпорядки въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ университетскихъ городахъ.

Кромѣ этихъ высшихъ учрежденій, надо обратить еще вниманіе на высшій военный и морской совѣтъ. Первый занимается всѣми вопросами военнаго законодательства и экономическаго положенія арміи и важнѣйшими вопросами, ея управленія. Совѣтъ этотъ составляется изъ членовъ, непосредственно назначаемыхъ государемъ. Военный министръ считается предсѣдателемъ его. Совѣтъ дѣлится на секціи. Общее собраніе засѣдаетъ каждый разъ по созыву высшаго министра. Почти такова же организація и морского совѣта. Главное назначеніе обоихъ этихъ совѣтовъ—уменьшеніе числа дѣлъ входящихъ въ сферу законодательной и административной компетенціи государственнаго совѣта и комитета министровъ.

Обзоръ центральныхъ политическихъ учрежденій Россіи будетъ неполонъ, если не упомянуть о собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Она была создана въ 1812 г., т. е. одновременно съ государственнымъ совѣтомъ и комитетомъ министровъ. Законъ 1826 г. былъ изданъ нѣсколько времени спустя послѣ подавленія политическаго движенія декабристовъ, стремившихся дать Россіи конституцію. Этотъ фактъ объясняетъ, почему законъ пропиталъ это учрежденіе совершенно новымъ духомъ. Были созданы два новыхъ отдѣленія канцеляріи, такъ называемое второе отдѣленіе, которому поручена была выработка текстовъ новыхъ законовъ, и третье, концентрировавшее въ своихъ рукахъ высшее завѣдываніе политической полиціей. Только за нѣсколько мѣсяцевъ до убійства Александра II этотъ страшный политическій застѣнокъ объявленъ былъ уничтоженнымъ. Это не значило, конечно, что русское правительство отказывалось отъ помощи этого орудія, столь дѣйствительнаго, когда дѣло шло о раскрытіи и преслѣдованіи всякихъ попытокъ уничтожить самодержавную власть; это значило просто, что отнынѣ политическая полиція должна была сложиться въ

спеціальный департаментъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, сказалось полное отсутствіе вѣрныхъ свѣдѣній у редакторовъ большихъ и вліятельныхъ газетъ Западной Европы, которыя единодушно восхваляли доброту царя за актъ, бывшій на дѣлѣ только перемѣною названія стараго учрежденія.

Черезъ два года, въ 1882 г., такая-же реформа коснулась законодательнаго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Оно превратилось въ особый департаментъ государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, теперь собственная Е. И. В. канцелярія выполняетъ только двѣ функціи, не считая, конечно, той, которая дала ей ея названіе: Одно отдѣленіе ея, созданное въ 1888 г. и извѣстное подъ именемъ четвертаго отдѣленія, занимается управленіемъ всѣхъ закрытыхъ образовательныхъ заведеній для дѣвицъ. Въ 1892 г. было создано еще новое отдѣленіе. Его дѣятельность соотвѣтствуетъ дѣятельности совѣта ордена почетнаго легіона во Франціи. Въ этомъ отдѣленіи рѣшаются вопросы о способахъ вознагражденія чиновниковъ, находящихся на государственной или общественной службѣ, путемъ-ли дарованія имъ слѣдующаго чина или разрѣшенія носить тотъ или иной знакъ отличія.

Теперь, разсмотрѣвъ главныя политическія учрежденія Россіи, мы можемъ сказать, что основныя черты существующей въ настоящее время системы были проведены въ царствованіе Александра I. Люди, задумавшіе эту систему, были конституціоналистами въ такой же мѣрѣ, какъ и императоръ, прибѣгавшій къ ихъ содѣйствію. Поэтому нельзя удивляться, что въ ихъ проектѣ мы находимъ воспроизведеніе характернѣйшихъ чертъ всякаго либеральнаго правительства: раздѣленіе функцій, различеніе административной и судебной власти, солидарность министровъ и ихъ коллективная или индивидуальная отвѣтственность передъ палатами и судами. Но такъ какъ императоръ измѣнилъ точку зрѣнія или, вѣрнѣе, встрѣтилъ препятствія въ дѣлѣ осуществленія своихъ взглядовъ въ лицѣ реакціи, царившей какъ въ Россіи, такъ и въ государствахъ остальныхъ членовъ Священнаго Союза, то система, разсмотрѣнная нами, осуществлена была въ такомъ видѣ, что она не имѣла и отдаленнаго сходства съ конституціоннымъ государствомъ. Россія ввела нѣкоторыя европейскія учрежденія, но предварительно лишивъ ихъ свойственнаго имъ духа. Она создала, вмѣсто живого политическаго организма, основаннаго на принципѣ народнаго суверенитета, громадный и дорого стоющій бюрократическій механизмъ, пользующійся почти безконтрольной и безграни-

чной властью надъ тѣломъ и духомъ русскаго подданнаго, отнимающій у него право свободно двигаться, возможность поступать согласно велѣніямъ своей совѣсти. Существованіе обязательной паспортной системы не только для уѣзжающихъ изъ Россіи, но также для крестьянъ и рабочихъ, переходящихъ изъ одной губерніи въ другую, воспрещеніе мѣнять религію, по крайней мѣрѣ, для исповѣдывающихъ православіе, строгая цензура надъ книгами, журналами и газетами, отсутствіе свободы собраній и права петицій всецѣло подтверждають сдѣланное заключеніе.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу, очень хорошо извѣстному на континентѣ Европы, но который, по всей вѣроятности, покажется страннымъ въ странѣ, воспитанной на идеяхъ мѣстной автономіи и самоуправленія. Имперская конституція Франціи, которой слѣдовалъ Сперанскій, вырабатывая свою систему министерствъ, воскресила, а не заново создала административную централизацію стараго порядка во Франціи. При Наполеонѣ I появились скрытыя подъ новыми именами старыя учрежденія—имперскій совѣтъ, унаслѣдовавшій права королевскаго совѣта, министры, унаслѣдовавшіе права главныхъ сотрудниковъ прежняго самодержца, и префектъ и супрефектъ съ правами прежняго интенданта и субинтенданта. Фактъ возстановленія Наполеономъ I того режима, при которомъ мѣстная жизнь всецѣло зависѣла отъ нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ, жившихъ въ столицѣ и получавшихъ инструкціи непосредственно отъ императора, слишкомъ хорошо установленъ Токвиллемъ, чтобы нужно было вновь доказывать его.

Эта, именно, система была введена въ Россіи законами 1802 и 1811 года и существуетъ у насъ и по сіе время, несмотря на сдѣланныя въ ней въ царствованіе Александра II многочисленныя измѣненія. Всѣ выгоды и невыгоды административной централизаціи, такъ полно выясненныя въ сочиненіяхъ французскихъ и англійскихъ публицистовъ (Токвилль, Дюпонъ-Уайтъ и Джонъ-Стюартъ Милль), проявились и въ Россіи, гдѣ министры, съ помощью телеграфа, могутъ въ самое короткое время отдавать приказанія на разстояніи многихъ тысячъ верстъ и гдѣ жителямъ той или иной области приходится терпѣть отъ полной непригодности для удовлетворенія ихъ дѣйствительныхъ нуждъ приказаній, данныхъ на такомъ разстояніи. Однако, не на эту сторону вопроса обращали вниманіе первые противники системы министерствъ. Они считали ее несоотвѣтствующей духу русскихъ учрежденій, забывая, что и система коллегіальныхъ приказовъ, которымъ министерства шли на

смѣну, были въ сущности также иностраннаго происхожденія.

Въ основѣ оппозиціи, которую вызвала реформа Сперанскаго въ высшихъ сферахъ Россіи, мы, въ дѣйствитевьности, находимъ упорное желаніе сохранить самодержавіе, которое подвергалось нѣкоторому ограниченію въ томъ отношеніи, что министры, по плану Сперанскаго, должны были нести отвѣтственность коллективно и индивидуально. Но коллективная отвѣтственность невозможна безъ единства политическихъ взглядовъ и безъ системы правительства партіи, которая дѣлаетъ кабинетъ представителемъ направленія, господствующаго въ управленіи государственными дѣлами. Сперанскій очень хорошо понималъ тѣсную связь между коллективной отвѣтственностью министерства и системой представительнаго правленія. Его проектъ, какъ уже было сказано, включалъ и созданіе двухъ палатъ. Онъ желалъ также учредить высшее судебное установленіе для суда надъ министрами. Ни тотъ, ни другой изъ его проектовъ не былъ осуществленъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому что Россія была надѣлена системой административной централизаціи безъ всѣхъ ея конституціонныхъ и судебныхъ ограниченій. Министры отвѣтственны только передъ царемъ; они не обязаны слѣдовать одной и той же полической программѣ; царь можетъ выбирать ихъ среди людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Какъ достигнуть единства въ сферѣ высшаго управленія, если для министровъ не обязательны одинаковые политическіе взгляды? Въ самодержавныхъ имперіяхъ и королевствахъ европейскаго континента въ періодъ, предшествовавшій великой революціи, это единство достигалось тѣмъ, что всѣ главные чиновники зависѣли отъ перваго министра, какъ кардиналъ Ришелье, или же отъ государственнаго совѣта. Но въ Россіи нѣтъ перваго министра, а что касается государственнаго совѣта, то онъ, какъ мы уже видѣли, является скорѣе законодательнымъ, нежели административнымъ учрежденіемъ. Единственная гарантія, имѣющаяся у подданнаго противъ того, что французы до революціи называли министерскимъ деспотизмомъ, это—обращеніе въ административное отдѣленіе сената. Тамъ дюжина людей, взятыхъ большей частью изъ бывшихъ губернаторовъ, подвергаютъ судебному разсмотрѣнію просьбу жалобщика и либо подтверждаютъ, либо отмѣняютъ мѣру, принятую противъ послѣдняго министромъ.

Нужно-ли говорить, что подобное примѣненіе системы административной юрисдикціи, системы, еще процвѣтающей во Франціи, совершенно недостаточно для того, чтобы обез-

печить въ Россіи господство закона? Мыслимо-ли, чтобы эта маленькая группа бывшихъ чиновниковъ нашла время для серьезнаго разсмотрѣнія огромнаго числа жалобъ, ежедневно посылаемыхъ и частными лицами, и городскими думами, и губернскими и уѣздными земствами? Можно ли ожидать точнаго соблюденія формъ судопроизводства со стороны людей, не получившихъ юридическаго образованія и воспитавшихся на прежней своей административной службѣ на сознаніи безотвѣтственности исполнительной власти? Если прибавить, что это высшее административное судилище рѣшаетъ дѣла не въ апелляціонной, а въ первой инстанціи, то не трудно будетъ заключить, что въ юрисдикціи административнаго департамента сената русскіе подданные имѣютъ лишь зародышъ будущаго правильнаго административнаго суда.

Хотя въ принципѣ русскіе министры являются чиновниками съ одною лишь исполнительной властью, но въ дѣйствительности имъ принадлежатъ и нѣкоторыя законодательныя и судебныя функціи. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право вводить карантинъ въ той или иной мѣстности, а также налагать извѣстныя ограниченія и обязательства не только на своихъ подчиненныхъ, но и на частныхъ лицъ. Такимъ же образомъ и министръ путей сообщенія издаетъ циркуляры, которымъ обязаны подчиняться частныя желѣзныя дороги, а министръ народнаго просвѣщенія регулируетъ административный механизмъ частныхъ учебныхъ заведеній. Чтобы обезпечить выполненіе своихъ приказаній, министры могутъ налагать штрафы на частныхъ лицъ. Законъ признаетъ за ними право изданія обязательныхъ постановленій и толкованія существующихъ законовъ; одного этого факта достаточно, чтобы показать, что они пользуются нѣкоторыми законодательными полномочіями, которыя въ другихъ странахъ, напримѣръ во Франціи, принадлежатъ государственному совѣту. Въ силу этого, именно, общаго правила министръ внутреннихъ дѣлъ, напр., имѣетъ въ Россіи право регламентировать открытіе частныхъ больницъ или способъ приготовленія искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Еще одно слово о законодательныхъ правахъ нашихъ министровъ. Хотя основные законы объявляютъ, что никакой министръ не имѣетъ права разбирать тяжбы, но въ дѣйствительности въ случаяхъ нарушенія таможенныхъ уставовъ соотвѣтствующія рѣшенія постановляетъ не кто иной, какъ министръ финансовъ, а въ случаяхъ нарушенія правилъ, относящихся къ сельскому хозяйству—министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Мы видѣли, что одной изъ причинъ ожесточенной оппозиціи, встрѣтившей введеніе министерства,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ высшихъ оффиціальныхъ сферахъ,—было то, что, вмѣсто коллективнаго обсужденія административныхъ вопросовъ членами одного высшаго совѣта, система министерствъ вводила право министра разрѣшать ихъ по личному усмотрѣнію. Чтобы отвѣтить на это требованіе коллективнаго обсужденія, законъ 1811 года учредилъ при каждомъ министерствѣ „совѣтъ министерства". Онъ состоитъ изъ лицъ, назначаемыхъ самимъ министромъ, и, вѣроятно, по этой причинѣ остается на дѣлѣ одной лишь фикціей. Гораздо большее значеніе слѣдуетъ придать комитетамъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, какъ статистическій комитетъ при министерствѣ финансовъ и техническій при министерствѣ народнаго просвѣщенія; на обязанности послѣдняго лежитъ между прочимъ, разсмотрѣніе и одобреніе учебниковъ и руководствъ, предназначенныхъ къ употребленію въ среднихъ и низшихъ школахъ. Нѣкоторые комитеты, какъ, напримѣръ, промышленности и торговли, заключаютъ въ себѣ, кромѣ чиновниковъ, извѣстное число частныхъ экспертовъ, назначаемыхъ министромъ финансовъ изъ выдающихся промышленниковъ и крупныхъ коммерсантовъ. Иные совѣты, какъ желѣзнодорожный, учрежденный 1885 году, или тарифный, причислены не къ одному только министерству, а къ нѣсколькимъ.

Каждый министръ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одного товарища, выбираемаго самимъ министромъ, но назначаемаго государемъ. Товарищъ замѣняетъ министра въ его отсутствіи и исполняетъ различныя порученія, данныя ему его начальникомъ.

Такъ какъ количество работы, лежащей на одномъ министрѣ, слишкомъ велико, то нѣтъ ничего удивительнаго, что эта работа распредѣляется между нѣсколькими департаментами, подчиненными каждый одному директору и нѣсколькимъ вице-директорамъ. Если толкованіе закона не вызываетъ никакихъ сомнѣній, то обыкновенно рѣшеніе постановляется соотвѣтствующимъ департаментомъ и его директоромъ. И лишь въ случаѣ возникновенія нѣкоторыхъ затрудненій въ примѣненіи законовъ и указовъ къ спорному вопросу, дѣло поступаетъ къ самому министру. Кромѣ департаментовъ, въ каждомъ министерствѣ имѣется секретаріатъ или канцелярія, которая обыкновенно занимается дѣлами не подвѣдомственными какому-нибудь особому департаменту или же не подлежащими оглашенію. Число министерствъ, которыхъ по закону 1802 года было восемь, впо-

слѣдствіи было увеличено. Нѣкоторыя извѣстны подъ именемъ *„главныхъ управленій“* и иныя были недавно, если не учреждены, то, по крайней мѣрѣ, реформированы, какъ, напримѣръ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, смѣнившее министерство государственныхъ имуществъ; другія находятся на пути къ образованію, какъ, напримѣръ, департаментъ торговли, состоящій подъ управленіемъ особаго товарища министра финансовъ. Вотъ списокъ министерствъ и главныхъ управленій: министерство иностранныхъ дѣлъ, министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, путей сообщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, министерство Двора и удѣловъ, военное, морское и народнаго просвѣщенія. Что касается учрежденія, которое соотвѣтствовало бы французскому министерству культовъ, то его компетенція распредѣлена между оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній вѣдаетъ всѣ секты и религіи, за исключеніемъ православія. Спеціальное высшее управленіе занимается государственнымъ коннозаводствомъ. Государственный контролеръ, которому подвѣдомствена вся государственная отчетность, образуетъ со своими подчиненными особое министерство. Существуетъ также высшее управленіе женскихъ учебныхъ заведеній. Это вѣдомство до сихъ поръ носитъ имя императрицы Маріи Өеодоровны, матери Александра I, стоявшей во главѣ этихъ школъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ министерствъ и тѣхъ методовъ, съ помощью которыхъ бюрократія овладѣла всѣмъ административнымъ механизмомъ имперіи. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, въ какой мѣрѣ сфера ея дѣятельности была ограничена реформами Александра II, и познакомимся съ той своеобразной постоянной открытой войной, которую, начиная съ этого момента, ведетъ бюрократія съ созданными этимъ императоромъ мѣстными представительными учрежденіями.

ГЛАВА VII.

Реформы Александра II.—Освобожденіе крѣпостныхъ.—Сельское самоуправленіе.

Царствованіе Александра II занимаетъ такое же мѣсто въ исторіи русскихъ мѣстныхъ учрежденій, какое въ отношеніи центральной политической организаціи принадлежитъ правленію Александра I. Между этими двумя государями мы находимъ Николая I, человѣка съ внѣшностью и характеромъ прусскаго полковника. И, однако, Николай пріобрѣлъ репутацію истинно-русскаго монарха. Его царствованіе началось жестокой реакціей противъ либеральныхъ принциповъ, лежавшихъ въ основаніи реформъ Александра I. Главной цѣлью Николая стало—предупредить повтореніе революціонныхъ волненій, въ родѣ имѣвшихъ мѣсто 14-го декабря 1825 года. Строго слѣдуя консервативному плану, выработанному на различныхъ конгрессахъ, созванныхъ Священнымъ Союзомъ, Николай I сдѣлался поборникомъ той политики, главнымъ вдохновителемъ которой былъ не кто иной, какъ Меттернихъ. Тремя столбами этой политики въ Россіи всегда были самодержавіе, православіе и то національное единство, которое предполагаетъ господство въ имперіи значительнѣйшаго племени—великороссовъ.

Николай понималъ первый изъ этихъ принциповъ самодержавія на совершенно военный ладъ. Его власть опиралась на многочисленное и чрезвычайно дисциплинированное войско. Съ помощью генералъ губернаторовъ, на мѣстахъ, облеченныхъ властью, не ниже по размѣрамъ его собственной, управлялъ онъ милліонами порабощенныхъ подданныхъ. Эти рабы были распредѣлены между частными собственниками, которые вмѣстѣ составляли дворянство или первое сословіе въ государствѣ. Каждый дворянинъ пользовался въ предѣлахъ своей земли или помѣстья правами высшаго полицейскаго, судебнаго и финансоваго чиновника, финансоваго въ томъ смыслѣ, что онъ являлся отвѣтственнымъ передъ казною въ

поступленіи податей съ его крѣпостныхъ, тогда какъ самъ онъ, въ силу своихъ привилегій, былъ свободенъ отъ платежа личныхъ налоговъ. Дворянство каждой губерніи составляло самоуправляющуюся единицу, принимавшую участіе въ общемъ управленіи выборомъ нѣкоторыхъ полицейскихъ и судебныхъ должностныхъ лицъ Всемогущее по отношенію къ низшимъ сословіямъ, дворянство было лишено всякихъ политическихъ правъ и даже той ограниченной независимости, безъ которой немыслимы ни свобода личности, ни свобода совѣсти и мнѣнія. Одна англичанка, посѣтившая Россію въ первой четверти XIX столѣтія, миссъ Екатерина Уильмотъ, отмѣчаетъ фактъ полнаго уничиженія всякаго дворянина передъ лицомъ верховной власти и ея агентами. Въ Москвѣ нѣтъ джентльменовъ,—говоритъ она,—каждый считаетъ себя великимъ или малымъ въ зависимости отъ расположенія императора Она очень тонко вскрываетъ ту тѣсную связь, которая существовала между этимъ добровольнымъ рабствомъ и крѣпостной системой. Каждый русскій крѣпостникъ казался звеномъ обширной цѣпи, связывавшей государство. Повелители своихъ собственныхъ рабовъ, они сами являлись въ собственномъ представленіи рабами одного деспота.

Для обузданія вольнодумцевъ, всякихъ послѣдователей лже-освободительныхъ ученій Запада, существовало особое учрежденіе—третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи съ его многочисленными агентами въ различныхъ частяхъ государства. Послѣ ночного обыска и осмотра частныхъ бумагъ предполагаемаго заговорщика, послѣдній исчезалъ въ одной изъ камеръ государственной тюрьмы святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Послѣ нѣкотораго подобія судебнаго разбирательства онъ приговаривался своими преслѣдователями къ ссылкѣ на много лѣтъ въ какой-нибудь заброшенный уголокъ имперіи, подъ испытующимъ полицейскимъ окомъ, или, въ случаѣ рецидива, къ лишенію всѣхъ правъ и либо къ смертной казни, либо къ ссылкѣ въ Сибирь. Ссылка постигла одно время величайшаго русскаго поэта, Пушкина, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ написалъ либеральное стихотвореніе. Что касается смертной казни, то она была произнесена надъ весьма извѣстнымъ русскимъ беллетристомъ, авторомъ „Преступленія и Наказанія“, Достоевскимъ. Онъ былъ осужденъ за то, что нѣсколько разъ посѣтилъ армейскаго офицера Петрашевскаго, который, будучи послѣдователемъ ученія Фурье, мечталъ о проведеніи этого ученія въ жизнь. Авторъ настоящей книги самъ слышалъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ изъ устъ поэта Алексѣя Плещеева, замѣшаннаго въ томъ же

воображаемомъ заговорѣ. Онъ разсказалъ, какъ осужденные были одѣты въ саваны и затѣмъ поставлены въ рядъ передъ линіей солдатъ. Послѣднимъ уже было приказано цѣлиться и лишь ожидалась команда: „пли!“, какъ вдругъ царскій гонецъ остановилъ казнь. Этотъ моментъ такъ сильно потрясъ великаго Достоевскаго, что онъ упалъ на площади въ страшномъ припадкѣ эпилепсіи. Эта болѣзнь мучила его всю остальную жизнь какъ въ Сибири, гдѣ онъ провелъ долгіе годы ссылки, такъ и въ Петербургѣ, куда онъ возвратился по воцареніи Александра II, чтобы стать редакторомъ вліятельнаго журнала и авторомъ всемірно-извѣстныхъ романовъ. Между тѣмъ эти чрезвычайныя мѣры поддержанія порядка не только не смягчились, но становились все болѣе и болѣе суровыми, особенно, начиная съ 1848 года, когда національныя возстанія и соціально-политическія революціи одержали, казалось, верхъ надъ всѣми правительствами Европы. Былъ увеличенъ налогъ на тѣхъ, кто желалъ ѣхать за границу, а многимъ лицамъ не выдавали паспортовъ. Безсмысленнѣйшая цензура была установлена не только надъ политическими писателями, но и надъ романистами и поэтами. Въ то же время было до крайней степени затруднено выраженіе независимыхъ идей съ университетскихъ кафедръ. Несмотря на все это, „высшее начальство“,—употребляемъ выраженіе Николая, сказанное имъ на смертномъ одрѣ своему сыну и наслѣднику,—„было далеко отъ надлежащаго успѣха“. Русскія войска въ Севастополѣ должны были отступить не передъ численнымъ превосходствомъ непріятеля, но потому, что французы и англичане были лучше вооружены и находились подъ лучшимъ командованіемъ. Лихоимство было въ Россіи въ эту эпоху всеобщимъ какъ на военной, такъ и на гражданской службѣ. Возможность составить себѣ состояніе путемъ вымогательства взятокъ представлялась своего рода вознагражденіемъ за низкое раболѣпство передъ волей царя. Не будучи въ состояніи дольше выносить незаконные поборы и дурное обращеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ, крѣпостные либо возставали, либо были готовы возстать; и это достигло такихъ размѣровъ, что умирающій императоръ, за нѣсколько лѣтъ до того учредившій комиссію для изысканія способовъ къ улучшенію ихъ положенія, счелъ необходимымъ посовѣтовать своему наслѣднику полное освобожденіе крѣпостныхъ.

Александръ II не забылъ этихъ словъ, и какъ только Парижскій миръ положилъ конецъ Крымской войнѣ, онъ весь отдался трудной задачѣ разорвать крѣпостныя цѣпи. Уже въ 1856 году, принимая во время своего короткаго

пребыванія въ старой столицѣ представителей московскаго дворянства, онъ произнесъ такія многообѣщающія слова: „Существующій способъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ; лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ ждать того момента, когда начнется возмущеніе снизу. Прошу васъ подумать надъ тѣми путями, какими это можетъ быть осуществлено“.

Проникнутый этой идеей, императоръ рѣшилъ воспользоваться празднествами, устроенными по случаю его коронованія, чтобы внушить высшимъ слоямъ собравшагося дворянства мысль о принятіи ими на себя иниціативы въ намѣченной имъ реформѣ; но они не поддались, притворившись, будто не знаютъ, на какихъ началахъ можетъ быть проведена эта реформа. Тогда, съ цѣлью выработки этихъ принциповъ, былъ учрежденъ частный комитетъ, составленный изъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Орлова, министра внутреннихъ дѣлъ, Ланского, и нѣсколькихъ другихъ министровъ и высшихъ сановниковъ. Между послѣдними нужно особо отмѣтить генералъ-адъютанта Ростовцева, который игралъ видную роль въ проведеніи этой великой реформы. Императоръ лично предсѣдательствовалъ въ первомъ засѣданіи этой коммиссіи, 3-го января 1857 года, и опредѣлилъ цѣль ея учрежденія, сказавъ, что она должна разсмотрѣть вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости со всѣхъ точекъ зрѣнія и составить предположенія о способѣ ея осуществленія. Главная трудность этого вопроса была съ принципіальной стороны хорошо изложена въ докладѣ секретаря Левшина. Она заключалась въ опредѣленіи дальнѣйшей участи земли, занятой крѣпостными: слѣдовало ли вернуть ее помѣщику, или же она должна была остаться въ рукахъ крестьянина? и на какихъ условіяхъ—въ полной ли собственности или въ арендномъ владѣніи? какъ и кѣмъ должна быть возмѣщена собственнику въ первомъ случаѣ потеря имъ того, что онъ считалъ своей собственностью?

Прежде чѣмъ войти въ детальное разсмотрѣніе трудовъ, завершившихся знаменитымъ актомъ девятнадцатаго февраля 1861 года, познакомимся съ тѣми разнообразными рѣшеніями, которыя поставленный выше вопросъ могъ получить и которыя онъ дѣйствительно получилъ въ различныхъ странахъ свѣта. Самымъ легкимъ и простымъ способомъ снять тѣ путы, которыми крестьянинъ былъ наслѣдственно прикрѣпленъ къ обработывавшейся имъ землѣ, было объявить его свободнымъ идти, куда пожелаетъ, или—по символическому выраженію первой половины среднихъ вѣковъ—

„показать ему три дороги". Въ результатѣ освобожденія по указанной формулѣ, что весьма часто практиковалось во Франціи. въ Англіи и въ Германіи вплоть до XI, XII и XIII вѣковъ, земля, прежде находившаяся во владѣніи крѣпостного, неизмѣнно возвращалась помѣщику. Поэтому добровольный отказъ отъ всякихъ притязаній на землю былъ для крѣпостныхъ первымъ и необходимымъ условіемъ ихъ освобожденія.

Естественно, что все то, что увеличивало цѣнность земли, и, прежде всего, ростъ народонаселенія, благопріятствовало и освобожденію, такъ какъ земельнымъ собственникамъ было выгодно давать свободу въ обмѣнъ на землю. Нечего, поэтому, удивляться, что въ теченіе XIII вѣка, когда Европа, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, достигла плотности населенія большей, чѣмъ въ три послѣдующихъ столѣтія, отпущеніе на свободу въ обмѣнъ на землю и съ уплатой собственнику крѣпостныхъ понесенныхъ имъ убытковъ, стало явленіемъ весьма частымъ. Освобожденный рабъ не имѣлъ другого выбора, какъ сдѣлаться обычнымъ арендаторомъ или copy-holder: онъ получалъ тотъ же или какой-нибудь другой участокъ земли у освободившаго его владѣльца, которому затѣмъ и самъ онъ, и его наслѣдники вносили арендную плату деньгами или натурою въ теченіе всей своей жизни. Такая практика, весьма распространенная во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, указывала нѣсколько иной способъ для разрѣшенія вопроса объ эмансипаціи крѣпостныхъ въ Россіи. Вмѣсто того, чтобы обратить освобожденныхъ крѣпостныхъ въ нищихъ, государство могло обязать помѣщиковъ оставить ихъ на своихъ земляхъ не въ качествѣ свободныхъ собственниковъ, а въ качествѣ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Преимущественное распространеніе оброчной системы, т. е. системы участковъ, сданныхъ въ аренду за опредѣленную, изъ поколѣнія въ поколѣніе вносимую, арендную плату, какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ, гдѣ эти участки до сихъ поръ извѣстны подъ названіемъ „*чинша*", являлось для русскаго правительства поощреніемъ къ испробованію той же системы.

Но задолго до французской революціи маленькая европейская страна — герцогство Савойское — убѣжденная доводами французскихъ экономистовъ XVIII столѣтія въ пользу освобожденія крестьянъ, съ надѣленіемъ ихъ небольшими участками въ собственность, съ успѣхомъ вмѣшалась въ упроченіе за освобожденными крѣпостными участковъ земли, которые они занимали до освобожденія. Савойское правительство установило цѣну этихъ участковъ, по окончатель-

ной уплатѣ которой, къ исходу извѣстнаго числа лѣтъ, послѣдніе поступали въ полную собственность освобожденныхъ крѣпостныхъ. Для пріобрѣтенія же средствъ, необходимыхъ для этой покупки земли, крестьянамъ было разрѣшено совершать денежные займы или продавать часть ихъ общихъ луговъ или нераздѣленныя земли. Дальше этого правительственное вмѣшательство не шло. И размѣръ суммы, вносимой землевладѣльцу, какъ и размѣръ причитавшихся ему процентовъ, устанавливались частнымъ соглашеніемъ. Введенная въ 1771 году, савойская реформа дала такіе блестящіе результаты, что французскіе писатели послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія рекомендовали примѣненіе подобной же системы во Франціи. И хорошо, конечно, извѣстно, что французская революція приняла въ извѣстной мѣрѣ тѣ же принципы, объявивъ, что только такъ называемыя сервитутныя права, въ противность правамъ личнымъ или правамъ на личность крѣпостного, должны быть выкуплены заинтересованной стороной — освобожденными крестьянами. Но если такова была теорія, то практика оказалась совершенно иной. Конфискація имѣній дворянъ, поддерживавшихъ королевскую власть, и не присягнувшаго духовенства и массовая эмиграція помѣщиковъ и владѣльцевъ крѣпостныхъ допустили во Франціи прекращеніе всякихъ платежей со стороны освобожденныхъ крестьянъ, что и сдѣлало возможнымъ прямое превращеніе наслѣдственной аренды крѣпостного въ частную собственность мелкаго землевладѣльца.

Намъ незачѣмъ продолжать это общее разсмотрѣніе различныхъ рѣшеній вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права, ибо, какъ вполнѣ установлено Доніалемъ, освободительные акты на всемъ европейскомъ континентѣ болѣе или менѣе точно воспроизводили французскій образецъ. Что особенно поражаетъ соціолога при общемъ обозрѣніи всей медленной эволюціи даннаго вопроса,—это полное отсутствіе какой бы то ни было системы участія государства въ выкупѣ крестьянами земель. Можно было бы, конечно, отмѣтить нѣкоторыя исключенія изъ этого правила, какъ напримѣръ, Болонью и Флоренцію, которыя въ XIII вѣкѣ выкупили за свой собственный счетъ рабовъ, крѣпостныхъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ—fumanti и fideles—жившихъ на усадебныхъ земляхъ леннаго владѣльца. Но размѣры территоріи и число выкупныхъ людей было въ обоихъ случаяхъ такъ ограничено, что эти города не могли служить образцомъ для чрезвычайно обширнаго плана, ждавшаго своего осуществленія въ Россіи. Итакъ, мы имѣемъ право сказать, что опытъ

прошлаго былъ, вообще, не въ пользу ассигнованія государствомъ необходимыхъ суммъ для выкупа у собственника и его правъ на крѣпостныя земли, занятой послѣдними.

Однако, задолго до реформы 1861 года, нѣкоторые дѣятели уже подготовили общественное мнѣніе къ той мысли, что въ Россіи никакой освободительный планъ не удастся, если только крестьянинъ не сохранитъ занятой имъ земли. Они дѣйствовали такъ успѣшно, что императоръ Николай самъ проникся этимъ убѣжденіемъ, и на сей разъ вполнѣ правильнымъ, что реформа не обѣщаетъ удачи, если только за крестьянами не будетъ сохранена земля. И, дѣйствительно, могло ли быть иначе, разъ эти люди жили въ теченіе долгихъ вѣковъ въ томъ наивномъ убѣжденіи, которое выражалось въ пресловутомъ: „*мы ваши*“—то есть принадлежимъ дворянамъ—„а земля наша“? Плохіе результаты, достигнутые эмансипаціей крестьянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ, благодаря полному отсутствію всякаго плана выкупа участковъ, находившихся во владѣніи бывшихъ крѣпостныхъ, былъ созданъ земледѣльческій пролетаріатъ, не могли, конечно, благопріятствовать мнѣнію тѣхъ, кто объявлялъ себя сторонникомъ простого и личнаго освобожденія безъ земли. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что задача казалась чрезвычайно трудной и встрѣчала оппозицію со всѣхъ сторонъ.

Передъ тѣми, кто искренно желалъ скораго разрѣшенія вопроса, стояла такая дилемма: или искусственно создать классъ безземельныхъ, въ родѣ англійскихъ земледѣльцевъ, или же обременить государство огромнѣйшимъ долгомъ въ размѣрѣ суммъ, выданныхъ на выкупъ земли крѣпостными. Первая перспектива была тѣмъ тревожнѣе, что, какъ мы это сейчасъ увидимъ, крестьяне во время крѣпостного права уже владѣли своими землями сообща, міромъ. Такимъ образомъ, правительству слѣдовало ожидать сопротивленія цѣлыхъ деревень въ томъ случаѣ, если бы земля отошла къ дворянину. Второй же планъ казался довольно эмпирическимъ, если принять во вниманіе плохое состояніе русскихъ финансовъ, вызванное Крымской войной, и отсутствіе всякой увѣренности въ скоромъ возвращеніи въ казну денегъ, выданныхъ на выкупъ крестьянами участковъ земли. Нечего поэтому удивляться, что правительство думало вначалѣ выбрать такое среднее между двумя этими крайностями рѣшеніе: выкупить лишь усадьбу крѣпостного съ прилегающимъ къ ней огородомъ, а разрѣшеніе вопроса о землѣ предоставить частному соглашенію. Въ виду этого, 25 іюля 1857 года въ частный комитетъ поступило отъ министра внутреннихъ

дѣлъ Ланского предложеніе дать крѣпостнымъ личную свободу безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ и съ выкупомъ лишь усадебной земли. Послѣдняя операція должна была совершаться безъ всякаго вмѣшательства казны, путемъ ежегодныхъ взносовъ въ теченіе десяти или пятнадцатилѣтняго періода, лишь по окончаніи котораго крѣпостной получалъ свободу.

Провинціальное дворянство не выражало желанія пойти по пути добровольныхъ уступокъ даже и такъ недалеко, какъ предлагалъ Ланской. Различные адреса, полученные императоромъ Александромъ въ 1857 и 1858 гг., высказывались, главнымъ образомъ, за одно личное освобожденіе крѣпостныхъ. Первый изъ такихъ адресовъ былъ представленъ дворянствомъ нѣсколькихъ западныхъ губерній польскаго происхожденія, а, именно, виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ. Этотъ адресъ требовалъ сохраненія всѣхъ помѣщичьихъ правъ на землю. Тщетно напрягало правительство всѣ свои усилія, чтобы добиться большихъ уступокъ въ слѣдующихъ адресахъ, прибывшихъ изъ Нижняго-Новгорода, Петербурга и Москвы. Помѣщики упорно твердили о неотчуждаемости правъ дворянства на наслѣдственныя имѣнія. Я привожу эти факты, чтобы показать, что новое направленіе, которое вопросъ о раскрѣпощеніи получилъ въ слѣдующіе годы, не исходило ни отъ правительства, ни отъ дворянства. Его происхожденіе кроется въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ мыслителей, частныя записки которыхъ долгое время циркулировали въ писанномъ видѣ, прежде чѣмъ было разрѣшено ихъ напечатать. Профессоръ московскаго университета по исторіи права, Кавелинъ, былъ первымъ изъ этихъ мыслителей, посовѣтовавшимъ предоставить крестьянину тотъ участокъ земли, которымъ онъ уже владѣлъ. Приглашенный великой княгиней Еленой выработать планъ освобожденія ея крѣпостныхъ, онъ ввелъ въ свой проектъ принципъ двойного освобожденія—освобожденія личности и земли. Его взгляды были восприняты группой молодыхъ людей, ставшихъ вскорѣ извѣстными своими славянофильскими чувствами. Юрій Самаринъ и князь Черкасскій были наиболѣе ярыми. Они нашли въ центральномъ комитетѣ человѣка, который вполнѣ раздѣлялъ ихъ убѣжденія и въ то же время обладалъ силой воли, глубиною мысли и талантомъ убѣжденія, необходимыми для вліянія на своихъ коллегъ и начальниковъ. Это былъ Николай Милютинъ, братъ будущаго военнаго министра, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ чиновниковъ, дѣйствительно заслуживающихъ названія государственныхъ людей. Сначала Милютинъ попытался убѣдить

министра Ланского въ необходимости оставить землю во владѣніи крѣпостныхъ. И, именно, его вліянію должна, главнымъ образомъ, приписать Россія энергичное поведеніе въ этомъ вопросѣ министра внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разъ навлекавшее на него непріятныя замѣчанія со стороны царя. Вторымъ лицомъ, которое необходимо было убѣдить. былъ предсѣдатель главнаго комитета, учрежденнаго 8 января 1858 года для разсмотрѣнія различныхъ проектовъ освобожденія. Это былъ Ростовцевъ, и прошлое его не позволяло думать, что онъ можетъ стать реформаторомъ; его доносу приписывали, между прочимъ, декабристы неудачу своего предпріятія. Новѣйшіе историки утверждаютъ, будто своимъ поведеніемъ, въ качествѣ предсѣдателя вновь назначенной коммиссіи, онъ хотѣлъ загладить свою роль въ дѣлѣ раскрытія либеральнаго заговора. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно вѣрно, что Ростовцевъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы раздвинуть рамки преній, сдѣлать ихъ возможно болѣе свободными и воспользоваться, поскольку онъ могъ, тою критикой, съ какою русская пресса, какъ внутри имперіи, такъ и внѣ ея, обращалась къ лицамъ, занимавшимся подготовленіемъ реформы. Въ своего рода дневникѣ, который велъ одинъ изъ членовъ комитета, нѣсколько разъ отмѣчено, что предсѣдатель вмѣсто того, чтобы протестовать, былъ счастливъ согласиться съ мыслями, высказанными издателемъ извѣстнаго революціоннаго журнала „Колоколъ", который выходилъ въ то время въ Лондонѣ и главнымъ редакторомъ котораго былъ знаменитый Герценъ. И, благодаря такому внимательному отношенію къ прессѣ членовъ главнаго комитета, журналы и газеты, которымъ вначалѣ было запрещено печатать что бы то ни было объ освобожденіи, начали пространно обсуждать этотъ вопросъ. Постановленіемъ цензурнаго комитета отъ 22 апрѣля 1858 года было объявлено что періодическія изданія не должны помѣщать статей, въ которыхъ бы требовалась отмѣна личной зависимости крѣпостного отъ помѣщика, поскольку такая зависимость проявляется въ административной власти послѣдняго надъ первымъ. Это же предписаніе относилось равнымъ образомъ и къ статьямъ, требовавшимъ оставленія земли за крестьяниномъ на условіи выкупа.

Несмотря на всѣ эти предписанія, большая часть либеральной прессы продолжала настаивать на необходимости введенія въ предполагавшуюся реформу двухъ, столь рѣшительно осужденныхъ принциповъ. Только молчаливымъ согласіемъ главнаго комитета и можно объяснить ту свободу, съ какою подобныя мнѣнія постоянно высказывались на

страницахъ „Современника“ такими писателями, какъ Чернышевскій. Такимъ образомъ, пресса стала руководить и поддерживать наиболѣе передовыхъ членовъ комитета и позволила имъ съ успѣхомъ бороться противъ представителей реакціонной партіи, которые не желали дать крестьянину ничего, кромѣ личной свободы. Неожиданнымъ препятствіемъ въ тотъ моментъ, когда дѣло комитета было почти закончено, явилась смерть главнаго человѣка, способнаго защитить эти принципы передъ лицомъ государя и въ новомъ собраніи делегатовъ провинціальнаго дворянства, которымъ предстояло, главнымъ образомъ, опредѣлить количество земли, долженствовавшей отойти къ крестьянамъ въ различныхъ частяхъ государства. Когда, по смерти Ростовцева, его замѣстителемъ сдѣлался графъ Панинъ, человѣкъ явно нерасположенный въ пользу подготовлявшейся реформы, Милютинъ почти ежедневно долженъ былъ входить въ столкновенія съ предсѣдателемъ, чтобы спасти основныя начала выработаннаго проекта. Предстояло еще разрѣшить важный вопросъ о той единицѣ, какая должна быть принята при надѣленіи крѣпостныхъ землею.

Въ предсѣдательство Ростовцева комитетъ высказался, между прочимъ, за то, чтобы, по общему правилу, за крестьянами были оставлены тѣ самые участки, которые уже обрабатывались имъ за свой счетъ. Но въ виду того, что нѣкоторые помѣщики предоставили своимъ крѣпостнымъ за опредѣленную арендную плату всю свою землю, было признано необходимымъ установить двѣ единицы—большую и малую.

Со времени перехода предсѣдательства къ Панину возраженія провинціальныхъ депутатовъ противъ такого рѣшенія стали выслушиваться благосклонно. Реакціонной партіи удалось провести предложеніе, въ силу котораго дворянинъ, отказывавшійся отъ всякаго вознагражденія за свою землю, могъ дать крѣпостному лишь четверть занятаго послѣднимъ участка. Новыя уступки должны были быть сдѣланы реакціонной партіи въ вопросѣ о пастбищахъ и лѣсахъ, никакая часть которыхъ не отходила къ крестьянамъ, хотя бы во время крѣпостного права эти земли и составляли часть общинныхъ владѣній. Другимъ крупнымъ отрицательнымъ измѣненіемъ было повышеніе размѣра платежей, требуемыхъ съ крѣпостного въ казну за выкупъ земли. Въ недавнемъ открытомъ письмѣ къ царю графъ Толстой съ полнымъ правомъ настаиваетъ на томъ, что крестьяне цѣликомъ уже выплатили внесенную за нихъ правительствомъ сумму денегъ, такъ что простая справед-

ливость требуетъ прекращенія дальнѣйшихъ взысканій за нихъ.

Но, признавая эти недостатки проекта, выработаннаго комитетомъ и принятаго почти безъ оппозиціи государственнымъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина, необходимо также отмѣтить и положительныя стороны реформы. Первой изъ нихъ по важности является сохраненіе, въ полномъ соотвѣтствіи съ прошлымъ, системы общиннаго владѣнія землею, нѣкогда извѣстной и въ Англіи подъ названіемъ *„системы сельскихъ общинъ“*. Авторъ тѣмъ болѣе охотно одобряетъ эту, въ сущности, консервативную мѣру, что онъ принципіальный противникъ всякаго внезапнаго измѣненія способовъ владѣнія землею. Новѣйшія изслѣдованія показали, что въ Россіи въ этой области совершается развитіе, вполнѣ соотвѣтствующее народному духу: въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ система періодическихъ передѣловъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, ее начинаютъ принимать новыя территоріи, прекращающія этимъ путемъ старый способъ занятія дѣвственной почвы въ полное и неограниченное владѣніе, способъ, который не можетъ быть удержанъ рядомъ съ быстрымъ увеличеніемъ населенія. Закономъ 19-го февраля 1861 года принята также мѣра, дозволяющая естественное распущеніе сельской общины путемъ немедленнаго выкупа крестьянами ихъ доли при условіи досрочной уплаты всей суммы. Этимъ способомъ они пріобрѣтали полное право собственности на свою землю. Другое рѣшеніе того же рода также не было утеряно изъ виду. Оно состоитъ въ томъ, что сельскій сходъ большинствомъ двухъ третей рѣшаетъ окончательный переходъ отъ общиннаго владѣнія къ частному. И только недавно, въ царствованіе Александра III, были приняты мѣры къ ослабленію все растущей тенденціи къ индивидуализаціи земельной собственности съ цѣлью сохраненія принципа, по которому государство является главнымъ владѣльцемъ земли. Въ силу новыхъ законовъ, изданныхъ подъ прямымъ вліяніемъ Побѣдоносцева и косвеннымъ вліяніемъ раздѣляемыхъ послѣднимъ теорій Леплея, даже выкупленная земля можетъ находиться въ наслѣдственномъ владѣніи лишь у крестьянина.

Совершенно не вѣрно, будто къ числу удачныхъ предписаній закона 19-го февраля можно отнести и начала, на которыхъ было построено сельское самоуправленіе. Исключеніе помѣщика изъ сельскаго схода легко можетъ быть объяснимо, если принять во вниманіе всю трудность или, вѣрнѣе, невозможность объединить въ одномъ и томъ же

учрежденіи два рѣзко враждебныхъ элемента, которые, конечно, никогда не могли бы встрѣчаться на равной ногѣ. Тѣмъ не менѣе, фактъ самъ по себѣ имѣлъ тотъ плохой результатъ, что превратилъ волость въ своего рода сословное учрежденіе. Ее нельзя, поэтому, сравнивать ни съ французской коммуной, ни съ англо-американскимъ приходомъ, тѣмъ болѣе, что въ Россіи приходскій священникъ не считался даже членомъ сельскаго схода. Въ составъ лицъ, принимавшихъ участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, входили всѣ совладѣльцы общинныхъ земель. Употребляя нѣмецкое выраженіе, мы можемъ сравнить сельскую общину въ Россіи съ *Bürger-gemeinde*, но не съ *politische-gemeinde:* тотъ, или тѣ, кто принимаетъ или не принимаетъ участія въ періодическихъ передѣлахъ, владѣютъ одинаковымъ правомъ голоса. Сельская община, какъ таковая, состоитъ изъ всѣхъ взрослыхъ членовъ семей, которые не только живутъ въ деревнѣ, но и владѣютъ участками общинной земли. Лица, поселившіяся недавно, и тѣ, кто соотвѣтствуетъ классу людей, извѣстныхъ въ Швейцаріи подъ именемъ *beisaszen* или *domiciliés* и *manant*, такимъ образомъ лишены права голоса. Очевидно, что пока послѣднихъ меньшинство, сельская община можетъ сохранить свой демократическій характеръ, но уже можно предвидѣть то время, когда, какъ это случилось въ Германіи и въ Швейцаріи, семьи, издавна поселившіяся, превратятся въ своего рода олигархію, если только законодательство не приметъ мѣръ къ раздѣленію функцій сельскаго самоуправленія, создавъ рядомъ со старой общиной другую, открытую для всѣхъ сельскихъ жителей, отъ частныхъ собственниковъ и арендаторовъ до простыхъ земледѣльческихъ рабочихъ и пролетаріевъ.

Нужно, однако, сказать, что необходимость такой реформы была уже признана членами выборныхъ земскихъ собраній, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Не одно изъ такихъ собраній выражало желаніе имѣть, сверхъ существующей общины, учрежденіе болѣе широкое съ характеромъ административной единицы. Такіе взгляды высказывались земскими управами: московской, вологодской и смоленской губерній въ началѣ царствованія Александра III. И въ томъ же приблизительно смыслѣ высказалось новгородское земство, выразивъ пожеланіе, чтобы низшая ступень мѣстнаго самоуправленія была основана на принципѣ общаго представительства всѣхъ сословій, а не только совладѣльцевъ общинныхъ земель.

При существующей системѣ сельской общины, какъ учрежденія сословнаго, сельскій староста, исполнительный органъ

сельскаго схода или *міра*, долженъ избираться исключительно изъ среды участниковъ послѣдняго. Между тѣмъ его власть по взиманію податей и исполненію полицейскихъ распоряженій распространяется на всѣхъ жителей, за исключеніемъ однихъ только помѣщиковъ. Было бы, разумѣется, гораздо справедливѣе допустить къ избранію такого должностнаго лица всѣхъ тѣхъ, кто заинтересованъ въ управленіи мѣстными дѣлами.

Сельскій сходъ съ его выборными старостами составляетъ лишь низшую ступень крестьянскаго самоуправленія. Надъ *міромъ* мы находимъ высшую административную единицу—*волость*. Она состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ деревень, если только какая нибудь деревня не настолько велика, чтобы самостоятельно образовать подобную единицу. Въ первомъ случаѣ различные приходы являются ея подраздѣленіями, съ равными правами и обязанностями. Волость, какъ и *міръ* — учрежденіе сословное; ни дворяне, ни духовенство, ни купцы и ремесленники не могутъ ждать отъ нея какой бы то ни было мѣры въ защиту ихъ мѣстныхъ интересовъ. Ибо, въ противоположность деревенской общинѣ или *міру*, существовавшимъ еще въ крѣпостное время, волость является по существу, если не по названію, учрежденіемъ недавняго происхожденія. Мы находимъ ее во времена Николая на земляхъ, занятыхъ государственными крѣстьянами; и, именно, въ подраженіе тому, что учреждалось на государственныхъ земляхъ, была введена настоящая система. Хотя и учрежденіе сословное, волость била, однако, призвана играть важную роль въ дѣлѣ отправленія административныхъ и судебныхъ обязанностей, чѣмъ и объясняется неоднократно выражавшееся земскими собраніями пожеланіе ея преобразованія въ томъ направленіи, чтобы она являлась представительницей всѣхъ классовъ русскаго общества. Крупное затрудненіе, препятствующее этой реформѣ, повидимому, сводится къ тому, что волость имѣетъ, въ лицѣ выборныхъ судей, родъ сословнаго суда для гражданскихъ дѣлъ, интересующихъ исключительно крестьянъ. Ихъ тяжбы разбираются на основаніи не писаннаго, а обычнаго права, толкователями котораго выборные судьи и являются.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Россія, вѣроятно, одна еще сохраняетъ двойную систему гражданскаго судопроизводства, на основаніи писаннаго или обычнаго права, въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли истецъ къ среднему и высшему классамъ общества, или же къ сельскому населенію. Двойственность эта тѣмъ болѣе странна, что обѣ

эти юридическія системы имѣютъ, въ сущности, одинъ и тотъ же источникъ. Въ отличіе отъ другихъ европейскихъ націй. Россія чрезвычано мало позаимствовала изъ римскаго или какого-либо другого иностраннаго права. При такихъ условіяхъ ея писанное законодательство такъ же точно, какъ и неписанное, одинаково выросло изъ ея древнихъ обычаевъ, находившихъ себѣ въ разные періоды неполное выраженіе въ сводахъ законовъ, которые, начиная съ опубликованной въ одиннадцатомъ вѣкѣ „*Русской Правды*" Ярослава, своего рода *lex barbarorum*, и съ литовскихъ статутовъ XIV и XV вѣковъ, доставили матеріалъ для новѣйшаго законодательства. Нѣкоторыя предписанія изъ этихъ древнихъ сводовъ, болѣе или менѣе русскаго происхожденія, до сихъ поръ еще удержался въ обычаяхъ отчасти въ Великороссіи и въ значительно большей мѣрѣ въ Малороссіи и на Украйнѣ, которыя почти до середины XVIII столѣтія управлялись на основаніи обычаевъ. Но не легко опредѣлить, въ какой степени рѣшенія сельскихъ судей продиктованы знаніемъ этихъ старыхъ обычаевъ или чувствомъ справедливости и неполнымъ знакомствомъ съ существующими законами или, наконецъ, вліяніями скорѣе безнравственнаго, нежели нравственнаго порядка—дружбой, родствомъ, боязнью передъ старшими, прямымъ подкупомъ и т. д. Лица, хорошо знакомыя съ обыденной жизнію русскихъ крестьянъ, склонны думать, что большая часть процессовъ разрѣшается сообразно съ желаніемъ секретаря суда, который часто является единственнымъ человѣкомъ, способнымъ изложить ихъ въ писанномъ видѣ.

Самымъ естественнымъ выходомъ изъ этого хаоса противорѣчивыхъ рѣшеній было бы, казалось, составленіе если не для каждой губерніи, то, по крайней мѣрѣ, для каждой области, какъ Великороссія, Малороссія и Бѣлороссія, нѣкотораго рода юридическихъ сборниковъ, подобно тѣмъ сельскимъ сводамъ, о которыхъ такъ много говорилось во Франціи въ эпоху второй Имперіи; но ничего подобнаго не существуетъ, и тѣ, кто наиболѣе заинтересованъ изученіемъ юридическихъ обычаевъ, повидимому, думаютъ, что изъ противорѣчивыхъ и весьма часто совершенно произвольныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ можно вывести юридическіе принципы крестьянскаго закона. Авторъ далеко не раздѣляетъ подобнаго оптимизма; онъ полагаетъ, что въ сельское судопроизводство можно ввести порядокъ только путемъ общей кодификаціи законовъ, какъ и обычаевъ, поскольку послѣдніе находятъ себѣ выраженіе въ древнихъ юридическихъ документахъ и въ старыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, сохранив-

шихся въ нашихъ архивахъ и до сихъ поръ еще недостаточно изученныхъ. Много лѣтъ тому назадъ учреждена была комиссія, въ которой больше находилось сановниковъ, нежели ученыхъ, съ цѣлью составленія текста новаго гражданскаго уложенія для примѣненія его во всѣхъ судахъ, кромѣ крестьянскихъ. Всѣ существующіе своды были переведены на русскій языкъ, чтобы помочь членамъ этой комиссіи въ сочиненіи новыхъ уставовъ. Но никто не подумалъ обратить ихъ вниманіе на необходимость вдохновиться изученіемъ обычнаго права. Никто не взялъ на себя труда составить родъ частныхъ сборниковъ, находящихся еще въ употребленіи обычаевъ—губернія за губерніей, область за областью, какъ это было уже сдѣлано для нѣкоторыхъ частей Франціи. Лишь послѣ долгихъ лѣтъ такой подготовительной работы можетъ быть выработано общее уложеніе для употребленія во всѣхъ судахъ имперіи. Авторъ желалъ бы, чтобы такому уложенію предшествовало опубликованіе особыхъ сводовъ, предназначенныхъ для той или иной области. Ибо въ томъ, что касается недвижимой собственности и наслѣдства, разница между губерніями, гдѣ еще превалируетъ общинное владѣніе землею, и тѣми, гдѣ оно становится все менѣе и менѣе господствующимъ, слишкомъ велика, чтобы допустить общее законодательство, хотя это общее законодательство было бы легче осуществить въ отношеніи договоровъ. Однако, во всѣхъ областяхъ права долженъ быть установленъ принципъ, по которому, въ случаѣ столкновенія, предпочтеніе отдается общему обычаю надъ общимъ закономъ и мѣстному обычаю надъ общимъ обычаемъ; этотъ принципъ позволитъ сохранить оригинальныя черты юридической системы, свойственной той или иной деревнѣ, либо той или иной группѣ деревень.

Между тѣмъ, при нынѣшнемъ состояніи ея сельскихъ судовъ, Россія весьма еще далека отъ системы, обезпечивающей порядокъ. И авторъ, не боясь преувеличеній, утверждаетъ, что однимъ изъ двухъ крупныхъ недостатковъ реформы 19 февраля 1861 года было надѣленіе крестьянскихъ выборныхъ судей произвольною властью. Эта власть позволила изобрѣтать и примѣнять юридическія правила судьямъ, часто безграмотнымъ, нерѣдко и недобросовѣстнымъ и готовымъ, по ходячему обвиненію, продать правосудіе за бутылку водки. Другимъ недостаткомъ крестьянскаго самоуправленія является система круговой поруки въ платежѣ налоговъ. Несомнѣнно, что подобная порука чрезвычайно помогаетъ правительству въ полученіи налоговъ, но она въ то же время вводитъ совершенно произвольный способъ взиманія пода-

тей. Главными жертвами оказываются не крестьянскіе богатѣи и не бѣднота. Первые весьма часто могутъ уменьшить свою отвѣтственность, давъ взятку сборщику; вторые не могутъ ничего дать, но, пользуясь правомъ голоса, они заслуживаютъ нѣкоторой предупредительности со стороны выборныхъ должностныхъ лицъ, каковы и сборщики. Нечего, поэтому, удивляться, что по недавно произведенному правительствомъ изслѣдованію среднія состоянія главнымъ образомъ и отвѣчаютъ за неплатящихъ. Ясно само по себѣ, до чего вредна надобная система развитію крестьянскаго благосостоянія. Неоднократно экономисты и, вообще, всѣ тѣ, кто хорошо знакомъ съ матеріальнымъ бытомъ нашего народа, указывали на необходимость уничтоженія этой отжившей системы. Совсѣмъ недавно графъ Толстой говорилъ о ней въ своемъ обращеніи къ царю, какъ о системѣ, связанной съ наиболѣе кричащими злоупотребленіями, которую слѣдовало бы уничтожить возможно скорѣе. Но, пока точное поступленіе налоговъ будетъ главной заботой русскаго финансоваго управленія, до тѣхъ поръ безполезно и думать, чтобы правительство приняло необходимыя мѣры къ исполненію этого требованія.

Общій выводъ, къ которому приводитъ насъ анализъ системы крестьянскаго самоуправленія, созданнаго закономъ 19 февраля, весьма сложный: хорошее и плохое такъ сильно перемѣшаны въ сельскомъ самоуправленіи, что оно заслуживаетъ столько же похвалъ, сколько и критики. Мы не совершимъ несправедливости, утверждая, что намѣренія его творцовъ были лучше достигнутыхъ результатовъ; но зло это по своей природѣ не таково, чтобы новыя реформы не могли его одолѣть. Будемъ же ждать этихъ реформъ съ надеждой, что онѣ лучше послужатъ идеаламъ общественной справедливости и личной свободы.

ГЛАВА VIII.

Реформы Александра II.—Мѣстное самоуправленіе.— Губернское, уѣздное и сельское.

Освобожденіе крѣпостныхъ произвело столь глубокое измѣненіе въ соціальномъ строѣ Россіи, что дальнѣйшее сохраненіе старой системы мѣстнаго управленія, по которой одно лишь дворянское сословіе должно было участвовать съ правительствомъ въ веденіи мѣстныхъ дѣлъ и разрѣшеніи гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ, стало невозможнымъ. Съ того момента, какъ всѣ классы были одинаково допущены къ пріобрѣтенію земли, всякая разница между такъ называемыми населенными и ненаселенными имѣніями—т. е. занятыми крѣпостными и не имѣющими таковыхъ—исчезла, и образовалось новое соціальное подраздѣленіе—земельныхъ собственниковъ. Составленный изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ—изъ прежнихъ помѣщиковъ, освобожденныхъ крѣпостныхъ, удержавшихъ землею въ частномъ или общинномъ владѣніи, капиталистовъ, купцовъ или ремесленниковъ, купившихъ какія-нибудь помѣстья,—этотъ классъ подъ вліяніемъ идей, распространившихся въ Европѣ со времени физіократовъ, былъ признанъ заинтересованнымъ въ хорошемъ управленіи провинціальными дѣлами и, въ силу этого, призванъ къ почти исключительному участію въ вопросахъ экономическаго самоуправленія. Нѣтъ надобности критиковать здѣсь недавно господствовавшую теорію, будто классы людей, не владѣющихъ землею, индифферентны къ мѣстнымъ интересамъ. Эта теорія была, къ счастью, болѣе или менѣе оставлена въ послѣдней четверти XIX столѣтія, хотя въ отношеніи состава мѣстныхъ выборныхъ учрежденій она еще удержалась въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Нечего удивляться, что въ Россіи въ годы, слѣдовавшіе за освобожденіемъ, эта теорія считалась трюизмомъ, и мнѣнія дѣлились лишь по вопросу о томъ, какъ слѣдовало ее примѣнить, чтобы крестьянамъ такъ же, какъ и дворянамъ, досталось отличное и неравное участіе въ мѣстномъ самоуправленіи.

Этотъ проектъ находился въ сильномъ противорѣчіи съ идеей мѣстнаго представительства, основаннаго на принципѣ земельной собственности. Ничего нѣтъ удивительнаго, что нѣкоторыя лица, считавшія себя либералами, возстали противъ идеи учрежденія спеціальныхъ делегатовъ для каждаго изъ исторически сложившихся сословій. Но практическія соображенія заставляли опасаться, чтобы въ общемъ собраніи землевладѣльцевъ одинъ изъ двухъ классовъ—бывшихъ господъ и бывшихъ крѣпостныхъ не былъ принесенъ въ жертву чувству матеріальной зависимости или злобѣ за незабываемыя обиды. Совершенно невѣрно, будто творцы закона 1864 года, которому Россія обязана уѣздными и губернскими земствами, были плохо инспирированы, создавъ рядомъ съ избирательнымъ корпусомъ частныхъ землевладѣльцевъ таковые же—членовъ сельскихъ обществъ и собственниковъ домовъ и земель въ городскихъ округахъ. Большинство въ Государственномъ Совѣтѣ высказалось за подобное раздѣленіе. Его польза могла быть допущена постольку, поскольку дѣло освобожденія не было удачно выполнено. Одного того факта, что нѣкоторые крестьяне пользуясь закономъ 19 февраля, продолжали обрабатывать земли ихъ прежнихъ господъ, чтобы этимъ путемъ пріобрѣсти по истеченіи извѣстнаго количества лѣтъ, право собственности на ихъ участокъ земли,—одного такого факта достаточно, чтобы показать трудность объединенія обѣихъ партій въ одномъ и томъ же избирательномъ собраніи. Но въ настоящій моментъ, когда переходный къ свободѣ періодъ уже пройденъ, когда дворянинъ, по крайней мѣрѣ—отчасти, замѣщенъ какимъ то пришельцемъ лавкѣ, купившимъ его имѣнія, и когда въ рядахъ крестьянъ процессъ общественной диффеpенціаціи создалъ и частныхъ собственниковъ и пролетаріевъ,—не вправѣ ли мы думать, что пришелъ часъ перестройки системы мѣстнаго представительства на основѣ соціальнаго равенства?

Очевидно, что подобная реформа не можетъ быть осуществлена до созданія политической общины (коммуны) или волости, въ которой бы принимали участіе всѣ жители безъ различія сословій. Одна лишь такая коммуна можетъ установить земельную единицу для выборовъ въ уѣздныя и губернскія земства. Пока на низшей ступени лѣстницы мы будемъ имѣть только сословное самоуправленіе, а именно крестьянское, до тѣхъ поръ наши крупные землевладѣльцы будутъ вынуждены собираться отдѣльно для производства выборовъ своихъ представителей въ уѣздныя и губернскія земства.

Хотя общественное мнѣніе, поскольку оно выражается

въ прессѣ и въ ходатайствахъ, составлявшихся нашими провинціальными представительными учрежденіями, все болѣе и болѣе высказывается въ пользу этой двойной реформы, правительство, со времени царствованія Александра III, старается вернуться къ прежнимъ классовымъ дѣленіямъ. Такимъ образомъ, по закону 1890 года — личные и потомственные дворяне образуютъ особое собраніе и назначаютъ своихъ собственныхъ делегатовъ. То же самое приходится сказать и о городскихъ избирателяхъ. Что же касается крестьянъ, то они выбираютъ своихъ депутатовъ на волостныхъ сходахъ. Въ силу новаго закона, который во многомъ противорѣчитъ предначертаніямъ закона 1864 года, избирательнымъ цензомъ для дворянъ является владѣніе опредѣленнымъ количествомъ земли, которая можетъ розниться по своимъ размѣрамъ въ зависимости отъ той или иной области и плотности ея населенія, но должна стоить не менѣе пятнадцати тысячъ рублей. Недвижимая собственность можетъ заключаться въ землѣ или же въ промышленныхъ заведеніяхъ, оцѣненныхъ не ниже пятнадцати тысячъ рублей Землевладѣльцы, имѣющіе лишь десятую часть требуемаго закономъ недвижимаго имущества, пользуются правомъ назначенія числа избирателей въ десять разъ менѣе ихъ собственнаго числа. Списокъ кандидатовъ, избранныхъ крестьянами въ двойномъ противъ делегатовъ числѣ, представляется губернатору, который изъ двухъ выбранныхъ тою же волостью кандидатовъ назначаетъ одного

Что касается горожанъ, то тѣ изъ нихъ, кто владѣетъ на мѣстѣ землею или промышленнымъ заведеніемъ, соотвѣтствующими по размѣрамъ и цѣнѣ требованіямъ закона, образуютъ особую избирательную комиссію, отличную отъ дворянской, а также и отъ крестьянской. Вопреки закону 1864 года, каждая коллегія можетъ избрать въ делегаты только члена своего сословія. Слѣдуетъ отмѣтить два другихъ факта, которые могли бы привлечь къ себѣ вниманіе по совершенно разнымъ причинамъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что духовенство лишено представительства въ уѣздныхъ земствахъ ввиду того неосновательнаго предположенія, будто оно не имѣетъ экономическихъ интересовъ. Второй же фактъ—тотъ, что женщины, владѣющія установленнымъ по закону количествомъ земли или промышленными заведеніями, пользуются правомъ голосованія при посредствѣ родственниковъ мужского пола. Такое же вмѣшательство третьихъ лицъ требуется и въ томъ случаѣ, если обладающая правомъ голоса особа не достигла двадцатипятилѣтняго возраста. Избирательныя собранія не мо

гутъ длиться болѣе двухъ дней. Должны быть пущены на голоса имена всѣхъ присутствующихъ избирателей. Выборы совершаются на трехлѣтній періодъ.

Перейдемъ теперь къ устройству уѣздныхъ и губернскихъ земствъ. Кромѣ названныхъ уже делегатовъ, въ уѣздномъ земствѣ участвуютъ представители двухъ министерствъ—государственныхъ имуществъ и удѣловъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если владѣнія этихъ двухъ родовъ находятся въ уѣздѣ. Епархія можетъ, если сочтетъ это полезнымъ, имѣть и своего представителя въ земскомъ собраніи. Голова уѣзднаго города считается членомъ и пользуется голосомъ во всѣхъ рѣшеніяхъ. То же самое можно сказать и о членахъ земской управы, избираемой, какъ мы сейчасъ это увидимъ, уѣзднымъ собраніемъ и имѣющей своего собственнаго предсѣдателя.

Что касается губернскаго земства, оно состоитъ изъ лицъ, избранныхъ уѣздными земствами изъ числа делегатовъ, которые принимаютъ участіе въ ихъ собраніяхъ. Сверхъ того, въ губернскомъ земствѣ участвуютъ также всѣ уѣздные предводители дворянства, начальники губернскихъ управленій государственныхъ имуществъ и удѣловъ, одинъ выборный отъ епархіальнаго духовенства и члены губернской земской управы. Въ моментъ созданія всей системы мѣстнаго самоуправленія въ государственномъ совѣтѣ горячо обсуждался вопросъ о томъ, кому предсѣдательствовать въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Наиболѣе передовое мнѣніе требовало предоставленія самимъ собраніямъ права избранія своихъ предсѣдателей. Однако, это мнѣніе не встрѣтило благосклоннаго пріема среди членовъ большинства. Великіе князья и высшіе сановники сочли его опаснымъ для принципа самодержавія и высказались за прямое назначеніе. Рѣшено было довѣрить этотъ трудный и отвѣтственный постъ предводителямъ дворянства—уѣзднымъ и губернскимъ. Такимъ образомъ, благодаря перевѣшивающему голосу предсѣдателя, была усилена позиція дворянства, и безъ того уже имѣвшаго право избирать треть делегатовъ. Члены обоихъ собраній—уѣзднаго и губернскаго — не получаютъ никакого вознагражденія, но, тѣмъ не менѣе, обязаны присутствовать на засѣданіяхъ подъ угрозой штрафа въ семьдесятъ рублей, налагаемаго каждый разъ по рѣшенію двухъ третей присутствующихъ членовъ. Изъ сказаннаго видно, что въ отношеніи состава земствъ законъ благопріятствуетъ богатому классу и, особенно, дворянству. Нечего поэтому удивляться, что, по статистическимъ даннымъ, четыре пятыхъ всего числа выборныхъ принадлежатъ къ

высшему сословію. Эти данныя относятся къ 1885 и 1886 годамъ, такъ какъ болѣе новыхъ не существуетъ. Уѣздныя и губернскія земства собираются обыкновенно одинъ разъ въ году, но министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ созывать чрезвычайныя собранія для обсужденія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ вопросовъ. Сессія длится двадцать дней для губернскаго земства и лишь половину этого времени для уѣзднаго. Губернскія земскія собранія открываются и закрываются губернаторомъ, а въ уѣздныхъ собраніяхъ губернатора замѣняетъ мѣстный предводитель дворянства. Собраніе обыкновенно считается состоявшимся, если присутствуетъ половина всѣхъ членовъ. Рѣшенія принимаются простымъ большинствомъ голосовъ, при раздѣленіи послѣднихъ поровну голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Законъ 1864 года создалъ рядъ исполнительныхъ комиссій какъ въ уѣздѣ, такъ и въ губерніи. Эти комиссіи чрезвычайно похожи на исполнительныя директоріи департаментовъ, учрежденныя во Франціи революціонными законами, начиная съ закона 1791 года. Третья республика послѣ перерыва въ три четверти вѣка воскресила это учрежденіе подъ новымъ названіемъ, и слѣдуетъ сказать, что между другими образцами, новѣйшій французскій законодатель имѣлъ также въ виду и русскія губернскія и уѣздныя земскія управы. Эти управы выбираются на губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ и, въ отличіе отъ обыкновенныхъ гласныхъ, ихъ члены получаютъ опредѣленное содержаніе. Правомъ избранія пользуются только избиратели. Выборы какъ предсѣдателя, такъ и другихъ членовъ управы, утверждаются губернаторомъ.

Разсмотрѣвъ организацію уѣзднаго и губернскаго самоуправленія, посмотримъ, какой же цѣли оно отвѣчаетъ. Нужно помнить, что англо-американскіе взгляды на дѣйствительное значеніе выборныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій въ управленіи государственными дѣлами проникали въ общественное мнѣніе европейскаго континента медленно и неполно. Идея отправленія народными выборными оффиціальныхъ обязанностей, каковы полицейскія и судебныя, въ чистомъ видѣ проявляющаяся въ избраніи coroners, constables justices of peace и полицейскихъ чиновниковъ въ Америкѣ и въ Англіи—эта идея осталась болѣе или менѣе чуждой правовымъ взглядамъ тѣхъ, кто во Франціи, какъ и въ Германіи, системѣ административной централизаціи пытался противопоставить систему мѣстнаго самоуправленія. По ихъ теоріи, выборнымъ совѣтамъ и народнымъ представителямъ

слѣдовало поручить одну лишь заботу объ экономическихъ интересахъ общины, округа и провинціи.

Этимъ путемъ въ мѣстный административный механизмъ была введена нѣкоторая двойственность. Чтобы пояснить нашу мысль на примѣрѣ, достаточно будетъ напомнить тотъ фактъ, что во Франціи, при разныхъ режимахъ XIX вѣка, департаментъ и округъ въ одно и то же время управлялись двумя различными видами чиновниковъ и учрежденій: правительственными, префектомъ и совѣтомъ префектуры, и выборными — генеральный совѣтъ департамента и его исполнительная коммисія. На обязанности первыхъ лежало отправленіе различныхъ функцій правительственной власти, на вторыхъ—забота объ экономическихъ интересахъ департамента. И въ уѣздѣ мы находимъ тѣ же элементы въ лицѣ чиновника, назначаемаго министерствомъ - супрефекта, и окружного совѣта, учрежденія выборнаго. Хотя русское слово — *самоуправленіе* и является точнымъ переводомъ англійскаго термина, но лица, введшія его въ имперію, очевидно, отожествляли задачи самоуправленія съ тѣми, которыя приписывались ему на континентѣ и, особенно, во Франціи; такимъ же образомъ, функціи уѣзднаго и губернскаго земства и ихъ управъ были ограничены заботами объ экономическомъ благосостояніи. И лишь въ послѣднее время передъ глазами континентальныхъ публицистовъ открылась истинная природа англо-американскаго самоуправленія, благодаря классическому труду Гнейста. Его идеи, проникнувъ въ Россію, послужили дѣлу критики существующей системы мѣстныхъ учрежденій. До сихъ поръ, однако, этой новой тенденціи не удалось измѣнить взгляды законодателя. Ибо, вмѣсто расширенія сферы порученныхъ нашимъ земствамъ задачъ, вмѣсто призванія ихъ къ отправленію правительственныхъ фукцій—ихъ автономія была лишь урѣзана и усиленъ оффиціальный контроль, которому земства подчинены. Это не удивитъ того, кому, какъ автору, трудно примирить самодержавіе съ самоуправленіемъ. Тридцатилѣтній опытъ мѣстныхъ представительныхъ учрежденій можетъ, по мнѣнію автора, служить подтвержденіемъ той истины, что провинціальное самоуправленіе не обѣщаетъ большого прогресса, если оно не увѣнчается созданіемъ центальнаго автономнаго учрежденія, и что самодержавная бюрократія долго будетъ переносить парализующее вліяніе мѣстнаго представительства, стремящагося сохранить свою независимость и преслѣдовать задачи, отличныя отъ задачъ центральнаго правительства.

Чтобы пояснить сказанное, обратимся къ горячо обсу-

ждавшемуся вопросу объ ограниченіи принадлежащаго уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ права мѣстнаго обложенія. Такъ какъ большая часть земскихъ сборовъ уходитъ на помѣщеніе войска и на другія обще-государственныя нужды, то остается очень мало на постройку и содержаніе дорогъ, на открытіе новыхъ школъ, новыхъ больницъ и такъ далѣе. Чтобы добыть необходимыя для развитія всѣхъ этихъ учрежденій средства, губернскія и уѣздныя земства всегда настаивали и настаиваютъ до сихъ поръ на своемъ правѣ повышать мѣстные налоги и взимать ихъ не только съ земельной собственности, но и съ капитала, съ промышленности и съ торговли. Имѣя право помѣшать при посредствѣ мѣстнаго губернатора либо министра внутреннихъ дѣлъ исполненію принятыхъ земскими собраніями рѣшеній, правительство всегда пользовалось имъ, чтобы воспрепятствовать всякому проекту увеличенія расходовъ, задуманному послѣдними. Въ послѣднее же время правительство сдѣлало новый шагъ въ томъ же направленіи, ограничивъ право самообложенія извѣстнымъ процентомъ съ суммы общихъ налоговъ, уплачиваемыхъ губерніей. Министръ финансовъ встрѣтилъ уже затрудненія во взиманіи налоговъ; онъ употребляетъ, поэтому, всѣ усилія для достиженія послѣдней цѣли. Чтобы сдѣлать ее возможной, онъ желалъ бы избавить земства отъ расходовъ, связанныхъ съ открытіемъ новыхъ народныхъ школъ. Но этого нельзя было бы осуществить, не предоставивъ трудной задачи просвѣщенія сельскаго населенія духовенству. Неудивительно, что Витте является первымъ сподвижникомъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода Побѣдоносцева, желающаго надѣлить Россію церковно-приходскими школами, въ которыхъ русскіе уже имѣли печальный опытъ во времена крѣпостного права. Эти школы были бы тѣмъ болѣе вредны въ Россіи, что приходскіе священники, слишкомъ занятые, чтобы обучать дѣтей самимъ, поручили бы, вѣроятно, всѣ заботы по воспитанію неопытному усердію какого-нибудь низшаго церковнослужителя.

Но возвратимся къ функціямъ земскихъ собраній. Эти собранія имѣютъ право издавать постановленія—право, которое, какъ читатель знаетъ, всегда принадлежало автономнымъ учрежденіямъ въ Англіи и въ Америкѣ. Въ 1864 г., когда впервые было положено основаніе нынѣ существующей системы, право принятія административныхъ рѣшеній, хотя и требовавшееся нѣкоторыми членами комитета, вырабатывавшаго законъ, было отвергнуто министромъ внутреннихъ дѣлъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ни теорія, ни практика

не даютъ точныхъ правилъ относительно подобной власти регламентаціи. И только впослѣдствіи право изданія постановленій было предоставлено русскимъ органамъ самоуправленія и прежде всего всего городскимъ думамъ. Въ 1873 г. губернскія земства получили право принимать мѣры по предупрежденію пожаровъ. Съ этого момента ихъ право изданія постановленій было расширено; они могутъ въ настоящее время регламентировать общественную гигіену, народное продовольствіе, соблюденіе порядка на базарахъ и ярмаркахъ, содержаніе дорогъ, пристаней и такъ далѣе. Всѣ такія постановленія могутъ быть приняты либо одной управой, либо общимъ собраніемъ; но они не имѣютъ силы закона, если не утверждены губернаторомъ. Послѣдній даетъ свое утвержденіе послѣ совѣщанія съ новымъ присутствіемъ, учрежденнымъ по закону 1890 года и составленнымъ преимущественно изъ правительственныхъ чиновниковъ. Со способомъ его составленія мы познакомимся ниже. Утвержденіе губернатора требуется также, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о какихъ-либо экономическихъ мѣропріятіяхъ, принятыхъ губернскимъ или уѣзднымъ земствами. Менѣе важныя мѣропріятія не входятъ въ законную силу до истеченія пятнадцати дней съ момента ихъ обнародованія. Въ теченіе этого періода губернаторъ имѣетъ возможность ихъ отмѣнить.

Съ первыми покушеніями на жизнь Александра II открывается періодъ, который нельзя считать благопріятнымъ для дальнѣйшаго развитія мѣстныхъ русскихъ вольностей. Правительство начало все болѣе и болѣе подозрительно относиться ко всякой попыткѣ избирательныхъ корпусовъ, направленной къ увеличенію ихъ дѣятельности или къ объединенію ихъ усилій. Достаточно будетъ привести число отвергнутыхъ правительствомъ земскихъ ходатайствъ, чтобы дать читателю понятіе о томъ недовѣріи, съ какимъ относились въ высшихъ сферахъ къ этимъ учрежденіямъ. Отъ 1865 до 1884 года правительству было представлено 2623 документа этого рода. Изъ этихъ ходатайствъ 1341, то есть— 52%, были отвергнуты или оставлены безъ отвѣта, и съ теченіемъ времени число отрицательныхъ отвѣтовъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, все болѣе увеличивается, по крайней мѣрѣ до 1880 года. Правительство систематически сопротивлялось уменьшенію суммы обложенія, требуемаго для пользованія правомъ голосованія, и разрѣшенію совмѣстной выработки представителями нѣсколькихъ земствъ общихъ мѣръ для борьбы съ эпидеміями или въ цѣляхъ объединенія ихъ усилій по вопросамъ народнаго хозяйства. Ходатайства

земствъ о предоставленіи имъ большей свободы въ обнародованіи ихъ дебатовъ—постигъ тотъ же отрицательный результатъ. Этимъ учрежденіямъ не было также разрѣшено введеніе принципа всеобщаго обязательнаго обученія, принципа, на которомъ настаивало не одно губернское земство между 1866 и 1872 г.г. Начиная съ 1873 года правительство предпочитаетъ совсѣмъ не отвѣчать на ходатайства этого рода, что, однако, не помѣшало увеличенію числа послѣднихъ въ годы, предшествовавшіе смерти императора Александра II. Ходатайство о разрѣшеніи учителямъ различныхъ губерній собраться на конгрессъ для выработки общихъ плановъ преподаванія было встрѣчено такимъ же отказомъ, на этотъ разъ подъ тѣмъ предлогомъ, что благодаря низкому уровню просвѣщенія самихъ учителей ихъ съѣздъ можетъ имѣть лишь плохіе результаты, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Между тѣмъ многочисленныя требованія объ отмѣнѣ налоговъ на соль имѣли болѣе успѣха. Принимая эту мѣру, правительство, несомнѣнно, дѣйствовало подъ ихъ вліяніемъ.

Всякій безпристрастный наблюдатель дѣятельности земствъ признаетъ, навѣрное, что ихъ поведеніе никоимъ образомъ не можетъ оправдать подозрѣнія, будто они желали бы не подчиняться запрещенію обращаться къ правительству съ политическими требованіями. Смѣшно было бы говорить о ихъ поведеніи, какъ о нарушающемъ внутренній миръ и даже революціонномъ. Тѣмъ не менѣе, правительство Александра III обращалось съ ними, какъ если бы они въ самомъ дѣлѣ принимали хоть нѣкоторое участіе въ заговорахъ противъ существующаго государственнаго порядка. Въ силу закона 1864 года, губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ имѣли, какъ мы уже видѣли, право воспрепятствовать исполненію всякой принятой земствомъ мѣры въ теченіе опредѣленнаго періода, не превышающаго семи дней для губернатора и равнаго промежутку между двумя сессіями—для министра. Налагая свое veto, оба эти чиновника обязаны были мотивировать его. Въ то же время земство могло аппелировать въ административное отдѣленіе Сената, вѣдѣнію котораго были поручены подобные споры. Этотъ контроль показался недостаточнымъ реакціонной партіи, взявшей верхъ въ царствованіе Александра III. Она придумала мѣру, заключавшуюся не въ чемъ иномъ, какъ въ передачѣ всѣхъ разногласій между губернаторомъ и мѣстнымъ земствомъ вновь образованному и составленному изъ правительственныхъ чиновниковъ учрежденію и, въ послѣдней инстанціи, министру внутреннихъ дѣлъ. Эта

мѣра равнялась не болѣе не менѣе, какъ уничтоженію судебныхъ гарантій и низведенію органовъ самоуправленія въ разрядъ подчиненныхъ агентовъ.

Къ счастью, однако, государственный совѣтъ, въ которомъ еще находились нѣкоторые государственные дѣятели временъ Александра II, не пожелали пойти такъ далеко. Судебный контроль Сената былъ сохраненъ для всѣхъ случаевъ, когда рѣшеніе губернатора считалось земствомъ незаконнымъ. Въ прочихъ случаяхъ окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса было поручено Комитету министровъ, а не одному только министру внутреннихъ дѣлъ. Въ то же время, однако, была образована специальная коммиссія изъ вице губернатора и двухъ другихъ правительственныхъ чиновниковъ съ одной стороны и губернскаго предводителя дворянства съ двумя членами мѣстныхъ выборныхъ учрежденій—съ другой. Это новое учрежденіе должно было давать совѣтъ губернатору во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній не желалъ воспользоваться своимъ правомъ veto подъ своей личной отвѣтственностью. Въ случаѣ несогласія губернатора съ рѣшеніемъ большинства вышеуказанныхъ лицъ онъ могъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ, который и постановлялъ окончательное рѣшеніе послѣ совѣщанія съ остальными министрами. И лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда сопротивленіе губернатора имѣло своимъ основаніемъ предполагаемую незаконность принятой земствомъ мѣры, — послѣднее слово было предоставлено Сенату.

Изъ сказаннаго легко можно видѣть, что дѣятельность органовъ самоуправленія была въ значительной степени ослаблена. И не приходится, поэтому, особенно удивляться, когда мы слышимъ, что наиболѣе просвѣщенная часть мѣстной аристократіи не стремится съ энтузіазмомъ къ скромной и безвозмездной службѣ въ рядахъ уѣздныхъ или губернскихъ гласныхъ. Частыя жалобы на абсентеизмъ наиболѣе богатаго класса крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ вполнѣ, конечно, основательны, но мы не сможемъ ему удивляться, если примемъ во вниманіе, что этому классу людей не предоставлено ни малѣйшаго дѣйствительнаго вліянія ни въ сельскихъ, ни въ уѣздныхъ, ни въ губернскихъ дѣлахъ. Мы видѣли уже, что сельское и волостное самоуправленіе ограничено однимъ лишь классомъ крестьянъ. И мы только что показали, что въ управленіи уѣздомъ и губерніей участіе выборныхъ учрежденій становится все болѣе и болѣе второстепеннымъ. Въ царствованіе Александра II крупные землевладѣльцы охотно исполняли обязанности мировыхъ

судей, но со времени ближайшаго преемника Александра этотъ институтъ сохранился лишь въ городахъ. Правда, вмѣсто этихъ судей былъ учрежденъ новый родъ чиновниковъ—земскіе начальники,—соединяющихъ исполнительныя и судебныя функціи; эти лица, обыкновенно—дворяне, пользуются дискреціонной властью въ предѣлахъ волости. Они имѣютъ право не только присутствовать на волостныхъ сходахъ, но также и утверждать или отмѣнять ихъ постановленія и даже налагать тѣлесныя наказанія на крестьянъ-недоимщиковъ. Не удивительно, поэтому, что большая часть крупныхъ мѣстныхъ собственниковъ не высказываетъ никой охоты къ занятію подобныхъ должностей, хотя онѣ и хорошо оплачиваются и открываютъ для принимающихъ ихъ блестящую гражданскую карьеру.

Несмотря на всѣ причины, препятствовавшія полному развитію мѣстнаго самоуправленія въ Россіи, услуги, оказанныя послѣдними въ дѣлѣ улучшенія условій соціальнаго быта, немаловажны. Съ чрезвычайно ограниченными средствами выборныя учрежденія сдѣлали весьма много для созданія и расширенія системы народныхъ школъ и, если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ Московской, три четверти или даже четыре пятыхъ молодого поколѣнія не остаются болѣе неграмотными, мы обязаны этимъ земству. Эти же учрежденія оказали существенную услугу центральному правительству серьезнымъ изученіемъ мѣстной статистики. Можно утверждать, что въ этомъ отношеніи Россія не отстала ни отъ какой европейской державы, хотя созданіе и содержаніе контингента лицъ, достаточно подготовленныхъ для этого рода занятій, потребовало крупныхъ жертвъ. Если земства не оказали такихъ же услугъ въ дѣлѣ развитія системы большихъ дорогъ или учрежденія сельскихъ больницъ, то причины этого слѣдуетъ искать въ обширности губерній и въ скудости земскаго бюджета. Другой услугой, оказанной органами самоуправленія, было введеніе обязательнаго страхованія отъ пожаровъ, чрезвычайно важнаго въ странѣ, гдѣ крестьянскія жилища строятся изъ дерева и покрываются соломой. Все сказанное о мѣстномъ самоуправленіи даетъ намъ право на замѣчаніе, что земства вполнѣ заслужили народное довѣріе и что въ будущемъ при болѣе либеральной политикѣ они могутъ стать важнымъ факторомъ въ дѣлѣ матеріальнаго и моральнаго прогресса Россіи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ общественное мнѣніе было такъ возбуждено различными слухами о намѣреніи правительства ограничить сферу дѣятельности уѣздныхъ и губерн-

скихъ земствъ, что законъ 12 іюля 1900 года, оправдавшій эти слухи не въ полной мѣрѣ, не вызвалъ всего того неудовольствія, котораго, казалось, слѣдовало бы ожидать. Государственный совѣтъ энергично возсталъ противъ всякой мысли объ уничтоженіи земствъ, удовлетворивъ, однако, ходатайство министра финансовъ объ ограниченіи земскаго права на самообложеніе. Главное предписаніе новаго закона состоитъ въ лишеніи земствъ права вновь облагать земельную собственность болѣе чѣмъ на 3% въ годъ. Одновременно земства были лишены права принимать мѣры для обезпеченія населенію продовольствія во время голода. Послѣднее предписаніе имѣетъ временный характеръ, такъ какъ для урегулированія этой области внутренняго управленія будетъ изданъ спеціальный законъ. Рядомъ съ этими ограниченіями, законъ 12 іюля въ торжественнѣйшемъ разъясненіи содержитъ увѣреніе, что государственный совѣтъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія создать большую централизацію въ завѣдываніи экономическими нуждами губерній и уѣздовъ. Пусть такъ. Выразимъ же увѣренность, что, разрѣшивъ земствамъ согласно съ давно уже обнаруженнымъ ими желаніемъ облагать налогомъ движимое имущество и капиталъ, правительство уменьшитъ въ будущемъ то зло, которое новый законъ причинилъ ежегодному бюджету русскихъ земствъ, а вслѣдствіе этого косвенно и ихъ возможности, съ финансовой точки зрѣнія, улучшить различныя отрасли управленія.

Кончая бѣглый очеркъ мѣстнаго самоуправленія, авторъ желалъ бы обратить вниманіе на экономическое хозяйство въ русскихъ городахъ и мѣстечкахъ при помощи *думъ* и управъ. Русское городское самоуправленіе насчитываетъ не болѣе тридцати лѣтъ своего существованія. Хотя, какъ мы видѣли, Екатерина II пожаловала русскимъ городамъ и мѣстечкамъ въ 1785 году особую хартію, въ силу которой были созданы два рода совѣтовъ—общая дума и дума шестигласная, родъ исполнительной комиссіи, но страхъ передъ революціей въ родѣ французской и особенно передъ ужасными дѣяніями, подобными тѣмъ, которыми ознаменовалась парижская коммуна 1793 года, заставилъ Павла I положить конецъ существованію новообразованныхъ муниципалитетовъ. Хотя и возстановленные Александромъ I, они были вскорѣ отданы подъ столь строгій надзоръ губернатора и различныхъ вѣдомствъ отъ губернскаго присутствія и управленія государственныхъ имуществъ вплоть до строительнаго вѣдомства, что городская дума вскорѣ почти прекратила свои собранія. Административная работа, связанная съ управле-

ніемъ экономическими интересами города, выполнялась обыкновенно одной исполнительной комиссіей — шестигласной думой.

Необходимость большей назависимости въ управленіи городскимъ хозяйствомъ давала себя чувствовать наиболѣе интенсивно въ большихъ городахъ и, особенно, въ столицѣ. Поэтому въ 1846 году былъ изданъ новый законъ, въ силу котораго всѣ классы жителей, владѣвшихъ земельнымъ имуществомъ и платившихъ государственные налоги, получили одинаковую возможность избирать гласныхъ въ общую думу. Такимъ образомъ, къ участію въ городскомъ самоуправленіи были допущены не только плательщики податей, какъ купцы и ремесленники, но и члены привилегированныхъ сословій, владѣющіе въ городѣ землею, какъ дворяне, чиновники и духовенство. Чтобы обезпечить присутствіе въ думѣ дворянъ, новый законъ признавалъ за ними право избирать своихъ делегатовъ на особыхъ собраніяхъ. Общая столичная дума состояла изъ шестисотъ членовъ; избранная ею изъ своей среды исполнительная комиссія получала имя создавшаго ее учрежденія — *думы*. Эта реформа строго ограничилась однимъ Петербургомъ, но она заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, нашего вниманія, потому что ея принципы, какъ и вызванная ею критика, много послужили при выработкѣ общей системы городского самоуправленія дѣйствующей еще и теперь.

Эта система создана была закономъ 1870 года. Какъ и другія реформы, ознаменовавшія царствованіе Александра II, муниципальный законъ 1870 года былъ дѣломъ спеціальной комиссіи, составленной изъ государственныхъ людей и изъ законовѣдовъ подъ предсѣдательствомъ чрезвычайно талантливаго человѣка, директора департамента государственной экономіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, — Шумахера. Круги, наиболѣе заинтересованные въ изданіи новаго закона, не были приглашены присылать делегатовъ, какъ это имѣло мѣсто при изданіи закона объ освобожденіи крѣпостныхъ, но существовавшія въ то время городскія управы были уполномочены посылать свою критику на новый проектъ. Къ сожалѣнію, на эту критику не всегда обращалось то вниманіе, котораго она заслуживала. Пунктъ наибольшей важности заключался въ опредѣленіи, какимъ классамъ слѣдовало предоставить право на участіе въ городскомъ самоуправленіи. Екатерина II, пропитанная идеями такъ сказать просвѣщенной философіи, заявила себя противницей лишенія избирательныхъ правъ такихъ лицъ, которыя хотя и не владѣли избирательнымъ цензомъ, но тѣмъ не менѣе, благо-

даря своимъ талантамъ, могли бы быть чрезвычайно полезны въ управленіи городскими дѣлами. Поэтому въ законѣ 1785 года мы находимъ оговорку въ пользу свободныхъ профессій; лица, имѣвшія университетскую степень, архитекторы, художники скульпторы и композиторы владѣли правомъ голосованія и избирательными правами. Позже, когда Николаемъ Милютинымъ, будущимъ авторомъ общаго проекта закона объ эмансипаціи, былъ выработанъ городовой уставъ С.-Петербурга, артисты и лица съ университетскимъ образованіемъ были исключены на томъ разумномъ основаніи, что руководство экономическими интересами болѣе понятно плательщикамъ податей и собственникамъ.

Но передъ творцами закона 1870 года всталъ вопросъ болѣе важный. Надлежало рѣшить, должны ли пользоваться избирательными правами квартиронаниматели, снимающіе цѣлый домъ или часть его. Ибо въ маленькихъ городахъ съ населеніемъ, меньшимъ подчасъ, нежели въ сосѣдней деревнѣ, владѣніе небольшимъ и заброшеннымъ домикомъ, наемная плата за который недостигала ста рублей въ годъ, давало право голосованія, тогда какъ въ томъ же самомъ городѣ квартиронаниматель, платящій за наемъ сумму, въ шесть разъ большую указанной, не пользуется подобнымъ преимуществомъ. Не одно городское управленіе сознавало эту кричащую несправедливость и громадный вредъ, котораго не могло не причинить русскимъ городамъ и мѣстечкамъ подобное положеніе вещей. Критикуя новый законъ, они добивались такой реформы: распространить избирательныя права на всѣхъ лицъ, каковъ бы ни былъ ихъ цензъ. Многіе законодатели желали даже освобожденія отъ всякихъ ограниченій лицъ съ университетскимъ образованіемъ. А нѣкоторые настаивали на необходимости предоставить самимъ городскимъ учрежденіямъ право надѣлять избирательнымъ цензомъ, кого имъ угодно; но основной вопросъ о допущеніи арендаторовъ и квартиронанимателей былъ оставленъ въ забвеніи не безъ скрытаго, однако, намѣренія сохранить въ рукахъ торговаго класса главное вліяніе въ городскихъ дѣлахъ. Одно лицо, долгіе годы служившее по городскимъ выборамъ въ Москвѣ, говорило автору, что его усиліе ввести городской налогъ на квартиры съ цѣлью предоставленія избирательныхъ правъ всѣмъ его плательщикомъ натолкнулось на отказъ большинства московской думы. Нечего поэтому удивляться, что идея о расширеніи условій избирательнаго ценза включеніемъ въ число избирателей и квартирохозяевъ было выдвинута не столько городскими управленіями, сколько нѣкоторыми чиновниками министерства

внутреннихъ дѣлъ, которымъ было поручено разсмотрѣніе проекта новаго закона. Хорошо извѣстный русскій авторитетъ въ вопросахъ статистики, г. П. Семеновъ, долго и тщетно настаивалъ на выгодахъ отъ предоставленія нанимателю дома такихъ же избирательныхъ правъ, какими пользовались плательщики налоговъ и городскіе землевладѣльцы: онъ ясно показалъ, что благодаря этому въ городскомъ самоуправленіи примутъ участіе образованныя слои населенія. Ея усилія не увѣнчались успѣхомъ, и законъ 1870 года предоставилъ избирательное право однимъ лишь собственникамъ и плательщикамъ налоговъ.

Въ каждомъ городѣ этотъ классъ долженъ былъ образовать три различныхъ собранія: къ первому принадлежали тѣ, кто платилъ наибольшую сумму налоговъ, а къ послѣднему—наименьшую. Границы каждаго разряда опредѣлялись городской управой. Три этихъ собранія назначали одинаковое число гласныхъ. Однако, такая система признана была плохой, и новый законъ 1892 года ввелъ территоріальныя дѣленія и въ каждомъ изъ нихъ образовалъ особое избирательное собраніе. Одна странная статья этого новаго закона, никогда, впрочемъ, не примѣняющаяся, требуетъ, чтобы въ каждомъ собраніи избирались лишь такія лица, которыя живутъ въ предѣлахъ даннаго территоріальнаго дѣленія. Критикуя эту статью, профессоръ Коркуновъ справедливо замѣчаетъ, что территоріальныя дѣленія одного и того же города не составляютъ съ точки зрѣнія выборовъ различныхъ округовъ со своими особыми интересами. Нѣтъ ничего такого, что способно было бы помѣшать избранію въ томъ или иномъ участкѣ лица, платящаго налоги въ сосѣднемъ участкѣ. Въ силу закона 1895 года избирательное право отнято у плательщиковъ податей и предоставлено однимъ лишь владѣльцамъ недвижимаго имущества и тѣмъ, кто имѣетъ пожизненную долю въ такомъ имуществѣ Цѣнность имущества, дающаго право голосованія въ столицахъ, должна быть не ниже трехъ тысячъ рублей, обложенныхъ городскимъ налогомъ. Въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ сто тысячъ душъ, цѣнность имущества равна полутора тысячамъ рублей, также обложенныхъ налогомъ, и въ очень маленькихъ городахъ имущество избирателя не должно быть ниже трехъ сотъ рублей. Избирательное право предоставлено также владѣльцамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, ежегодно платящимъ въ казну сумму денегъ, достаточную для зачисленія ихъ въ купцы перваго разряда или, какъ мы говорили, злоупотребляя хорошо извѣстнымъ средневѣковымъ терминомъ, *въ купцы первой гильдіи.* Таково, по

крайней мѣрѣ, правило относительно обѣхъ столицъ; въ остальныхъ же городахъ избирательнымъ правомъ пользуются также и купцы второй гильдіи. Нѣкоторыя лица, а именно—не платившія городскихъ налоговъ болѣе шести мѣсяцевъ и занимающіяся продажею спиртныхъ напитковъ въ трактирахъ, этого права лишены.

Число гласныхъ въ Думѣ зависитъ отъ значительности города. Въ Петербургѣ и Москвѣ ихъ—сто шестьдесятъ; въ самыхъ маленькихъ городахъ—не менѣе двадцати. Каждая городская дума имѣетъ свой исполнительный комитетъ, называющійся управой. По закону число членовъ управы зависитъ отъ числа думскихъ гласныхъ. Обыкновенно ихъ не болѣе трехъ, но въ городахъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ душъ, ихъ четыре или пять; въ обѣихъ столицахъ управа состоитъ изъ шести членовъ, не считая предсѣдателя. Чрезвычайно важенъ былъ вопросъ о томъ, кому поручить предсѣдательство въ управѣ: тому же лицу, которое предсѣдательствуетъ на общихъ думскихъ засѣданіяхъ, или какому-нибудь другому. Болѣе разумнымъ казалось бы раздѣленіе этихъ двухъ обязанностей, ибо управа отвѣтственна передъ думой и ея предсѣдателемъ, а никакая дѣйствительная отвѣтственность не можетъ существовать тамъ, гдѣ одно и то же лицо является одновременно и судьей, и отвѣтчикомъ. Но законодатель счелъ полезнымъ соединить обѣ эти функціи въ рукахъ одного лица, а именно—городского головы. Сторонники подобной системы выразили мнѣніе, что должностное лицо, поставленное непосредственно во главѣ управы, пріобрѣтетъ, по всей вѣроятности, нѣкоторую независимость по отношенію къ центральному правительству, чего нельзя ожидать со стороны городского головы, представляющаго одновременно интересы и города, и правительства. Это возможно, но съ другой стороны несомнѣнно также и то, что, благодаря соединенію въ его рукахъ обоихъ предсѣдательствъ, городской голова становится всемогущъ и безотвѣтственъ. Другой, не менѣе важный, вопросъ заключается въ способѣ назначенія головы. Если такой передовой на пути политическихъ вольностей народъ, какъ французы, не рѣшается поставить во главѣ муниципальнаго совѣта столицы выборное должностное лицо, то нечего удивляться, что законъ 1892 года изъялъ обѣ столицы изъ принадлежащаго всѣмъ остальнымъ русскимъ городамъ права избирать своихъ головъ на думскомъ засѣданіи. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ дума представляетъ двухъ кандидатовъ на постъ городского головы, изъ которыхъ правительство выбираетъ одного.

Члены управы не оставляютъ своихъ мѣстъ одновременно; новоизбранная дума назначаетъ только половину членовъ управы, остальные же остаются на своемъ посту до слѣдующихъ городскихъ выборовъ. Въ объясненіе этой практики приводится то соображеніе, что она обезпечиваетъ большую послѣдовательность политики, преслѣдуемой городскимъ управленіемъ. Какъ и земство, городская дума отдана подъ надзоръ губернатора. Государственный совѣтъ счелъ необходимымъ ограничить право вмѣшательства со стороны губернатора, отдавъ спорные вопросы на разрѣшеніе комиссіи изъ правительственныхъ чиновниковъ и представителей отъ города и земства, составляющихъ особое присутствіе, чрезвычайно похожее на то, которое разрѣшаетъ разногласія между губернаторомъ и земствомъ.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь функціи органовъ городского самоуправленія. Онѣ болѣе или менѣе сходны съ аналогичными функціями въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но одинъ пунктъ слѣдуетъ отмѣтить: это — чрезвычайное расширеніе власти губернатора съ цѣлью предоставить ему возможность воспрепятствовать исполненію принятаго думой или управой рѣшенія не только въ случаѣ его незаконности, но даже и тогда, если губорнаторъ сочтетъ его не соотвѣтствующимъ общему благу. Нѣкоторые изъ нашихъ главныхъ авторитетовъ въ вопросахъ государственнаго права и между ними профессоръ Коркуновъ—выражаютъ пожеланіе, чтобы спорные вопросы, по которымъ органы городского самоуправленія и мѣстный правительственный агентъ, то есть губернаторъ, не могутъ придти къ соглашенію, разрѣшались не однимъ только министромъ внутреннихъ дѣлъ, а комитетомъ министровъ.

Большей симпатіи заслуживаетъ мысль, высказанная гласнымъ петербургской думы Лихачевымъ; по его мнѣнію, вопросы о законности или незаконности той или иной принятой думой или управой мѣры не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены административной властью. А такъ какъ сенатъ является единственнымъ учрежденіемъ, могущимъ произнести приговоръ о законности или незаконности какого бы то ни было акта, то ему и надлежитъ стать главнымъ судьею.

Тридцать лѣтъ существованія городского самоуправленія не составляютъ достаточно долгаго періода, чтобы можно было произнесть окончательное сужденіе о его полезности. Главное замѣчаніе противъ него состоитъ въ роли, что оно отдало города во власть богатаго класса—плутократіи. Такой результатъ легко можно было предвидѣть, принявъ во вни-

маніе характеръ закона объ избирательномъ цензѣ. Такъ какъ къ избирательному праву допущены лишь тѣ, кто занимаетъ домъ или владѣетъ земельнымъ имуществомъ, и изъ него исключены мелкіе квартиронаниматели, то нѣтъ ничего удивительнаго, что крупные купцы получили перевѣсъ въ управленіи городскими дѣлами. Русская печать весьма часто настаиваетъ на необходимости допущенія въ думу лицъ съ высшимъ образованіемъ и принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ. Объ этихъ лицахъ въ Россіи обыкновенно говорятъ, какъ объ особомъ классѣ—интеллигенціи. Но если мы не желаемъ довольствоваться словами и попытаемся вскрыть ихъ истинный смыслъ, то передъ нами встанетъ такая дилемма: отдать управленіе городомъ въ руки адвокатовъ, журналистовъ и людей, хотя и съ высшимъ образованіемъ, но не принадлежащихъ ни къ какой опредѣленной профессіи, или въ руки людей практическихъ, опытныхъ въ дѣлахъ и уже управлявшихъ за свой собственный счетъ весьма крупными интересами. Мы вполнѣ увѣрены, что этотъ классъ людей былъ бы болѣе способенъ къ хозяйственному руководству матеріальными интересами города; да строго говоря, и нельзя утверждать, будто въ немъ нѣтъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Наши университеты полны молодыхъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ третьяго сословія. Чрезвычайно выгодно поручить управленіе городомъ членамъ третьяго сословія и этимъ путемъ заинтересовать ихъ въ его благосостояніи. Не простая случайность тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ великолѣпныя, большія больницы, музеи, музыкальныя консерваторіи, картинныя галереи, ночлежные пріюты, дешевыя студенческія общежитія и, въ нѣсколько меньшей мѣрѣ, общественныя библіотеки и техническія школы были основаны на капиталы, пожертвованные богатыми купцами. Этотъ фактъ самъ по себѣ показываетъ, что торгово-промышленные классы начинаютъ интересоваться благосостояніемъ городовъ и что они охотно способствуютъ ему своими дарами.

Было бы, конечно, желательно видѣть и рабочихъ принимающими соотвѣтствующее участіе въ управленіи мѣстными дѣлами, но, какъ всѣмъ извѣстно, избирательныя ограниченія ни въ одной области—по крайней мѣрѣ въ Европѣ—не бываютъ такъ устойчивы, какъ въ области мѣстнаго самоуправленія. Гораздо легче дается избирательное право въ законодательныхъ выборахъ, нежели въ случаѣ выборовъ въ окружный или муниципальный совѣтъ. Всѣ ходатайства этого рода встрѣчаютъ систематическій отказъ подъ тѣмъ

старымъ и ложнымъ предлогомъ, будто одни лишь собственники заинтересованы въ благосостоянiи губернiи, уѣзда или города. Но если такъ, если въ данный моментъ мы лишены возможности—и при томъ не только въ Россiи, но и повсюду—впустить рабочiй классъ въ крѣпость мѣстныхъ интересовъ, является ли это достаточнымъ основанiемъ, чтобы широко растворить двери для нашествiя адвокатовъ и журналистовъ? Дѣйствительно ли слѣдуетъ разсматривать ихъ, какъ выразителей нуждъ низшихъ классовъ?

Какъ бы то ни было, русское городское самоуправленiе, несмотря на ограниченность своего бюджета, который, впрочемъ, непрерывно увеличивается, оказало значительныя услуги учрежденiемъ среднихъ школъ въ такихъ размѣрахъ, что по крайней мѣрѣ въ обѣихъ столицахъ—вопросъ объ обязательномъ обученiи могъ бы быть серьезно подвинуть впередъ. И лишь недостатокъ въ средствахъ и огромные расходы, въ силу климатическихъ условiй, на содержанiе и починку городскихъ улицъ препятствуетъ маленькимъ муниципалитетамъ больше, чѣмъ столицамъ, обратить вниманiе на освѣщенiе, чистоту и украшенiе ихъ городовъ. Безполезно упрекать ихъ въ расходахъ на постройку обширныхъ и элегантныхъ зданiй думы. До извѣстной степени это вопросъ гордости—имѣть рядомъ съ дворцомъ, въ которомъ обыкновенно собираются дворяне для разрѣшенiя своихъ нуждъ, не менѣе блестящее зданiе для управленiя городскими дѣлами. Никогда никакая буржуазiя не могла устоять передъ подобнымъ искушенiемъ, и великолѣпныя ратуши, которыми покрыты Францiя, Германiя и Бельгiя, едва ли способны доказать обратное.

ГЛАВА IX.

Реформы Александра II.— Реформы—судебная, военная, университетская и печати.—Политическія вольности русскаго подданнаго.

Преобразованіе всего судебнаго дѣла Россіи обыкновенно отмѣчается, какъ третья изъ великихъ реформъ, проведенныхъ въ царствованіе Александра II. Она заслуживаетъ, конечно, меньшаго вниманія со стороны иностранной аудиторіи, ибо она менѣе оригинальна, чѣмъ освобожденіе милліоновъ крестьянъ съ сохраненіемъ ихъ земли и ихъ системы общиннаго владѣнія. Въ главныхъ чертахъ реформа 1864 года, несомнѣнно, слѣдовала иностраннымъ образцамъ и, преимущественно, англійскому и французскому. Такъ, въ Англіи русскіе законодатели нашли систему мировыхъ судей, разбирающихъ мелкія дѣла—единолично въ первой инстанціи и коллегіально во второй; въ Англіи же мы найдемъ и образецъ, изъ котораго заимствованъ былъ институтъ присяжныхъ засѣдателей, введенный въ русское уголовное судопроизводство закономъ 1864 года. Съ другой стороны, принципъ болѣе или менѣе строгаго раздѣленія властей судебной и исполнительной, введеніе единаго для всей имперіи кассаціоннаго суда и ограниченіе права апелляціи спеціальными судами вполнѣ, повидимому, соотвѣтсвуютъ той практикѣ, которая установилась во Франціи еще въ эпоху великой революціи, еще до изданія знаменитыхъ кодексовъ Наполеона I. Система провѣрки предварительнаго допроса обвиняемаго, произведеннаго судебными слѣдователями, новыми допросами въ присутствіи судей и присяжныхъ засѣдателей; роль, которую играютъ въ этомъ допросѣ государственный обвинитель и адвокатъ, какъ и ихъ состязательныя рѣчи въ обвиненіе и въ защиту подсудимаго; способъ заключенія преній путемъ резюме предсѣдателя, обращеннаго къ присяжнымъ засѣдателямъ,—всѣ эти и многія другія черты кажутся непосредственно заимствованными изъ нынѣшней французской судебной практики.

Но если мы не ограничимъ своего анализа внѣшними чертами, мы увидимъ, что законовѣды, на долю которыхъ выпала трудная задача реорганизаціи русскихъ судовъ и русскаго судопроизводства, приняли въ соображеніе не столько судебныя учрежденія и пріемы какой-либо отдѣльной страны, сколько общіе принципы, господствующіе у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Приведемъ примѣръ. Всѣ, конечно, знаютъ, что, подражая Англіи и ея суду присяжныхъ, государства европейскаго континента, начиная съ Франціи, отказались распространить компетенцію этого института на гражданскія дѣла; причиной этого былъ техническій, по преимуществу, характеръ вопросовъ, относящихся къ праву имущественному или личному и къ договорному праву. Также точно былъ отброшенъ институтъ большого жюри, рѣшающаго вопросъ о преданіи суду, и практика опроса двѣнадцати лицъ, назначеніемъ которыхъ является произнесеніе вердикта какъ по вопросамъ факта, такъ и по вопросамъ права. Такимъ образомъ, создалась на континентѣ судебная теорія и практика, имѣющая въ англійскихъ учрежденіяхъ лишь свои первые корни и расходящаяся съ ними не только въ деталяхъ, но и въ общихъ принципахъ этой именно системы, поскольку она была выражена въ трудахъ нѣмецкихъ авторитетовъ, особенно Миттермейера, и которой послѣдовали авторы закона 1864 года, опредѣляя характеръ отношеній между судьей и присяжными.

Возьмемъ другой примѣръ, а именно—организацію корпорацій присяжныхъ повѣренныхъ. Ясно, что онѣ были созданы по образцу уже существовавшихъ во Франціи учрежденій этого рода; однако мы находимъ въ нихъ немаловажныя и не всегда въ пользу русскихъ учрежденій отличія.

Такъ, Россія уничтожила институтъ „avoues„ (присяжныхъ стряпчихъ) и поставила, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу истца и его адвоката. Оказалась ли выгодной для истца экономія расходовъ, шедшихъ на вознагражденіе этого третьяго лица за его посредничество? Мы склонны думать, что это оставляетъ тяжущагося совершенно беззащитнымъ по отношенію къ его адвокату и позволяетъ послѣднему вынуждать у него какую угодно сумму денегъ.

Еще одинъ примѣръ—и на этотъ разъ въ пользу русской системы. Общественное мнѣніе не позволило прокурорамъ стать по отношенію къ подсудимому въ такое положеніе, какое, къ сожалѣнію, слишкомъ склоненъ занимать прокурорскій надзоръ во Франціи. Вмѣсто того, чтобы поддерживать прокурора, какъ это обыкновенно происходитъ во Франціи, предсѣдатель суда въ Россіи долженъ выразить свое личное

мнѣніе и показать присяжнымъ какъ тѣ факты, которые подтверждаютъ обвиненіе, такъ и тѣ, которые говорятъ въ пользу подсудимаго. Нѣкоторые изъ лучшихъ предсѣдателей такъ добросовѣстно понимали свой долгъ въ этомъ отношеніи, что объясняли присяжнымъ душевное состояніе человѣка, который, какъ Вѣра Засуличъ, мстилъ злоупотребившему своей дискреціонной властью чиновнику, нанесшему оскорбленіе лицу, совершенно ей незнакомому.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что судебная система и судопроизводство не являются рабскимъ подражаніемъ англійскому и французскому образцамъ, но скорѣе родомъ примѣненія къ русскимъ условіямъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые медленно развивались теоріей и практикой наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ. Не совсѣмъ такъ смотритъ на законъ 1864 года реакціонная партія. Она говоритъ о немъ обыкновенно, какъ о наиболѣе несчастной изъ всѣхъ реформъ царствованія Александра II, ибо она совершенно уничтожила всю прежде существовавшую систему. Но дѣло въ томъ, что и сами дѣятели реформы были весьма далеки отъ желанія такого результата; если же они пришли къ нему, если они опрокинули всю дѣйствовавшую судебную систему, то причиной этого была невозможность сохранить малѣйшую ея часть, такъ какъ все въ ней рѣзко противорѣчило новой системѣ гласнаго и состязательнаго судопроизводства. Грубой ошибкой было бы считать отмѣненную систему строго національной по своему происхожденію; как и новая система, она пришла къ намъ изъ Европы, гдѣ инквизиторское судопроизводство, составлявшее ея главную черту, было въ употребленіи уже много вѣковъ. Но уничтоживъ принципъ, по которому судебная истина можетъ быть установлена нѣкоторымъ путемъ формальныхъ уликъ, реформаторы по необходимости пришли къ тому заключенію, что они не могутъ не ввести въ Россіи суда присяжныхъ — единственнаго суда, позволяющаго разсматривать приговоръ, какъ выраженіе внутренняго убѣжденія, продиктованнаго совѣстью, а не формальными уликами.

Одно изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ введенію суда присяжныхъ, Ровинскій, очень хорошо объясняетъ, какимъ образомъ, несмотря на всю затруднительность предоставленія недавно освобожденнымъ крѣпостнымъ такой довольно широкой власти, какъ судъ, иной разъ надъ бывшими его хозяевами, члены комитета, выработавшаго новый законъ, высказались въ пользу института присяжныхъ засѣдателей. Въ особой запискѣ Ровинскій чрезвычайно искусно критикуетъ различныя замѣчанія, которыя могли быть сдѣланы

на подобную реформу—мнимая снисходительность, съ какою, полагають, русскій народъ относится къ преступнику, отсутствіе какого бы то ни было яснаго представленія о правѣ, обязанности и законѣ, приписываемое крестьянамъ, и небольшое среди нихъ число людей съ достаточнымъ образованіемъ. Онъ показываетъ, что взгляды эти опровергнуты отчасти самими фактами, напримѣръ, крестьянскимъ самосудомъ надъ захваченными ворами, въ виду чего власти бываютъ иногда вынуждены брать послѣднихъ подъ свою охрану. Онъ настаиваетъ, равнымъ образомъ, на той истинѣ, что неграмотность не всегда является доказательствомъ полной неспособности къ сужденію и что учрежденія способствуютъ образованію въ народѣ правовыхъ воззрѣній и закрѣпленію въ его сознаніи понятій о справедливомъ и несправедливомъ.

Изъ обвиненій, направляемыхъ обыкновенно противъ приговоровъ крестьянъ, не слѣдуетъ дѣлать выводъ, будто ожиданія тѣхъ, кому мы обязаны введеніемъ суда присяжныхъ, оказались обманутыми. Самое тяжкое изъ этихъ обвиненій заключается въ слѣдующемъ: крестьяне оправдываютъ людей, преступленіе которыхъ съ очевидностью установлена фактами. Но случаи подобнаго рода имѣли мѣсто и въ Англіи и на континентѣ всякій разъ, когда возмездіе казалось преувеличеннымъ и присяжные не находили иного способа для протеста противъ его суровости и даже жестокости. Это замѣчаніе сдѣлано было болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ Бенжаменомъ Констаномъ (Constant) относительно французскихъ присяжныхъ и такъ же хорошо можетъ быть примѣнено и къ русскимъ. Да и какъ могло бы быть иначе въ странѣ, гдѣ „совращеніе“ кого-либо изъ православія въ какую-нибудь другую религію считается преступленіемъ и карается долгими годами ссылки въ Сибирь, или—чтобы дать другой примѣръ—гдѣ простая попытка устроить стачку считается наказуемымъ дѣяніемъ?

Было бы чрезвычайно интересно, въ цѣляхъ изученія психологіи русскаго народа, составить родъ статистической таблицы, показывающей, какъ относились присяжные къ различнымъ преступленіямъ и проступкамъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ прямыхъ указаній подобнаго рода и мы можемъ трактовать этотъ вопросъ преимущественно эмпирически, показывая, напримѣръ, чрезвычайную жестокость, характеризующую народное правосудіе и вердикты присяжныхъ всякій разъ, когда они имѣютъ дѣло съ кражей лошади, быка или какого-нибудь другого предмета, важнаго въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, крестьянинъ обыкновенно бываетъ снисходителенъ, когда дѣло идетъ о преступ-

ленiяхъ, совершенныхъ подъ влiянiемъ страстей, какъ, напримѣръ, убiйство невѣрной жены и особенно жестокое обращенiе съ нею, даже повлекшее за собою смерть. Вполнѣ понятно, что проступки, заключающiеся въ оскорбленiи на словахъ или въ письмѣ, не имѣютъ въ ихъ глазахъ большого значенiя, если только эти оскорбленiя не были направлены противъ религiи и священныхъ предметовъ, каковы иконы, кресты и т. д.

Несомнѣнно, что въ настоящее время, когда низшее образованiе становится болѣе или менѣе всеобщимъ, сужденiя русскихъ могутъ въ значительной мѣрѣ измѣниться. Нѣкоторое измѣненiе уже сказалось слѣдующимъ образомъ: недавно распространявшiеся анекдоты о томъ, какъ деревенскiе судьи принимали за вопiющее злоупотребленiе рѣчь адвоката въ защиту явно виновнаго человѣка или прыгали изъ оконъ, чтобы избѣжать необходимости постановленiя приговора,—стали достоянiемъ прошлаго. Мы надѣемся, что то же постепенно произойдетъ и съ народными предразсудками о колдовствѣ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ мы слышали объ оправданiи одного убiйцы на томъ основанiи, что его жертву всѣ считали колдуньей; этотъ случай произошелъ въ 1879 году въ городѣ Тихвинѣ.

Способъ назначенiя присяжныхъ засѣдателей въ Россiи препятствуетъ возможности какого бы то ни было прямого влiянiя партiйныхъ чувствъ или мѣстныхъ связей. Общiй списокъ присяжныхъ составляется земскимъ собранiемъ или, точнѣе, назначенными имъ спецiальными комиссiями. Присяжнымъ засѣдателемъ можетъ быть не всякiй; чтобы пользоваться этой привилегiей, необходимо быть поземельнымъ собственникомъ и владѣть не менѣе ста десятинъ земли или недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ пять тысячъ рублей. Таковы требованiя закона въ наиболѣе населенныхъ губернiяхъ Россiи; что же касается остальныхъ, то имѣются уѣзды, гдѣ владѣнiе имуществомъ цѣнностью въ пятьсотъ рублей признается достаточнымъ. Что касается имущества движимаго, то въ обѣихъ столицахъ, вмѣсто недвижимой собственности, требуется пользованiе доходомъ въ пятьсотъ, а въ остальныхъ частяхъ имперiи только въ двѣсти рублей. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что наши присяжные, какъ сказано выше, проявляютъ чрезвычайную суровость въ сужденiи всѣхъ преступленiй противъ собственности. Въ царствованiе Александра III требованiя закона были даже повышены и, такимъ образомъ, все растущiй классъ пролетарiевъ все болѣе и болѣе лишался всякаго участiя въ отправленiи этой гражданской функцiи. Въ то же время пра-

вительство сохранило въ своихъ рукахъ власть вычеркивать изъ списка всѣхъ тѣхъ, кого оно сочло бы незаслуживающимъ довѣрія. Тогда какъ въ царствованіе Александра II и въ силу закона 1864 года, эта щекотливая обязанность была предоставлена назначеннымъ земствами комитетамъ, въ настоящее время она выполняется прокуроромъ окружного суда, прямымъ агентомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это измѣненіе введено было въ 1884 году и остается въ силѣ до настоящаго времени.

Вскорѣ послѣ введенія института присяжныхъ засѣдателей, правительство стало ограничивать сферу его дѣйствія. Принципіально суду присяжныхъ не подлежали такія политическія дѣла, какъ государственная измѣна или цареубійство. Но позже, когда, съ цѣлью терроризированія, стали совершаться преступленія надъ высшими сановниками и виновные, представъ передъ судомъ, пользовались этимъ, чтобы излагать свои политическія и соціальныя теоріи, правительство попыталось было избѣгнуть необходимости исключенія подобныхъ случаевъ изъ компетенціи присяжныхъ, запретивъ печатать судебные отчеты и ограничивъ до послѣдней возможности число лицъ, допускаемыхъ къ слушанію дѣла; наконецъ, послѣ огромной сенсаціи, произведенной оправданіемъ Вѣры Засуличъ, всѣ дѣла о покушеніяхъ на правительственныхъ должностныхъ лицъ и о преступленіяхъ, имѣвшихъ политическій характеръ, были объявлены внѣ компетенціи обыкновеннаго суда присяжныхъ и стали разбираться либо военными судами, либо же судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, каковы городской голова, предводитель дворянства и т. д.

Благодаря этимъ изъятіямъ и, въ еще большей степени, системѣ административной ссылки, принявшей уже въ послѣдній періодъ царствованія Александра II и въ царствованіе Александра III и съ тѣхъ поръ сохранившей огромные размѣры, общее правило, гласящее, что русскій подданный, подобно англійскому, подлежитъ суду исключительно равныхъ себѣ, превратилось въ пустую формулу. Пока въ жилище обывателя можетъ во всякій часъ дня и ночи врываться банда вооруженныхъ политическихъ шпіоновъ, называемыхъ жандармами и имѣющихъ право не только рыться въ бумагахъ этого обывателя, но и имъ самимъ распорядиться такъ, что онъ безъ всякаго суда совершенно исчезаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а не то и лѣтъ,—не можетъ быть и рѣчи о правовыхъ гарантіяхъ, личной безопасности или о господствѣ закона. Не нужно добавлять, что подобный способъ дѣйствія по отношенію къ людямъ, завѣдомо

враждебнымъ правительству, болѣе всего вредитъ самому же правительству, порождая самые невѣроятные слухи о числѣ такимъ образомъ арестованныхъ людей и вызывая среди ихъ друзей чрезвычайное возбужденіе и жажду мести. Можно было бы привести не мало такихъ случаевъ, когда молодые люди, единственной виной которыхъ было чтеніе подпольной литературы, становились, благодаря жандармскимъ преслѣдованіямъ, серьезными политическими преступниками.

Мнѣ вспоминается какъ разъ одинъ случай этого рода: это печальная исторія одного человѣка, ставшаго впослѣдствіи извѣстнымъ въ лѣтописяхъ революціоннаго движенія, но котораго я зналъ совсѣмъ еще молодымъ, недавно пріѣхавшимъ изъ какой-то отдаленной приволжской губерніи и искавшимъ въ Лондонѣ занятій. Этотъ молодой человѣкъ скрылся въ тотъ моментъ, когда его должны были арестовать, и былъ вынужденъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вести жизнь безпаспортнаго крестьянина. Трудно себѣ представить, до какой степени невыносима жизнь человѣка, рискующаго въ каждый данный моментъ быть отправленнымъ на свое прежнее жительство, подвергнуться тамъ аресту и административной ссылкѣ. Преступленіе, въ которомъ обвинялся этотъ молодой человѣкъ, состояло въ томъ, что онъ прочиталъ и передалъ своимъ друзьямъ родъ дидактическаго романа, авторъ котораго жалуется на современное положеніе англійскихъ рабочихъ и обѣщаетъ имъ наступленіе лучшаго будущаго и осуществленіе теоріи Карла Маркса. Я прочиталъ эту книгу, озаглавленную: „Исторія трехъ братьевъ“; всѣ трое—рабочіе, и могу завѣрить тѣхъ, кто этой книги не читалъ, что она приблизительно такъ же опасна, какъ знаменитый соціалистическій романъ Беллами, и значительно менѣе „Утопіи“ Томаса Мора или „Cittadel Sole“ Кампанеллы; а между тѣмъ этого было достаточно, чтобы сдѣлать существованіе молодого человѣка столь невыносимымъ, что онъ предпочелъ, рискуя своей жизнію, перейти границу. Въ Лондонѣ и затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ онъ нашелъ работу по электрическому освѣщенію, онъ произвелъ на политическихъ эмигрантовъ непріятное впечатлѣніе какъ умственной робостью, которую въ немъ находили, такъ и жестокой критикой, направленной противъ террористовъ. Нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ русской колоніи въ Парижѣ, считали его даже чѣмъ-то въ родѣ политическаго шпіона. Я потерялъ вскорѣ изъ виду пользовавшуюся столь дурной славой личность, а спустя нѣсколько лѣтъ встрѣтилъ его имя среди тѣхъ, кто игралъ главную роль во взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ Петербургѣ. По его смерти—умеръ онъ въ Петропавловской

крѣпости, — стали разсказывать о другихъ фактахъ изъ его дѣятельности. Не было, оказывается, почти ни одного политическаго заговора изъ предшествовавшихъ убіенію Александра II, въ которомъ нельзя было бы найти слѣдовъ его участія. Кто же,—да будетъ намъ позволено задать этотъ вопросъ, — кто же, если не русская политическая полиція, отвѣтственenъ въ созданіи столь опаснаго врага существующаго порядка вещей?

Несомнѣнно, что среди причинъ, вызывающихъ въ массахъ враждебное отношеніе къ правительству, первое мѣсто занимаетъ система жандарміи и политическаго шпіонства. Она дѣлаетъ невыносимой частную жизнь въ Россіи, такъ какъ вы никогда не можете быть увѣрены, что не встрѣтите въ обществѣ какое-либо лицо, слишкомъ готовое довести о вашемъ образѣ мыслей до свѣдѣнія политической полиціи. Молодое поколѣніе еще болѣе подвержено этой опасности. Много лѣтъ назадъ, когда недавно убитый министръ народнаго просвѣщенія, Боголѣповъ, былъ коллегой автора по московскому университету и выборнымъ ректоромъ его профессорской коллегіи, онъ съ величайшимъ негодованіемъ разсказалъ однажды своимъ коллегамъ слѣдующій фактъ: одинъ изъ студентовъ, срѣзавшійся у него на экзаменѣ по римскому праву и вынужденный по уставу выйти изъ университета, сталъ горько жаловаться на свою судьбу, говоря въ присутствіи экзаменатора, что онъ долженъ теперь лишиться той платы, которую выдавали ему жандармы. Боголѣповъ, бывшій—по крайней мѣрѣ, въ это время—человѣкомъ честнымъ, не обратилъ на его мольбы никакого вниманія, и, такимъ образомъ, студенты были избавлены отъ одного хотя бы изъ ихъ шпіоновъ. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ наши лекціи въ той формѣ, какую придавали имъ студенты, выпуская ихъ безъ контроля профессоровъ, попадали въ руки политической полиціи и если эта послѣдняя окружала насъ плотнымъ кольцомъ своихъ агентовъ обоего пола, превращая наше существованіе въ своего рода повседневное мученичество. Особенное зло заключается въ томъ, что жандармы не могутъ жить безъ политическаго заговора; если его нѣтъ въ дѣйствительности, имъ необходимо изобрѣсти его; въ противномъ случаѣ они рискуютъ тѣмъ, что въ слѣдующемъ году ихъ бюджетъ будетъ уменьшенъ. Вотъ почему, какъ это нѣкоторые замѣчаютъ, тревожные слухи о готовящихся политическихъ покушеніяхъ обыкновенно начинаютъ циркулировать за нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ до возобновленія спеціальнаго бюджета, идущаго на содержаніе этого сброда. Едва ли возможно

употребить въ отношеніи ихъ другое названіе, ибо, въ виду предосудительности этого ремесла только самые дрянные люди рѣшаются нарядиться въ жандармскій мундиръ. Не говорю уже о гнусномъ походѣ набираемыхъ во всѣхъ слояхъ общества мужчинъ и женщинъ, которые, совершивъ какое-либо преступленіе, избавляются отъ судебнаго преслѣдованія цѣною оказываемыхъ ими и щедро оплачиваемыхъ шпіонскихъ услугъ; подъ разными предлогами, они проникаютъ въ частную жизнь лицъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе политической полиціи. Принимая подобныя услуги, начальники, естественно не могутъ быть особенно разборчивыми при наймѣ своихъ агентовъ. Мошенники, негодяи и проститутки—вотъ кто идетъ на эту службу,—и на такіе то элементы, за отсутствіемъ народныхъ симпатій, вынуждена опираться русская самодержавная бюрократія! Это положеніе вещей все болѣе и болѣе напоминаетъ то, въ которомъ наканунѣ своего паденія находилась венеціанская олигархія: она думала спасти себя съ помощью государственной инквизиціи, сыщиковъ и confidenti и не гнушалась даже пользоваться услугами такого негодяя, какъ Каліостро, обѣщавшаго въ своихъ частныхъ письмахъ стоять на стражѣ народной нравственности и религіи, хотя самъ онъ не признавалъ ни той, ни другой, и увѣрявшаго наканунѣ венеціанской революціи, что онъ привлечетъ симпатіи подданныхъ на сторону аристократическаго правительства и внушитъ имъ ненависть къ французскимъ демократическимъ принципамъ. Если бы исторія просвѣщала своими уроками не только соціологовъ, но и находящихся у власти государственныхъ дѣятелей, русскіе правители съ меньшей самоувѣренностью глядѣли бы въ лицо грядущему и менѣе полагались бы на ту компрометирующую поддержку, которой они пользуются для сохраненія своей власти.

Кромѣ трехъ великихъ реформъ, проведенныхъ въ царствованіе Александра II, заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія не меньшей важности. Мы упомянемъ о нихъ здѣсь съ единственной цѣлью пополнить общій обзоръ тѣхъ путей и средствъ, помощью которыхъ Россія все болѣе и болѣе переходила изъ прежняго аристократическаго, построеннаго на народномъ рабствѣ, въ новый строй—демократическій—еще въ тискахъ самодержавной бюрократіи, но уже готовая сбросить ея иго. Первымъ по важности, если не по времени, является преобразованіе арміи и флота, осуществленное въ 1874 году введеніемъ всеобщей и обязательной службы по прусскому образцу, слишкомъ хорошо, по всей вѣроятности, извѣстному, чтобы понадобилось подробное его описаніе.

Въ силу новаго закона, каждый русскій, достигшій двадцатилѣтняго возраста, обязанъ служить въ арміи или во флотѣ; исключенія дѣлаются въ тѣхъ случаяхъ, если призываемый подъ знамена является единственной поддержкой семьи. Никто не имѣетъ права выставлять за себя замѣстителя или откупаться. Число лѣтъ, въ теченіе которыхъ каждый остается подъ знаменами, равно восемнадцати въ арміи и десяти во флотѣ. Изъ нихъ только пять лѣтъ въ арміи и семь — во флотѣ составляютъ дѣйствительную службу; въ теченіе же остальной части указаннаго періода солдатъ или матросъ считаются въ запасѣ. Преимущества, связанныя съ профессіональнымъ образованіемъ, состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что врачи, ветеринары, воспитанники академіи художествъ, лица, командированныя университетами за границу для завершенія образованія, а также и профессора—зачисляются въ запасъ съ самаго начала. То же преимущество распространяется на корабельныхъ капитановъ торговаго флота, завѣдывающихъ складами, механиковъ машинистовъ рулевыхъ и ихъ учениковъ. Другое преимущество, даваемое образованіемъ, заключается въ правѣ студентовъ, не окончившихъ курса, на отсрочку до двадцативосьмилѣтняго возраста. Третья льгота, предоставленная этимъ же лицамъ, состоитъ въ значительномъ сокращеніи срока ихъ дѣйствительной службы. Получившіе низшее образованіе служатъ всего четыре года, тѣ же, кто окончилъ четыре или шесть классовъ гимназіи или какой нибудь другой средней школы, должны служить - первые три, а вторые только два года. Таковы основныя положенія закона, который установилъ въ Россіи всеобщую воинскую повинность.

Присмотримся же теперь къ соціально-политическимъ результатамъ подобной перемѣны. Реформа эта способствовала уничтоженію сословныхъ перегородокъ, поставила если не самого бывшаго хозяина, то, по крайней мѣрѣ, его потомковъ въ тѣсное соприкосновеніе съ семьей освобожденнаго крѣпостного, внушила различнѣйшимъ слоямъ русскаго общества чувство дисциплины, способное оказать величайшія услуги не только въ военныхъ предпріятіяхъ, но и въ борьбѣ за гражданскую независимость, которую можно ожидать въ недалекомъ будущемъ; наконецъ—и это далеко не маловажный результатъ—она способствовала распространенію въ невѣдавшихъ того ранѣе массахъ европейскихъ идеаловъ свободы, равенства передъ закономъ и общественной солидарности, сознательными или безсознательными проводниками которыхъ являются лица съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. Не простой случайностью является тотъ фактъ, что

во время возмутительнаго подавленія недавнихъ мирныхъ манифестацій студентовъ и рабочихъ полиція прибѣгла къ помощи полудикихъ казаковъ, а не регулярныхъ полковъ. Чѣмъ шире будетъ распространяться народное просвѣщеніе, — а этому несомнѣнно способствуетъ льгота, даваемая лицамъ съ низшимъ образованіемъ, — тѣмъ скорѣе армія станетъ оплотомъ націи, а не бюрократіи.

Перейдемъ теперь къ университетской реформѣ. Хотя и проведенная только въ 1863 году, эта реформа уже успѣла отойти въ область прошлаго. Законъ 1863 года ввелъ въ высшее образованіе систему автономіи и выборности. Мнѣ пришлось провести около восьми лѣтъ въ званіи свободно избраннаго профессора и члена совѣта московскаго университета и я могу, поэтому, съ полнымъ знаніемъ говорить о функціонированіи этой системы. Но предварительно нѣсколько словъ объ ея происхожденіи. Русскіе университеты, подобно нѣмецкимъ и французскимъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ факультетовъ; исключеніе сдѣлано лишь для факультетовъ богословскихъ, выдѣленныхъ въ Россіи въ особыя учрежденія и существующихъ въ Петербургѣ, въ Троицкомъ, близъ Москвы, и въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе, въ главныхъ чертахъ богословіе преподается студентамъ всѣхъ факультетовъ, которые, однако, едва ли извлекаютъ крупную пользу изъ этого поверхностнаго и болѣе или менѣе витіеватаго изложенія жалобъ православія противъ иностранныхъ религій, противъ законовъ науки и открытій сравнительной исторіи религій.

Какъ и въ нѣмецкихъ университетахъ, профессора дѣлятся на три различныя категоріи: ординарныхъ, экстраординарныхъ и приватъ-доцентовъ. Чтобы стать ординарнымъ профессоромъ, необходимо имѣть три ученыя степени—кандидата, магистра и доктора Первая степень дается по окончаніе четырехгодичнаго университетскаго курса и по представленіи одному изъ профессоровъ письменнаго сочиненія. Для полученія степени магистра въ какой нибудь спеціальной отрасли наукъ отъ кандидата требуются еще, по крайней мѣрѣ, два года подготовки. Сдавъ новый экзаменъ, на этотъ разъ передъ всѣмъ факультетомъ, кандидатъ долженъ публично защитить печатную диссертацію на тему, выбранную имъ самимъ. По истеченіи новыхъ двухъ лѣтъ, а иногда и больше. слѣдуетъ представленіе вновь напечатаннаго труда. Не подвергаясь новому экзамену, кандидатъ публично защищаетъ свою работу и въ случаѣ одобренія большинства факультета получаетъ высшую степень — степень доктора. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, будто онъ сейчасъ же ста-

новится профессоромъ. Предварительно онъ долженъ пройти черезъ двойные выборы—факультета, къ которому онъ намѣренъ принадлежать, и университетскаго совѣта, составленнаго изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ. Кандидату, избранному и въ томъ и въ другомъ случаѣ, остается ожидать назначенія отъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы пользоваться всѣми преимуществами своего положенія. Профессора экстраординарные выбираются изъ лицъ, удостоенныхъ степени магистра. Но такъ какъ число ординарныхъ профессоровъ на факультетѣ обыкновенно бываетъ ограничено, то часто случается, что мѣста экстраординарныхъ профессоровъ соглашаются занять доктора. Что же касается приватъ доцентовъ, то отъ нихъ не требуется никакой особой степени, кромѣ кандидатской, сверхъ аттестата, свидѣтельствующаго объ ихъ специальныхъ познаніяхъ въ выбранномъ предметѣ и получаемаго ими либо по выдержаніи магистерскаго экзамена, либо же послѣ публичной защиты краткой диссертаціи; затѣмъ они должны дать два пробныхъ урока; тема для одного изъ нихъ предлагается факультетомъ, а для другого выбирается самимъ кандидатомъ. Каждый факультетъ имѣетъ право избрать своего предсѣдателя или декана, а всѣ факультеты, собранные на засѣданіе университетскаго совѣта, избираютъ изъ своей среды закрытой баллотировкой ректора, а иногда и вице-ректора. Совѣтомъ назначается равнымъ образомъ и подчиненный персоналъ, какъ, напримѣръ, секретарь или инспекторъ студентовъ. Сверхъ того, и дисциплинарный судъ, разбирающій дѣла о нарушеніи студентами университетскихъ правилъ, также составляется изъ профессоровъ, намѣченныхъ совѣтомъ.

Мы увидимъ, что по уставу 1863 года профессора были почти совершенно свободны въ своихъ выборахъ отъ какого бы то ни было вмѣшательства со стороны министерскихъ чиновниковъ и, въ частности, попечителя, поставленнаго во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа, состоящаго обыкновенно изъ нѣсколькихъ губерній. За все время дѣйствія устава 1863 года я ни въ бытность мою студентомъ, ни позже профессоромъ ни разу не имѣлъ случая видѣть попечителя; однажды, правда, онъ пришелъ на мою лекцію, когда я былъ еще только приватъ-доцентомъ. Причиной этого особаго вниманія, какъ я узналъ позже, былъ доносъ; попечитель пришелъ провѣрить характеръ преподаванія, но не найдя въ немъ, по всей вѣроятности, ничего особеннаго, онъ не безпокоилъ болѣе преподавателя свимъ присутствіемъ. Эта полная независимость всего учрежденія,

всѣхъ входящихъ въ его составъ лицъ, не говоря о деканахъ и совѣтахъ, избираемыхъ внутри университета, была совершенно неизвѣстна въ Россіи до реформы 1863 года. До этого времени попечитель, функціи котораго въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, напримѣръ въ Харьковѣ, поручались генералъ-губернатору, вмѣшивался во всѣ вопросы, касавшіеся назначенія профессоровъ и способа отправленія ими своихъ обязаностей. Чтобы показать результаты подобнаго вмѣшательства, быть можетъ, будетъ достачно сказать, что въ томъ самомъ харьковскомъ университетѣ, куда былъ приглашенъ, хотя и безуспѣшно, Фихте, преподаваніе философіи, по особому ходатайству генералъ губернатора, было получено отъ 1830 до 1833 года полицейскому чиновнику. Неудивительно, поэтому, если среди другихъ неотложныхъ реформъ, профессора потребовали снятія тѣхъ цѣпей, которыми прогрессъ просвѣщенія и науки былъ прикованъ къ грубому невѣжеству и предразсудкамъ русскихъ пашей.

Другимъ зломъ, не мѣнѣе пагубнымъ для умственнаго развитія страны, было ограниченіе числа студентовъ оффиціальнымъ указомъ. Въ силу этого, старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, университетъ московскій, основанный при дочери Петра Великаго, Елизаветѣ, могъ допускать къ слушанію лекцій не болѣе трехсотъ человѣкъ; такое-же ограниченіе было наложено и на остальные университеты. Однако вредъ, причиняемый такимъ порядкомъ вещей, былъ слишкомъ очевиденъ и привлекъ къ себѣ вниманіе правительства задолго до изданія закона 1863 года. Со вступленіемъ же этого закона въ силу, ограниченіе числа студентовъ въ университетахъ отошло въ область прошлаго. Весьма либеральный по отношенію къ правамъ профессоровъ, законъ 1863 года не сдѣлалъ ничего для созданія студенческихъ корпорацій, которыя въ другихъ европейскихъ странахъ и, особенно, въ Германіи существовали еще въ средніе вѣка. Студентъ не имѣлъ болѣе права носить форму и долженъ былъ посѣщать лекціи въ штатскомъ платьѣ. Подсудный университетскимъ властямъ въ дѣйствіяхъ, совершенныхъ внутри учебнаго заведенія, онъ былъ подчиненъ общей полиціи и на общемъ основаніи внѣ университета.

Таковы главныя черты университетской системы, введенной въ царствованіе Александра II. Посмотримъ теперь, каковы были ея выгоды и неудобства. Въ эту эпоху университеты были учрежденіями не только учебными, но и нравственно-воспитательными. Между профессорами и студентами существовали тѣсныя отношенія. Студенты посѣщали обыкновенно своихъ учителей и пользовались не только

спеціальными ихъ указаніями, но и тѣмъ родомъ общаго руководства, безъ котораго прибывшему изъ какого нибудь отдаленнаго уголка страны молодому человѣку такъ трудно получить необходимыя для спеціальныхъ изысканій предварительныя общія познанія Огромное превосходство университета надъ всякой технической школой состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ даетъ возможность спеціалисту не потерять изъ виду философскую сторону научнаго познанія вообще. Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, что лекціи по біологіи, физіологіи и по политико-экономическимъ наукамъ посѣщались множествомъ студентовъ, спеціальность которыхъ составляли математика, медицина, филологія или юриспруденція. Исторія, дающая наилучшую подготовку къ соціологіи, также привлекала студентовъ всѣхъ факультетовъ и въ значительной степени способствовала пониманію ими вопросовъ соціально политическаго порядка. Непосредственное общеніе студентовъ съ профессорами имѣло еще и то преимущество, что привлекало вниманіе послѣднихъ къ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ ихъ учениковъ. Обыкновенно въ пользу недостаточныхъ студентовъ прочитывались публичныя лекціи на какія-нибудь злободневныя темы, что давало возможность въ одно и то же время и мирно разрѣшить какую-либо моральную или политическую проблему, и собрать средства, необходимыя для взноса платы за неимущихъ студентовъ. Когда происходили какія либо волненія, вызванныя дѣйствительнымъ или мнимымъ нарушеніемъ интересовъ студенчества, популярный профессоръ часто игралъ роль судьи и совѣтника, забывая личныя оскорбленія, которыя наносили ему молодые люди, недостаточно освѣдомленные либо не умѣющіе себя сдерживать, и охотно подвергаясь риску потерять довѣріе правительства, благодаря энергичной защитѣ своихъ учениковъ отъ всякихъ ложныхъ обвиненій въ заговорѣ.

Если университетская автономія имѣла своимъ преимуществомъ установленіе своего рода семейныхъ отношеній между старшимъ и младшимъ поколѣніями, между поколѣніями людей, уже достигшихъ научныхъ степеней и только приступающихъ къ наукѣ, профессоровъ и студентовъ, она равнымъ образомъ оказала могучее вліяніе на подъемъ моральнаго уровня тѣхъ, кто призванъ быть не только учителемъ, но и воспитателемъ будущихъ гражданъ. Имѣя опредѣленное жалованье и не получая гонорара отъ студентовъ, профессоръ не былъ матеріально заинтересованъ въ увеличеніи своей аудиторіи на счетъ какого-нибудь коллеги, какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто происходитъ теперь,

когда студенты вынуждены закономъ слушать лишь извѣстный минимумъ лекцій, платя за каждую изъ нихъ опредѣленную сумму. Профессоръ считался духовнымъ наставникомъ молодыхъ людей, порученныхъ его заботамъ, и къ нему, какъ къ таковому, обращались родители, сыновья которыхъ обучались въ университетѣ, за полезными указаніями и добрыми совѣтами. Въ такомъ городѣ, какъ Москва, гдѣ высшихъ должностныхъ лицъ и придворныхъ весьма мало, такъ какъ государь и великіе князья проживаютъ обыкновенно въ Петербургѣ, автономный ученый корпусъ неизбѣжно становился умственнымъ центромъ, мнѣніями котораго руководствовались и ежедневная пресса, и ежемѣсячные журналы, и общества, и салоны. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ классы общества усиленно добивались возможности быть представленными въ этомъ корпусѣ однимъ изъ своихъ членовъ. Среди русскихъ профессоровъ еще имѣются князья и графы, которые, избравъ научную карьеру, считали величайшимъ для себя почетомъ занять кафедру или даже только читать лекціи въ качествѣ приватъ доцентовъ. Такъ, напримѣръ, два брата московскаго предводителя дворянства — князья Трубецкіе, принадлежащіе къ одной изъ наиболѣе аристократическихъ русскихъ фамилій, состоятъ профессорами—одинъ философіи въ Москвѣ, другой — энциклопедіи права въ Кіевѣ. И рядомъ съ ними въ томъ же самомъ факультетѣ вы найдете сыновей крестьянъ, поповъ и коммерсантовъ.

Именно это преимущество принадлежать къ автономной семьѣ людей науки и вызвало въ молодомъ поколѣніи нашихъ богатыхъ классовъ желаніе соперничать съ учеными, пользующимися меньшей матеріальной обезпеченностью, въ дѣлѣ просвѣщенія согражданъ. Если же нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще остаются въ числѣ профессоровъ, то не слѣдуетъ забывать, что начали они свою карьеру во времена университетскаго самоуправленія. Это смѣшеніе всѣхъ слоевъ общества въ дѣлѣ управленія народнымъ образованіемъ имѣло своей крупной заслугой отрѣшеніе отъ всякой партійности и сословнаго чувства при обсужденіи моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ проблемъ. Конечно, многіе изъ тѣхъ, кто посвящалъ себя дѣлу просвѣщенія, были безсильны освободиться отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ ими семейныхъ и сословныхъ предразсудковъ, но университетъ въ цѣломъ, гдѣ эти предразсудки вызывали со стороны коллегъ серьезную критику, все болѣе и болѣе принималъ характеръ учрежденія, стоявшаго выше всѣхъ этихъ ничтожныхъ интересовъ и выражавшаго лишь точку

зрѣнія безпристрастной науки и просвѣщеннаго патріотизма. Изъ своего долголѣтняго пребыванія въ московскомъ университетѣ я храню воспоминанія объ обществѣ благовоспитанныхъ и вѣжливыхъ людей, которые никогда не проявляли ни малѣйшей неучтивости или пристрастія въ критикѣ моихъ взглядовъ, хотя со многими изъ нихъ и были несогласны.

Однимъ изъ пунктовъ разногласій среди профессоровъ былъ вопросъ о выборѣ молодыхъ ученыхъ въ кандидаты на профессорскую должность. По университетскому уставу и обычаямъ, каждый профессоръ имѣетъ право предложить факультету одного или нѣсколькихъ изъ сдавшихъ у него экзамены студентовъ и, въ случаѣ согласія факультета на этотъ выборъ, молодой человѣкъ получалъ стипендію, по крайней мѣрѣ, на два года, въ теченіе которыхъ онъ могъ подготовиться къ своимъ экзаменамъ. Однако, дѣйствительныя распри среди членовъ одного факультета вызывались не столько выборомъ этихъ молодыхъ людей, сколько ихъ дальнѣйшимъ пріемомъ въ корпорацію въ качествѣ профессоровъ. Господствовалъ взглядъ, будто разъ представленные къ стипендіи молодые ученые должны быть взяты на буксиръ предложившими ихъ профессорами и при всякомъ назначеніи пользоваться предпочтеніемъ передъ студентами другихъ университетовъ. Авторъ считаетъ это грубой ошибкой, результатомъ которой является занятіе кафедръ не наиболѣе способными людьми, а тѣми, единственную заслугу которыхъ составляетъ присяга на вѣрность профессору, доставившему имъ должность. Сторонники подобной практики могли, конечно, возразить, что истинная школа требуетъ единства взглядовъ со стороны ея руководителей. По моему же, университетъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ зеркала, въ которомъ отражаются различныя школы, и поэтому привлеченіе въ него свѣжихъ силъ извнѣ могло бы быть чрезвычайно полезно. Не тайна, что въ университетскихъ преніяхъ фигурируютъ и весьма часто ведутъ между собою борьбу мѣстный патріотизмъ и научный космополитизмъ. А это показываетъ, насколько важно установить извѣстный контроль надъ факультетскими выборами не только въ видѣ вторичныхъ выборовъ въ общемъ университетскомъ совѣтѣ, какъ это обыкновенно бывало въ прежнее время, но и съ помощью болѣе дѣйствительнаго средства, заключающагося въ устройствѣ правильнаго конкурса между всѣми претендентами на свободную кафедру. Въ качествѣ судей на немъ должны присутствовать всѣ профессора и ученые, работающіе въ той же области знанія. Свое мнѣніе о достоинствѣ

кандидата они могли бы выражать если не лично, то, по крайней мѣрѣ, письменно. Подобная процедура нисколько не противорѣчитъ системѣ, одобренной закономъ 1863 года. Она не была лишь примѣнена, и я не знаю, почему бы ея не испытать въ случаѣ возвращенія къ прежнему режиму.

Университетская автономія освободила народную мысль отъ всякихъ вліяній, чуждыхъ наукѣ и познавательной философіи. Вотъ почему восторжествовавшая реакція не могла допустить, чтобы автономныя университетскія учрежденія продолжали существовать. Когда идеи, господствовавшія въ періодъ реформъ, подверглись опалѣ, профессора продолжали, какъ и прежде, открыто выражать ихъ въ своихъ лекціяхъ. Противорѣчіе было слишкомъ очевидно, чтобы не обратить на себя вниманія. Желая убѣдить новаго императора, Александра III, въ необходимости уничтоженія университетской автономіи, такъ называемые спасители отечества стали доносить на отдѣльныхъ профессоровъ, какъ на заговорщиковъ противъ самодержавія. Начались отставки; большинство изъ тѣхъ, кто вынужденъ былъ оставить кафедру, до сихъ поръ еще не знаютъ, въ чемъ собственно заключалась ихъ вина. Перебирая свое прошлое, они не могли найти въ немъ ничего другого, кромѣ свободнаго выраженія идей, приведшихъ къ освобожденію крестьянъ, къ удачнымъ попыткамъ введенія мѣстнаго самоуправленія, къ освобожденію науки и печати отъ административнаго контроля, къ введенію принципа равенства передъ закономъ и въ отправленіи общественныхъ обязанностей и т. д. Этотъ остракизмъ имѣлъ, очевидно, одну лишь цѣль: показать необходимость установленія болѣе строгаго контроля надъ преподаваніемъ профессоровъ и внутреннимъ университетскимъ управленіемъ. Неудивительно, поэтому, что законъ 1884 года отмѣнилъ выборную систему, предоставивъ назначеніе ректора, декановъ и профессоровъ министру народнаго просвѣщенія, а приватъ-доцентовъ попечителю. Жалованье профессоровъ было въ то же время значительно увеличено, такъ какъ со студентовъ стали требовать двойную противъ прежняго плату, и они должны были вознаграждать профессоровъ по числу лекцій въ недѣлю. Власть ректора и декановъ была увеличена въ ущербъ университетскому и факультетскимъ совѣтамъ. Надзоръ за студентами былъ порученъ также назначаемому инспектору; его подчиненные, въ томъ числѣ и простые сторожа, должны были доносить на тѣхъ изъ студентовъ, кто не такъ усердно посѣщалъ лекціи. Въ то же время профессора получили нѣчто въ родѣ письменнаго предписанія вести преподаваніе—государственнаго

права, напримѣръ—въ духѣ благопріятномъ самодержавію и враждебномъ представительному правленію. Кому такія предписанія не нравились, тѣмъ предлагали подать въ отставку, а въ случаѣ отказа немедленно увольняли. Самымъ худшимъ было то устрашающее дѣйствіе, которое возымѣло подобное обращеніе съ недавно независимыми людьми науки на ихъ коллегъ. Полагая, что всякая теорія способна доставить имъ лишь непріятности, многіе изъ нихъ старательно исключали изъ своихъ лекцій все, что не являлось простымъ изложеніемъ фактовъ; а чтобы окончательно успокоить подозрѣнія правительства, они отпечатали невиннѣйшія руководства, чтеніе которыхъ съ кафедры и стало впредь ихъ главнымъ занятіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, они считали вскорѣ своихъ слушателей уже не сотнями, а десятками и даже менѣе. Но такъ какъ студенты обыкновенно требовали отъ своихъ учителей нѣчто большее, нежели сухое изложеніе фактовъ, то они и принялись самостоятельно искать теоріи, читая или - вѣрнѣе—пожирая памфлеты нѣмецкихъ соціалистовъ, переведенные на русскій языкъ и свободно циркулировавшіе въ обширной имперіи царей, такъ какъ они не нападали открыто на ея внутреннюю политику. Такимъ образомъ, преслѣдуя всякое свободное выраженіе личныхъ взглядовъ, если они не соотвѣтствовали взглядамъ правящей бюрократіи, правительство дискредитировало профессоровъ въ глазахъ ихъ учениковъ и толкнуло послѣднихъ въ сторону такихъ теорій, практическое примѣненіе которыхъ при существующихъ условіяхъ могло лишь вызвать болѣе или менѣе серьезное броженіе въ рабочемъ классѣ и объединить его въ одномъ движеніи со студенчествомъ. Замѣтьте, что послѣднему запрещены закономъ какія бы то ни было корпораціи. Лишенные, такимъ образомъ, возможности заниматься своими собственными нуждами, они не имѣли другого выбора, какъ примѣнять заимствованныя за границей теоріи къ сѣрой массѣ рабочихъ, лишь недавно покинувшихъ деревню. Въ этой организаціи силъ къ предстоящей соціальной борьбѣ людьми, несомнѣнно лучше освѣдомленными, чѣмъ большинство обыкновенныхъ демагоговъ, особеннаго зла, повидимому, нѣтъ, но для правительства подобный результатъ едва ли желателенъ, а оставленіе научныхъ занятій для дѣла пропаганды врядъ ли можетъ оказаться полезнымъ для созданія будущихъ гражданъ и будущихъ руководителей общественнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ недавнія событія съ очевидностью доказали, во-первыхъ, полную неудачу правительства, не сумѣвшаго помѣшать распространенію либераль-

ныхъ идей, несмотря на уничтоженіе всякого моральнаго вліянія со стороны профессоровъ; во-вторыхъ, фатальное возникновеніе, вмѣсто руководящаго вліянія послѣднихъ, другого — анонимнаго авторитета, являющагося не чѣмъ инымъ, какъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, ограниченнымъ и пристрастнымъ; въ третьихъ, — и это далеко не маловажный результатъ, — доброе согласіе между низшими слоями русскаго общества и студентами, все болѣе и болѣе становящимися во главѣ движенія, отъ котораго русская бюрократія выиграть ничего не можетъ.

Недавній опытъ дѣлаетъ очевиднымъ въ глазахъ всѣхъ, кто не желаетъ оставаться слѣпымъ, что лучше результатовъ не слѣдуетъ ожидать и отъ той кампаніи, которая ведется противъ либеральной прессы, кампаніи, отмѣчающей царствованіе Александра III и такъ рѣшительно противорѣчащей счастливымъ начинаніямъ его предшественника. Хотя законъ 1865 года и былъ сколкомъ съ вызвавшаго рѣзкіе нападки французскаго устава о печати, изданнаго правительствомъ Второй имперіи, онъ отмѣчаетъ, тѣмъ неменѣе, значительный прогрессъ по сравненію съ предшествовавшими ему законами и составляетъ въ настоящее время pium desiderium ближайшаго будущаго. Главной его задачей было ослабленіе, если не полное уничтоженіе, административнаго давленія и замѣна послѣдняго судебнымъ контролемъ. Газеты, до изданія этого закона, подчиненныя цензурѣ, получили право свободнаго выхода на условіи судебной отвѣтственности завѣдующихъ и редакторовъ за всѣ общія и государственныя преступленія, совершенныя на страницахъ ихъ органа. Не желая утратить всякое вліяніе на направленіе газетъ, правительство прибѣгло къ системѣ предостереженій. Послѣ трехъ предостереженій газета не закрывалась окончательно, но не могла уже болѣе появляться безъ контроля цензора. Что касается книгъ, то оригинальныя произведенія избавлялись отъ цензуры, если заключали въ себѣ не менѣе десяти листовъ, а переводныя—вдвое большее число листовъ.

Въ царствованіе Александра III законъ 1865 года, удержанный въ теоріи, былъ отмѣненъ на практикѣ предоставленіемъ комиссіи изъ трехъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи—и прокурора святѣйшаго синода права закрывать или немедленно пріостанавливать періодическія изданія за ихъ мнимое „вредное направленіе“ — туманное выраженіе, подъ которымъ упомянутые министры обыкновенно разумѣютъ неосторожную критику ихъ собственнаго управленія. Иниціаторомъ этой мѣры, проведенной, разумѣется, не законодательнымъ путемъ, черезъ обсу-

жденіе и рѣшеніе государственнаго совѣта, а въ видѣ временныхъ правилъ, представленныхъ непосредственно на утвержденіе императора, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Толстой. Онъ разсчитывалъ прибѣгать къ этому средству исключительно для борьбы съ конституціонными требованіями. Недавно мнѣ случилось выслушать признанія человѣка, который не успѣвъ создать себѣ имя ни въ литературѣ, ни въ наукѣ, не пренебрегъ должностью цензора въ Петербургѣ. Энергично возставая противъ новѣйшихъ злоупотребленій правомъ контролировать общественное мнѣніе полицейскими предписаніями, онъ разсыпался въ похвалахъ патріотическимъ чувствамъ, воодушевлявшимъ, по его мнѣнію, графа Толстого. Онъ постоянно совѣтовалъ своимъ подчиненнымъ не злоупотреблять врученной имъ почти неограниченной властью надъ русской мыслью. „Въ настоящее же время“, продолжалъ мой кающійся цензоръ: „въ надзорѣ за печатью ежедневно совершаются самыя вопіющія злоупотребленія. Не только безъ разбору стали примѣняться временныя правила для закрытія и такихъ періодическихъ изданій, которыя, какъ „Новый Міръ“, не напечатали ни одной статьи противъ самодержавія, касаясь въ своей критикѣ лишь нашей административной машины, но министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ и исполнитель его произвольныхъ рѣшеній, направленныхъ противъ печати, главный цензоръ Соловьевъ, ввели новый способъ держать въ своихъ рукахъ газетныхъ издателей путемъ постоянной угрозы ихъ матеріальнымъ интересамъ. Такъ они пріостанавливали газету на нѣсколько мѣсяцевъ какъ разъ ко времени новой подписки или запрещали ей печатать объявленія. Главный цензоръ открыто заявлялъ, что онъ хочетъ подчинить предварительной цензурѣ всѣ существующія газеты, кромѣ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ. Онъ пошелъ еще далѣе, посовѣтовавъ акціонерамъ одной газеты перемѣнить редактора и навязавъ имъ своего протеже. Слѣдуетъ прибавить, что, къ счастью для кое-какихъ остатковъ законности, министръ и главный цензоръ были вынуждены выйти въ отставку; и хотя надзоръ за печатью суровъ, какъ и прежде, но онъ не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, того же отеческаго характера, который былъ ему свойственъ въ описанное время.

Въ Россіи существуютъ различные роды цензуры: особая цензура для всѣхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ государя; духовная цензура для всѣхъ книгъ и статей, содержащихъ толкованіе священнаго писанія или касающихся религіозныхъ догматовъ и даже церковной исторіи. Эту цензуру вѣдаетъ святѣйшій

синодъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить театральную цензуру и особую для иностранныхъ книгъ, газетъ и журналовъ. При переѣздѣ черезъ русскую границу у васъ отбираются всѣ ваши книги и бумаги подъ бдительнымъ окомъ жандарма; ихъ возвращаютъ вамъ черезъ нѣсколько недѣль по просмотрѣ цензоромъ; возвращаются они не всегда невредимыми, нѣкоторыя мѣста въ нихъ бываютъ покрыты черными чернилами и напоминаютъ внѣшнимъ своимъ видомъ—по сравненію французскихъ публицистовъ—кусокъ хлѣба, намазанный икрою. Если бы послѣ всего этого мы пожелали узнать какую пользу извлекаетъ правительство изъ столь боязливо - предупредительнаго, такъ сказать, запруживанія русской мысли, намъ было бы чрезвычайно трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Оно не сумѣло помѣшать распространенію наиболѣе передовыхъ теорій, какъ въ религіи, такъ и въ политикѣ. Съ другой стороны эта система цѣликомъ виновна въ распространеніи въ обществѣ самыхъ невѣроятныхъ и чрезвычайно компрометирующихъ слуховъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ двора и правительственныхъ сферъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ, напримѣръ, соотвѣтствующимъ циркуляромъ запретить говорить о какихъ бы то ни было университетскихъ безпорядкахъ, но единственнымъ результатомъ является то, что никто не вѣритъ правительственному сообщенію и неизмѣнно уменьшаемое число жертвъ полицейской и казацкой разнузданности выростаетъ въ народномъ воображеніи въ тысячи. Съ другой стороны, иностранныя державы и заграничная пресса возлагаютъ на правительство отвѣтственность за всякое заявленіе русскихъ газетъ. Да и могутъ ли они поступать иначе, зная, что въ Россіи не существуетъ свободы печати? Примѣромъ можетъ послужить намъ слѣдующій, недавно происшедшій случай. Парижскій корреспондентъ „Новаго Времени“ выразилъ какъ то свое мнѣніе объ отсутствіи довѣрія къ французскому военному министру, генералу Андре. Французскія газеты тотчасъ напечатали статьи, говоря, что добрая союзница Республики не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны. Послѣдовала дипломатическая переписка, русское правительство вынуждено было принять мѣры противъ упомянутой газеты и, несмотря на все это, въ душу французскаго народа закралось смѣшное подозрѣніе, будто императорская Россія благосклонно отнеслась бы къ военному coup d'Etat въ пользу Бонапарта, служащаго въ рядахъ ея собственной арміи.

Мы склонны думать, что русское правительство могло бы обойтись и безъ помощи цензуры, принимая въ соображеніе что оно всегда имѣетъ возможность преслѣдовать судомъ

редактора и издателей, преступившихъ законъ своими нападками на учрежденія страны, религію, общественную нравственность и чье либо доброе имя. Такая, именно, мысль руководила авторами закона 1865 года. Признавъ за правительствомъ право запрещать всякую уже напечатанную книгу или газету, они въ то же время ограничили эту его власть, постановивъ, что такое запрещеніе можетъ быть наложено лишь въ томъ случаѣ, если одновременно противъ автора и издателя возбуждено судебное преслѣдованіе. Лишь въ 1872 году власти перестали предавать суду авторовъ произведеній, признанныхъ преступными. Это развязывало имъ руки и позволяло запрещать всякую книгу или ежемѣсячный журналъ, который они сочли бы опаснымъ, даже спустя мѣсяцы и годы по ихъ напечатаніи.

Кромѣ этихъ предупредительныхъ и судебныхъ мѣръ противъ печати, законъ допускаетъ еще мѣры административныя. Нельзя открывать типографію безъ предварительнаго разрѣшенія генералъ-губернатора или соотвѣтствующаго административнаго чиновника, причемъ они могутъ, безъ объясненія причинъ, отказать въ такомъ разрѣшеніи. Отецъ не можетъ передать въ наслѣдство сыну свою типографію, если послѣдній не получилъ соотвѣтствующаго разрѣшенія. Спеціальные агенты контролируютъ типографіи, литографіи и словолитни; это дѣлается съ той цѣлью, чтобы никакая книга или газета не могла появиться безъ вѣдома правительства. Безъ предварительнаго разрѣшенія нельзя пріобрѣтать не только шрифтъ, но даже пишущую машину. И, тѣмъ не менѣе, все это не мѣшаетъ существованію подпольной печати и распространенію политическихъ воззваній въ моменты народнаго возбужденія. Запрещенныя религіозно-нравственныя сочиненія недавно отлученнаго отъ церкви великаго старца, Льва Толстого, циркулируютъ въ странѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, отпечатанныхъ на мимеографѣ. Такъ иллюзорна надежда помѣшать распространенію идей полицейскими предписаніями.

Мы сомнѣваемся равнымъ образомъ въ дѣйствительности и тѣхъ предписаній, которыя запрещаютъ библіотекамъ и кабинетамъ для чтенія выдавать книги и журналы, считающіеся опасными, несмотря на то, что они были изданы съ разрѣшенія цензуры. Отъ времени до времени публикуется новый index librorum prohibitorum, и эта задача, цѣль которой—очистить русскій разумъ отъ дурныхъ идей, выполняется подчасъ съ такой поразительной глупостью, что въ числѣ запрещенныхъ книгъ оказывается великое произведеніе Адама Смита о „Богатствѣ Народовъ“.

Чрезвычайно жаль, что средп великихъ реформъ, осуществленныхъ въ царствованіе Александра II и большей частью отмѣненныхъ его преемниками, мы не находимъ почти ничего въ области расширенія свободы религіозной мысли. Основы вѣротерпимости, которою пользуются въ Россіи не только христіанскія религіи, но и іудейство, магометанство, буддизмъ и даже грубыя формы язычества, были заложены еще Екатериной II. Именно въ царствованіе этой императрицы, философа и умѣлаго политика, было обѣщано признавать права за религіями католической, лютеранской и протестантской, и это дѣлалось очень часто въ тѣхъ самыхъ актахъ, которыми Россія объявляла о присоединеніи тѣхъ или иныхъ частей бывшей польской республики. Мы могли бы даже пойти еще немного далѣе и заявить, что уваженіе къ чужеземнымъ вѣрованіямъ всегда составляло отличительную черту политики всѣхъ русскихъ завоевателей по отношенію къ покореннымъ ими отъ береговъ Волги до Амура языческимъ и магометанскимъ народностямъ. Однако, это уваженіе не шло далѣе терпимости къ ихъ вѣрованіямъ и сопровождалось иногда наложеніемъ на побѣжденныхъ строгаго обязательства жить въ предѣлахъ опредѣленной территоріи, будь то мѣста ихъ прежняго жительства или новыя земли, уступленныя правительствомъ.

Это послѣднее правило примѣняется также и къ евреямъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, извѣстныхъ подъ именемъ караимовъ, которые жили подъ властью крымскихъ татаръ и отличаются отъ остальныхъ евреевъ непризнаваніемъ авторитета раввиновъ. Вѣковые предразсудки помѣшали массовому поселенію евреевъ въ предѣлахъ стараго московскаго государства, въ то время какъ въ Польшѣ они составляли почти все третье сословіе. Таково историческое происхожденіе черты еврейской осѣдлости, въ составъ которой входятъ почти исключительно польскія губернія. Тотъ фактъ, что съ переходомъ въ другую религію—напримѣръ, въ православіе, евреи освобождаются отъ этого ограниченія, доказываетъ, что оно направлено противъ ихъ религіи. Въ чертѣ осѣдлости евреи могутъ селиться лишь въ городахъ и мѣстечкахъ, но ни въ какомъ случаѣ не въ деревняхъ. Это является источникомъ безпрерывныхъ злоупотребленій со стороны властей. Давая полиціи взятку, евреи либо получаютъ разрѣшеніе продлить свое временное пребываніе въ деревнѣ, либо же добиваются еще болѣе незаконнаго расширенія сферы ихъ дѣятельности путемъ возведенія болѣе или менѣе значительнаго числа деревень въ разрядъ мѣстечекъ. Но даже и тамъ, гдѣ евреи пользуются правомъ жительства,

они лишены нѣкоторыхъ естественныхъ правъ, какъ, напримѣръ, права имѣть христіанскую прислугу или арендовать земли и мануфактуры. Послѣдняя мѣра весьма часто вредитъ христіанскимъ собственникамъ. Во главѣ винокуренныхъ заводовъ на всемъ протяженіи Россіи обыкновенно находятся евреи; нѣкоторые ихъ арендаторы de facto передъ закономъ являются обыкновенными управляющими; они и пользуются своимъ двойственнымъ положеніемъ, чтобы переложить съ себя на собственниковъ судебную отвѣтственность за совершенные ими въ качествѣ арендаторовъ дѣйствія, напримѣръ, неплатежъ денегъ за купленное зерно. Собственники же отвѣтственны и за нарушенія правилъ, установленныхъ для винокуренныхъ заводовъ. Такимъ образомъ, законъ обращается противъ тѣхъ, кому онъ хотѣлъ покровительствовать.

Изъ общаго правила, запрещающаго евреямъ селиться въ обѣихъ столицахъ и въ большей части коренныхъ русскихъ губерній, сдѣланы, разумѣется, многочисленныя изъятія. Лица, удостоенныя ученыхъ степеней или принятыя въ университетъ въ качествѣ студентовъ, отправляющія какія нибудь административныя функціи или получившія какой нибудь чинъ, и, наконецъ, представители свободныхъ профессій, какъ адвокаты и врачи, пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства. Но, съ другой стороны, законъ сдѣлалъ и старается еще сдѣлать все возможное для ограниченія числа тѣхъ, кто можетъ подойти подъ это изъятіе путемъ полученія университетской степени. Такъ, число евреевъ, допущенныхъ въ высшія учебныя заведенія въ качествѣ студентовъ, не должно превышать трехъ процентовъ всего числа. И у правительства еще хватало безстыдства обращаться къ богатымъ евреямъ за пожертвованіями на учебныя заведенія, въ которыхъ къ ихъ единовѣрцамъ относились, какъ къ паріямъ. Еще болѣе удивительно, что эти просьбы имѣли успѣхъ—такъ велико раболѣпство нашего третьяго сословія передъ тѣми, по волѣ кого существуютъ повышенныя пошлины на заграничные товары для еще большаго обогащенія богачей! Стѣсненія, которымъ подвергаются евреи, желающіе получить высшее образованіе, будутъ удивлять насъ менѣе, если мы узнаемъ, что эта же система процентнаго отношенія примѣняется равнымъ образомъ и къ полякамъ внѣ Польши: они не могутъ превышать десяти процентовъ всего числа студентовъ университета. Правительству такъ понравилась эта система процентнаго отношенія, что оно рѣшило воспользоваться ею также для уменьшенія числа евреевъ среди адвокатовъ. И замѣтьте, что эта тенденція, поддерживающая всѣ дикія народные предразсудки про-

тивъ евреевъ, рѣшительно противорѣчитъ симпатіямъ нашихъ лучшихъ ученыхъ къ евреямъ, занимающимся свободными профессіями, и весьма часто и желаніямъ торговаго класса древней столицы, просившаго правительство не изгонять евреевъ въ виду значительныхъ услугъ, которыя они оказывали ихъ промыслу въ качествѣ второстепенныхъ агентовъ.

Терпимость, проявляемая по отношенію къ евреямъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, распространяется на всѣ религіи, не заключающія въ себѣ ничего, противнаго общественной нравственности. Послѣднее ограниченіе имѣетъ въ виду секты, подобныя уродующимъ себя скопцамъ, или такія необычайныя и надѣлавшія недавно такъ много шуму секты, члены которыхъ, ожидая близкаго конца міра, погребли себя живыми. Вполнѣ понятно, что нельзя признавать право на существованіе за вѣроученіями подобныхъ фанатиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ бояться, какъ бы, подъ предлогомъ охраненія народной нравственности, правительство не стало преслѣдовать передовыя протестантскія секты въ родѣ штундистовъ. Когда я пишу эту главу, предо мной лежитъ послѣдній номеръ русской газеты, въ которомъ напечатано слѣдующее сообщеніе: „Одинъ изъ судебныхъ департаментовъ сената—нашего кассаціоннаго суда—долженъ былъ высказаться въ маѣ мѣсяцѣ относительно примѣненія недавняго циркуляра комитета министровъ. Въ силу этого циркуляра, предоставленное всѣмъ раскольникамъ право имѣть помѣщенія для отправленія ихъ культа не должно быть признаваемо за штундистами. Сенатъ полагаетъ, что, прежде чѣмъ примѣнить это общее правило, суды должны освѣдомиться, дѣйствительно ли преслѣдуемыя лица виновны въ непризнаваніи таинства, гражданскихъ властей, обязательности военной службы и присяги и придерживаются ли они взглядовъ, противныхъ православной церкви и политическому строю России.

Трудно сказать, что поражаетъ васъ болѣе въ этомъ рѣшеніи: то ли, что невѣріе въ святыя таинства смѣшано въ одну кучу съ отказомъ отъ военной службы, или то, что сенатъ не желаетъ допустить a priori, что достаточно прослыть штундистомъ, чтобъ стать паріей въ отношеніи свободы отправленія религіознаго культа. Что касается автора, то большее значеніе онъ придаетъ послѣднему факту и видитъ въ немъ подтвержденіе высказанныхъ выше опасеній. Правители Россіи желаютъ считать безнравственнымъ все то, что угрожаетъ существующему порядку вещей, и поэтому отказъ убивать въ сраженіи или принести присягу является въ ихъ глазахъ чѣмъ-то тожественнымъ отрицанію Евангелія.

Терпѣть какую-нибудь религію не значитъ допустить ея свободную пропаганду, и въ этомъ отношеніи русскій законъ чрезвычайно исключителенъ. Одно лишь православное духовенство—и даже не міряне—имѣетъ право путемъ проповѣдей обращать иновѣрцевъ въ свою религію. Выходъ изъ православія не считается прямымъ преступленіемъ, но влечетъ дурныя послѣдствія для заинтересованнаго лица въ отношеніи его гражданскаго и общественнаго положенія. Русское уголовное положеніе гласитъ, что если кто-либо замѣченъ въ отступленіи отъ православія, онъ долженъ быть отправленъ къ духовенству, которое совѣтуетъ ему возвратиться въ прежнюю вѣру. До тѣхъ же поръ онъ не пользуется своими сословными правами, и принимаются соотвѣтствующія мѣры, чтобы помѣшать ему вліять на своихъ дѣтей и склонить ихъ къ выходу изъ православія. Злая участь ожидаетъ тѣхъ, кто совратилъ его съ добраго пути: они могутъ подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь и даже осужденію въ каторожныя работы въ томъ случаѣ, если убѣдили кого-нибудь оставить христіанство (статьи 184 и 187 Устава о наказаніяхъ). Недавнее примѣненіе этихъ правилъ къ случаю съ графомъ Львомъ Толстымъ объясняетъ, почему духовенство сочло необходимымъ обратиться къ нему съ предостереженіемъ и почему въ своемъ отвѣтѣ онъ такъ настаивалъ на томъ обстоятельствѣ, что онъ никому не пытался внушить свои религіозныя убѣжденія. Во Франціи чрезвычайно удивлялись снисходительности правительства по отношенію къ нему. Однако, кромѣ громкаго имени, защищающаго его отъ всякихъ административныхъ преслѣдованій, его безнаказанность объясняется и самимъ вышеуказаннымъ закономъ. Наказаніе угрожаетъ совратителямъ, но не совращеннымъ.

Та же привилегія, которая предоставлена православію въ дѣлѣ религіозной пропаганды, проявляется также и въ правилахъ, въ силу которыхъ дѣти, родившіяся отъ смѣшаннаго брака, въ которомъ одинъ изъ супруговъ былъ православнымъ, обязательно становятся православными. Исключеніе дѣлается въ пользу однихъ только лютеранъ и то лишь въ предѣлахъ одной Финляндіи.

Изъ сказаннаго видно, что Россія не имѣетъ ни habeas corpus въ англо-американскомъ смыслѣ, ни свободы собраній и права коллективныхъ петицій; послѣднее, впрочемъ, предоставлено, въ видѣ исключенія, дворянскимъ собраніямъ, которыя могутъ представлять императору письменныя ходатайства, если только въ нихъ нѣтъ ничего противнаго законамъ имперіи. Недавнія событія ясно показали, что мужчины и женщины лучшаго круга не защищены въ Россіи отъ самыхъ

грубыхъ полицейскихъ и казацкихъ нападеній, если желаютъ выразить свои симпатіи преслѣдуемымъ студентамъ—даже самымъ мирнымъ и спокойнымъ образомъ. Отсутствіе въ Россіи права петиціи также очевидно для всякаго, кто прочиталъ приписываемую профессору Милюкову, скромную петицію къ царю, и узналъ, что за этотъ поступокъ профессоръ былъ заключенъ въ тюрьму. И если къ отсутствію личной свободы прибавить невыносимое положеніе печати, обычай вскрывать частную корреспонденцію и контролировать выборъ книгъ и журналовъ, которые вы желаете прочесть, и, наконецъ, препятствія, поставленныя пропагандѣ религіозныхъ взглядовъ, вполнѣ естественной со стороны искренно убѣжденнаго человѣка, то станетъ ясно, что самодержавная бюрократія лишила народъ не только его политическихъ правъ, но даже и той свободы, которая дана была англичанамъ еще Великой Хартіей вольностей и которою американцы пользовались за много лѣтъ до образованія ихъ великой федераціи. А, по мнѣнію автора, о правительствѣ слѣдуетъ судить не только по матеріальному благосостоянію управляемаго имъ народа, но и по его моральному состоянію. Кто прочиталъ мое сочиненіе объ экономическомъ строѣ Россіи, могъ видѣть, что положеніе большинства крестьянъ и рабочихъ далеко не удовлетворительно, что землевладѣльческое дворянство наполовину разорено и что единственнымъ благоденствующимъ классомъ является небольшое число фабрикантовъ и крупныхъ купцовъ, обогащаемыхъ высокими поощрительными пошлинами. И, съ другой стороны, нельзя ожидать, чтобы тѣ, у кого хватило терпѣнія прочитать настоящія главы, были сильно поражены широкимъ участіемъ народа въ управленіи государственными дѣлами и неограниченнымъ пользованіемъ правами *человѣка* со стороны русскихъ подданныхъ. Мы живемъ, очевидно, въ такой періодъ, который Шекспиръ опредѣлилъ словами: „Время свихнулось“. И мы нисколько не будемъ удивлены, если черезъ нѣсколько лѣтъ многіе изъ указанныхъ въ этихъ главахъ законовъ и учрежденій прекратятъ свое существованіе и Россія вернется къ политикѣ разумныхъ и цѣлостныхъ реформъ, съ такимъ успѣхомъ проводившейся во времена Александра I и Александра II.

———

ГЛАВА X.

Положеніе Польши въ россійской имперіи.

Въ предыдущихъ главахъ авторъ старался дать общее представленіе о соціально-политическомъ положеніи большей части россійской имперіи. Его задачей было опредѣлить права и обязанности русскаго подданнаго — техническое выраженіе, замѣняемое въ странахъ съ большей политической свободой именемъ—*гражданинъ*. Однако, нѣкоторыя части имперіи пользуются своими особыми преимуществами или, наоборотъ, стѣсненіями, имѣющими своими источниками либо признаніе за ними старинныхъ правъ, либо же возмездіе за политическія обиды, которымъ подверглась Россія свыше сорока лѣтъ тому назадъ и которыя она до сихъ поръ считаетъ заслуживающими особаго наказанія. Нѣкоторыя изъ этихъ изъятій, которыя могутъ быть квалифицированы латинскимъ прилагательнымъ odiosa, произошли отъ того, что, благодаря случайности войны и политическимъ комбинаціямъ, въ составъ имперіи вошло довольно большое число независимыхъ государствъ. Во времена царя Алексѣя, отца Петра Великаго, отъ польскаго королевства отдѣлилось значительное число провинцій послѣ побѣдоноснаго возстанія казаковъ подъ начальствомъ Богдана Хмѣльницкаго. Попытавшись было устроить полунезависимое государство подъ номинальнымъ суверенитетомъ оттоманской имперіи, Хмѣльницкій обратилъ свои взоры къ Россіи. Общность религіи и вмѣшательство православнаго духовенства въ значительной мѣрѣ способствовали объединенію обѣихъ Россій—Малой и Великой, но ни самъ Хмѣльницкій, ни его преемники по управленію нѣкогда принадлежавшими Польшѣ провинціями, никогда не думали отказаться отъ своей политической независимости. Въ договорѣ, заключенномъ въ 1653 году въ городѣ Переяславѣ, царь Алексѣй, черезъ по-

средство отправленныхъ въ качествѣ пословъ бояръ, согласился, какъ передаетъ въ своихъ запискахъ нѣкій Зорка, не только защищать Малороссію съ помощью всего казацкаго войска, но и сохранять ея старые законы и старинныя привилегіи [1]). Въ грамотѣ, пожалованной царемъ Алексѣемъ Богдану и всему казацкому войску, сказано, что, по просьбѣ о признаніи за ними ихъ правъ и привилегій въ той формѣ, въ какой они были имъ даны русскими князьями и польскими королями, царь предоставляетъ имъ право избирать гетмана и судиться выборными старшинами по ихъ древнимъ законамъ [2]).

Если нѣсколько лѣтъ спустя, при гетманѣ Выговскомъ, казаки проявили желаніе расторгнуть недавно заключенный союзъ, то это произошло оттого, что, какъ это сказалъ самъ гетманъ послу крымскихъ татаръ, московскій царь, вопреки своему обѣщанію, назначилъ воеводъ въ казацкіе города; гетманъ не хотѣлъ быть подъ властью воеводъ; онъ желалъ владѣть этими городами такъ же, какъ владѣлъ ими его предшественникъ, Богданъ Хмѣльницкій. „Я больше не хочу быть вашимъ гетманомъ“,—сказалъ тотъ же самый Выговскій казацкимъ полковникамъ, собравшимся въ Корсуни 11 октября 1685 года: „потому что царь отнимаетъ у насъ наши вольности; и я не имѣю желанія оставаться въ рабствѣ“. Возвращая ему эмблему его верховной власти, знаменитую булаву, полковники заявили: „Мы поднимемся, какъ одинъ человѣкъ, на защиту нашихъ вольностей“. Но подъ вліяніемъ православнаго духовенства и низшихъ классовъ населенія, опасавшихся и возвращенія католическаго господства, и образованія изъ казацкихъ старшинъ новой аристократіи, образовалась партія, основное стремленіе которой можетъ быть выражено словами священника Максима Филимонова: „Мы желаемъ единаго Бога на небѣ и единаго царя на землѣ [3]). Ничего нѣтъ удивительнаго, что столкновеніе между тѣми, кто желалъ сохранить политическую автономію съ помощью возвращенія подъ власть поляковъ, и тѣми, кто всему предпочиталъ недавно заключенный союзъ съ имперіей православнаго царя,—что это столкновеніе окончилось въ пользу послѣднихъ.

Такимъ образомъ, Малороссія не пошла на предпріятіе Выговскаго, стремившагося возобновить старую зависимость

---

[1]) *Лѣтопись Величко*—томъ I, стр. 73; цитировано Костомаровымъ во II т. его сочиненій, стр. 408.

[2]) См. текстъ этой грамоты во второмъ томѣ сочиненій Костомарова, второе изданіе, стр. 428—429.

[3]) См. Исторію Россіи Соловьева, т. XI, глава I.

отъ польской короны, и осталась подъ московскимъ господствомъ. Но это не мѣшало ей преслѣдовать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ прежнія стремленія къ сохраненію остатковъ былой независимости, пока послѣдней не было положено конца послѣ извѣстнаго возстанія Мазепы въ царствованіе Петра Великаго. Слѣдуя старой казацкой политикѣ—искать у шведовъ, какъ и у татаръ, защиты отъ притѣсненій своего законнаго государя—польскаго-ли короля или московскаго царя, Мазепа попытался вернуть своей странѣ политическую независимость съ помощью тѣснаго союза съ Карломъ XII. Полтавская битва положила конецъ и шведскому преобладанію на сѣверо-западѣ Европы, и политическимъ мечтамъ Малороссіи. Смѣнилось нѣсколько поколѣній, и отъ права казаковъ избирать себѣ гетмана не осталось ничего. Хотя Петръ I и не вымещалъ на нихъ вины Мазепы и за нѣсколько мѣсяцевъ до знаменитой битвы казаками былъ избранъ новый гетманъ, Скоропадскій, но дальнѣйшіе выборы были признаны опасными. Разумовскій, извѣстный фаворитъ Елизаветы, былъ уже гетманомъ по назначенію, а при Екатеринѣ II составлявшія Молороссію области были организованы въ соціально-политическомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ и остальныя русскія губерніи. Единственнымъ остаткомъ старинныхъ законовъ и привиллегіи являются—въ области гражданскаго права—особые законы о правѣ наслѣдованія для дочерей и вдовъ въ трехъ губерніяхъ—Кіевской, Полтавской и Черниговской. Въ силу гражданскаго уложенія, мѣстные обычаи этихъ губерній имѣютъ во время процесса преимущество передъ общимъ законодательствомъ страны.

Та же участь постигла политическія права и привилегіи, нѣкогда дарованныя императоромъ Александромъ I царству польскому, созданному Вѣнскимъ конгрессомъ изъ великаго герцогства Варшавскаго. Мы не станемъ разбирать здѣсь вопросъ объ единственномъ въ своемъ родѣ политическомъ преступленіи, совершенномъ въ концѣ XVIII вѣка тремя сосѣдними государствами надъ слабой и беззащитной польской республикой—Рѣчью Посполитой. Претензіи Екатерины II возвратить Россіи нѣкогда принадлежавшія ей провинціи имѣютъ не большую цѣнность, чѣмъ циничное заявленіе князя Бисмарка по поводу присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи: „Намъ нужно воевать съ Людовикомъ XIV“. Нѣкогда эта страна, извѣстная подъ названіемъ „западный край“, дѣйствительно, находилась подъ властью выборныхъ русскихъ князей изъ рюриковой династіи. Но послѣ татарскаго нашествія значительная часть русскаго населенія

бѣжала на сѣверо-западъ, и малонаселенная страна стала вскорѣ добычей литовской династіи Гедемина. По соединеніи Литвы съ Польшей, старыя русскія провинціи вошли въ послѣднюю въ качествѣ составной ея части и оставались таковыми вплоть до перваго раздѣла Польши въ 1772 году. Пока все вниманіе западныхъ державъ было занято французской революціей, Пруссія, Австрія и Россія спокойно произвели два послѣдовательныхъ раздѣла территоріи этого свободнаго государства и окончательно его уничтожили.

Но насколько такой актъ казался несправедливымъ въ глазахъ тѣхъ, кому онъ долженъ былъ приносить выгоду, ясно видно изъ той рѣшительной позиціи, которую съ самаго начала своего царствованія занялъ въ польскомъ вопросѣ внукъ Екатерины II, Александръ I. Какъ передаетъ въ своихъ запискахъ одно изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, графъ Адамъ Чарторыйскій, молодой императоръ считалъ раздѣлъ Польши противнымъ всѣмъ понятіямъ о справедливости и международному праву и рѣшилъ признать за нею, если не политическую независимость, то, по крайней мѣрѣ, право на либеральное и представительное правленіе. Послѣ паденія Наполеона Александръ получилъ возможность сдержать данное Чарторыйскому и его сторонникамъ обѣщаніе и возстановить хотя бы часть прежней польской республики подъ именемъ царства. Съ этой цѣлью ему предстояло отобрать у саксонскаго герцога часть польскихъ провинцій, уступленныхъ ему Наполеономъ. Такое его намѣреніе встрѣтило рѣшительную оппозицію со стороны Меттерниха, всемогущаго члена Вѣнскаго конгресса, руководившаго европейской дипломатіей. Неожиданное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы помогло успѣшному окончанію дебатовъ по этому, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ. Какова была ближайшая цѣль Александра въ созданіи этого новаго польскаго королевства— видно изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ въ маѣ 1815 года президенту польскаго сената, графу Островскому: „Если высшіе интересы всеобщаго мира помѣшали объединенію всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, я постарался, по крайней мѣрѣ, смягчить, насколько возможно, горечь ихъ раздѣленія и признать за ними повсюду ихъ національныя права". Въ манифестѣ къ жителямъ новообразованнаго царства Александръ I давалъ имъ конституцію, систему мѣстнаго самоуправленія, свободу печати и право имѣть особую армію. Торжественное возстановленіе польскаго королевства происходило въ Варшавѣ 21 іюня. Въ католическомъ соборѣ, въ присутствіи властей, былъ

прочитанъ текстъ новой конституціи; государственный совѣтъ, сенатъ, высшія должностныя лица и населеніе присягнули на вѣрность Александру, какъ польскому царю, и конституціи. Что касается послѣдней, то окончательный текстъ ея долженъ былъ быть составленъ комитетомъ изъ польскихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго. Пришедшей его привѣтствовать въ Парижѣ польской депутаціи Александръ сказалъ: „Передайте польской націи, отъ моего имени, что я хочу возродить ее. Объединяя поляковъ съ народомъ того же славянскаго происхожденія, я обезпечиваю на долгія времена ихъ благосостояніе и мирное существованіе“.

Какъ извѣстно, Александръ не думалъ ограничиться въ своихъ конституціонныхъ реформахъ одной Польшей. Онъ ясно выразилъ свои желанія во французской рѣчи, произнесенной имъ 27 марта 1818 года по случаю открытія перваго польскаго парламента. Приглашая собраніе доказать, что свободныя учрежденія не слѣдуетъ смѣшивать съ разрушительными ученіями, онъ выразилъ увѣренность въ возможности распространить благотворное вліяніе этихъ учрежденій на всѣ страны, волею Провидѣнія порученныя его заботамъ. Быстрое торжество политической реакціи во всѣхъ европейскихъ странахъ и, въ частности, въ Россіи помѣшало исполненію его желаній, но польская конституція сохранилась, и засѣданія варшавскаго парламента пользовались полной свободой обсужденія.

Два возстанія—въ 1830 и въ 1863 году—были сочтены русскими монархами совершенно освобождающими ихъ отъ всѣхъ прежнихъ обязательствъ по отношенію къ польской націи и поставили поляковъ въ положеніе неблагонадежныхъ подданныхъ; они были лишены возможности увеличивать свое матеріальное благосостояніе пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и расширять свои духовныя богатства свободнымъ исповѣдываніемъ національной религіи и употребленіемъ національнаго языка. Странно сказать: движеніе, по отношенію къ которому большинство населенія осталось, если не индифферентно, то, по крайней мѣрѣ, нейтрально, становится отправнымъ пунктомъ политики третированія всей польской націи цѣликомъ въ качествѣ врага, постоянно требующаго для своего обузданія предупредительныхъ мѣръ и строжайшаго контроля. Чтобы раздѣлить эту націю на двѣ неравныя партіи, партію высшихъ сословій и партію крестьянъ, правительство прибѣгло къ самому лукавому маккіавелизму. Принявъ сторону послѣднихъ при разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Польшѣ и

проведя это освобожденіе на болѣе широкихъ основаніяхъ и съ большими преимуществами для низшаго слоя населенія, императорское правительство сумѣло создать себѣ изъ него вѣрнаго союзника для преслѣдованія своей антинаціональной политики, пока примѣненіе того же самаго маккіавелизма въ вопросахъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ и народномъ образованіи не превратило этихъ новыхъ союзниковъ во враговъ и не возстановило стараго союза всѣхъ классовъ Польши, внушивъ всеобщую ненависть къ русскому управленію.

Едва ли можно порицать такихъ людей, какъ Николай Милютинъ, которые воспользовались воинственными планами русскаго правительства по отношенію къ польской знати, чтобы обезпечить лучшую участь польскимъ крестьянамъ. Въ концѣ концовъ, эти люди лишь примѣнили къ Польшѣ ту систему эмансипаціи, которую они сначала выработали, надѣясь примѣнить ее въ Россіи. Однако, въ послѣдней она была принята съ многочисленными частичными поправками въ пользу дворянства, тогда какъ въ Польшѣ, благодаря нерасположенію правительства къ высшему сословію, она не встрѣтила никакихъ возраженій. По этой именно причинѣ польскимъ крестьянамъ было предоставлено преимущество сохранить въ своемъ владѣніи всю ту землю, которую они обрабатывали ранѣе, будучи крѣпостными. Равнымъ образомъ имъ дано было право пользованія общинными землями, пастбищами и лѣсами. Бывшіе крѣпостные были освобождены отъ всякихъ частныхъ платежей своимъ господамъ, такъ какъ всю заботу о вознагражденіи дворянства за понесенные имъ матеріальные убытки правительство взяло на себя. Такимъ образомъ, польскій крестьянинъ не вынужденъ былъ удовлетвориться небольшими клочками земли, съ помощью которыхъ русскому дворянину удалось избавиться отъ всякихъ болѣе серьезныхъ посягательствъ на его матеріальные интересы. Онъ не былъ, подобно русскому крестьянину, лишенъ права общиннаго владѣнія пастбищами и лѣсами. А такъ какъ въ Польшѣ не существовало сельскихъ общинъ, то освобожденные крѣпостные стали вскорѣ полными собственниками отмежеванной имъ земли. Съ другой стороны, крупные землевладѣльцы вынуждены были согласиться на признаніе за крестьянами сервитутныхъ правъ на ихъ помѣщичьи земли со всѣми невыгодами подобной системы съ точки зрѣнія раціональнаго хозяйства. Неудивительно, поэтому, что они всегда возставали и возстаютъ еще и до сихъ поръ противъ указанной системы, съ помощью которой былъ разрѣшенъ въ Россіи жгучій во-

просъ объ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между бывшимъ господиномъ и его бывшимъ крѣпостнымъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ рѣшенъ, повидимому, безповоротно какъ для тѣхъ, кто отъ этого выигрываетъ, такъ и для тѣхъ, кто теряетъ. Возникли новые поводы для жалобъ, оставившіе далеко позади себя вопросъ о якобы грабежѣ, которому подверглось польское дворянство въ 1864 году.

Желая ослабить польскій элементъ въ землевладѣніи и земельной арендѣ и усилить русскій элементъ, правительство приняло въ 1865 году слѣдующую мѣру: лицамъ польскаго происхожденія было запрещено пріобрѣтать новыя земли въ такъ называемомъ западномъ краѣ, центромъ котораго является городъ Вильна и который сыгралъ такую активную роль въ возстаніи 1863 года. Что же слѣдовало понимать подъ терминомъ польское происхожденіе? Въ теченіе долгаго времени правительство считало обыкновенно отличительнымъ признакомъ одну національность, а не религію, но уже въ 1869 и 1870 гг. генералъ-губернаторы этого края отказали въ правѣ пріобрѣтенія земель лютеранамъ, женатымъ на католичкахъ, на томъ основаніи, что по смерти родителей имѣніе можетъ перейти къ ихъ дѣтямъ католическаго исповѣданія [1]. Если же эта самая мѣра не примѣнена къ русскимъ, женатымъ на полькахъ, то причина этого заключается въ томъ, что, по закону, дѣти обязательно становятся православными, если одинъ изъ родителей принадлежитъ къ этому исповѣданію.

Въ теченіе долгаго времени мѣра, принятая противъ расширенія польскаго землевладѣнія, ограничивалась исключительно сельскими имѣніями и лицами, принадлежавшими къ дворянству и среднему классу; но вскорѣ это запрещеніе было разспространено на городскую собственность и на крестьянъ, желавшихъ пріобрѣсти участокъ земли, размѣромъ больше того, какой они могли обрабатывать собственнымъ трудомъ безъ посторонней помощи. Въ 1884 году новымъ закономъ было объявлено, что на сельское имущество лицъ польскаго происхожденія не можетъ быть заключена никакая ипотека. Въ то же время эти лица были изъяты изъ числа тѣхъ, кто могъ снимать въ аренду земли вблизи го-

[1]) Графъ Селива, взявшій на себя трудъ собрать всѣ эти болѣе или менѣе тайныя административныя мѣры, вполнѣ справедливо настаиваетъ на явномъ ихъ противорѣчіи съ утвержденнымъ императоромъ постановленіемъ комитета министровъ отъ 14 іюня 1868 года, въ силу котораго лица русскаго происхожденія, православныя или лютеране, могутъ пріобрѣтать земли въ западномъ краѣ даже и въ томъ случаѣ, если они женаты на полькахъ или католичкахъ.

родовъ и мѣстечекъ, безразлично частныя или государственныя. Нечего удивляться, что вскорѣ одержала верхъ практика не заключать никакихъ земельныхъ договоровъ безъ письменнаго разрѣшенія генералъ-губернатора—практика, признанная законной постановленіемъ комитета министровъ отъ 1-го ноября 1886 года. Съ этого времени генералъ-губернаторы самымъ фантастическимъ образомъ толковали естественное право пріобрѣтенія земель сообразно со своими дѣйствительными или предполагаемыми нуждами. Они объявили, напримѣръ, что крестьянинъ-католикъ не можетъ пріобрѣсти болѣе шестидесяти десятинъ земли и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ условіямъ: онъ долженъ быть крестьянскаго происхожденія, жить жизнью крестьянина, употреблять постоянно русскій языкъ, не владѣть никакой другой землей и быть въ состояніи обрабатывать ее собственнымъ трудомъ безъ помощи наемныхъ рабочихъ. Богатая изобрѣтательность высшихъ чиновниковъ, внезапно возведенныхъ въ санъ законодателей, блещетъ равнымъ блескомъ въ предписаніяхъ слѣдующаго рода: въ силу циркуляра отъ 19 мая 1887 года, посланнаго виленскимъ генералъ-губернаторомъ подчиненному ему губернатору, крестьяне, состоявшіе членами приходскаго братства и дѣйствовавшіе въ качествѣ посредниковъ между приходскимъ священникомъ и населеніемъ, не могли быть допущены къ пріобрѣтенію новыхъ земель. Что же касается тѣхъ изъ нихъ, кто принялъ православіе, то простой фактъ неаккуратнаго посѣщенія церкви, фактъ, единственнымъ судьей котораго является приходскій священникъ, признавался достаточнымъ, чтобы лишить ихъ такого разрѣшенія. Нѣсколько меньшія, хотя и не послѣднія, проявленія этого же административнаго произвола мы находимъ въ двухъ актахъ 1891 и 1892 г.г., которыми виленскій генералъ-губернаторъ, вопреки всѣмъ законамъ, запретилъ прибывшимъ изъ Польши крестьянамъ-католикамъ пріобрѣтать земли въ западномъ краѣ. Это же правило было примѣнено и къ крестьянамъ двухъ приходовъ Гродненской губерніи—Следзяново и Граново—за оказанное нѣкоторыми изъ нихъ сопротивленіе уничтоженію ихъ приходской церкви—и это въ концѣ XIX вѣка!

Въ то же время мы съ радостью упомянемъ о томъ, что недавно принятыми мѣрами было отмѣнено другое непостижимое правило, въ силу котораго черезъ тридцать лѣтъ послѣ возстанія крупные польскіе землевладѣльцы должны были еще вносить въ казну десятую часть своихъ доходовъ въ видѣ штрафа за ихъ дѣйствительное или пред-

полагаемое участіе въ повстанческомъ движеніи. Чтобы найти нѣчто подобное этой мѣрѣ въ лѣтописяхъ прошлаго, нужно вернуться къ генералъ-майорамъ Кромвеля, требовавшимъ такого же штрафа съ роялистовъ. Хотя эта мѣра была распространена, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, на всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія и считалась чѣмъ то въ родѣ сбора на расходы по поддержанію порядка, однако для русскихъ и нѣмецкихъ собственниковъ этотъ штрафъ обыкновенно уменьшался на половину, и разницу уплачивали польскіе собственники. Вначалѣ эти правила считались временными; они стали постоянными въ 1870 году, когда начали освобождать отъ всякихъ платежей земли, перешедшія въ собственность русскихъ. Эта система вышла изъ употребленія лишь въ царствованіе Николая II.

Переходя къ результатамъ этой аграрной политики, мы прежде всего отмѣтимъ, что она лишила русское правительство симпатій того класса, на которомъ оно разсчитывало основать свое будущее господство въ Польшѣ—класса крестьянъ. Тридцать лѣтъ, протекшія со времени ихъ освобожденія, создали среди нихъ новую нужду въ землѣ, нужду, которую польскіе землевладѣльцы охотно бы удовлетворили путемъ продажи или сдачи въ аренду, если бы этому не препятствовали законъ и административныя предписанія. Ожидавшееся увеличеніе числа русскихъ собственниковъ не осуществилось, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ размѣрахъ. Недостатокъ въ капиталахъ, возможность полученія такихъ же и даже большихъ барышей съ имѣній, купленныхъ въ центральныхъ, южныхъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи, не говоря уже о промышленности и торговлѣ, и трудность устоять передъ общественнымъ остракизмомъ, которому каждый русскій пришелецъ рискуетъ подвергнуться со стороны польскихъ собственниковъ, оказали свое дѣйствіе: лучшіе элементы русскаго общества воздерживаются отъ пріобрѣтенія земель въ западномъ краѣ. И поступая такимъ образомъ, они слѣдуютъ примѣру бывшаго канцлера Александра II, князя Горчакова, который отказался отъ вознагражденія за оказанныя имъ во время польскаго возстанія дипломатическія услуги пожалованіемъ земель, полученныхъ путемъ конфискаціи. Поэтому неудивительно, что при такихъ условіяхъ главную массу новыхъ пріобрѣтателей земель составляютъ русскіе чиновники, служащіе въ Польшѣ или въ западномъ краѣ. Число такихъ чиновниковъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ даже въ чисто-русскихъ губерніяхъ, благодаря полному отсутствію какого бы то не было губернскаго,

уѣзднаго и городского самоуправленія. Дворянство Привислянскаго края,—такъ называется теперь западный край и царство польское,—не имѣетъ даже права избирать своихъ предводителей, и послѣдніе назначаются правительствомъ, какъ и прочіе чиновники, получаютъ опредѣленное жалованье. Но одного того факта, что лица, соглашающіяся служить въ этой завоеванной странѣ, привлечены туда благодаря нѣкоторымъ денежнымъ преимуществамъ, каковы повышенное содержаніе или уменьшеніе числа лѣтъ службы, дающихъ право на пенсію, одного этого факта достаточно, чтобы показать, что въ данномъ случаѣ Россія не имѣетъ дѣла съ классомъ капиталистовъ, всегда готовыхъ увеличить размѣры своихъ земельныхъ владѣній. И такимъ образомъ, ослабивъ рвеніе и преданность въ своихъ естественныхъ союзникахъ-крестьянахъ, Россія не сумѣла добиться дѣйствительной руссификаціи страны, подобной германизаціи Познанской провинціи по плану, рекомендованному Бисмаркомъ. Послѣднее, впрочемъ, еще не вполнѣ достигнуто прускимъ юнкерствомъ, хотя оно и составляетъ значительно болѣе богатый классъ, нежели тотъ, отъ котораго ожидалась подобная же услуга въ пользу Россіи.

Но, кромѣ этихъ тщетныхъ усилій создать и укрѣпить благопріятный для себя элементъ, Россія добивалась той же химерической цѣли съ помощью драконовскихъ законовъ противъ польскаго языка и польской религіи—католицизма. Этимъ она вступила въ прямой конфликтъ съ интимными чувствами народа и отреклась отъ принциповъ свободы со всѣми, ею же первой провозглашенныхъ въ законодательствѣ и, въ частности, въ обѣщаніяхъ, данныхъ жителямъ завоеванныхъ областей въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. И въ самомъ дѣлѣ—католическая религія не пользуется одинаковымъ покровительствомъ закона въ большей части коренныхъ русскихъ губерній и въ губерніяхъ польскихъ. Мы уже указывали на это обстоятельство; поэтому намъ достаточно будетъ лишь вкратцѣ отмѣтить здѣсь разницу между положеніемъ католиковъ въ Польшѣ и въ западной области и положеніемъ, въ которомъ находятся ихъ собратья въ другихъ частяхъ имперіи. Съ цѣлью воспрепятствованія распространенію католичества, русскія власти запретили всякія религіозныя процессіи съ крестомъ во главѣ. Подобныя шествія допускаются лишь въ самой церкви или, по крайней мѣрѣ, внутри церковной ограды. Эта мѣра была принята въ 1867 году и находится въ силѣ до настоящаго времени, несмотря на оппозицію нѣкоторыхъ болѣе умѣренныхъ генералъ-губернаторовъ, какъ напримѣръ

Альбединскаго. Число праздниковъ, во время которыхъ такія религіозныя процессіи могутъ имѣть мѣсто, ограничено строгимъ предписаніемъ; и весьма часто запрещеніе совершенно не соотвѣтствуетъ велѣніямъ католической церкви. Такому же мелочному ограниченію подвергнуто и право воздвигать на большихъ дорогахъ поминальные кресты—изъ опасенія, чтобы эти кресты не связывались какъ-нибудь съ тѣми или другими политическими событіями.

Перейдемъ теперь къ положенію католическаго духовенства въ польскихъ губерніяхъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что, вопреки церковнымъ канонамъ, поступленіе молодыхъ людей въ католическія семинаріи утверждается не епископомъ, а губернаторомъ, который, во всякомъ случаѣ, имѣетъ право воспрепятствовать такому поступленію, если, по его мнѣнію, оно не согласно закону. Католическіе епископы назначаются государемъ по предварительному соглашенію съ папой, но они не могутъ отправлять одну изъ своихъ прямыхъ функцій—объѣздъ ихъ округа, безъ предварительнаго разрѣшенія губернатора. Когда, однажды, виленскій епископъ, Гриневскій, позволилъ себѣ отвѣтить, что онъ можетъ подчиняться лишь тѣмъ распоряженіямъ правительства, которыя не противорѣчатъ правиламъ католической церкви, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Толстой, счелъ нужнымъ обратить вниманіе епископа на то, что въ Россіи могутъ исполняться только тѣ предписанія католической церкви, которыя не противорѣчатъ законамъ Россійской имперіи,—великолѣпный отвѣтъ, чрезвычайно похожій на тотъ, который получилъ знаменитый однофамилецъ министра отъ одного русскаго гвардейца, бившаго какого то нищаго за то, что онъ просилъ подаянія. „Читалъ ли ты Евангеліе"?—спросилъ его авторъ „Воскресенія".—„А ты, знаешь ли ты уставъ военной службы"?—отвѣтилъ солдатъ.

Русскій полицейскій уставъ ставится на одну доску съ канонами католической или какой бы то ни было другой церкви и даже имѣетъ передъ ними преимущество: такова точка зрѣнія русскихъ чиновниковъ всѣхъ ранговъ на свободу совѣсти и на взаимныя отношенія власти духовной и свѣтской. Ничего нѣтъ удивительнаго, что генералъ-губернаторы обнаруживаютъ такую же безцеремонность по отношенію къ приходскимъ священникамъ при исполненіи послѣдними своихъ оффиціальныхъ обязанностей. Вотъ, напримѣръ, содержаніе одного документа, относящагося къ 1881 году; это оффиціальный перечень различныхъ проступковъ, которые можетъ совершить приходскій священникъ

и за которые, по постановленію виленскаго генералъ-губернатора, графа Тотлебена, полагается штрафъ: 1) Поѣздка въ сосѣдній приходъ для совершенія церковной службы— безъ предварительнаго разрѣшенія гражданскихъ властей; 2) произнесеніе проповѣди собственнаго сочиненія, не получившей разрѣшенія цензора; 3) сборъ денегъ среди прихожанъ на неизвѣстныя мѣстнымъ властямъ или не разрѣшенныя ими цѣли; 4) несообщеніе прихожанамъ въ надлежащее время дня годовщины рожденія государя и другихъ членовъ императорскаго дома, или какихъ либо другихъ оффиціальныхъ праздниковъ; неотправленіе въ такіе дни церковной службы или совершеніе обѣдни въ слишкомъ ранній часъ; 5) совершеніе религіозныхъ процессій внѣ церковной ограды или въ дни, не обозначенные въ оффиціальномъ спискѣ. За подобные якобы проступки приходскіе священники подвергаются штрафу въ суммѣ отъ трехъ до четырехсотъ рублей.

Если принять во вниманіе, что эти штрафы обыкновенно выплачиваются путемъ подписки среди прихожанъ, то будетъ понятно, въ какой степени увеличиваютъ они ту антипатію, которую польскіе крестьяне питаютъ къ своимъ „благодѣтелямъ". Такое же дѣйствіе производитъ строгое соблюденіе правила, въ силу котораго всѣ ученики, даже католическаго исповѣданія, обязаны присутствовать на церковныхъ службахъ въ дни оффиціальныхъ праздниковъ. По церковнымъ же католическимъ правиламъ, присутствіе на церковной службѣ схизматиковъ считается грѣхомъ. И такимъ образомъ, одиннадцати-двѣнадцати-лѣтнее дитя попадаетъ въ альтернативу—или быть уволеннымъ изъ школы за неподчиненіе оффиціальнымъ требованіямъ, или получить выговоръ отъ своихъ родителей и духовника.

Чтобы не останавливаться дольше на безконечномъ перечнѣ этихъ глупыхъ и тираннических предписаній, достаточно будетъ указать на тотъ фактъ, что попечители учебныхъ округовъ, желая проявить свое усердіе въ дѣлѣ обращенія польскаго юношества въ православное и русское, воспользовались циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія отъ 1879 года и совсѣмъ почти исключили духовенство изъ числа преподавателей катехизиса въ среднихъ школахъ. Недавнія статистическія изслѣдованія показываютъ, что въ 1892 году изъ двухъ тысячъ восьмисотъ шестидесяти трехъ существовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ среднихъ школъ только въ ста пятидесяти четырехъ катехизисъ преподавали лица духовнаго званія. Это раннее освобожденіе молодыхъ умовъ отъ всякаго религіознаго контроля въ значительной

мѣрѣ объясняетъ, не говоря уже о другихъ результатахъ, быстрые успѣхи соціалистической пропаганды. Несомнѣнно, что въ Польшѣ эта пропаганда имѣла большій успѣхъ, чѣмъ въ какой либо другой части имперіи. Этому содѣйствовали многія причины: быстрое развитіе промышленности; значительное число нѣмецкихъ рабочихъ, членовъ соціалдемократической партіи въ лодзинскихъ и сосновицкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ; наконецъ,—и это не наименѣе важная причина,—ослабленіе естественнаго противодѣйствія, которое встрѣчала теорія классовой борьбы въ ученіи церкви о подчиненіи властямъ. Грядущая соціальная революція сдѣлала значительныя завоеванія въ умахъ польскихъ рабочихъ, но кто рѣшится утверждать, что это выгодно для русскаго господства?

Не болѣе дѣйствительными въ этихъ попыткахъ обрусенія Польши оказались и мѣры, направленныя къ искорененію польскаго языка и къ замѣнѣ его русскимъ. Не только всѣ науки въ варшавскомъ университетѣ, въ гимназіяхъ и въ другихъ среднихъ школахъ должны были преподаваться на русскомъ языкѣ (исключеніе дѣлалось только для катехизиса), но обязательность послѣдняго была также точно распространена и на низшія школы, клубы, общественныя собранія, театры, магазины (всѣ торговыя объявленія) и, особенно, на всякую оффиціальную переписку. Большая часть этихъ мѣръ была принята генералъ-губернаторами въ 1866 и въ 1868 г.г. и явилась источникомъ курьезнѣйшихъ фактовъ: много лицъ было присуждено къ штрафу за то, что сказали по-польски какому нибудь окружному казначею фразу въ родѣ: „Я дамъ вамъ два рубля мелкой монетой". Однако эти предписанія были подтверждены и впослѣдствіи, а именно въ 1881 и въ 1893 г.г. Приведемъ одинъ изъ сотни примѣровъ этого рода: знаменитая примадонна Зембрихъ была присуждена къ штрафу въ сто рублей только за то, что на одномъ концертѣ спѣла польскую пѣсню безъ предварительнаго разрѣшенія.

Вотъ каковы польскія privilegia odiosa, ненавистныя какъ и самому непосредственно заинтересованному польскому народу, такъ и русскимъ патріотамъ, съ отчаяніемъ спрашивающимъ себя: чѣмъ станетъ союзъ славянъ, если главная вѣтвь его будетъ третироваться такимъ чудовищно безсмысленнымъ образомъ? И это происходитъ въ то время, когда безостановочное движеніе нѣмцевъ на востокъ путемъ такъ называемаго мирнаго завоеванія представляетъ серьезную опасность для славянскаго будущаго; когда всемогущіе экономическіе интересы и, именно, возможность для

поляковъ продавать свои товары на всемъ обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи благопріятствуютъ доброму согласію между поляками и русскими. И въ это то время Россія дѣлаетъ все, чтобы убѣдить своихъ соплеменниковъ, что даже подъ управленіемъ нѣмцевъ, какъ напримѣръ, Австріи, ихъ религіозные и національные интересы имѣютъ больше шансовъ на защиту, чѣмъ подъ ея собственнымъ господствомъ. Сравните положеніе Галиціи, гдѣ поляки имѣютъ университеты, среднія и низшія польскія школы и гдѣ они пользуются не только мѣстнымъ самоуправленіемъ, но даже правомъ обсужденія общихъ интересовъ Цислейтаніи и участіемъ въ назначеніи федеральнаго министерства и представительства, сравните, говорю я, это положеніе съ тѣми условіями, въ какія поставило поляковъ родственное имъ по племени правительство въ Россіи и въ западной области. Путемъ такого сравненія мы легко поймемъ, почему со стороны славянъ нельзя ожидать движенія, подобнаго тому, которое создало федерацію изъ нѣмецкихъ королевствъ и республикъ, пока политика подозрѣнія и постоянныхъ репрессій не смѣнится политикой добраго согласія, основанной на взаимномъ признаніи правъ на личное и на національное существованіе. Если бы Польша была объединена съ Россіей одной общей династіей, но имѣла бы свое собсобственное мѣстное и центральное самоуправленіе, то могущество имперіи не только не уменьшилось бы отъ этого, но даже въ значительной степени усилилось бы, не говоря уже о томъ, что всѣ славянскіе народы стали бы прибѣгать къ покровительству Россіи и къ ея политическому руководству.

ГЛАВА XI.

Положеніе Финляндіи въ россійской имперіи.

Въ предыдущей главѣ мы познакомились съ тѣмъ особымъ положеніемъ, въ какое были поставлены Польша и польскія губерніи вслѣдствіе двухъ возстаній и опасенія новаго возстанія. Если оставить въ сторонѣ эти причины, то мы не увидимъ никакой существенной разницы между политическимъ, по крайней мѣрѣ, положеніемъ царства польскаго въ томъ видѣ, какъ оно было создано или, вѣрнѣе, возстановлено въ болѣе узкихъ границахъ Александромъ I, и положеніемъ великаго княжества финляндскаго, которое было призвано къ національному существованію территоріальными и конституціонными уступками, сдѣланными въ его пользу тѣмъ же монархомъ. Эта точка зрѣнія обыкновенно встрѣчаетъ себѣ противниковъ въ лицѣ финскихъ и французскихъ юристовъ; однако сущность ихъ аргументаціи трудно уловить, если только въ этихъ ученыхъ не говоритъ опасеніе, какъ бы такое сравненіе не дало возможности предсказать грядущую судьбу финляндской автономіи. Въ Германіи изъ свѣтилъ по государственному праву Борнгакъ (Bornhak) высказывается въ пользу взглядовъ автора. Онъ придаетъ одинаковое значеніе связи между Россіей и Финляндіей и Россіей и Польшей, разсматривая ту и другую уніи, какъ виды неполнаго присоединенія. Это удачно подобранный терминъ, поскольку онъ показываетъ невозможность отожествлять отношеніе къ имперіи Польши и Финляндіи, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Александра I, съ отношеніемъ къ ней какой нибудь области или какого либо совершенно независимаго государства, объединеннаго съ Россіей личной или даже реальной уніею. Уже тотъ фактъ, что до присоединенія къ Россіи Финляндія не существовала, какъ національно-политическая единица, не даетъ намъ права говорить о вступленіи ея въ политическій союзъ съ имперіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ Баварія или Вюртембергъ вступили въ 1871 году въ союзъ съ

другими германскими государствами; и въ томъ также смыслѣ, въ какомъ Венгрія или Норвегія вошли въ унію-первая съ Австріей, а вторая-со Швеціей. Но, конечно, изъ того факта, что эта унія не имѣетъ соотвѣтствующаго ей образца въ существующей классификаціи различныхъ видовъ ограниченнаго суверенитета и политической зависимости одного государства отъ другого, изъ этого факта вовсе не слѣдуетъ, будто чьи либо права должны быть принесены въ жертву; онъ лишь доказываетъ неполноту существующей нынѣ классификаціи и, въ частности, невозможность подвести всѣ случаи уній подъ унію личную или реальную съ ихъ подраздѣленіями на конфедераціи (союзы государствъ) и федеративныя уніи (союзные государства). Кромѣ Финляндіи, и другія государства, какъ, напримѣръ, Болгарія, представляютъ въ политическихъ условіяхъ своего существованія такія особенности, которыя не позволяютъ отожествлять ихъ съ кантонами Швейцаріи или съ отдѣльными штатами Американскаго союза. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, будто Болгарію нельзя считать ни отдѣльной провинціей, ни независимымъ государствомъ,

При опредѣленіи отношеній Россіи къ Финляндіи не можетъ быть и рѣчи о протекторатѣ. Этотъ чрезвычайно неопредѣленный терминъ можетъ быть примѣненъ лишь къ такимъ весьма не точно установленнымъ отношеніямъ, какія существуютъ между европейскимъ государствомъ и какой нибудь азіатской или африканской колоніей, болѣе или менѣе полно покорившейся, которая лишена права располагать собой посредствомъ международныхъ договоровъ и надъ внутреннимъ управленіемъ которой установленъ извѣстный контроль. Таково именно положеніе Туниса по отношенію къ Франціи и Бухары по отношенію къ Россіи. Особенность въ положеніи Финляндіи, равно какъ и Польши; заключается въ томъ, что національно-политическое существованіе обѣихъ является дѣломъ государя завоевавшей ихъ страны. Обѣ онѣ получили свою ограниченную власть изъ рукъ этого государя, признавшаго за ними тѣ историческія права и привилегіи, которыми онѣ пользовались при прежнемъ режимѣ—въ Польшѣ-республиканскомъ и въ Швеціи монархическомъ. Обѣ онѣ были объявлены неразрывно связанными съ россійской имперіей, такъ что ни перемѣна династіи, ни измѣненіе политическаго режима въ Россіи не могутъ поставить подъ вопросомъ продолженіе этой уніи. Обѣ онѣ потеряли право вести отдѣльную отъ Россіи иностранную политику и сохранили свое собственное законодательство, собственное министерство, собственный судъ и армію. Изъ

сказаннаго видно, какъ полна здѣсь аналогія и насколько трудно говорить о связи между Финляндіей и Россіей, какъ о чемъ то по характеру своему совершенно отличномъ отъ тѣхъ условій, на которыхъ послѣ Вѣнскаго конгресса была введена въ составъ имперіи Польша. Сходство въ политическихъ условіяхъ обѣихъ странъ никоимъ образомъ, однако, не даетъ намъ права утверждать, будто, въ случаѣ упорнаго недовольства въ Финляндіи, послѣдняя должна быть сведена на положеніе простой русской губерніи, каковая участь постигла возставшую Польшу. Далекій отъ подобной мысли, авторъ полагаетъ, что возстаніе, всегда являющееся дѣломъ меньшинства, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить для правительства основаніемъ для отнятія политическихъ вольностей. Пользованіе ими можетъ быть на время пріостановлено, но ни подъ какимъ предлогомъ не уничтожено.

Послѣ этого краткаго введенія познакомимся съ исторіей неполнаго присоединенія Финляндіи къ россійской имперіи и, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ настоящимъ устройствомъ великаго княжества и постараемся, такимъ образомъ, выяснить, поскольку возможно, причину тѣхъ враждебныхъ чувствъ, которыя финны питаютъ къ русскому правительству. Финскіе научные авторитеты— и никто болѣе, какъ профессоръ гельсингфорскаго университета Даніэльсонъ — исправляя многочисленныя ошибки русскихъ авторовъ, а именно, г. Ордина, превосходно установили, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію автора, тотъ фактъ, что основные принципы, на которыхъ были построены взаимныя отношенія Финляндіи и Россіи, слѣдуетъ искать не въ фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ, а въ рѣшеніяхъ, принятыхъ нѣсколько ранѣе, при созывѣ сейма въ Борго. Мысль создать изъ Финляндіи независимое государство, одно изъ тѣхъ государствъ—буферовъ, которыя, подобно Бельгіи или Швейцаріи, мѣшаютъ— увы, болѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ — непосредственнымъ столкновеніямъ болѣе важныхъ политическихъ тѣлъ,— эту мысль, говорю я, лелѣяли въ Россіи еще со временъ Петровскихъ завоеваній на берегахъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. Чтобы обезпечить Петербургъ отъ возможности шведскаго вторженія, Петръ и его ближайшіе преемники удержали въ рукахъ Россіи южную часть Кексгольмской губерніи и городъ Выборгъ. Это завоеваніе привело русскихъ къ тѣснымъ сношеніямъ съ финляндцами и позволило петербургскому правительству, если не создать, то, по крайней мѣрѣ, поддерживать родъ агитаціи въ пользу автономіи.

Воспользовавшись новой войной со Швеціей, импера-

трица Елизавета обнародовала въ 1742 году манифестъ, въ которомъ объявляла себя готовой признать за Финляндіей независимость. Финляндцы должны были въ теченіе войны присягнуть Елизаветѣ на вѣрность, но по Аббоскому миру въ 1743 году Россіи удалось удержать за собой лишь остатокъ Кареліи, изъ которой была образована Выборгская губернія. Съ этого момента въ Финляндіи нарождается партія, склонная къ возстановленію старыхъ границъ съ перемѣной государя. По плану этой партіи, Финляндія должна была стать государствомъ либо совершенно, либо полу-независимымъ отъ России. Въ пользу первой части этой альтернативы однимъ финскимъ патріотомъ, Спренгтпортеномъ, была написана и представлена Екатеринѣ II докладная записка; императрица одобрила ее, собственноручно написавъ одну фразу, которая показывала, что независимость Финлядіи она считаетъ выгодной для Россіи. Въ 1788 году обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ Екатерина II обѣщала финляндцамъ признать за ними автономію и приглашала ихъ созвать сеймъ для ея объявленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Александръ I, неизмѣнно заявлявшій о своей готовности продолжать политику бабушки, усвоилъ себѣ тотъ же взглядъ на необходимость созданія новаго національнаго государства—Финляндіи для воспрепятствованія будущимъ конфликтамъ со Швеціей. Въ 1808 году генералъ Кутузовъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Спренгтпортеномъ и получилъ отъ него докладную записку, приглашавшую императора высказаться за независимость Финляндіи и возвратить послѣдней выборгскую губернію. Какъ мы это увидимъ, оба совѣта были выполнены императоромъ въ 1811 году. Но уже въ 1808 году главнокомандующій русской арміей въ Финляндіи, Буксгевденъ, обнародовалъ манифестъ, выражавшій тѣ же взгляды, какіе были сформулированы и Спренгтпортеномъ. На нѣкоторое время и какъ результатъ крупныхъ военныхъ успѣховъ, идея финляндской автономіи смѣнилась въ умѣ Александра мыслью о простомъ присоединеніи съ предоставленіемъ затѣмъ нѣкоторыхъ привиллегій. Но новыя неудачи открыли вскорѣ глаза императору на всю выгодность для него плана Спренгтпортена, и въ манифестѣ отъ іюня 1808 года Александръ обѣщалъ финскому народу, что его старинные законы будутъ въ точности, или, какъ онъ выразился, полностью сохранены. 30-го ноября того же года онъ принялъ финскую депутацію, отъ имени которой, Маннергеймъ сказалъ царю, что финляндскій народъ-народъ свободный, подчиняющійся своимъ собственнымъ законамъ,

и что онъ вѣритъ обѣщанію государя уважать его религію, права и вольности. На ходатайство Маннергейма о разрѣшеніи созвать общее собраніе представителей страны былъ данъ 7-го января 1809 года благопріятный отвѣтъ. Такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли Александръ, въ первый разъ титулуясь не только императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ, но и великимъ княземъ финляндскимъ, созвалъ въ Борго финляндскій сеймъ. Сперанскій, ближе всѣхъ стоявшій къ царю и пользовавшійся въ то время полнымъ его довѣріемъ, поручилъ финляндцу Ребгендеру выработать планъ этого созыва сообразно со старинными шведо-финскими законами.

27-го марта 1809 года императоръ лично отправился въ Борго, гдѣ подписалъ слѣдующій актъ: „Волею Всевышняго получивъ во владѣніе великое княжество финляндское, Мы желаемъ настоящимъ подтвердить и закрѣпить религію, основные законы княжества и права и привилегіи, которыми, согласно съ конституціями, пользовались каждое сословіе въ отдѣльности и всѣ жители въ общемъ, великіе и малые. Мы обѣщаемъ сохранить эти преимущества и законы въ полной силѣ безъ всякихъ измѣненій“. Конституціи, о которыхъ упоминаетъ императоръ, относятся къ 1772 и 1789 г.г. Обѣ онѣ даны были Швеціи, а значитъ и Финляндіи, какъ входившей въ составъ Швеціи. Конституція 1772 года возстановила права сейма въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они были утверждены въ 1723 году, и права короля. Тридцать девятый параграфъ этого документа, называемый regerings form, объявлялъ, что сословія королевства не могли измѣнить основные законы безъ согласія короля, а сороковой— что король не могъ издать новый законъ, ни отмѣнить старый безъ согласія сословій (штатовъ). Конституція 1789 г. усилила право короля, отдавъ въ его руки направленіе иностранной политики и законодательную инціативу. Штаты сохранили, однако же, свое право обсужденія бюджета и всѣхъ судебныхъ реформъ. Оба эти акта объявлены были сеймомъ основными, ненарушимыми и неизмѣнными. И именно эти конституціи, а не сводъ гражданскихъ законовъ 1734 года думалъ подтвердить Александръ, хотя нѣкоторые русскіе авторы и пытаются доказать противное, основывая свои заключенія на столь смѣшныхъ данныхъ, какъ, например, слѣдующее: русскій текстъ акта употребляетъ слово „коренные законы“ вмѣсто „основные законы“. Однако, изученіемъ современныхъ юридическихъ актовъ легко было установлено, что оба термина имѣли одно и то же значеніе. Но какъ бы то ни было, намѣреніе императора сохранить

не только гражданскія, но и политическія учрежденія Финляндіи ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его, произнесенныхъ при открытіи сейма въ Борго: „я обѣщалъ сохранить ваши конституціи и основные законы; настоящее ваше собраніе является гарантіей моего обѣщанія; это собраніе есть поворотный пунктъ въ вашемъ политическомъ существованіи, ибо ему предназначено закрѣпить тѣ узы, которыя связываютъ васъ съ новымъ порядкомъ вещей, и права, предоставленныя мнѣ военной удачей, дополнить правами, болѣе дорогими моему сердцу и болѣе соотвѣтствующими моимъ принципамъ, правами, рождающимися изъ чувства любви и преданности“. Сверхъ того, въ этой же самой рѣчи императоръ говоритъ о финляндскомъ отечествѣ, о финскомъ народѣ, о населеніи великаго княжества, стоящихъ отнынѣ въ ряду народовъ, управляющихся своими собственными законами.

Если же Россія есть и была уже самодержавной во время составленія актовъ и произнесенія словъ, только что нами упомянутыхъ, если вся верховная власть въ государствѣ цѣликомъ находилась и находится до сихъ поръ въ рукахъ императора, то не вполнѣ понятно, почему не связываютъ эти торжественныя заявленія и почему бы они требовали новаго подтвержденія въ мирномъ договорѣ, какъ фридрихсгамскій, которому надлежало лишь урегулировать взаимныя отношенія воюющихъ сторонъ, Россіи и Швеціи. Правда, шведское правительство обратило вниманіе правительства Александра на необходимость ввести въ договоръ параграфъ въ пользу сохраненія въ Финляндіи свободы совѣсти и старыхъ законовъ и привилегій; но просьба эта была отклонена на томъ лишь, повидимому, основаніи, на которое ссылался русскій уполномоченный, что его величество завоевалъ себѣ любовь финляндцевъ и былъ признанъ ими верховнымъ государемъ еще до заключенія мирнаго договора и что въ качествѣ ихъ государя его величество открылъ собраніе сословій великаго княжества.

Вотъ каково происхожденіе неполнаго присоединенія Финляндіи къ россійской имперіи. Посмотримъ теперь, какова была судьба свободныхъ представительныхъ учрежденій, дарованныхъ императоромъ его новымъ подданнымъ. Періодъ, слѣдовавшій за присоединеніемъ Финляндіи, не былъ благопріятнымъ для автономныхъ учрежденій. Война за національное существованіе Россіи, веденная противъ Наполеона, до такой степени поглощала всѣ матеріальныя и духовныя силы имперіи, что не оставалось времени для созыва представительныхъ собраній. Затѣмъ наступила эпоха

Священнаго Союза съ его серіей конгрессовъ, собиравшихся не столько для обезпеченія международнаго мира, сколько для подавленія свободной мысли и всякаго рода либеральныхъ движеній. И Александръ, неоднократно посвящавшій не только своихъ совѣтниковъ и министровъ, но даже и иностранныхъ посѣтителей, какъ госпожу де Сталь (de Stael), въ свой планъ конституціоннаго устройства Россіи, отложилъ исполненіе этого плана на неопредѣленный срокъ.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, зная о различныхъ заговорахъ его собственныхъ чиновниковъ въ цѣляхъ достиженія политическихъ реформъ, онъ горько жаловался своимъ приближеннымъ, что революціонеры, стремясь къ осуществленію его собственныхъ идей, поставили его въ полную невозможность преслѣдовать ихъ со всею строгостью. Но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы взять на себя инидіативу въ реформахъ, ставшихъ необходимыми. Боясь вызвать еще большее возбужденіе, онъ не созывалъ даже новыхъ сеймовъ ни въ Польшѣ, ни въ Финляндіи—право, предоставленное по финляндской конституціи одному лишь императору. Самодержавный Николай I, подавивъ возстаніе 1825 года, воздержался отъ всякаго новаго созыва финляндскихъ представителей. Такимъ образомъ, сеймъ не имѣлъ случая засѣдать; но такъ какъ никакая политическая свобода не можетъ быть уничтожена потому лишь, что вышла изъ употребленія, то изъ указанныхъ фактовъ нельзя сдѣлать выводъ, будто финляндская конституція перестала существовать. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, по восшествіи на престолъ, Александръ II издалъ манифестъ, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы его финляндскіе подданные пользовались всѣми правами и привилегіями, предоставленными имъ основными законами и особыми статутами. Два года спустя, въ 1859 году, финляндскому сенату предложено было составить списокъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія ихъ сословіями; этотъ списокъ былъ представленъ императору въ 1861 году и въ слѣдующемъ манифестѣ Александръ II возобновилъ свое обѣщаніе созвать сеймъ, какъ только обстоятельства позволятъ. Этотъ созывъ имѣлъ, наконецъ, мѣсто въ 1863 г.

Во французской рѣчи, произнесенной императоромъ по случаю открытія гельсингфорскаго сейма, его величество сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее заявленіе: „Вамъ предстоитъ высказаться о необходимости и размѣрахъ предлагаемыхъ мною налоговъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ основныхъ законовъ не отвѣчаютъ нуждамъ, которыя проявились со времени присоединенія великаго княжества, то

я намѣренъ поручить кому либо выработку новаго закона въ истолкованіе и дополненіе законовъ основныхъ. Новый сеймъ, который будетъ созванъ черезъ три года, займется разсмотрѣніемъ этого проекта. Далѣе, оставляя совершенно неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, который соотвѣтствуетъ нравамъ и обычаямъ этого народа и которымъ проникнуты всѣ его законы и учрежденія, я намѣренъ расширить принадлежащее уже сейму право опредѣленія размѣровъ и числа налоговъ и возстановить нѣкогда принадлежавшее ему право инициативы („очевидно, до шведской конституціи 1789 года)". Александръ II оставлялъ за собою право инициативы лишь въ вопросѣ объ измѣненіи основныхъ законовъ и выразилъ надежду, что доброе согласіе между нимъ и сеймомъ дастъ ему возможность созывать послѣдній періодически. Въ 1869 году этотъ же императоръ утвердилъ новое положеніе о сеймѣ, выработанное назначенною народными представителями комиссіей. Въ этомъ положеніи былъ провозглашенъ принципъ періодическаго, черезъ каждыя пять лѣтъ, созыва сейма; никакой изъ основныхъ законовъ не долженъ былъ быть отмѣненъ или измѣненъ иначе, какъ съ согласія всѣхъ сословій и по исключительной инициативѣ императора и великаго князя.

Это положеніе было объявлено основнымъ закономъ, и, утверждая его, императоръ обѣщалъ пользоваться правомъ, предоставленнымъ ему конституціями 1772 и 1789 г. г. Въ царствованіе Александра II (въ 1867 году) сеймъ равнымъ образомъ участвовалъ въ выработкѣ новаго закона объ арміи. Былъ принятъ принципъ всеобщей воинской повинности, но на томъ условіи, чтобы финляндцы служили лишь въ предѣлахъ Финляндіи и подъ командой финляндскихъ офицеровъ. Правила эти признаны были составляющими основной законъ и, слѣдовательно, не подлежащими никакимъ измѣненіямъ иначе, какъ съ согласія всѣхъ сословій и по инициативѣ императора.

Хотя въ царствованіе его преемника, Александра III, начали ходить слухи о желаніи правительства положить конецъ финляндской автономіи, однако мирное развитіе учрежденій этой страны шло обычнымъ путемъ. Исполняя обѣщаніе, данное еще Александромъ II, новый императоръ предоставилъ сейму въ 1886 году право предложеній по всѣмъ вопросамъ, кромѣ касавшихся основныхъ законовъ, арміи и флота и законодательства о печати. По этому поводу въ высочайшемъ указѣ снова былъ упомянутъ старый принципъ, въ силу котораго никакія измѣненія не допускаются въ положеніи страны безъ согласія сейма.

Но, вопреки всѣмъ этимъ обѣщаніямъ, поведеніе высшихъ сферъ по отношенію къ Финляндіи становилось все болѣе и болѣе подозрительнымъ и вызывающимъ. Одно только назначеніе на постъ генералъ-губернатора Финляндіи (то есть представителя царской власти въ великомъ княжествѣ) генерала Бобрикова, извѣстнаго своей ненавистью ко всякаго рода національной независимости, ненавистью, проявленною имъ по отношенію къ нѣмцамъ въ теченіе его долгаго пребыванія въ балтійскихъ губерніяхъ,—одно это назначеніе вызвало сильныя опасенія. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало новое назначеніе—смѣшанной комиссіи, въ которой русскіе чиновники были въ большинствѣ и задачу которой составляла выработка проекта объединенія почтоваго, финансоваго и таможеннаго управленія въ Россіи и Финляндіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по открытіи сейма предсѣдатели четырехъ сословій обратились къ императору съ протестомъ. Это заставило послѣдняго объявить „дорогимъ сердцу Нашему“ финляндскимъ подданнымъ, что онъ по прежнему проникнутъ къ нимъ чувствомъ благосклонности и довѣрія и намѣренъ сохранить права и привилегіи, дарованныя финляндцамъ русскими монархами.

Болѣе серьезныя затрудненія возникли въ теченіе настоящаго царствованія. Ихъ источникомъ явилось желаніе военнаго министра увеличить военныя силы великаго княжества, ввести ихъ въ составъ русской арміи и заставить служить за предѣлами великаго княжества и подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ. Генералъ-губернаторъ Бобриковъ объявилъ сейму, созванному въ чрезвычайную сессію, что военная реформа будетъ введена даже безъ согласія четырехъ сословій. Такимъ образомъ, проектъ новаго закона былъ представленъ не для обсужденія и принятія его сеймомъ, а исключительно для полученія его мнѣнія по данному вопросу. Это происходило въ началѣ 1899 года. Нѣсколько недѣль спустя, былъ обнародованъ подписанный государемъ манифестъ, къ которому были присоединены такъ называемыя *основныя правила* съ обычной формулой: „Быть по сему“. Въ манифестѣ было сказано, что Финляндія пользуется особыми исполнительными и судебными учрежденіями, приспособленными къ мѣстнымъ условіямъ, но что рядомъ съ вопросами мѣстнаго законодательства, возникающими изъ особаго характера общественнаго строя Финляндіи, имѣются и другіе вопросы, касающіеся политическаго управленія страны, и что эти послѣдніе слишкомъ тѣсно связаны съ общими нуждами россійской имперіи, чтобы ихъ можно было предоставить исключительному вѣдѣнію учрежденій

великаго княжества. О способѣ разрѣшенія такихъ дѣлъ точныхъ правилъ въ законахъ Финляндіи нѣтъ; этотъ пробѣлъ вызываетъ крупныя неудобства. „Чтобы избѣжать ихъ“ — продолжаетъ императоръ—„Мы сочли за благо дополнить существующее законодательство установленіемъ постояннаго порядка, въ которомъ будутъ выработываться и обнародываться законы общаго для всей имперіи интереса“. Вслѣдствіе этого новыя основныя правила объявляютъ, что въ такихъ вопросахъ сеймъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ, рѣшеніе же будетъ приниматься государственнымъ совѣтомъ и императоромъ.

Подобныя правила являлись несомнѣннымъ нововведеніемъ. Невозможно было сопоставить ихъ съ обѣщаніями, данными сейму тремя Александрами. Критикуя ихъ, одинъ изъ членовъ датскаго верховнаго суда, Нигольмъ (Nyholm), вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что относительно всѣхъ законовъ, примѣняемыхъ въ Финляндіи, законодательная власть должна отправляться государемъ и сеймомъ; что конституція великаго княжества не говоритъ о законодательной власти государственнаго совѣта; что введенныя императоромъ новыя правила ограничиваютъ права сейма, предостовляя ему лишь совѣщательный голосъ въ вопросахъ общаго интереса, и что подобное нововведеніе тѣмъ болѣе опасно, что вопросы эти не перечислены и, такимъ образомъ, опредѣленіе ихъ всецѣло предоставляется монарху.

Газеты пространно оповѣщали міръ о дальнѣйшихъ событіяхъ: какъ финляндскій сенатъ, хотя и согласившійся большинствомъ одного голоса на обнародованіе манифеста, единодушно высказался за торжественный протестъ противъ незаконности новыхъ правилъ. Сеймъ послѣдовалъ его примѣру, и президенты различныхъ сословій попросили у императора аудіенціи для представленія ему заявленій сейма. Но они не могли ея добиться. Пятьсотъ почетныхъ граждадъ Финляндіи доставили въ Петербургъ петицію, покрытую пятью стами двадцатью тремя тысячами подписей. Имъ приказано было уѣхать. Иностранные публицисты, государственные дѣятели и профессора университетовъ также подписали родъ протеста, и одинъ изъ нихъ, недавній министръ юстиціи Франціи, Трарье, съ такимъ же успѣхомъ добивался личнаго свиданія съ императоромъ по этому поводу. Отъ поры до времени его величество заявлялъ о томъ, насколько огорчаетъ его предположеніе, будто онъ нарушилъ свое слово или что его личное вмѣшательство въ опредѣленіе того, какіе вопросы представляютъ общій интересъ, не было принято въ Финляндіи, какъ лучшая гарантія сохраненія ея

мѣстнаго управленія. Но эти платоническія заявленія произвели не большее дѣйствіе, чѣмъ зажиманіе рта финляндской прессѣ. Хотя сеймъ и согласился увеличить численность войскъ съ пяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ и разрѣшить этимъ войскамъ, въ случаѣ войны, оставить страну, если защита княжества не требуетъ ихъ присутствія, но сословія всегда продолжали и продолжаютъ протестовать противъ неконституціоннаго характера мѣръ, недавно принятыхъ императорскимъ правительствомъ. На засѣданіи сейма 13-го января 1900 года глава дворянъ, такъ называемый предводитель земли, настаивалъ на томъ фактѣ, что Финляндія не совершила никакого поступка, который бы позволилъ думать, что она потеряла свои права. Архіепископъ поддерживалъ то положеніе, что внутренній миръ невозможенъ, пока право не восторжествуетъ надъ силой. Представитель горожанъ настаивалъ на чувствѣ законности, присущемъ финскому народу, который полагаетъ, сказалъ онъ, что каждый—великій, какъ и малый—обязанъ склониться передъ волею закона. И тальманъ, или ораторъ крестьянъ, освѣтилъ тотъ печальный фактъ, что чрезвычайное увеличеніе числа финляндскихъ эмигрантовъ въ Америку является прямымъ слѣдствіемъ несчастнаго положенія страны.

Если мы спросимъ себя, какія цѣли можетъ преслѣдовать это несвоевременное посягательство на однажды ужъ признанныя вольности, намъ чрезвычайно трудно будетъ найти удовлетворительный отвѣтъ. Никакой политическій заговоръ никогда даже и въ мысляхъ не существовалъ у финляндцевъ; въ странѣ не было никакого сепаратистскаго движенія; лояльность финскаго народа и его преданность царствующей династіи никогда и никѣмъ не подвергалась сомнѣнію. Тринадцать лѣтъ тому назадъ во время своего продолжительнаго пребыванія въ Стокгольмѣ, куда онъ былъ приглашенъ для чтенія лекцій, авторъ имѣлъ возможность встрѣчаться съ финляндцами, принадлежавшими къ лучшему обществу; всѣ они питали чувства симпатіи къ императорской фамиліи и глубокую ненависть ко всѣмъ недовольнымъ въ Россіи. Возникаетъ вопросъ: не пришли ли они къ тому выводу, что мирному развитію ихъ учрежденій угрожаетъ тотъ самый союзъ національзма съ самодержавіемъ, который считается величайшей преградой и на пути къ свободѣ Россіи? Возможно, что такъ неожиданно свалившееся на нихъ бѣдствіе открыло имъ глаза на необходимость лучшаго знакомства съ тѣмъ, что происходитъ въ остальной части имперіи, и болѣе разумнаго выбора себѣ союзниковъ на будущее время. Авторъ желалъ бы видѣть ихъ всту-

пившими на этотъ новый путь, но онъ не вполнѣ увѣренъ въ этомъ въ виду значительной разницы между демократическими тенденціями русскаго общественнаго мнѣнія и аристократической исключительностью финновъ. И возможно, что этой тенденціей Финляндія обязана тому обстоятельству, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ она одна удержала свою почти средневѣковую организацію сейма изъ четырехъ отличныхъ одна отъ другой камеръ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ представителей только одного сословія. Эта организація—шведскаго происхожденія, но сама Швеція оставила ее въ 1866 году. Что же касается Финляндіи, то новымъ статутомъ 1869 года четыре сословія были удержаны. Рыцарству и дворянству также предоставлена особая камера, несмотря на сравнительно ограниченное число дворянскихъ родовъ—всего 241; каждый родъ имѣетъ право посылать своего представителя. Обыкновенно это право осуществляется черезъ старѣйшаго члена рода; въ случаѣ же его нежеланія, онъ можетъ быть замѣненъ какимъ-нибудь другимъ дворяниномъ изъ того же или даже изъ другого рода. Это же дворянство, по статуту 1809 года, имѣетъ право на половину, по меньшей мѣрѣ, креселъ въ сенатѣ.

Духовенство также пользуется правомъ собираться въ особой камерѣ. Дѣло идетъ, вполнѣ понятно, о духовенствѣ лютеранскомъ исключительно; другія исповѣданія терпимы, но въ отправленіи государственной власти участія не принимаютъ. Изъ принадлежащихъ духовенству тридцати восьми голосовъ три находятся въ распоряженіи архіепископа и двухъ епископовъ, двадцать восемь принадлежатъ выборнымъ отъ приходскихъ священниковъ, а остальные распредѣлены между университетомъ и делегатами школьныхъ учителей, до 1889 года набиравшихся исключительно изъ лютеранъ; по отношенію къ учителямъ исторіи это правило остается въ силѣ по сіе время.

Представители городовъ составляютъ камеру отдѣльно отъ высшихъ сословій и отъ крестьянъ. Число депутатовъ отъ одной городской коммуны зависитъ отъ числа ея жителей; одинъ выборный полагается на шесть тысячъ душъ. Избирательная коллегія состоитъ въ городахъ изъ всѣхъ плательщиковъ мѣстныхъ налоговъ, за исключеніемъ высшихъ сословій, солдатъ и домашней прислуги. Выборы бываютъ одно—и многостепенные въ зависимости отъ мѣстныхъ постановленій; во многихъ городахъ введенъ множественный вотумъ, такъ что одно лицо можетъ имѣть два, три и болѣе голосовъ, смотря по размѣрамъ платимыхъ имъ налоговъ; наиболѣе обложенныя имѣютъ до двадцати пяти

голосовъ. Изъ этого видно, что плутократія играетъ въ Финляндіи крупную роль въ дѣлѣ управленія государственными дѣлами. Всѣ города вмѣстѣ посылаютъ пятьдесятъ восемь депутатовъ, изъ коихъ десять приходятся на Гельсингфорсъ и пять на Або. Что касается крестьянъ, то число ихъ представителей, образующихъ особую камеру, равно числу судебныхъ округовъ—всего шестидесяти двумъ. Здѣсь выборы двухъ-степенные – сначала делегатовъ, а затѣмъ ужъ депутатовъ. Право голоса предоставлено всѣмъ плательщикамъ податей. число же принадлежащихъ каждому голосовъ зависитъ отъ размѣра платимыхъ имъ личныхъ налоговъ, — новое подтвержденіе того факта, что богатые классы поставлены въ наиболѣе благопріятныя условія въ дѣлѣ пользованія своими политическими правами. Чтобы стать депутатомъ, необходимо быть христіаниномъ и имѣть, по крайней мѣрѣ. двадцать пять лѣтъ. Статутъ сейма гласитъ. что при отправленіи своихъ обязанностей депутаты ничѣмъ не связаны, кромѣ необходимости соблюдать основные законы. Это не мѣшаетъ имъ находиться въ зависимости отъ своихъ избирателей и преслѣдовать задачи класса — тѣмъ болѣе, что вести дебаты и принимать рѣшенія они должны не въ общемъ собраніи, а въ соотвѣтствующихъ камерахъ. Всякій законъ, кромѣ основныхъ, считается принятымъ, если три камеры высказываются за его принятіе. Для внесенія измѣненій въ конституцію требуется единогласный вотумъ всѣхъ четырехъ камеръ. Высшая судебная власть принадлежитъ тому же учрежденію, что и исполнительная—финляндскому сенату, извѣстному вначалѣ подъ именемъ „совѣта". Его президентъ, генералъ-губернаторъ и президенты четырехъ камеръ назначаются императоромъ; эти послѣдніе не имѣютъ рѣшающаго голоса. Судебныя и исполнительныя функціи распредѣлены между секціями сената слѣдующимъ образомъ: одна изъ этихъ секцій является апелляціоннымъ судомъ и имѣетъ право во всѣхъ случаяхъ, кромѣ требующихъ назначенія смертной казни, давать императору указанія о примѣненіи имъ своего права—права помилованія: хозяйственная секція вѣдаетъ все гражданское управленіе великаго княжества и въ то же время представляетъ родъ административнаго суда, которому можно жаловаться на дѣйствія чиновниковъ. Что же касается общаго засѣданія всѣхъ департаментовъ сената, то оно занимается исключительно тѣми дѣлами, которыя бываютъ поручены ему императорскимъ указомъ.

Переписка императора съ финляндской администраціей ведется черезъ посредство статсъ-секретаря по дѣламъ Фин-

ляндіи, находящагося въ Петербургѣ. Этотъ постъ поручался чрезвычайно опытнымъ политическимъ дѣятелямъ, вродѣ Сперанскаго. Въ настоящее время онъ совершенно замѣнилъ коммиссію по финляндскимъ дѣламъ, состоявшую изъ государственныхъ дѣятелей великаго княжества и, благодаря этому имѣвшую возможность давать государю хорошіе совѣты въ дѣлахъ, касавшихся Финляндіи.

Этотъ бѣглый очеркъ финляндской конституціи, которымъ заканчивается настоящая книга, быть можетъ, приведетъ читателя къ мысли, что, хотя и невозможно сомнѣваться въ необходимости защищать относительную автономію Финляндіи, но не слѣдуетъ смотрѣть на ея политическія учрежденія, какъ на неподлежащія критикѣ. Они, дѣйствительно, противны демократическимъ тенденціямъ нашего времени, и нужно надѣяться, что какъ только нынѣшнія затрудненія отойдутъ въ область прошлаго и финляндскій сеймъ перестанетъ бояться за сохранность вольностей и привилегій страны, въ великомъ княжествѣ зародится движеніе въ пользу преобразованія его устарѣлыхъ учрежденій. Чѣмъ раньше это случится, тѣмъ живѣе будутъ чувства симпатіи и уваженія передовыхъ партій Россіи къ ихъ предшественникамъ въ великой борьбѣ за соціально-политическое переустройство имперіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Типографія Б. М. Вольфа, Спб. Невскій, 126 (уг. Суворовск.).

